

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Т.Н. Агапова,

доктор экономических наук, профессор

С.В. Алексеев,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ, Почетный работник науки и техники РФ

Ю.М. Антонян,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Ю.Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук, профессор,
академик РАН

А.В. Барков,

доктор юридических наук, профессор

И.С. Барчуков,

доктор педагогических наук, профессор

А.Р. Белкин,

доктор юридических наук, профессор,
академик РАН

Е.В. Богданов,

доктор юридических наук, профессор

Р.П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор

Ю.В. Гнездова,

доктор экономических наук, доцент

М.Т. Громкова,

доктор педагогических наук, профессор

Л.П. Дашков,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАН

Д.В. Дианов,

доктор экономических наук, профессор

О.Д. Жук,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник прокуратуры РФ,
академик РАН

С.В. Иванцов,

доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,

доктор юридических наук, профессор

Р.В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

Н.Г. Кадников,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

T.N. Agapova,

doctor of economic sciences, professor

S.V. Alekseev,

doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher professional education of Russia,
Honorary worker of science and technology of Russia

Yu.M. Antonyan,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

Yu.T. Akhvediani,

doctor of economic sciences, professor,
member of RANS

A.V. Barkov,

doctor of legal sciences, professor

I.S. Barchukov,

doctor of pedagogical sciences, professor

A.R. Belkin,

doctor of legal sciences, professor,
member of RANS

E.V. Bogdanov,

doctor of legal sciences, professor

R.P. Bulyga,

doctor of economic sciences, professor

Ju.V. Gnezdova,

doctor of economic sciences, associate professor

M.T. Gromkova,

doctor of pedagogical sciences, professor

L.P. Dashkov,

doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia,
member of RANS

D.V. Dianov,

doctor of economic sciences, professor

O.D. Zhuk,

doctor of legal sciences, professor,
Honorary prosecutor of Russia,
member of RANS

S.V. Ivantsov,

doctor of legal sciences, professor

O.Yu. Il'ina,

doctor of legal sciences, professor

R.V. Ilyukhina,

doctor of economic sciences, professor

N.G. Kadnikov,

doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher professional education
of the Russian Federation

Р.А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

И.А. Калинин,
кандидат педагогических наук

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего образования РФ

В.Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

М.А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

И.И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.А. Крылов,
доктор экономических наук, профессор

Е.И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н.П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А.А. Ласкин,
доктор педагогических наук

И.А. Майбуков,
доктор экономических наук, профессор

Н.П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ,
Заслуженный деятель науки РФ

М.М. Максимцов,
доктор экономических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

В.П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

В.Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

Е.Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

Г.Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

R.A. Kalamkaryan,
doctor of legal sciences, professor

I.A. Kalinichenko,
candidate of pedagogical sciences

V.P. Kamyshanskiy,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher education of Russia

V.G. Kogdenko,
doctor of economic sciences, professor

N.A. Kolokolov,
doctor of legal sciences, professor

M.A. Komarov,
doctor of economic sciences, professor

I.I. Kotlyarov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.A. Krylov,
doctor of economic sciences, professor

E.I. Kuznetsova,
doctor of economic sciences, professor

N.P. Kupreshchenko,
doctor of economic sciences, professor

A.A. Laskin,
doctor of pedagogical sciences

I.A. Maybuov,
doctor of economic sciences, professor

N.P. Maylis,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia,
Honored worker of science of Russia

M.M. Maksimtsov,
doctor of economic sciences, professor,
Honorary worker of higher professional
education of Russia

V.P. Malakhov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

V.B. Mantusov,
doctor of economic sciences, professor

E.E. Matveeva,
doctor of economic sciences, associate professor

G.B. Mirzoev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.L. Mironov,
candidate of legal sciences, associate professor

N.V. Mikhaylova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

Р.С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Ф.Г. Мышко,
доктор юридических наук

А.Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук, доктор исторических наук

А.М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

В.С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

А.А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

В.Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор

С.Г. Симагина,
доктор экономических наук, доцент

А.В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

А.М. Столяренко,
доктор психологических наук,
доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Л.В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

И.В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

В.Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О.В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

R.S. Mulukaev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia, member of RANS

F.G. Myshko,
doctor of legal sciences

A.Yu. Oлимпiev,
candidate of legal sciences, doctor of historical sciences

A.M. Osavelyuk,
doctor of legal sciences, professor

V.S. Osipov,
doctor of economic sciences, professor

G.B. Polyak,
doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of science of Russia, member of RANS

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences, professor

S.G. Simagina,
doctor of economic sciences, associate professor

A.V. Simonenko,
doctor of legal sciences, professor

A.M. Stolyarenko,
doctor of psychology sciences,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

L.V. Tumanova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

I.V. Ul'yanova,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

V.Yu. Fedorovich,
candidate of legal sciences, associate professor

O.V. Khimicheva,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher professional education
of the Russian Federation

N.M. Chepurnova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.P. Shergin,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of legal sciences,
doctor of economic sciences, professor,
winner of an Award of the Government of Russia
in the field of science and technology

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-27627
от 16 марта 2007 г.

Перерегистрировано:
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-62944
от 31 августа 2015 г.

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор*
Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
М.В. Саудаханов
кандидат юридических наук

*В подготовке номера
участвовали:*
**М.И. Никитин,
Л.С. Антоненко,
Д.Е. Барикаева**

Верстка
М.Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГКОУ ВО
**«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»**

117437, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16

Индекс по каталогу Агентства
«Роспечать» — 81108
Подписано в печать
22.01.2019 г.
Цена свободная

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 1 • 2019

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**III ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция
«Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития»**

Гаврилов Б.Я. О некоторых проблемах повышения роли прокурора в уголовном судопроизводстве: видение ученого и практика	8
Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция?	15
Гирько С.И. Современное состояние и стратегия развития уголовно-процессуальной компетенции уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	26
Николюк В.В. Стратегия развития законодательства об исполнении приговора в представлениях российских судей	30
Гриненко А.В. Привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения и допрос обвиняемого по законодательству Российской Федерации и иных государств — членов СНГ	34
Халиулин А.Г. Проблемы пересмотра приговоров апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции	37
Победкин А.В. Уголовное судопроизводство как не востребуемое средство воспитания человека	40
Агутин А.В. Ценностно-смысловое ядро и либеральное мировоззрение российского уголовного судопроизводства	46
Безруков С.С. Застарелые проблемы и неопределенные перспективы стадии возбуждения уголовного дела	53
Мичурин О.В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от следственной проверки до квазирасследования	56
Тисен О.Н. Актуальные проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве	61
Ендольцева А.В. Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы	64
Росинский С.Б. Обеспечение защитника с момента фактического задержания: как превратить правовую утопию в действительную гарантию	68
Шаров Д.В. Цели применения мер пресечения: взгляд адвоката (тезисы)	72
Шурухнов Н.Г., Пушкин А.В. Конкретизация положений о недопустимости разглашения данных предварительного расследования	75
Сумин А.А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства	79
Марковичева Е.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения	82
Волынская О.В., Грашичева О.Н. Заочное производство в сфере уголовно-процессуальной деятельности	84
Терехов А.Ю., Терехов М.Ю., Григорьев И.Б. О некоторых особенностях правоприменительной практики при производстве следственных действий и обеспечении собственной безопасности системы МВД России при получении сведений, составляющих врачебную тайну	87
Невский С.А. Правовой статус военных прокуроров по Военно-судебному уставу 1867 г.	95
Цветков Ю.А. Уголовно-процессуальная геополитика и российская модель досудебного производства	98
Клещина Е.Н. Возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением: проблемы законодательной регламентации и правоприменения	104
Есина А.С., Жамкова О.Е. Проблемные вопросы при обеспечении реализации права на защиту в ходе досудебного производства	107
Угольников Н.В., Гурдин С.В. Некоторые вопросы процессуального статуса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого уголовное дело выделяется в отдельное производство	111
Васюков В.Ф., Колычева А.Н. Осмотр и фиксация страниц интернет сайта в сети Интернет	115

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).
Отпечатано в типографии
«Буки Веди» ООО «Ваш
полиграфический партнер»
Москва, Ильменский пр-д., д. 1,
корп. 6
Тел. 8 (495) 926-63-96

Григорьева Н.В. Защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации..	119
Сопнева Е.В. Критерии определения прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении	122
Андреев А.В. Соотношение изменения обвинения и частичного прекращения уголовного преследования.....	125
Соломатина А.Г. Актуальные проблемы обеспечения гражданского иска при производстве о применении принудительных мер медицинского характера....	128

Ахмедов Р.М. Фактическое воплощение «божественной» монархии в истории мировых цивилизаций: опыт Древнего Египта.....	133
Фадеев В.Н., Тэсс Л.В. Онтология и антология криминологии будущего (часть 1 — XVIII–XIX вв.).....	138
Мышко Ф.Г., Васильева К.В., Попов В.В., Стрельникова И.А. Тенденции правового регулирования гражданских и конкурентных отношений в сфере цифровой экономики	155
Батюкова В.Е. К вопросу о применении нормы, предусмотренной ст. 176 УК РФ.....	160
Русскевич Е.А. Об уголовно-правовой политике в условиях построения цифровой экономики Российской Федерации.....	163
Оганов А.А. Оперативно-разыскная характеристика киберпреступлений в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	169
Ручкина Г.Ф. К вопросу о регистрации снятия ареста с недвижимого имущества по истечении срока наложения обременения судом общей юрисдикции.....	174
Богатырев В.В., Каламкарян Р.А. Имплементация международного права во внутригосударственный правовой порядок России	179
Смирных С.Е. Субъективные права детей в современном международном праве	184
Константинов А.В., Дульнев М.В. Государственное управление образовательной деятельностью: современное правовое регулирование, коллизии и способы их устранения.....	188
Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В. Проблемные вопросы в правовом регулировании деятельности органов внутренних дел на транспорте.....	193

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барикаева А.Ф. О формировании политики клиентоориентированности в АПК России как инструменте обеспечения продовольственной безопасности.....	197
Быковская Ю.В. Проблемы финансового контроля в современной России и пути их решения	202
Гасиева З.П., Кайтмазов В.А. Некоторые аспекты развития налогового администрирования (на примере РСО-Алания)	210
Каширская Л.В., Ситнов А.А., Шамашева К.О. Организация системы внутреннего контроля и управления рисками в высших учебных заведениях... 215	
Кузнецова Н.Ю. Роль инновационного потенциала в региональной экономике России.....	227
Пухов Я.В. Некоторые аспекты осуществления торгово-посреднических операций на современном этапе развития международных экономических отношений.....	231
Эриашвили Н.Д., Григорьев А.И. Взаимозависимость — не приговор для налогоплательщика	236
Яковлев А.А. Политико-экономические аспекты перспектив оптимизации европейского направления стратегии развития Российской Федерации.....	239

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дементьев В.Л., Платонов Д.А., Капитонов В.Ю. Воспитание специальных силовых способностей у курсантов образовательных организаций МВД России... 243	
Зайцев А.А. Диагностические и статистические методы как компонент учебного процесса по физической подготовке курсантов образовательных организаций системы МВД России.....	247
Жевлакович С.С. К вопросу о совершенствовании профессионального обучения по программам профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел	251

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
the winner of the award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and technics,
doctor of economics,
candidate of law sciences,
candidate of historical sciences,
professor*

N.D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-Chief
M.V. Saudahanov
candidate of law sciences

This issue has been edited by:
M.I. Nikitin,
L.S. Antonenko,
D.E. Barikaeva

Imposition
M.E. Kiseleva

FOUNDER:
**Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot**

117437, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Editorial Staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2
Tel. 628-57-16

Zip Code at the List of the Agency
«Rospechat» — 81108
Issued
22.01.2019
The price is not fixed

VESTNIK

ECONOMICHESKOI BEZOPASNOSTI

Contents № 1 • 2019

JURISPRUDENCE

III Annual All-Russian Scientific and Practical Conference «Criminal proceedings: current status and development strategy»

Gavrilov B.Ya. About some problems of increasing the role of the prosecutor in criminal proceedings: the scientist's vision and practice	8
Golovko L.V. The digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution?	15
Gir'ko S.I. Current status and development strategy of criminal procedure competence of criminal executive system of the Russian Federation	26
Nikolyuk V.V. Strategy of development of the legislation on the enforcement of sentence views of Russian judges.....	30
Grinenko A.V. Attraction as the accused, the arraignment and interrogation of the accused under the legislation of the Russian Federation and other member countries of the CIS	34
Haliulin A.G. The problem of revision of the verdicts of the appellate and cassation courts of general jurisdiction	37
Pobedkin A.V. Criminal proceedings as an unclaimed means of educating a person	40
Agutin A.V. Value-semantic core and the liberal worldview of the russian criminal proceedings	46
Bezrukov S.S. Long-standing problems and the uncertain prospects for the stage of initiation of criminal proceedings	53
Michurina O.V. Evolution of the order of the consideration of the report on the crime: from investigation of checks to quasi investigation.....	56
Tisen O.N. Actual problems of the institute of pretrial agreement on cooperation in the Russian criminal proceedings	61
Endoltseva A.V. The prohibitions imposed on the suspect or the accused as a preventive measure: debatable question	64
Rossinskiy S.B. Securing the lawyer from the moment of suspect seizing: how can utopia be turned into an effective guarantee.....	68
Sharov D.V. The purpose of the application of preventive measures: the opinion of a lawyer (theses).....	72
Shuruhnov N.G., Pushkin A.V. Specification of regulations on inadmissibility of disclosure of data of preliminary investigation	75
Sumin A.A. Stage of enforcement of the sentence should not be present in the system of stages of criminal proceedings	79
Markovicheva E.V. Prohibition of certain actions in the system of preventive measures	82
Volynskaya O.V., Grashicheva O.N. In absentia proceedings in criminal activities.....	84
Terekhov A.Yu., Terekhov M.Yu., Grigor'ev I.B. On some peculiarities of law-enforcement practice in the production of the investigative actions and their own security system of the MIA of Russia in the obtaining of information constituting a medical secret.....	87
Nevskiy S.A. The legal status of military prosecutors according to the military judicial charter of 1867	95
Cvetkov Yu.A. Criminal procedure geopolitics and the Russian model of pre-trial proceedings	98
Kleshchina E.N. Compensation to the victim harm, caused by the crime: problems of legislative regulation and law enforcement	104
Esina A.S., Zhamkova O.E. Problem issues in ensuring the realization of the right to defense during pretrial proceedings	107
Ugol'nikova N.V., Gurdin S.V. Some questions of the procedural status of the juvenile accused (suspect) in respect of which the criminal case is allocated to a separate proceeding.....	111
Vasyukov V.F., Kolycheva A.N. Inspection and fixation of pages internet site on the Internet	115

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st release–300)
It is printed in Company
«Buki Vedi» LLC «Your Publishing
Partner»
Moscow, Hmensky pr-d, d. 1, bldg. 6
Ph. 8 (495) 926-63-96

Grigor'eva N.V. Protection of the rights and legal interests of the sustained from crimes by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation	119
Sopneva E.V. Criteria of definition of the rights of the person in whose relation the check of the report of crime is performed	122
Andreev A.V. Ratio of change of charge and partial termination of criminal prosecution	125
Solomatina A.G. Actual problems of securing a civil claim in the proceedings on the application of compulsory medical measures.....	128

Akhmedov R.M. The actual incarnation of the «divine» monarchy in the history of world civilizations: the experience of Ancient Egypt	133
Fadeev V.N., Tess L.V. Ontology and anthology of criminology of the future (part 1 — XVIII–XIX century).....	138
Myshko F.G., Vasil'eva K.V., Popov V.V., Strelnikova I.A. Trends in legal regulation of civil and competitive relations in the digital economy.....	155
Batyukova V.E. To the question of the application of the norm, provided for by Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation	160
Russkevich E.A. On the criminal law policy in the construction of the digital economy of the Russian Federation	163
Oganov A.A. Operational-search characteristic of cybercrimes against minors using information and telecommunication networks.....	169
Ruchkina G.F. The issue of registration of the withdrawal of arrest from real estate upon the expiration of the term for imposing an obligation on the court of general jurisdiction	174
Bogatyrev V.V., Kalamkaryan R.A. The implementation of international law in the domestic legal order of Russia	179
Smirnykh S.E. Subjective rights of children in modern international law	184
Konstantinov A.V., Dulnev M.V. State management of educational activities: contemporary legal regulation, conflicts and their solution.....	188
Sosnovskaya Yu.N., Markina E.V. Problem issues in the legal regulation of the activities of the internal affairs bodies in transport.....	193

ECONOMIC SCIENCE

Barikaeva A.F. Formation of the customer focus policy in the agroindustrial complex of Russia as a food security providing tool	197
Bykovskaya Yu.V. Problems of financial control in modern Russia and solutions	202
Gasieva Z.P., Kaytmazov V.A. Some aspects of development tax administration (for example, RNO-Alania)	210
Kashirskaya L.V., Sitnov A.A., Shamasheva K.O. Organization of internal control and risk management system in higher education institutions	215
Kuznetsova N.Yu. The role of innovative potential in the regional economy of Russia.....	227
Pukhov Ya.V. Some aspects of the implementation of trade and intermediary operations at the present stage of development of international economic relations.....	231
Eriashvili N.D., Grigor'ev A.I. Interdependence — is not a sentence for the taxpayer	236
Yakovlev A.A. Political and economic aspects of perspectives of optimization of European direction of strategy of development of the Russian Federation.....	239

PEDAGOGICAL SCIENCE

Dement'ev V.L., Platonov D.A., Kapitonov V.Yu. Education of special power abilities of cadets of educational organizations of the MIA of Russia	243
Zaitsev A.A. Diagnostic and statistical methods as a component of the training process on physical training of courses of educational organizations of the MIA of Russia system.....	247
Zhevlakovich S.S. To the question of the improvement of the professional training programs of professional training of employees, first adopted on service in bodies of internal affairs	251

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10001

© Б.Я. Гаврилов, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОВЫШЕНИЯ РОЛИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВИДЕНИЕ УЧЕНОГО И ПРАКТИКА

Борис Яковлевич Гаврилов,

профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Академия управления МВД России (125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Аннотация. Исследуются проблемные вопросы участия прокурора в уголовном судопроизводстве; излагаются отдельные вне-
сения в УПК РФ многочисленных изменений, а также законодательные предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: УПК РФ, уголовное судопроизводство, прокурор, процессуальные сроки, дополнительное расследование,
возбуждение уголовного дела.

ABOUT SOME PROBLEMS OF INCREASING THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE SCIENTIST'S VISION AND PRACTICE

Boris Ya. Gavrilov,

Professor, Department of Crime Investigation Management
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (125993, Moscow, ul. Zoya and Alexander Kosmodemyanskih, d. 8)

Abstract. It examines the problematic issues of the participation of the prosecutor in criminal proceedings, outlines the individual
amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as legislative proposals for its improvement.

Keywords: Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, criminal proceedings, prosecutor, procedural deadlines, additional
investigation, initiation of criminal proceedings.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Гаврилов Б.Я. О некоторых проблемах повышения роли прокурора в уголовном судопроизводстве: видение учено-
го и практика. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):8-14.

Исследуя проблемы современного уголовно-
процессуального законодательства о роли проку-
рора в судопроизводстве по уголовным делам, для
автора отправной точкой является главенствующая
роль прокурора как в досудебном производстве, так
и при поддержании государственного обвинения в
суде. Считаем также необходимым обратить внима-
ние на существующую в последние два десятиле-
тия проблему радикально-либеральных тенденций
в развитии уголовного и уголовно-процессуального
законодательства, что требует от органов прокура-
туры соответствующих мер реагирования на эти
процессы. Одновременно следует иметь ввиду, что
эти тенденции, как часть уголовно-правовой поли-
тики государства, отражают не только результаты
деятельности органов предварительного расследо-
вания и прокуратуры в сфере борьбы с преступно-
стью и суда — по разрешению уголовных дел, но и
состояние законности и правопорядка в обществе,
что в конечном итоге направлено на обеспечение

эффективной защиты прав и законных интересов
российских граждан.

При этом следует исходить из того, что сама
уголовно-правовая политика государства на протя-
жении длительного времени отличалась, нередко,
волюнтаризмом в законодательном регулировании
возникающих проблем. Особенно это характерно за
последние 15 лет. В числе причин — как радикаль-
но-либеральный подход законодателя к разрешению
возникающих проблем, так и в равной степени иг-
норирование уголовно-правовой статистики, что не
позволяет государству реализовывать адекватные
меры в борьбе с преступностью.

Такое состояние Э.Ф. Побегайло назвал кризи-
сом современной российской уголовной политики
[1, с. 112—117]. Наглядно это отражено и в рабо-
те «Российская уголовная политика: преодоление
кризиса» [2], авторы которой отмечают ее неадек-
ватность в сложившейся в российском обществе
криминальной ситуации, как следствие радикаль-

но-либерального подхода в проведении судебной реформы и последующих реформ законодательства в сфере борьбы с преступностью. Данная проблема нашла свое продолжение в монографическом исследовании «Современная уголовная политика России: цифры и факты» [3] и ряде других публикаций [4, с. 18—25; 5, с. 22—28].

В последующие годы научная дискуссия по выработке уголовно-правовой концепции, включая уголовно-процессуальную политику, развернулась, прежде всего, на «площадке» Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, включая Парламентские слушания 18 ноября 2013 года, на которых Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.И. Чайка выступил [6] с основным докладом, обозначив в числе ключевых проблему повышения роли прокурора в уголовном судопроизводстве, включая необходимость возвращения прокурору ряда полномочий по процессуальному руководству предварительным следствием, возбуждению уголовного дела и ряда других, осуществляемых в досудебном производстве, а также повышению роли прокурора по осуществлению функции поддержания государственного обвинения в суде. С последним безусловно следует согласиться.

Данная дискуссия представителей законодательной власти, научной общественности и практикующих юристов нашла свое продолжение там же в Совете Федерации на парламентских слушаниях и в ходе «круглых» столов 20 декабря 2016 года и 29 июня 2017 года. Повышению роли прокурора в уголовном судопроизводстве наряду с другими ключевыми вопросами новой Концепции уголовной политики был посвящен «круглый» стол 13 декабря 2017 года [7] с участием заместителя Генерального прокурора РФ Н.А. Винниченко, заместителя Министра юстиции РФ А.Д. Алханова, президента Федеральной палаты адвокатов РФ Ю.С. Пилипенко, ученых-процессуалистов и практических работников МВД России, Следственного комитета РФ и других ведомств. Широкое обсуждение проблем современной уголовной политики имело место и на ряде научных форумов [8; 9]. Ход научно-практических дискуссий свидетельствует об отсутствии единообразия в оценке ранее принятых законодательных мер, включая такие базовые Федеральные законы как от 05.06.2007 № 87-ФЗ [10], от 06.06.2007 № 90-ФЗ [11] и ряд других.

Но прежде, чем перейти к оценке результатов деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры, а также к изложению проблемных вопросов повышения роли прокурора в уголовном судопроизводстве, считаем необходимым отразить некоторые тенденции развития в последнее десятилетие УПК РФ, обусловленные, что отрицать невозможно, введением вновь или совершенствованием ряда его институтов.

Так, с 1 января 2013 г. действует принципиально измененное апелляционное, кассационное и надзорное производство, получившее свое дальнейшее развитие в Федеральном Конституционном законе от 29.07.2018 г. № 1-ФКЗ [12], которым в Российской Федерации создано пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции, в состав каждого из которых входят президиум и 3 судебные коллегии — по гражданским, административным и уголовным делам. С 1 июня 2018 г. на районном уровне действуют суды присяжных. Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в УПК РФ введена норма-принцип (ст. 6¹) «Разумный срок уголовного судопроизводства», в которую за непродолжительный период ее действия внесены изменения четырьмя федеральными законами (ФЗ-273 от 21.07.2014; 190-ФЗ от 29.06.2015; 440-ФЗ от 30.12.2015; 331-ФЗ от 03.07.2016).

Существенные шаги законодателем предприняты и по совершенствованию досудебного производства. Так, Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ исключено не только согласие прокурора на возбуждение следователем, дознавателем, органом дознания уголовного дела, но и его право на такое решение; осуществлена дифференциация полномочий между прокурором и руководителем следственного органа в пользу последнего по процессуальному руководству за деятельностью следователей при рассмотрении ими уголовных дел. Изменения касаются также: расширения перечня следственных и иных процессуальных действий на этапе проверки заявлений, сообщений о преступлениях, возвращения в УПК сокращенной формы дознания и ряд других изменений (Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ); введения в УПК РФ досудебного соглашения о сотрудничестве (Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ); включения впервые за 95 лет существования УПК такого участника уголовного судопроизводства как начальник

подразделения дознания — ст. 40¹ УПК РФ (Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ), а в последующем и начальника органа дознания — ст. 40² УПК РФ (Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ). Кстати, необходимость многих из этих изменений обсуждалась еще в конце 1990-х в рабочей группе при Комитете по законодательству Государственной Думы РФ (с участием автора статьи) в ходе подготовки УПК РФ ко второму чтению.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что внесенные в УПК РФ за 16 лет его действия изменения более, чем 200-ми федеральными законами, обусловлены и тем, что Уголовно-процессуальный кодекс принимался в условиях компромисса по решению ряда проблем, как в досудебном производстве, так и касающихся непосредственно судебного разбирательства, в том числе роли прокурора в судопроизводстве по уголовным делам.

Так, Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» предусматривал переходные положения, включая производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; производство обыска и (или) выемки в жилище; производство выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, которые должны были вводиться в действие только с 1 января 2004 года, несмотря на положения действующей с 1993 г. Конституции РФ, предусматривающей возможность ограничения конституционных прав участников уголовного процесса по судебному решению. Также фактически сохранялись на некоторое время и положения УПК РСФСР о заключении под стражу без судебного решения (с согласия прокурора) — Федеральный закон от 29.12.2001 № 183-ФЗ.

Это привело к тому, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 г. № 6-П [13] была признана не соответствующей Конституции РФ ст. 96 УПК РСФСР в части, предусматривающей заключение подозреваемого, обвиняемого под стражу с санкции прокурора. И соответственно Федеральным законом от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», когда он еще не вступил в действие, законодатель был вынужден внести в него первые изменения, предусматри-

вающие единый судебный порядок ограничения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса, а также ряд других поправок, принятых по результатам мониторинга, начавшегося с 1 января 2002 г. Компромиссом законодателя являлась и редакция ст. 146 УПК РФ, предусматривающая получение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, для пересмотра которой Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ потребовалось 5 лет.

Теперь о некоторых проблемных вопросах, разрешение которых призвано способствовать реальному повышению роли прокурора в судопроизводстве по уголовным делам.

I. По мнению представителей Генеральной прокуратуры РФ одной из наиболее актуальных является проблема возвращения *прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела*. Действительно следует отметить наличие фактов, когда следователи, дознаватели не должным образом реагируют на вынесение прокурором постановления о направлении соответствующих материалов «в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании», являющегося безусловным поводом к возбуждению уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Однако для разрешения этой проблемы совсем необязательно кардинально изменять действующие по УПК РФ на протяжении 50-ти лет и возвращенные в УПК РФ в 2007 г. процессуальные правила начала производства по уголовному делу. Одновременно, оценивая неоднозначность складывающейся правовой ситуации предлагается изменить редакцию п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, установив, что «По постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждают уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 3 — истечение сроков давности; п. 5 — отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено иначе; п. 6 — отсутствие заключения суда, отсутствие согласия Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации о наличии признаков преступления в действиях лиц в соответствии со ст. 448 УПК РФ)

и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3 — вследствие акта об амнистии; п. 4 — наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; п. 5 — наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела; п. 6 — отказ Государственной Думы РФ в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента РФ). В указанных случаях для принятия следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, органом дознания, начальником подразделения дознания и начальником органом дознания процессуального решения о возбуждении уголовного дела возможно проведение доследственной проверки в сроки, установленные ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ.

II. Весьма актуальным является и вопрос обеспечения законности при производстве предварительного следствия, где ведущую роль играет безусловно прокурор. Представленная ниже таблица,

содержащая статистические данные, характеризующие проблему обеспечения прав законных интересов участников уголовного процесса, позволяет автору взглянуть с другой стороны на продолжающуюся в течение 10 лет дискуссию о результатах реализации Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ [14] (табл. 1).

Продолжая научную дискуссию о влиянии Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ непосредственно на качество расследования уголовных дел следует обратить внимание на фактическое повышение уровня надзорной деятельности прокурора, о чем практически нет научных публикаций. Достаточно наглядно это усматривается из статистических данных о результатах предварительного расследования (табл. 2).

И наконец, учитывая, что 40% уголовных дел расследуются дознанием, следует отметить улучшение его качества с введением Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ в число участников уголовного процесса начальника подразделения дознания. С принятием данного Закона:

во-первых, улучшились показатели законности. Так, за период с 2006 по 2017 гг. уменьшилось более

Таблица 1

Период	Число оправданных судом лиц на 1 000 обвиняемых по направленным в суд делам, в т.ч. незаконно, необоснованно содержалось под стражей лиц, реабилитированных в ходе расследования и оправданных судом			
	След. МВД	Всего незаконно/необоснованно содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Всего незаконно/необоснованно содержалось под стражей
1999	1 268 — 1,2	1 115	680 — 7,1	1 262
2006	1 372 — 2,0	524	1 885 — 18,0	954
2010	878 — 1,8	639	801 — 8,0	534
2013	509 — 1,3	250	654 — 5,8	411
2017	402 — 1,1	164	539 — 4,8	219
6 мес. 2018	174 — 1,1	33	260 — 5,4	90

Таблица 2

Период	Возвращено прокурором уголовных дел в органы предварительного следствия для дополнительного расследования				Возвращено дел судом прокурору в порядке ст. 237 УПК (судом для доследования)	
	МВД	Уд. вес (в %)	Прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В том числе следователям/удельный вес (в %)
1999	21 249	2,7	1 102	1,4	41 340	34 209 — 4,0%
2001	22 466	3,0	933	1,1	42 961	35 849 — 4,25%
2006	18 373	3,3	1 286	0,8	35 930	—
2009	17 652	3,8	3 664	3,5	12 163	8 952 — 1,6%
2017	16 753	5,0	3 420	3,3	6 448	4 655 — 1,1%
6 мес. 2018	8 627	5,1	1 597	2,9	2 760	1 963 — 0,9%

чем в 2 раза число оправданных (с 330 лиц в 2006 г. до 147 — в 2017 г.) и, соответственно, их доля на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам (с 0,73 — в 2006 г. до 0,36 — в 2017 г.), а также незаконно, необоснованно содержащихся под стражей (с 18 до 10 лиц);

во-вторых, повысился уровень прокурорского надзора. Так, почти в два раза (с 6 810 дел в 2006 г. до 12 517 дел в 2017 г.) увеличилось количество уголовных дел, возвращенных прокурором дознавателям для дополнительного расследования и, соответственно, сократилась доля таких дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (до 1 793 уголовных дел в 2017 г.).

III. Неоднократно в ходе научных дискуссий автором высказывалась необходимость изменений норм УПК РФ, допускающих, по сути, «прерывание» (на срок, в среднем, от 2 до 4 месяцев) производства по уголовному делу в случае его *возвращения судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ*. Между тем, процессуальное законодательство стран Европы, а также ряда государств бывшего СССР предусматривает, что в «случае возникшей необходимости изменения в ходе судебного следствия обвинения на более тяжкое либо предъявления нового обвинения, ухудшающего положение обвиняемого или существенно отличающегося по своему содержанию от ранее предъявленного обвинения, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок от 10 до 30 суток для составления им нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого... При продолжении судебного разбирательства государственный обвинитель объявляет обвиняемому, его законному представителю, защитнику, если он участвует в судебном заседании, данное постановление и допрашивает его по новому обвинению» (ст. 301 и 303 УПК Республики Беларусь).

IV. И еще об одной проблеме — *о роли прокурора в формировании практики назначения наказания*, которая сегодня неоднозначно воспринимается как правоприменителями, так и российскими гражданами и, в целом, обществом, чему способствовали ряд обстоятельств:

- *первое*, это исключение Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ [15] из санкций абсолютного большинства преступлений средней тяжести и части тяжких преступлений нижних пределов наказания в виде лишения свободы, что привело к *разрыву до 30-ти раз* между верхним и нижним пределами размеров уголовного наказания в виде лишения свободы за совершение, в том числе и схожих по категории тяжести видов преступлений.

Последующие изменения уголовного закона (Федеральный закон от 28.12.2008 № 280-ФЗ [16]) увеличили этот разрыв до 40—60 раз. И, наконец, Федеральным законом от 07.03.2011 № 26-ФЗ [17] были сняты ограничения нижнего предела уголовного наказания в виде лишения свободы еще из 68 составов преступлений, в том числе за отдельные виды особо тяжких преступлений (например, в санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ данный разрыв достиг 90-кратной величины, а по ч. 1 ст. 356 УК РФ — 120 раз). Такие различия уголовно-правовых санкций приводят к явным несоответствиям в размерах назначенных судами наказаний и нарушают уголовно-правовой принцип справедливости, а само это явление несет в себе коррупционную составляющую непосредственно уголовного закона, призванного бороться с коррупционными проявлениями;

- *второе обстоятельство*, способствующее формированию либерально-радикальной неа-

Таблица 3

Сведения о числе осужденных лиц по ст. 160 УК РФ, хищение — ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ (за 2002—2004 гг. — ч. 3 ст. 160)

	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2007	2005	2004
Осуждено (всего)	4 247	4 565	4 374	3 864	3 172	2 760	3 012	3 456	3 260	6 519	7 157	5 317
Из них к лишению свободы (реально)	580	571	504	356	290	265	373	371	322	552	751	333
То же (в %)	13,7	12,5	11,5	9,2	9,1	9,6	12,4	10,7	9,9	8,5	10,5	6,3
С применением ст. 73 УК РФ	2 708	3 017	2 888	2 514	2 099	1 848	2 071	2 462	2 466	5 296	5 929	4 528
То же (в %)	63,7	66,1	66,0	65,1	66,2	67,0	68,8	71,2	75,6	81,2	82,8	85,2

Таблица 4

**Сведения о числе осужденных лиц по ст. 159 УК РФ —
мошенничество — ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ (2001—2004 гг. — ч. 3 ст. 159 УК РФ)**

	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2005	2001
Осуждено (всего)	8 659	8 399	9 521	7 693	6 996	8 644	7 972	7 374	4 639	6 369	3 761	2 964
Из них к лишению свободы (реально)	3 543	3 422	3 385	2 688	2 283	2 600	2 695	2 682	1 234	2 577	1 184	1 579
То же (в %)	40,9	40,7	35,6	34,9	32,6	30,1	33,8	36,4	26,6	40,5	31,5	53,3
С применением ст. 73 УК РФ	4 127	4 087	4 835	3 964	3 793	4 920	4 350	3 948	2 582	3 290	2 356	1 136
То же (в %)	47,6	48,7	50,8	51,4	54,2	56,9	54,6	53,5	55,6	51,7	62,6	38,3

Таблица 5

Сведения о числе осужденных за получение взятки (ч. 2—6 ст. 290 УК РФ) (ранее — ч. 2—4 ст. 290 УК РФ)

	2017	2016	2015	2014	2013	2011	2010	2009	2008	2007	2005	2004	2001
Осуждено (всего)	1 041	1 216	1 510	1 376	1 191	1 423	1 428	1 250	1 107	1 050	863	747	1 029
Из них к лишению свободы (реально)	454	388	399	316	188	234	385	356	340	223	175	131	231
То же (в %)	43,6	31,9	26,4	23,0	15,8	16,4	27,0	28,5	30,7	21,2	20,3	17,5	22,4
С применением ст. 73 УК РФ	300	243	374	328	272	899	989	855	757	817	683	612	646
То же (в %)	28,8	20,0	24,8	23,8	22,8	63,2	69,3	68,4	68,4	77,8	79,1	81,9	62,8
Штраф	285	581	736	729	725	-	-	-	-	-	-	-	-
То же (в %)	27,4	47,8	48,7	53,0	60,9	-	-	-	-	-	-	-	-

тивной практики назначения наказания, требующей, как отмечено выше, коррекции, это недостаточно активная позиция государственного обвинения в той части, что законодатель значительно расширил возможности в предоставлении суду права назначения условного наказания в виде лишения свободы на срок до 8 лет, включая не только тяжкие, но и особо тяжкие преступления (ч. 1 ст. 73 УК РФ), как, впрочем, и право снижения на одну категорию тяжести совершенного деяния, включая тяжкие и особо тяжкие преступления. При формулировании данного тезиса автор исходил из того, что когда суд при вынесении подсудимому обвинительного приговора за преступления небольшой и средней тяжести постановляет считать назначенное наказание условным (в 2017 году — 180 343 или 46,4% от всех осужденных) или назначает более мягкий вид наказания, чем предусмотрено санкцией уголовно-правовой нормы, то это адекватно воспринимается и правоприменителем, и потерпевшим, а также гражданами и в целом, обществом;

- *третье обстоятельство* заключается в крайне негативной, по нашему мнению, ситуации, связанной с судебским усмотрением при назначении наказания, особенно за экономические преступления, где также особая роль отводится государственному обвинителю.

При назначении уголовного наказания за мошенничество (ч. 4 ст. 159 УК РФ), санкция которого такая же как и по ч. 4 ст. 160 УК РФ, осуждение в 2017 г. к лишению свободы применялось в три раза чаще, чем к совершившим хищение *должностным лицам* (выделено авт.) (табл. 3, 4).

Еще более негативная ситуация сложилась с назначением наказания за взяточничество (табл. 5).

И еще одно обстоятельство, обусловленное обращением к роли прокурора, заключается в *весьма широком распространении судебного усмотрения при назначении судами наказания по совокупности преступлений*, в том числе и по уголовным делам о хищениях чужого имущества путем различного рода мошеннических действий. Весьма наглядным проявлением автору видится приговор Басманного рай-

онного суда г. Москва в отношении Е., осужденного за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (25 преступлений) и ч. 2 ст. 159 УК РФ (18 преступлений) к шести годам лишения свободы при условии, что «по каждому из 25 преступлений по ч. 4 ст. 159 УК РФ наказание в виде лишения свободы назначено сроком на 5 (пять) лет». При этом по совокупности преступлений наказание Е. могло быть назначено до 15 лет лишения свободы.

Решение поставленных проблем за законодателем, однако не менее важная роль в этом отводится органам прокуратуры, которые с участием научной общественности должны ставить эти вопросы и предлагать пути их решения. Отдельные из них изложены в настоящей публикации.

Литература

1. *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4.
2. *Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006.
3. *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты: Монография М.: Проспект, 2008.
4. *Гаврилов Б.Я.* Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1.
5. *Гаврилов Б.Я.* Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1.
6. Выступление Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ от 18 ноября 2013 г. на тему: «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2018).
7. Проблемы законодательного обеспечения проекта Концепции уголовной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igpran.ru/nlive/4461/> (дата обращения: 15.11.2018).
8. Новая теория уголовно-процессуальных доказательств: в рамках шестых «Бабаевских чтений» // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5.
9. Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: матер. Междун. научн.-практ. конф., посвященной 95-летию профессора Полины Абрамовны Лупинской. М., 2016 и др.
10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.
12. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»: Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 №1-ФКЗ // СЗ РФ, 2018. № 31. Ст. 4811.
13. По делу о проверке конституционности ст. 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда РФ от 14.03.2002 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ, 2002. № 12. Ст. 1178.
14. Сведения о результатах следственной работы по форме I-Е за 1999, 2001, 2006, 2009, 2017, 6 мес. 2018 гг. // Следственный департамент МВД России. М., 2000, 2002, 2007, 2010 и 2018 гг.
15. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: федеральный закон от 28.12.2008 № 280-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.
17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10002

© Л.В. Головки, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЛОКАЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ ИЛИ ГЛОБАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Леонид Витальевич Головки,

заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета,
доктор юридических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1)
E-mail: depcrp@law.msu.ru

Аннотация. Научно-техническая революция XX столетия, сопряженная с фундаментальными качественными преобразованиями, сменилась периодом научно-технической стабилизации, для которого характерно количественное развитие, а также коммерциализация революционных научных достижений прошлого века. В таких условиях парадоксальной выглядит позиция некоторых специалистов, настаивающих на том, что в уголовный процесс пришла «революция», результатом которой станет замена классического уголовного процесса неким цифровым уголовным процессом или чем-то подобным. На самом деле, цифровизация в уголовном процессе — это лишь локальная и достаточно рутинная оптимизация некоторых процессуальных форм и институтов, не несущая в себе никаких рисков для традиционного правосудия по уголовным делам.

Ключевые слова: цифровизация, уголовный процесс, научно-техническая революция, научно-техническая стабилизация.

THE DIGITALIZATION IN CRIMINAL PROCEDURE: LOCAL OPTIMIZATION OR GLOBAL REVOLUTION?

Leonid V. Golovko,

Head of the Centre for Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Oversight of the Law Faculty,
Doctor of Law, Professor
Moscow State University M.V. Lomonosov (119991, Moscow, Leninskie gory, d. 1)

Abstract. The scientific and technological revolution of 20th century accompanied by fundamental qualitative transformations gave place to the period of the scientific and technological stabilization, which is characterized more by the quantitative development, as well by the commercialization of the revolutionary acquis of the past century. In this circumstances, the point of view of some authors, insisting that the criminal procedure is now «revolutionized» and the classical criminal procedure will be soon replaced by a digital criminal procedure or something like that, is very paradoxical. In fact, the digitalization in criminal procedure appears as only local and even routine optimization of some procedural forms and institutions, and without any risk for traditional criminal justice.

Keywords: digitalization, criminal procedure, scientific and technological revolution, scientific and technological stabilization.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? Вестник экономической безопасности. 2019;(1):15-25.

Проблема использования в уголовном процессе научно-технических достижений является более чем традиционной, если не сказать — классической. В ней нет ничего нового. В советской литературе еще много десятилетий назад отмечалось, что «бурное развитие естественных наук и научно-технические достижения оказали и будут оказывать влияние на уголовно-процессуальную деятельность» [2, с. 137]. Такая постановка вопроса являлась совершенно закономерной, так как в период примерно с 20-х до 60-х годов XX столетия мы пережили самый фундаментальный научно-технологический скачок в истории человечества, названный, как известно, «научно-технической

революцией». Образ мира тогда изменился до неузнаваемости всего за каких-то 40—50 лет, преодолев путь от телег, экипажей, кавалерии, печного отопления и т.п. до космоса, сверхзвуковых самолетов, современных мегаполисов, телевидения, аэропортов, массового жилищного строительства и т.д. Причем, что самое важное, соответствующие изменения имели далеко не только количественный, но и фундаментальный *качественный* уровень, отражая беспрецедентное развитие науки, появление многих выдающихся имен и открытий, не говоря уже о новейших отраслях человеческого знания (генетика, кибернетика и т.д.), до того неведомых.

Ясно также, что такого рода фундаментальные научно-технологические взрывы или революции (как и любые другие революции) не могут иметь постоянного характера. Они требуют слишком больших усилий, финансовых затрат, колоссального напряжения людских ресурсов, не говоря уже о геополитическом факторе, сыгравшем в «научно-технической революции» не последнюю роль. Затем наступает своего рода «разрядка», стабилизация, напоминающая скорее линейное развитие, что в свою очередь закономерно. Да и в сугубо интеллектуальном смысле великие периоды истории человечества или отдельной страны (эпоха Возрождения, эпоха Просвещения, «золотой век» русской литературы и др.) никогда не развиваются по принципу перманентного прогресса и подъема (эпоха Возрождения 2.0, 4.0 и т.п.). Оставляемый ими благотворный след бесспорен, он ощущается долго, но вечного и неуклонного «возрождения» не бывает. Оно происходит один раз, являясь своего рода событием *sui generis*. Ожидать иного наивно.

Именно это мы сегодня и наблюдаем в сфере научно-технической революции. Качественное развитие с очевидностью замедлилось, приобретая в большей степени *количественный* характер (по принципу «от ЭВМ до микрочипа»). С 1960-х — 1970-х годов образ мира изменился незначительно, по крайней мере, в сравнении с предыдущими пятьюдесятью-шестьюдесятью годами. Где-то даже приходится делать шаги назад как, например, в освоении космоса (полет на Луну вновь выглядит далекой мечтой) или сверхзвуковой гражданской авиации. В этих условиях происходит, главным образом, коммерциализация великих научных достижений середины XX века, их своеобразная «конверсия», когда, например, созданные в годы «холодной войны» некоторые военные технологии доходят до рядовых граждан уже в виде коммерческого продукта (интернет, мобильная связь, их соединение в единое целое и т.п.). Развитием занимаются уже не столько гениальные ученые, сколько конкурирующие между собой предприниматели-менеджеры, что вряд ли обещает качественные рывки, но с уверенностью гарантирует количественное движение вперед, прежде всего, на сугубо потребительском уровне. В общем, на смену научно-технической революции пришла научно-техническая стабилиза-

ция, сопровождаемая коммерциализацией прежде сугубо научного и/или военного интеллектуального продукта, полученного в ходе «революции».

Как реагировала уголовно-процессуальная наука на научно-техническую революцию, то есть на фундаментальные изменения, потрясшие мир примерно с 1920-х по 1960-е годы? Достаточно спокойно и без утопий, хотя тогда для утопий было много больше оснований. Однако никто не рассуждал о «космическом уголовном процессе» или «лунной подследственности». Иногда те или иные утопические идеи возникали, особенно на начальном этапе научно-технической революции (1920-е — 1930-е годы), например, в связи с подвергнутыми блестящей критике со стороны профессора Н.Н. Полянского «опытами «механизации» уголовного процесса» (различные аппараты по разоблачению лжи типа психогальванометра, патометра, сфигмографа и прочих «детекторов») [6, с. 63—76], но быстро отвергались уголовно-процессуальной наукой и судебной практикой. Все понимали колоссальное влияние новейших технологий на уголовный процесс, особенно в стадии предварительного расследования (новые коммуникации, авиасообщение, телефон, телетайп, теле и видеозапись, ЭВМ, новые виды экспертиз, прослушивание телефонных переговоров, прослушивание разговоров и т.п.), однако никому не приходило в голову противопоставлять их классической уголовно-процессуальной юстиции. Ни один специалист всерьез не утверждал о том, что на смену уголовному процессу якобы приходит «генетический» или «кибернетический» уголовный процесс, хотя фундаментальность генетических или кибернетических открытий для всех была очевидна, как и их роль в раскрытии и расследовании преступлений, уголовном судопроизводстве в целом [2, с. 139]. Иначе говоря, речь шла об очень важной, но локальной оптимизации, способствующей развитию классической системы уголовного процесса, *но не представляющей для нее никакой угрозы* (даже на уровне сугубо доктринальных нарративов).

Как реагирует уголовно-процессуальная наука на современную стабилизацию научно-технического прогресса, коммерциализацию достижений прошедшей научно-технической революции, переход с качественного скачка на количественное развитие, то есть как она реагирует на события много более

рутинные и менее впечатляющие? Прямо скажем, далеко не всегда адекватно. Во всяком случае, много менее адекватно, чем наука предшествующих десятилетий. В каком-то смысле реакцию некоторых современных ученых можно назвать даже истеричной. Дескать, общественные отношения, государство, уголовный процесс закончились. Наступила эпоха «нового типа общественных отношений, нового государства» [1, с. 132], а вместе с ними, конечно, и нового уголовного процесса. В этом новом уголовном процессе нет места, например, классическим следственным действиям, поскольку «существующая система следственных действий, созданная в эпоху традиционной преступности, малопригодна в современных условиях. Какой смысл в таких следственных действиях, как осмотр, выемка, обыск, когда предметом выступает цифровая информация?» [1, с. 133]. Понятно, что данная фраза лишена какого-либо внятного смысла. Что значит «эпоха традиционной преступности»? Она закончилась? У нас более не совершаются реальные убийства, грабежи, террористические акты и т.п., причем с применением самого что ни на есть реального оружия? У нас не торгуют не менее реальными наркотиками, тем же оружием? У нас более нигде невозможно встретить кражи реального имущества? Это оружие, наркотики, имущество и др. не надо разыскивать и изымать, в том числе путем производства обысков и выемок? Не надо осматривать места совершения, допустим, убийств? Трупы также стали «цифровыми»?

Ответы на все эти вопросы столь очевидны, что вышеприведенная мысль о «новом уголовном процессе» и отпадении необходимости в производстве классических следственных действий, казалось бы, вовсе не заслуживает внимания. Зачем обсуждать курьезы? Но нам она интересна не сама по себе, а как иллюстрация того парадокса, с которым столкнулась уголовно-процессуальная наука: в период реального качественного скачка (научно-технической революции) она не проявляла никакой склонности к утопиям; после завершения революции и перехода к, главным образом, коммерческому количественному развитию (научно-техническая стабилизация) она вдруг начала продуцировать утопические идеи, часто граничащие с элементарным абсурдом. Почему так происходит? Каковы причины

данного парадокса? Они лежат в плоскости неких объективных тенденций или являются сугубо субъективными? Попробуем разобраться.

Начнем с того, что изменения, действительно, происходят. Их не может не быть, учитывая, что уголовный процесс и его участники, включая, разумеется, государственные органы, являются одними из потребителей коммерциализации достижений научно-технической революции. В этом, собственно, и заключается то количественное рутинное развитие, которое отличается от качественного скачка. Сложнейшие электронные системы, созданные в период революции, вышли за пределы научных лабораторий, подверглись маркетинговой адаптации, поступили в широкую продажу и оказались в руках едва ли не каждого гражданина в виде купленного на свои деньги смартфона или на столе у каждого следователя в виде поставленного на основании государственных закупок ноутбука, к тому же подключенного к какой-нибудь сети, разработанной отнюдь не гениальным ученым, а рядовым программистом, работающим в получившей соответствующий заказ коммерческой организации. Повлияло ли это на уголовный процесс? Конечно, повлияло. Произошли ли изменения? Да, произошли. Являются ли многие из этих изменений позитивными? Безусловно. Способны ли они привести к «уголовно-процессуальной революции» и заменить классический уголовный процесс каким-то «новым уголовным процессом»? Нет, не способны.

Если абстрагироваться от невнятных и не выдерживающих никакой критики утопических рассуждений, то проявление в уголовном процессе так называемой «цифровизации» сводится к *трем аспектам*, каждый из которых имеет смысл рассмотреть автономно.

1. Первый аспект связан с появлением технической возможности перевода бумажных носителей в электронные, что часто именуют оцифровкой (сканирование и т.п.). Она бесспорна. Более того, документы сегодня могут также составляться непосредственно в электронной форме. Это совершенно очевидно, причем на протяжении уже нескольких десятилетий. Здесь никакой проблемы нет. Она в другом: в ответе на два принципиальных уголовно-процессуальных вопроса.

Один вопрос сводится к тому, меняется ли процессуальная природа, допустим, протокола, если он составлен не на бумажном, а на электронном носителе? Иначе говоря, отличается ли «электронный протокол» от своего бумажного аналога какой-либо новой уголовно-процессуальной сущностью? Разумеется, ответ может быть только отрицательным. Протокол может быть написан гусиным пером, шариковой ручкой, отпечатан на пишущей машинке, составлен в электронной форме и т.п., однако техника его изготовления никак не влияет на сущность протокола. На нее влияют содержание протокола, его удостоверение и прочие факторы. Иначе говоря, как не было «революции» при переходе от собственноручного написания протокола чернилами к его напечатанию на пишущей машинке (на самом деле, фундаментальная техническая инновация для своего времени), так нет ее и сейчас при переходе от пишущих машинок к электронным способам изготовления протоколов, который, на самом деле, произошел уже давно. Как существовала проблема подписания протокола при использовании пишущих машинок, так есть она и сейчас при использовании компьютеров. Как являлась она процессуально несложной, так остается ею и сейчас, причем независимо от того, какую подпись мы используем (собственноручную или электронную). В любом случае речь идет о сугубо *технической*, а не уголовно-процессуальной проблеме. То же самое, к слову, касается не только протоколов, но и, допустим, уголовно-процессуальных решений (приговоров, постановлений следователя и т.п.). Более того, даже полный перевод всего уголовного дела в «цифру» ничего в уголовно-процессуальном плане не меняет, также как ничего не меняет, например, в литературном плане возможность читать А.С. Пушкина не только в книжном варианте, но и на электронном носителе (А.С. Пушкин при этом не превращается в какого-то нового поэта). Речь идет, на самом деле, исключительно о техническом вопросе *хранения* уголовных дел.

Но здесь возникает другой вопрос: если существует возможность перевода или непосредственно изготовления значительной части уголовно-процессуальных документов в электронной форме, то может ли электронная форма хранения уголовных дел вскоре заменить физическую форму их хране-

ния, пусть данный вопрос и имеет, как мы выяснили, не сущностный (революционный), а сугубо технический (рутинный) характер? Думается, что в уголовном процессе это невозможно, как минимум, по трем причинам, что делает вопрос об «электронном протоколе» еще менее принципиальным.

Во-первых, необходимость реальных («физических») уголовных дел связана с необходимостью хранения вещественных доказательств, значение которых в данном виде судопроизводства переоценить сложно. Мы, конечно, можем перевести вещественные доказательства в какую-нибудь 3D-версию, виртуализировать их и т.п. Технически это сегодня никаких сложностей не вызывает. Но сможет ли эксперт работать с 3D-версией при анализе оставленных на предмете, скажем, генетических следов, сможем ли мы на ее основании производить повторные и дополнительные экспертизы, или для экспертизы все-таки требуются реальные предметы, физические следы на них, орудия преступления, образцы и т.п., а не виртуальные копии? Понятно, что вопрос риторический. В такой ситуации перевод части процессуальных документов в электронную форму в лучшем случае приведет лишь к дублированию уголовных дел, что только усложнит и запутает ситуацию, а иногда будет приводить к откровенному хаосу, когда одна (электронная) часть уголовного дела поступает в суд, другая (физическая) вместе с вещественными доказательствами остается у следователя или прокурора и т.п. В какой момент дело считается поступившим в суд? С какого момента отсчитываются сроки? Перечень вопросов можно продолжить. Ориентироваться все равно придется на реальную часть уголовного дела (вещдоки и т.п.), что несколько снижает все достоинства «цифровизации».

Во-вторых, в уголовном процессе существует очевидная проблема с обеспечением тайны следствия, не говоря уже о том, что разглашение многих данных угрожает жизни и безопасности людей, требует применения особых мер защиты свидетелей, потерпевших и т.п. Если исходить из того, что некое «электронное уголовное дело» будет находиться не в сейфе следователя или судьи, а свободно «гулять» по электронным сетям или даже располагаться в «*децентрализованной*» (курсив — Л.Г.) системе распределения реестра хранения сведений — блок-

чейн», о чем мечтают многие инноваторы [7, с. 18], то как тогда обеспечить тайну следствия и защиту участников уголовного судопроизводства? Много ли найдется, например, желающих дать показания, заключить досудебное соглашение, поверить эффективности применения мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), если соответствующий участник процесса будет знать, что все материалы уголовного дела не доставляются в суд специальным образом, а просто пересылаются с электронной почты следователя на электронную почту суда? Сегодня мало осталось наивных людей, верящих в надежность защиты не только простой электронной почты, но и различных закрытых сетей передачи информации, в том числе государственных. Конечно, можно изымать определенные материалы из «электронного дела» и оставлять в сейфе следователя и суда, но это является только дополнительной иллюстрацией наличия очевидных пределов «цифровизации» уголовного процесса, не говоря уже о том, что мы рискуем не удваивать, а утраивать или даже бесконечно умножать сущности (электронное уголовное дело; вещественные доказательства и сопутствующие им документы; материалы в отношении лиц, к которым применены меры безопасности и т.п.). Сколько у нас тогда должно быть «уголовных дел», и приведет ли это к искомой оптимизации уголовного процесса или все время следователя будет уходить на сортировку материалов между реальными и виртуальными элементами уголовного дела?

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, уголовный процесс представляет собой правовой спор, в котором центральное место занимают споры об *аутентичности* доказательств. Признавал вину или не признавал вину, добровольно или под принуждением, подписывал или не подписывал, говорил это на допросе или не говорил, присутствовал в том или ином месте или не присутствовал — вот центральные вопросы любого следствия, будь то следствие предварительное или следствие судебное, если вернуться с небес на землю и ориентироваться на реальную жизнь, а не на псевдо футурологические или квази-технологические прожекты. Автору этих строк совершенно понятно, как гипотетически можно опровергнуть, например, утверждение того или иного лица о том, что он никогда не подавал заявление о преступлении, и все в нем указанное

«выдумал» следователь, если мы имеем дело с реальным, а не виртуальным уголовным делом, и заявление собственноручно подписано, подано непосредственно в кабинете следователя, куда человек физически прибыл и где какое-то время находился и т.п. Опровергнуть такое утверждение несложно. Но как опровергнуть аналогичное утверждение, если заявление подано в электронной форме, а предупреждение об ответственности за заведомо ложный донос сводится к проставлению мышью компьютера галочки в соответствующем «окне», высвечиваемом на компьютерном экране? Это уже непонятно, «закрепление всех необходимых сведений о веб-странице», на которой было размещено заявление [7, с. 16], и прочие технологические мероприятия нам вряд ли помогут. Что следует делать, если человек объявит впоследствии, что ничего не подавал, а его компьютером (планшетом, телефоном) мог воспользоваться кто угодно и когда угодно, направив с него заявление? Как это опровергнуть? Примеров такого рода можно привести неисчислимо число.

Ясно, что чем более «физическим» является то или иное действие, тем больше информации оно оставляет, в том числе с точки зрения выяснения и доказывания соответствующей информации. Не следует также забывать, что в уголовном процессе речь идет о применении самых суровых правовых санкций (наказаний), в силу чего не может идти даже речи о том, с чем граждане иногда вынуждены сталкиваться в иных подверженных «цифровизации» видах деятельности, когда к ним приходят штрафы за вождение автомобилем, которым они никогда не управляли, или данные о сделках, которые они никогда не заключали, и т.п. В последних случаях перед нами некоторые издержки автоматизации управленческих процессов, когда позитивные результаты автоматизации считаются более значимыми, нежели ее негативные последствия, поскольку позитивные результаты являются универсальными (для всех), а негативные последствия локальными (только в отдельных случаях для отдельных граждан). Подобные управленческо-менеджерские подходы являются, разумеется, спорными, но сам спор не выглядит *a priori* абсурдным. В уголовном процессе такого рода логика не действует при любых обстоятельствах, так как мы не можем принять наказание заведомо невиновного за преступление, ко-

торое он не совершал, считая это допустимой «издержкой» упрощения процедуры подачи заявлений о преступлении или, скажем, дачи показаний. Нет никаких оснований считать, что удобство потерпевшего или свидетеля (возможность не перемещаться из своей квартиры в следственный кабинет), не говоря уже об удобстве следователя или судьи, является большей ценностью, нежели свобода и репутация обвиняемого. Если исходить из обратного, то государство сразу же теряет свою легитимность.

Адепты тотальной цифровизации уголовного процесса, видимо, понимают суть проблемы, указывая, что «главным критерием допустимости — полезности информации для использования в деле является способность субъекта доказывания подтвердить в суде *аутентичность* (курсив — Л.Г.) представляемой информации информационным следам преступления» [1, с. 134]. Все верно, хотя речь, конечно, должна идти не только о «следах», но вообще о любой информации, аутентичность которой нас в уголовном процессе и беспокоит. Поэтому мы обсуждаем подпись свидетеля или обвиняемого на протоколе допроса, устанавливаем, выполнена ли она им лично или кем-то другим, назначаем почерковедческую экспертизу, другие экспертизы (например, чтобы понять, на каком принтере распечатан протокол, или выяснить степень старения бумаги) и т.п. Обсуждение проблемы аутентичности может привести не только к признанию доказательства недопустимым по изначальному уголовному делу, но и к возбуждению нового уголовного дела, например, о фальсификации доказательств следователем. Вся эта логика, казалось, бы свидетельствует против тотальной цифровизации уголовных дел и их полного перевода в электронную форму, поскольку установить подложность электронного протокола значительно сложнее (каким способом?), никакие почерковедческие экспертизы здесь не помогут. Но сторонники цифровизации дают свой ответ на проблему аутентичности. Оказывается, если такой вопрос возникнет применительно к электронному уголовному делу, то субъект доказывания должен просто предъявить... «*цепь законных владений цифровой информацией*» [1, с. 134].

Можно ко всему этому относиться с иронией. Но если говорить серьезно, то к чему весь этот набор «умных» слов? Разве непонятно, что если из-

начально содержащаяся в протоколе информация является ложной, то никакая «цепь», сколь длинной она бы ни была, не сделает данную информацию достоверной. Впрочем, похоже, что сегодня это понятно уже далеко не всем. Так, в одном из новейших диссертационных исследований можно прочитать, что «цифровая фиксация информации об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, позволяет достичь большей степени достоверности протоколов следственных и судебных действий» [4, с. 13—14], причем данное положение даже вынесено на защиту. Иначе говоря, если в рукописном протоколе имеются недостоверные сведения, то его оцифровка (сканирование и т.п.) сразу же выявит нам все недостоверные места протокола (или автоматически исправит их), после чего он станет более достоверным. Видимо, то же самое происходит и с «цепью» — попадание в «цепь» информации сказывается на ней столь благотворно, что она тут же по мановению волшебной палочки (без такой палочки здесь не обойтись) превращается в аутентичную, достоверную и т.п. Если оставить в стороне все эти мистическо-иррациональные утверждения, являющиеся по меньшей мере странными, никакого внятного решения проблемы резкой редукции способов оценки аутентичности «цифровых» доказательств (электронных протоколов и т.п.) просто-напросто нет.

Как видно, возможность безболезненного (с точки зрения качества уголовного судопроизводства) перевода материалов уголовного дела в электронную форму не является очевидной.

2. Второй аспект касается еще более футуристических перспектив, когда все созданные в рамках индустриального общества системы, в том числе система уголовного судопроизводства, «которым нет места в постиндустриальном обществе», отомрут, после чего появится новая «система мысли», а вместе с ней и новая система уголовного судопроизводства, достойная этого самого постиндустриального общества [8]. Очертания этой системы еще достаточно невняты. Ясно одно: она как-то должна быть связана с цифровизацией, так как современный человек оставляет много «цифровых следов», причем очень скоро «число датчиков вокруг нас будет расти», а «число «невидимых» областей, не закрытых статичными или передвигающимися видеокка-

мерами, будет сокращаться». Наконец, «специальные программные продукты будут применяться для автоматической регистрации выстрелов, распознавания лиц преступников и выявления аномальной городской активности по геотегам» [1, с. 133]. Иначе говоря, если резюмировать представления об этом уголовном процессе будущего, то он сведется к повсеместной установке датчиков и видеокамер, после чего окажутся лишними и расследование, и следствие, и следственный протокол [1, с. 135]. Не совсем понятно, почему данный уголовный процесс признается атрибутом именно постиндустриального общества, поскольку для его реализации требуются неординарные усилия по производству несметного количества видеокамер и датчиков, что можно сделать лишь сугубо *индустриальным* путем (иного способа нет). Видимо, определенная надежда в этой концепции возлагается на Китай, который должен остаться индустриальным, чтобы дать всем остальным возможность насладиться прелестями постиндустриального общества, в частности, тотальным видеоконтролем.

На самом деле, здесь мы снова сталкиваемся с ситуацией, когда некоторые авторы пытаются вплести подлинные инновации в ткань не совсем понятных и полностью оторванных от реальности утопических конструкций.

С одной стороны, городские видеокамеры, видеорегистраторы автомобилей, видеовозможности современных смартфонов и мобильных телефонов, видеоролики в интернете и т. п. являются очевидной данностью. Помогают ли они раскрывать и доказывать многие преступления? Вне всяких сомнений. Растет ли их число количественно? Разумеется, что, вне всяких сомнений, автоматически приводит к росту количества дел, где такие видеоданные используются в качестве доказательств.

Но меняет ли это суть уголовного процесса в целом и доказывания в частности? Ничуть. Можно ли сказать, что в связи с распространением видеoinформации снизилась роль следователей, следственных действий, допросов, обысков, осмотров и т. п.? Ни в коем случае. Напротив, добавились новые (по предмету, а не характеру) следственные действия, например, осмотр изъятых с городских камер видеоматериалов и др., хотя речь, конечно, идет об изменениях не столько уголовно-процессуальных,

сколько криминалистических (когда классические уголовно-процессуальные формы наполняются новым криминалистическим содержанием).

Более того, даже если последовать прогнозам уголовно-процессуальных футурологов и предположить, что через какое-то время видео датчики будут размещены на каждой ветке каждого дерева любого уголка сибирской тайги (что маловероятно) или какие-то супер датчики позволят следить за каждым уголком тайги, допустим, из космоса на приемлемом для уголовного процесса уровне (что несколько более вероятно), то даже в этом случае никакой революции в уголовном процессе не произойдет, как минимум, по трем причинам.

Во-первых, не стоит сводить всю преступность исключительно к насильственным преступлениям, где визуальное наблюдение, действительно, принципиально важно, а весь уголовный процесс — к расследованию и рассмотрению только таких дел. Какое отношение видеонаблюдение имеет, например, к экономическим и «беловоротничковым» преступлениям? Что мы там собираемся наблюдать — фигуру бухгалтера у монитора компьютера или обсуждающих очередную преступную «схему» двух импозантных людей за столиком кафе? Какое отношение видеонаблюдение имеет к расследованию преступлений против правосудия (это уже другой пример)? Неужели в постиндустриальном обществе доказательства можно будет фальсифицировать без малейших рисков быть привлеченным к уголовной ответственности? Список преступлений, в отношении которых видеокамеры абсолютно нерелевантны, можно продолжать еще долго, он будет не менее внушителен, чем список преступлений, где они релевантны.

Во-вторых, готовы ли граждане к установке видеокамер и датчиков в своих квартирах, спальнях, номерах гостиниц, офисах и т. п.? Совершенно не уверен. В этом смысле странно, что в жесткие советские времена, когда возникла техническая возможность прослушивать телефонные переговоры и прочие разговоры («жучки») никому не приходило в голову утверждать, что уголовный процесс на этом закончился, поскольку «жучок» можно зашить в подкладку любого предмета продаваемой одежды, хотя технически такая возможность проблем не вызывала. Однако, все понимали, что существуют

конституционные гарантии прав личности, поэтому сама постановка вопроса об этом юридически абсурдна и политически опасна. Почему же сегодня об этом забывают современные футурологи, а если и вспоминают, то как-то невнятно, рассуждая про «условие для игры», необходимость «гражданского контроля» и т.п. [1, с. 137]? Дело не в «игре» и не в «контроле», а в конституционной защите личного пространства, вторгнуться в которое техническими способами стало можно уже едва ли не столетие назад, когда о концепции «цифровизации» никто даже не помышлял, но которое строго защищено юридическими механизмами, не говоря уже об инструментах политических (легитимность власти в глазах населения). Поэтому «невидимые наблюдению области» имеют не технические, а правовые пределы расширения, что сильно подтачивает футурологические рассуждения.

В-третьих, даже по тем делам, где видеоданные процессуально допустимы и технически адекватны, приводит ли это к качественному изменению уголовного процесса? Конечно, нет. Разве у нас нет никакой эмпирики по этому поводу? Разумеется, есть. Тогда причем здесь футурология? Мы сегодня постоянно обсуждаем резонансные дела, где фигурируют соответствующие видеоданные, причем такие дела от этого не становятся проще ни с точки зрения расследования, ни с точки зрения судебного разбирательства. Скажем, мы изъяли данные с видеорекамера, где видно, как один человек наносит удары другому. Допустим, мы идентифицировали обоих. Неужели на этом уголовный процесс закончен, и мы можем постановить приговор? Отрицательный ответ очевиден. Ведь нам необходимо знать, что между этими людьми произошло, что предшествовало конфликту, какова мотивация, взаимоотношения людей, характер телесных повреждений, их последствия для здоровья и т.д., т.п., для чего обоим необходимо допросить, произвести экспертизы, собрать другие доказательства. Только после этого деяние подлежит обоснованной уголовно-правовой квалификации, причем собирание доказательств может завершиться как прекращением уголовного дела (наносивший удары, например, находился в состоянии крайней необходимости), так и обвинительным приговором или даже постановлением о применении принудительной меры медицинского характера (если наносив-

ший удары оказался душевнобольным). Вариантов масса. Так о каком «постиндустриальном уголовном процессе» можно вести в данном случае речь? Чем он отличается от обычного уголовного процесса? Одним из доказательств? Причем если предположить, что скоро видеорекамеры будут установлены даже в таежной глуши, то описанную ситуацию это не изменит ни на йоту. Речь идет не более чем о локальной оптимизации раскрытия и расследования некоторых преступлений, не более того.

3. Третий аспект предполагаемой цифровизации уголовного судопроизводства сводится к вопросу о необходимости закрепления в законе особых «электронных доказательств», то есть расширения перечня видов доказательств, предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Впрочем, никто пока толком не знает, что это такое и о чем должна идти речь.

Если о том, что протоколы следственных и судебных действий могут составляться в электронной форме, то никакого нового «вида» доказательств здесь нет, протокол остается протоколом независимо от формы своего изготовления (рукописная, машинописная, электронная и т.п.). Это проблема не нового вида доказательств, а способов изготовления и хранения существующих доказательственных форм (протоколов следственных действий, иных документов и т.п.), которую выше мы уже обсуждали.

Если о каких-то доказательствах *sui generis*, то как они должны выглядеть с точки зрения формы? Доказательство потому и является доказательством, что информационное содержание здесь облекается в специальную процессуальную форму, иначе никакого доказательства нет. Впрочем, появляются уже рассуждения о том, что «доказательственную роль в уголовно-процессуальном доказывании играет не материальный носитель цифровой информации..., а непосредственно цифровая информация», в силу чего «в уголовно-процессуальном доказывании цифровую информацию необходимо рассматривать вне ее материального носителя» [3, с. 8]. Как доказательство может существовать вне какой-либо процессуальной формы? Это примерно то же самое, что признать доказательством «окружающую нас действительность», которую мы видим, слышим, ощущаем. Такая идея никому в голову еще не приходила ввиду ее очевидной абсурдности. Однако, как только произносятся туманные для большин-

ства юристов слова «цифра» или «блокчейн», то чувство реальности многих немедленно покидает.

На самом деле, в специальных «электронных доказательствах» просто нет никакой нужды, что вовсе не означает отрицание современного виртуального мира или проявление к нему какого-то неуважения. Напротив, совершенно очевидно, что виртуальная реальность стала местом совершения многих преступлений (от продажи наркотиков до экстремизма). С этим никто не спорит. Более того, столь же очевидно, что виртуальная информация сегодня играет огромную роль при расследовании преступлений, которые сами по себе к виртуальному миру отношения не имеют и совершаются в мире реальном (убийства, изнасилования, грабежи и т.п.). Почти у любого обвиняемого или потерпевшего есть не только традиционный компьютер, но и смартфон, где содержится важнейшая информация, помимо того, нам важны профили в соцсетях, контакты, переписка в разного рода мессенджерах и т.п., причем чем выше сетевая активность обвиняемого или потерпевшего (а часто и обоих), тем больше доказательственной информации мы получаем. С этим опять-таки никто не спорит.

Но виртуальный мир *динамичен*, ничем в данном плане не отличаясь с информационной точки от мира реального. Все попытки представить его в виде какого-то застывшего до скончания веков «мифологического камня» (блокчейн и т.п.) не только наивны, но и являются элементарным неуважением к современным развивающимся (в основном, конечно, количественно) технологиям. Сомневающимся можно предложить найти в интернете что-то размещенное там лет 20 назад (также, как тогда многим казалось, навечно). Успех их ждет далеко не всегда, хотя для уголовного процесса два десятка лет — срок не такой уж и большой, особенно когда речь, например, идет о пересмотре приговора к пожизненному лишению свободы.

Как мы решаем проблему динамики реального мира, понимая, что оценивать информацию часто приходится не через два—три дня, а лет через 10—15 (в ЕСПЧ, Верховном суде и т.п.)? Иначе говоря, как мы превращаем *динамичный* мир в *статичную* информацию? С помощью того, что условно можно назвать «эффектом стабилизации», «фотографическим эффектом» и т.п., который действует по

принципу «остановись мгновение». Для этого нам и нужны стабилизирующие доказательственные матрицы (протокол, приложения к нему, вещественные доказательства и т.п.), например, протокол осмотра или обыска, которые фиксируют реальность в определенном месте в определенное время, поскольку сама по себе она бесконечно динамична, меняясь, по сути, ежесекундно. При этом «фиксирующие матрицы» должны быть максимально процессуально надежны. В этом, собственно, и заключается основной принцип доказывания.

Чем в этом смысле виртуальный мир отличается от реального? Ничем. Он также бесконечно *динамичен*. Поэтому попытка зайти, например, в ходе судебного разбирательства на какую-то страничку в интернете, когда участники процесса дружно нажимают по команде суда на розданных участникам процесса планшетах на какую-то ссылку (футуристическая картина), вполне может привести к тому, что на экранах появятся легендарные цифры «404» или нечто подобное, хотя за несколько месяцев (дней, минут) до этого там размещалась ценнейшая информация. Более того, даже если информация там остается, то нет никаких гарантий, что она не изменена, не скорректирована и т.п. Что остается делать? То же самое, что мы делаем в мире реальном: стабилизировать информацию с помощью специальных доказательственных форм, подтверждающих, что в такой-то день, час, минуту там-то и там-то содержалась та или иная информация. Ничего другого придумать нельзя, поскольку «непробиваемость» блокчейна существует лишь в умах теоретиков цифровизации, а не в реальной правоприменительной практике, где нас интересует другое: интернет, социальные сети, электронная почта и т.п. Но каковы могут быть доказательственные матрицы (формы) для виртуального мира? Точно такие же как для мира реального: протоколы, показания, документы, заключения эксперта (например, о дате размещения документа или публикации в соцсети) и т.п. Ничего более. Следует ли в такой ситуации детализировать виды доказательств, вводя в ч. 2 ст. 74 УПК РФ специальные положения о результатах осмотра страниц в интернете, файлов в компьютере, их выемке и т.п., которыми, впрочем, вне всяких сомнений, будут те же самые *протоколы*, которые у нас и так есть (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК)? Теоретически

сделать это можно, закрепив какие-то новые виды следственных действий или бесконечно детализируя все тот же п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК. Но зачем? Нам же не нужны были специальные правила об осмотре автомобилей, когда появились автомобили; об обысках на телефонных станциях, когда появились телефонные станции, и т.п., хотя криминалистически везде есть своя специфика. Вспоминаются слова Р. Иеринга о том, что соотношение между классическим правовым мышлением и попыткой все детализировать равно соотношению между европейскими языками и китайским языком: во втором случае для каждого понятия или явления нужен свой иероглиф, тогда как в первом случае достаточно небольшого алфавита из примерно трех десятков букв, чтобы выразить любую идею [5, с. 409]. Мы все-таки являемся представителями первого подхода, в том числе в праве, поэтому нет ни малейшей потребности менять методологию, переходя на систему «уголовно-процессуальных иероглифов».

Однако, даже в том случае, если мы решим уточнить в доказательственных формах какие-то нюансы, связанные с фиксацией информации, полученной в виртуальном мире, то речь пойдет всего лишь о локальных нюансах технического характера. Ни к какой уголовно-процессуальной революции это не приведет. Не наблюдается она и в остальных рассмотренных нами проявлениях цифровизации, в чем мы убедились выше.

В заключение вернемся к поставленному выше вопросу: почему столь странно ведут себя сегодня некоторые представители уголовно-процессуальной науки, которые вместо спокойного и непредвзятого анализа громогласно заявляют о «революции», сломе классической уголовно-процессуальной системы, рисуют какие-то непонятные футуристические картины, не имеющие ничего общего с реальностью? В чем причины такого ажиотажа, особенно на фоне взвешенности процессуалистов в гораздо более «революционные» в научно-техническом плане времена?

Есть, пожалуй, знакомый нам всем момент кампанейщины, напоминающий эпохи, когда все бросались сеять едва ли не в каждом дворе кукурузу или развивать продовольственную программу, причем даже те, от кого это не требовалось. Не случайно, что именно в трудах процессуалистов-«цифровизаторов» сегодня появились давно уже забытые ссылки на выс-

шие политические решения как основной аргумент в обоснование своей научной позиции [1, с. 132], хотя никто из высших должностных лиц государства нигде ничего не говорил об уголовном судопроизводстве и не требовал от каждого процессуалиста начинать сеять «цифровой формат» на каждом участке уголовно-процессуальной теории.

Но есть и другой аспект, заслуживающий более пристального внимания. Последние пару десятилетий прошли, как мы знаем, под знаком уголовно-процессуального противостояния сторонников континентальной и англо-американской модели уголовного судопроизводства. На каком-то этапе pokazалось, что первые одерживают верх, и нашему уголовному процессу суждено перейти к такому типу процесса, где все «состязаются» друг с другом и где, перефразируя Т. Гоббса, «сторона стороне волк». Однако, все эти идеи оказались слишком сильно оторваны от реальности, количество законодательных мер по продвижению к «великому будущему» тает на глазах, все они давно известны (следственный судья, отказ от стадии возбуждения уголовного дела, процессуализация ОРД и т.п.), их реализация в соседних с нами правовых системах либо провалилась, либо оказалась откровенной рутинной, даже отдаленно не напоминающей обещанный «революционный прорыв» к состязательности, в результате чего либеральные инновации превращаются в движение по кругу (бесконечные уточнения норм о защитнике и его правах, об основаниях заключения под стражу, об особых уголовно-процессуальных привилегиях предпринимателей и т.п.). Возникает впечатление, что интеллектуальный потенциал всего этого исчерпан, пресловутый «уголовный процесс XXI века» не состоялся, уголовное судопроизводство на институциональном уровне осталось уголовным судопроизводством, причем в его континентальной версии, столь нелюбимой сторонниками состязательности.

Что остается делать? Только радикализировать дискурс, для чего очень кстати оказалась цифровизация, позволяющая перевести дискуссию из реальных процессуальных проблем в квазинаучную псевдо-футурологическую плоскость. Дескать, уголовного процесса не будет, вместо него появится «пронырливый технократ (криминалист), робот в доказывании» [1, с. 137], что якобы и означает конец континентальной идеи. Но при всей технократичности рассуждений

вдруг вновь проскальзывает мысль о необходимости закрепить в УПК «перекрестный допрос» [1, с. 134] и не забывать, конечно, о знаменитой состязательности. Где-то рядом скорее всего витает и суд присяжных, которому никакая цифровизация не страшна. Отомрет только континентальная идея — идея англосаксонская бессмертна, по степени устойчивости она уступает разве что блокчейну. Таков стержневой хребет уголовного процесса будущего: робот-криминалист, блокчейн и перекрестный допрос. Комментарии излишни: *amen*.

Понятно, что все эти рассуждения и идеи серьезной научной перспективы не имеют. Строго говоря, не имеют они отношения и к новым технологиям как таковым. Это скорее попытка вернуться к прежним дискуссиям с новым интеллектуальным оружием, которое якобы должно обнулить прежние неудачи. Очень важно не дать себя увлечь ложными смыслами и не потерять драгоценное время развития уголовно-процессуальной науки на то, что в конечном итоге в очередной раз окажется «мыльным пузырем».

Литература

1. *Александров А.С.* Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2.
2. *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса // Проблемы теории и практики уголовного процесса / под ред. В.А. Панюшкина. Воронеж. 2006.
3. *Арутюнян З.С.* Основные проблемы собирания, проверки и оценки электронного документа в уголовно-процессуальном доказывании Республики Армения. Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Ереван. 2018.
4. *Зазулин А.И.* Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2018.
5. *Кабрияк Р.* Кодификации / пер. Л.В. Головки. М., 2007.
6. *Полянский Н.Н.* Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946.
7. *Сергеев М.С.* Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2018.
8. Отзыв официального оппонента Н.А. Колоколова на диссертацию Е.А. Мельникова, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук (<https://msal.ru/upload/main/00dissert/2016/Melnikov/Отзыв%20официального%20оппонента%20Н.А.%20Колоколова.pdf>).

Уголовный процесс. Проблемы теории и практики. Учебник. Под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой. 799 с. 2019 г. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассматриваются актуальные теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы уголовного судопроизводства. Содержатся правовые основы, отражающие изменения законодательства на момент издания настоящего учебника, обзор теоретических основ, включая основные, наиболее значимые точки зрения, выработанные в науке, проблемные вопросы для научной дискуссии и дальнейших научных исследований.

Для адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций высшего образования, научных работников.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10003

© С.И. Гирько, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Иванович Гирько,

главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор

Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

(125130, Москва ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1)

E-mail: syvorina959134@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы современного состояния уголовно-процессуального статуса, соответствия степени правовой разработанности и регламентации компетенций ФСИН России, уголовно-исполнительной системы, начальников учреждений и органов УИС тем задачам, общественным отношениям и практике, которые стоят перед перечисленными учреждениями и должностными лицами как органами дознания, в формате действующего в Российской Федерации уголовно-процессуального законодательства. Анализируются научные результаты исследований по проблеме; содержатся предложения по корректировке уголовно-процессуального статуса пенитенциарной системы, внесения конкретных предложений в разрабатываемую Концепцию развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. и УПК РФ в целях разрешения названных проблем.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации, уголовно-процессуальная компетенция ФСИН России, дознание, органы дознания и их статус по УПК РФ, должностные лица уголовно-исполнительной системы как органы дознания, проблемы уголовно-процессуального статуса ФСИН России и ее органов и должностных лиц, пути решения названных проблем.

CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT STRATEGY OF CRIMINAL PROCEDURE COMPETENCE OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey I. Gir'ko,

Chief Researcher,

Honored Scientist of the Russian Federation,

Doctor of Law, Professor

Federal public establishment «National Research Institute of the Penal system of the Russian Federation»

(125130, Moscow, ul. Narvskaya, d. 15a, str. 1)

Abstract. The problems of the current state of the criminal procedure status, compliance with the degree of legal development and regulation of the competence of the FSIN of Russia, the penal enforcement system, heads of institutions and bodies of the penal system to the tasks, social relations and practice that are faced by the listed institutions and officials, as bodies of inquiry, in the format of the current criminal procedure legislation in the Russian Federation. The paper analyzes the scientific results of research on the problem, contains proposals to adjust the criminal procedure status of the penitentiary system, making specific proposals in the developed Concept of the development of the penitentiary system for the period up to 2030 and the code of criminal procedure in order to resolve these problems.

Keywords: Federal service of execution of punishments of the Russian Federation, criminal procedure competence of the Federal penitentiary service of Russia, the inquiry, the investigative bodies and their status under the criminal procedure code of the Russian Federation, officials of the penal system, as the bodies of inquiry, problems of criminal-procedural status of the Federal penitentiary service of Russia and its bodies and officials, ways of solving these problems.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Гирько С.И. Современное состояние и стратегия развития уголовно-процессуальной компетенции уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):26-9.

Проблема существующего правового положения уголовно-исполнительной системы в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, и, в частности, уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы (далее УИС) как таковой, отдельных должностных лиц

УИС — начальников ее органов и учреждений (далее ИУ), конкретных сотрудников, которым поручается производство процессуальных и следственных действий, проверки поступающих в ИУ сообщений и заявлений, иной информации о происшествиях и преступлениях, привлекает к себе постоянное внимание исследователей — ученых процессуалистов, принадлежащих к различным государственным структурам. Зачастую такие компетенции подвергаются анализу через «призму» их адекватности тем задачам и вызовам, которые сегодня диктует состояние и динамика развития общественных отношений.

К сожалению, в большом количестве научных материалов наличие уголовно-процессуальных полномочий у субъектов УИС подается, как данность, некая *Constanta*, что при попытке выдать желаемое за действительное, создает иллюзию полноты процессуальных возможностей, приносит непоправимый вред полномочиям ФСИН России, как федерального органа исполнительной власти и уголовно-процессуальной компетенции УИС, которая в действительности обладает ею в сильно усеченном виде.

По результатам проведенных автором исследований, УИС в формате уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, исходя из закрепленных за ее органами и должностными лицами функций, способна выступать в качестве многопрофильного и полифункционального, самостоятельного субъекта уголовного судопроизводства.

В то же время, с нашей точки зрения, сложившееся правовое положение, как самой УИС, так и ее отдельных должностных лиц в уголовном судопроизводстве Российской Федерации является собирательным, а потому, достаточно размытым. Данный вывод опирается, прежде всего, на тот факт, что до настоящего времени никаким единым законодательным актом, в том числе ведомственным, этот статус не регламентирован, а уголовно-процессуальные полномочия субъектов УИС внутри системы не распределены и не закреплены.

Между тем, как представляется, центральное место среди основных функций УИС в формате досудебного судопроизводства, безусловно, должно было бы определяться ее правовым положением

органа дознания, обладающего всей необходимой полнотой уголовно-процессуальных полномочий. Именно так это обстоит с компетенцией федеральных органов исполнительной власти, обладающих уголовно-процессуальным статусом, закрепленным в ч. 3 ст. 151 УПК РФ: органов внутренних дел (п. 1 ч. 3), пограничных органов ФСБ России (п. 3 ч. 3), органов Федеральной службы судебных приставов (п. 4 ч. 3), таможенных органов (п. 9 ч. 3), органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы (п. 6 ч. 3).

Очевидно, что процессуальные полномочия, если они исходят из задач противодействия криминальной активности, должны делегироваться в тех случаях, когда конкретные задачи органов и субъектов, потребность в использовании арсенала процессуальных средств, вызывается реалиями их практики, осознанием того, что отсутствие подобных возможностей создает препятствия для эффективной реализации профессиональных задач.

Исходя из подобной логики — названная выше регламентация должна быть адресована начальникам учреждений и органов УИС, прежде всего тех, в которых отбывают наказание лица, приговоренные судами к лишению свободы, где обособленно от внешней среды содержатся лица с устойчивой криминальной жизненной позицией, противодействующие администрации ИУ и в этой связи, активно вовлекающие в круг своего негативного влияния осужденных, колеблющихся или не имеющих подобной установки вовсе, использующие в этой борьбе любые не правовые средства.

Полагаем, что во всех случаях появления информации о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками подчиненных пенитенциарных учреждений, а также о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений иными лицами, начальники ИУ вполне обоснованно могли бы рассчитывать на узаконенное право использовать в полном объеме свои полномочия начальника органа дознания. Однако сегодня, к сожалению, это для них невозможно.

В объеме настоящей публикации сложно представить все имеющиеся аргументы в пользу адек-

ватной стоящим задачам регламентации для субъектов УИС уголовно-процессуальных полномочий.

Остановимся лишь на предложениях, которые с учетом их последующего закрепления в УПК РФ, позволили бы с одной стороны усилить возможности пенитенциарной системы в вопросах противодействия криминальной активности лиц, осужденных за преступления, а с другой, обеспечить стратегическое развитие и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и адекватную стоящим задачам правовую регламентацию компетенций как УИС, так и отдельных ее субъектов.

Уместно напомнить, что п. 4 ст. 117 УПК РСФСР относил к органам дознания начальников исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых и воспитательно-трудовых профилакториев, наделяя их тем самым полномочиями таких органов в полном объеме и, соответственно, указанные субъекты обладали процессуальными полномочиями органа дознания в полном объеме.

Имеют ли сегодня должностные лица УИС возможность воспользоваться уголовно-процессуальными правами, присущими органам дознания? Ответ очевиден — нет! В настоящее время им предоставлено лишь право производства неотложных следственных действий по пенитенциарным преступлениям.

Полагаем, что в нынешнем виде эти полномочия представляют собой запутанную и, даже, запущенную субстанцию, которая не способствует повышению эффективности процессуальной деятельности вышеперечисленных субъектов, а всячески тормозит ее.

Позиция автора основана на том, что УПК РФ только однажды, а именно, в ч. 2 ст. 157, упоминает УИС в прямой постановке, регламентируя в п. 5 указанной нормы полномочия по производству неотложных следственных действий начальников учреждений и органов системы.

В числе базовых законодательных актов, определяющих основы Федеральной системы исполнения наказаний Российской Федерации только однажды: в Законе Российской Федерации № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», приня-

том 21 июля 1993 года, в п. 11 ст. 13 устанавливает обязанность учреждений, исполняющих наказание, производить в предусмотренном законодательством Российской Федерации случаях и порядке уголовно-процессуальные действия.

Необходимо отметить, что приведенная автором логика рассуждений и конкретные предложения в сентябре 2017 года доложена руководству ФСИН России и получила поддержку. Полагаем, что начавшаяся разработка Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года учтет вышеизложенные потребности практики. Члены рабочей группы, работающие над материалами концепции, пришли к единому мнению, что регламентировать уголовно-процессуальную компетенцию УИС и ее органов, включая полномочия должностных лиц необходимо и начинать такую работу надо с закрепления вектора развития уголовно-процессуальной компетенции пенитенциарной системы в этом базовом документе. Затем — разработка и включение конкретных изменений в УПК РФ и УИК РФ, ведомственные нормативные правовые акты.

И в этой плоскости: во-первых, полагаем, что в целях конкретизации и укрепления уголовно-процессуальных компетенций субъектов УИС к числу органов дознания должна быть отнесена уголовно-исполнительная система, как таковая, и ее органы: федеральный и территориальные, а также учреждения, исполняющие уголовные наказания.

Второе, к числу учреждений и органов, которые в перспективе могли бы быть наделены полномочиями органов дознания, должны быть отнесены учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, перечисленные в п. 9 ст. 16 УИК РФ, а именно — колонии поселения, воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения, исправительные колонии общего, строгого или особого режима, тюрьмы, а также следственные изоляторы.

Важнейшим в плане формирования уголовно-процессуальной компетенции органов дознания УИС является определение для них индивидуальной подследственности.

Представляется, что помимо уголовных дел о преступлениях, указанных в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, к подследственности УИС могли бы быть отнесены

такие преступления, как действия, дезорганизующие работу ИУ, побеги, преступления небольшой тяжести среди осужденных, побои, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, и другие преступления, наиболее часто совершаемые в учреждениях УИС, по которым должно производиться дознание в полном объеме или сокращенной форме, а также в объеме неотложных следственных действий с последующей передачей возбужденных уголовных дел профильному органу расследования для производства предварительного следствия.

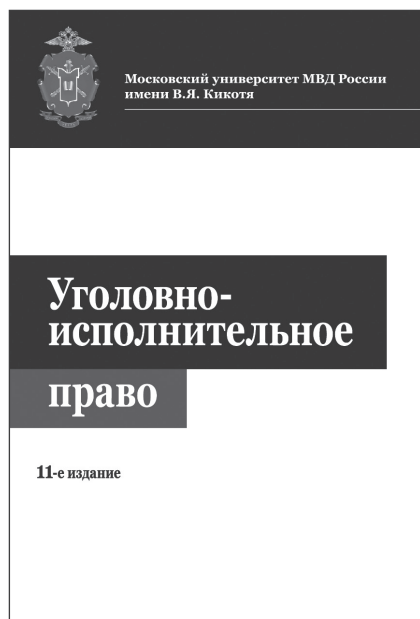
Что же касается наделения полномочиями начальника органа дознания начальников учреждений и органов УИС, то с внесением вышеуказанных изменений в УПК РФ, это произойдет естественным образом. Должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель в соответствии с п. 17 ст. 5 Кодекса является — начальником органа дознания.

Аналогичным образом должен решаться вопрос и о дознавателе. В соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ

им может являться как штатный сотрудник — должностное лицо органа дознания правомочное осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные процессуальные полномочия, так и должностное лицо, уполномоченное на производство таких действий начальником органа дознания, т.е. наиболее подготовленный сотрудник, назначаемый начальником ИУ для осуществления дознания.

А параллельно с этим потребуется организовать на базе образовательных учреждений ФСИН России подготовку и повышение квалификации специализированных кадров для работы по дознанию, совершенствование их практического мастерства.

Полагаем, что приведенными рамками и должны быть ограничены компетенции всех вышеперечисленных органов УИС, что и предопределяет стратегию развития как уголовно-процессуальной компетенции самой УИС, так и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в целом.

Уголовно-исполнительное право. 11-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. С.М. Иншакова, А.П. Скибы. 303 с. 2019 г. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены вопросы, касающиеся понятия и предмета уголовно-исполнительного права, системы уголовно-исполнительного законодательства, правового положения лиц, в отношении которых исполняется наказание, общих принципов исполнения наказания.

Освещены вопросы исполнения всех видов уголовных наказаний (обязательные работы, ограничение свободы, арест) и наказаний, применяемых в отношении осужденных военнослужащих. Рассмотрены освобождение от отбывания наказания, участие адвоката в подготовке и рассмотрении дел Европейским судом по правам человека, тюремные системы зарубежных стран.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших юридических образовательных учреждений, а также специалистов уголовной юстиции и исполнения наказания.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10004

© В.В. Николук, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ СУДЕЙ

Вячеслав Владимирович Николук,

главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства
член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Российский государственный университет правосудия (117418, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 69)
E-mail: nvv56@mail.ru

Аннотация. На основе материалов IX Всероссийского съезда судей (6—8 декабря 2016 г.) и материалов проведенного Верховным Судом РФ обобщения практики рассмотрения судами вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (2017—2018 гг.), в котором принял участие автор, анализируются отдельные направления совершенствования законодательства об исполнении приговора, которые, по мнению судей, являются в современный период приоритетными.

Ключевые слова: законодательство, суд, осужденный, приговор, исполнение приговора, наказание, замена наказания, штраф, частичная уплата штрафа.

STRATEGY OF DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION ON THE ENFORCEMENT OF SENTENCE VIEWS OF RUSSIAN JUDGES

Vyacheslav V. Nikoluk,

Chief Researcher, Criminal Justice Issues Department
Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation
Russian State University of Justice (117418, Moscow, Novocheriomushkinskaya ul., d. 69)

Abstract. In the article on the basis of the materials IX Russian Congress Judges (6—8 december, 2016) and materials of the Supreme Court of the Russian Federation generalization of practice of consideration by courts of the questions connected with replacement of punishment in case of malicious evasion from its serving (2017—2018) in which the author took part, certain directions of improvement of the legislation on execution of a sentence which, according to judges, are in the modern period priority are analyzed.

Keywords: legislation, court, convict, sentence, execution of sentence, punishment, replacement of punishment, fine, partial payment of fine.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Николук В.В. Стратегия развития законодательства об исполнении приговора в представлениях российских судей. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):30-3.

Сформулированный в конце XX в. известным европейским криминалистом профессором Лувенского университета (Бельгия) Франсуазой Тулкенс и трудно уязвимый с точки зрения главного назначения уголовного наказания (восстановление нарушенного преступлением баланса) тезис: «Именно преобразования на уровне наказания предопределяют в настоящее время все те кардинальные изменения, которые можно наблюдать в области уголовного права и уголовной юстиции» [1, с. 11] стал практически воплощаться в это же время в российском материальном и процессуальном уголовном праве в виде тенденции на вытеснение наказания в системе мер реагирования государства на преступления (главным образом на преступления небольшой и средней тяжести) альтернативными средствами, не отягощенными такими атрибутами, как уголов-

ное преследование, уголовная ответственность и наказание.

Выстраивание публично-правовой карательной цепочки «наказание — альтернативные меры уголовно-правового воздействия», сопровождаемое смягчением карательного потенциала ряда наказаний при отсутствии эффективного механизма их исполнения, создает обманчивое впечатление об успешности уголовной юстиции, выполнении в основном уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством своих задач. Напротив, без преувеличения можно говорить о кризисе уголовной юстиции, с очевидностью проявляющемся, в том числе, в потенциально слабой системе наказаний, закреплённой в ст. 44 УК РФ (разграничение критериев выбора сходных наказаний крайне затруднительно, факти-

чески суды используют три вида наказания — лишение свободы, обязательные работы и штраф) [2, с. 17], чрезмерном упрощении судебного порядка замены наказаний более суровым его видом в случае уклонения осужденного от отбывания наказания, несогласованности, противоречивости уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства [3, с. 116—122], низкой эффективности реального исполнения наказаний в виде обязательных работ, штрафа (например, по данным А.А. Толкаченко, исполняемость штрафа не превышает 30% [4, с. 26]).

В плане оптимизации законодательства об исполнении приговора, и в частности базовой для судебного контроля за исполнением наказаний главы 47 УПК РФ «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора», безусловный интерес представляет позиция судей по наиболее важным правовым конструкциям, определяющим пределы участия суда в исполнении наказаний и процедуру производства по делам о замене наказания, отмене условного осуждения.

В контексте анализируемой проблематики нельзя не обратить внимание на обсуждаемый на страницах юридической печати и инициированный IX Всероссийским съездом судей вопрос о передаче рассмотрения дел об условно-досрочном освобождении осужденных от отбывания наказания (далее — УДО) и освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, наблюдательным комиссиям (далее — НК), образуемых в субъектах РФ с участием в их составе представителей заинтересованных органов власти (пункт 3 постановления Всероссийского съезда от 8 декабря 2016 г.). Подобный подход к устоявшемуся судебному порядку разрешения данных вопросов имеет как сторонников, так и противников.

Сторонники такой реформы в законодательстве (в силу значимости правовых последствий для осужденного в виде освобождения от отбывания наказания, устранения суда от разрешения таких дел по существу и их распространенности (за 2015—2017 гг. судами рассмотрено 353 тыс. дел об УДО, по 153,4 тыс. из них суды приняли положительное решение) есть все основания говорить в данном случае именно о своеобразной судебно-правовой реформе) рассуждают следующим образом.

По мнению В.И. Качалова, для рассмотрения вопросов об УДО и освобождения от наказания по болезни пригодной будет следующая модель, состоящая из трех этапов.

На первом этапе прокурор как представитель государства и профессиональный участник уголовного судопроизводства дает мотивированное заключение о наличии либо отсутствии материально-правовых оснований для УДО осужденного. Положительное заключение прокурора влечет за собой заседание НК по рассмотрению вопроса об УДО. В случае отрицательного заключения прокурора НК неправомочно собираться для проведения заседания по такому заключению.

Второй этап происходит непосредственно в НК с обязательным участием прокурора, где предметом исследования будут являться заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности УДО, данные о личности осужденного. Правом участвовать в заседаниях НК наделяются осужденный, потерпевший, его представитель, законный представитель. В ходе заседания НК ведется протокол по общим правилам судебного заседания. Само же решение НК предполагается принимать в совещательной комнате путем открытого голосования при нечетном количестве членов НК (5—7 человек). Оно может носить как позитивный (об УДО или об освобождении от наказания в связи с болезнью) или отрицательный (об отказе в этом) характер.

Третий этап возникает при обжаловании решения НК в суд в порядке ст. 125 УПК РФ осужденным, потерпевшим, прокурором [5, с. 125—139].

Как видно из изложенного, предложенная модель рассмотрения НК вопросов об УДО и освобождении от наказания по болезни детально не проработана, фактически предполагает введение в уголовный процесс нового самостоятельного коллективного участника, наделенного процессуальными правами и обязанностями. Абсолютно не прозрачен третий этап предложенной модели: не совсем понятно, какие решения в рамках обсуждаемой проблемы будет правомочен принимать суд по результатам проверки указанных жалоб, представления прокурора. Можно только догадываться, исходя из конструкции ст. 125 УПК РФ и ее назначения в уголовном процессе, что суд вправе будет признавать законным или незаконным решение НК по вопросу

УДО и об освобождении от наказания по болезни с последующим принятием НК нового решения.

Главное же при восприятии обсуждаемой модели рассмотрения дел об УДО состоит в следующем: зачем разрушать оправдавший себя судебный порядок производства по делам об УДО и освобождении от наказания по болезни? Какие веские причины есть к тому, чтобы вывести эти дела из юрисдикции судов, из сферы правосудия? Если за счет таких реформ ожидается снижение служебной нагрузки судей, то это далеко не очевидно. Соответствующих расчетов никто не делал. Привлечение же судей к проверке жалоб осужденных, потерпевших, представлений прокурора «даст» явно ощутимую и скорее всего равнозначную нагрузку на них.

Принципиально не соглашаясь с идеей передачи в юрисдикцию НК дел об УДО, Л.А. Пупышева резонно замечает: рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением судебных решений, должно оставаться исключительной прерогативой суда. В пользу такой позиции выступают множество аргументов, среди которых важность обеспечения в первую очередь прав, свобод и интересов, которые являются предметом судебного рассмотрения в производстве по делам об УДО, об освобождении от наказания по болезни и по другим вопросам, перечисленным в ст. 397 УПК РФ. Приговор — важное, базисное для уголовного судопроизводства решение. Деятельность суда по его постановлению олицетворяется исключительно с правосудием. Любое отклонение от приговора, в том числе в части освобождения осужденного от предусмотренного им наказания (условно или безусловно), также допустимо только в рамках осуществления правосудия [6, с. 173—176].

Дополнительно отметим, что трактовка судебного производства по делам об УДО и об освобождении от наказания в связи с болезнью как формы осуществления уголовного правосудия, а именно на этой позиции в настоящее время стоит Верховный Суд РФ, что прямо зафиксировано в пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», не допускает изъятия из компетенции судов указанной категории дел с передачей их в юрисдикцию общественного органа в лице НК. Представители последнего могут быть допущены для обществен-

ного контроля к участию в судебном заседании по вопросам УДО и освобождения от наказания по болезни, но не более.

Системные проблемы сопровождают исполнение наказания в виде штрафа. Одним из основных вопросов, который возникает у судов при рассмотрении представлений о замене штрафа другим видом наказания в случаях частичной уплаты штрафа, — выбор иного вида наказания и его срока, определение соразмерности уплаченной части штрафа новому наказанию. В пункте 5.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» от 22 декабря 2015 г. № 59) по этому поводу разъясняется: вид и срок иного наказания в таких случаях определяются исходя из размера неуплаченного штрафа.

Данной «установки» Пленума Верховного Суда РФ нижестоящим судам явно недостаточно для того, чтобы судьи четко ориентировались в выборе нового наказания и определении его срока осужденному, признанному судом злостно уклоняющимся от уплаты штрафа. В связи с этим многими судами (Верховный Суд Республики Бурятия, Верховный Суд Чувашской Республики, Забайкальский краевой суд, Архангельский, Липецкий, Нижегородский, Тульский областные суды) Пленуму Верховного Суда РФ и законодателю адресуется как требующий дополнительного разъяснения и отражения в законодательстве следующий вопрос: «По каким критериям, исходя из размера неуплаченного штрафа, следует определять вид и срок иного наказания, на которое может быть заменен штраф в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания?».

По мнению многих судов субъектов РФ (Ставропольский краевой суд, Иркутский, Нижегородский, Оренбургский, Челябинский областные суды) целесообразно рассмотреть вопрос о внедрении правового механизма, предусматривающего возможность уменьшения суммы штрафа в зависимости от срока уплаты штрафа. Данный механизм, по аналогии с ч. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ, будет являться, по мнению судей, фактором, стимулирующим ско-

рейшую уплату осужденным лицом суммы штрафа в соответствующем объеме.

Тамбовский областной суд выступает за необходимость на законодательном уровне предусмотреть возможность принудительного привода службой судебных приставов осужденных лиц в суд для рассмотрения представлений о замене наказания и отмене условного осуждения. Данное предложение обусловлено тем, что уголовно-процессуальный закон определяет привод как принудительное доставление лица к дознавателю, следователю или в суд (ч. 2 ст. 113 УПК РФ). Среди участников, которые могут быть подвергнуты приводу, осужденный прямо не назван.

Ивановским областным судом высказывается предложение, согласно которому по представлениям, внесенным в суд ОВД или учреждением (органом) уголовно-исполнительной системы) в соответствии с п. 18.1 ст. 397 УПК РФ, в законе следовало бы отдельно оговорить срок их рассмотрения по аналогии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ, установившей 8-часовой срок разрешения ходатайства о заключении под стражу подозреваемого или обвиняемого с момента поступления материалов в суд. В настоящее время в данной ситуации суды ориентируются на 48-часовой срок задержания осужденного без судебного решения, предусмотренного нормами УИК РФ.

С точки зрения Волгоградского областного суда требует обсуждения ситуация, возникающая в связи с отменой в апелляционном или кассационном порядке незаконных решений нижестоящих судов о замене наказания, в случае злостного уклонения, и направлением дела на новое судебное рассмотрение либо при отказе в удовлетворении представления с прекращением по нему производства. Время содержания под стражей или отбывания нового наказания в указанных случаях в силу пробела в законодательстве не позволяет зачесть его в срок назначенного наказания. В связи с этим, если принимать во внимание тот факт, что вред, причиняемый осужденному в результате незаконного содержания под стражей при незаконной отмене условного осуждения, замене наказания, имеет уголовно-процессуальное происхождение, будет оправданным на базе главы 18 УПК РФ дополнительно сформулировать положения, призванные регламентировать основания и порядок возмещения указанного вреда осужденным. При этом надлежит иметь в виду, что возмещаться должен

вред, непосредственно причиненный осужденному задержанием и заключением его под стражу (например, суммы, выплаченные в связи с оказанием юридической помощи, транспортных услуг).

Судами обозначены и другие направления совершенствования законодательства об исполнении приговора (много предложений, например, высказано о целесообразности расширения полномочий судебных приставов-исполнителей в рамках исполнительного производства, ведущегося в связи с назначением наказания в виде штрафа), которые «выстраданы» судебной практикой и «выросли» из нее. Они нуждаются в тщательном анализе с целью подготовки окончательных предложений *de lege ferenda*, которые могут быть реализованы Верховным Судом РФ как субъектом законодательной инициативы.

Литература

1. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. М., 2002.
2. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Уголовное наказание: проблемы теоретического понимания и уголовно-политическое значение // Уголовное право. 2017. № 4.
3. Николюк В.В. Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительные кодексы Российской Федерации: точки соприкосновения и проблемы согласования // Уголовное право. 2016. № 3.
4. Толкаченко А.А. Некоторые проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в практике судов общей юрисдикции // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы 2-й Междунар. науч. практ. конф. (Москва, 11—12 апреля 2012 года): в 2 ч. Ч. 2. М., РАП. 2013.
5. Качалов В.И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М., 2017.
6. Пупышева Л.А. Дискуссионные вопросы процедуры рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, в свете решений IX Всероссийского съезда судей // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений УИС. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки. 2017.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10005

© А.В. Гриненко, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО,
ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ И ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ИНЫХ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ СНГ**

Александр Викторович Гриненко,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76)
E-mail: avgrinenko2@mail.ru

Аннотация. Исследуется спорные вопросы привлечения в качестве обвиняемого в соответствии с законодательством России и иных государств — членов СНГ. Обоснован вывод о целесообразности оставления данной процедуры в УПК РФ; выработаны предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: уголовное дело, следователь, обвинение, подозреваемый, обвиняемый, допрос.

**ATTRACTION AS THE ACCUSED, THE ARRAIGNMENT
AND INTERROGATION OF THE ACCUSED UNDER THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND OTHER MEMBER COUNTRIES OF THE CIS**

Aleksandr V. Grinenko,

Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and criminalistics,
Honored lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (119454, Moscow, prospekt Vernadskogo, d. 76)

Abstract. The article explores the controversial issues of bringing as an accused in accordance with the legislation of Russia and other CIS member countries. The conclusion about expediency of leaving of this procedure in CPC RF is proved, but at the same time offers on its improvement are developed.

Keywords: criminal case, the investigator, the prosecution, the suspect, accused, questioning.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Гриненко А.В. Привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения и допрос обвиняемого по законодательству Российской Федерации и иных государств—членов СНГ. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):34-6.

В настоящее время привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения и допрос обвиняемого является центральным этапом досудебного производства по уголовному делу. Значение этой деятельности переоценить трудно, ведь объем обвинения, отраженный в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, впоследствии в неизменном виде используется в обвинительном заключении, а также становится предметом исследования в ходе судебного разбирательства.

В научной литературе выказана позиция, согласно которой институт предъявления обвинения — это отживший свое процессуальный институт, подлежащий отмене. В частности, уважаемый

профессор Б.Я. Гаврилов подготовил и опубликовал статью «Мифы и реальности института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству?», в которой весьма глубоко обосновал предложение внести в УПК РФ изменения, которые предусматривали бы, по аналогии с ныне действующей процедурой дознания, замену предъявления обвинения на процессуальные нормы об уведомлении лица при возникновении в отношении его обоснованного подозрения [1, с. 60]. Несомненно, данное предложение, будучи внедренным, позволит сконцентрировать внимание следователя на выполнении других процессуальных действий.

Вместе с тем для установления действительной необходимости такого нововведения представляется целесообразным изучить опыт правового регулирования деятельности по наделению лица статусом обвиняемого, имеющийся в иных государствах — членах СНГ.

В соответствии с УПК Республики Казахстан на всем протяжении предварительного расследования уголовное преследование осуществляется в отношении лица, наделенного процессуальным статусом подозреваемого, а обвиняемым оно становится после утверждения обвинительного акта прокурором (ч. 1 ст. 65). Вместе с тем, если углубиться в содержание данного закона, становится очевидным, что подозреваемый обладает гораздо большими правами по ознакомлению с содержанием выдвинутого в отношении него подозрения, чем это имеет место в российском уголовном судопроизводстве.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 64 УПК Республики Казахстан подозреваемым в числе прочих оснований является лицо, в отношении которого вынесено постановление о признании в качестве подозреваемого или постановление о квалификации деяния подозреваемого. Допрос подозреваемого происходит с учетом той информации, которая сообщается лицу о выдвинутом ему подозрении, в том числе выясняется вопрос о том, признает ли подозреваемый себя виновным в совершении преступления (ст. 216 УПК Республики Казахстан).

В УПК Кыргызской Республики предусмотрена в целом аналогичная процедура, вместе с тем в ст. 234 данного акта содержится развернутое описание документа, именуемого уведомлением о подозрении. В частности, в нем должны быть указаны содержание подозрения, предварительная правовая квалификация преступления и (или) проступка, в совершении которого подозревается лицо.

В УПК Республики Беларусь (гл. 27, ст. 240—245) содержится процедура привлечения в качестве обвиняемого и допроса обвиняемого, весьма сходная с российской. Вместе с тем права обвиняемого по УПК Республики Беларусь несколько заужены, ведь в ч. 1 ст. 43 указано, что обвиняемый имеет право на защиту, а орган, ведущий уголовный процесс, обязан обеспечить обвиняемому возможность осуществлять принадлежащее ему право на защиту

всеми законными средствами и способами. Следует обратить внимание на то, что лицо должно иметь право защищаться любыми средствами и способами, не только закрепленными законом, но и прямо не противоречащими ему.

В соответствии с УПК Республики Молдова обвиняемый в уголовном процессе появляется лишь в самом конце предварительного расследования, постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносит прокурор после изучения поступивших к нему материалов уголовного дела с заключением органа уголовного преследования (ст. 281). Вместе с тем в ходе предварительного расследования подозреваемый обладает значительными процессуальными правами, в частности, правом знать, в чем он подозревается, быть уведомленным в присутствии защитника, на понятном ему языке о содержании подозрения и юридической квалификации преступного деяния, в котором он подозревается (п. 1 ч. 2 ст. 64).

Основное отличие между подозреваемым и обвиняемым по УПК Республики Узбекистан заключается в том, что основным участником предварительного расследования считается обвиняемый (ст. 45), а подозреваемым признается лицо, в отношении которого в деле имеются определенные данные о совершении им преступления, однако этих данных недостаточно для привлечения его к участию в деле в качестве обвиняемого (ст. 47).

В ст. 245 УПК Республики Туркменистан детально регламентирована процедура привлечения лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. В целом она аналогична действующей в Российской Федерации, однако заметим, что понятия «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности» — разноплановые понятия, лицо можно считать привлеченным к уголовной ответственности лишь с момента вступления в отношении него обвинительного приговора в законную силу.

Таким образом, позитивно оценивая опыт правового регулирования в большинстве государств — членов СНГ, можно сделать вывод о том, что предложение об отмене процедуры привлечения в качестве обвиняемого является вполне приемлемым как в теоретическом, так и в практическом планах. Вместе с тем центр тяжести, на наш взгляд, должен

быть перемещен на то, что лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, должно быть надделено широким спектром процессуальных возможностей, в частности, правом знать, какое именно подозрение в отношении него выдвинуто (в развернутом виде), правом получать копию соответствующего процессуального документа, а также иными правами в ходе предварительного расследования. Если предъявление подозрения представить в УПК РФ в виде детально регламентированной процедуры, а надделение лица процессуальным статусом обвиняемого переместить на заключительный этап предварительного расследования, данный механизм, как представляется, будет вполне жизнеспособным.

Имеются определенные замечания и к процедуре допроса обвиняемого в том виде, в котором она в настоящее время закреплена в УПК РФ. С одной стороны, на допрос распространяются общие правила, которые действуют в допросах любых участников уголовного процесса (ст. 189). Но, с другой стороны, те особенности, которые отражены в ст. 173 УПК РФ, порождают некоторые замечания.

Так, в соответствии с ч. 1 данной статьи закреплено, что обвиняемый подвергается допросу немедленно, т.е. сразу же после того, как ему было предъявлено обвинение и разъяснены соответствующие права. Это правило дает возможность следователю задавать вопросы по существу предъявленного обвинения, а обвиняемому — наиболее быстро представить оправдывающие его доказательства.

Вместе с тем нельзя не отметить, что данное правило не соответствует положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [2], где в п. «b» ч. 3 ст. 6 указано, что каждый обвиняемый в совершении преступления должен иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. В этой связи требуется внести в УПК РФ изменения и в ч. 1 ст. 173 предусмотреть более гибкую процедуру допроса обвиняемого. Лицу требуется разъяснить как то, что он вправе давать показания немедленно, так и то, что это может быть им сделано через некоторый промежуток времени, в том числе после свидания с защитником наедине.

Далее, вызывает сомнения эффективность правила, согласно которому следователь выясняет у об-

виняемого, признает ли он себя виновным и желает ли дать показания, в самом начале допроса. Здесь обвиняемому по сути приходится давать собственную оценку предъявленному ему обвинению еще перед тем, как он дал (при желании) развернутые показания. Кроме того, это создает неблагоприятную психологическую атмосферу в ходе допроса, ведь отказ обвиняемого признать себя виновным в начале допроса, как правило, означает и его отказ от дачи последующих показаний.

Более адекватная, на наш взгляд, процедура, закреплена в УПК Республики Туркменистан, где в ч. 2 ст. 256 установлено, что следователь должен выяснять у обвиняемого, признает ли тот себя виновным полностью или частично либо отрицает свою вину, «в ходе допроса». Правда, впоследствии, в ч. 3, это правило все же было привязано именно к началу дачи показаний.

И, наконец, нужно обратить внимание на то, что в соответствии с ч. 4 ст. 173 УПК РФ повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе может производиться только по просьбе самого обвиняемого. Представляется, что это правило, во-первых, подталкивает следователя к многократному изменению обвинения лишь для того, чтобы иметь возможность еще раз допросить обвиняемого, а, во-вторых, нарушает правило о процессуальной самостоятельности следователя, ведь вопрос о производстве следственного действия — допроса решает не сам следователь, а обвиняемый. В этом плане требуется указать на право следователя допрашивать обвиняемого и на право обвиняемого сохранять молчание.

Таким образом, указанные изменения, будучи введенными в УПК РФ, по нашему мнению, позволят повысить и эффективность предварительного расследования, и уровень защищенности прав и законных интересов вовлеченных в данную деятельность лиц.

Литература

1. Гаврилов Б.Я. Мифы и реалии института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству? // Судья. 2018. № 4.
2. Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10006

© А.Г. Халиулин, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРОВ АПЕЛЛЯЦИОННЫМИ И КАССАЦИОННЫМИ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Александр Германович Халиулин,

заведующий кафедрой, доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса
Университет прокуратуры Российской Федерации (117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1)

E-mail: khaliulin.ag@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены изменения в законодательстве в связи с созданием в Российской Федерации кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции. Выявлены проблемы, которые следует решить для эффективного функционирования этих судов. Сделаны предложения по совершенствованию законодательства и практики правоприменения.

Ключевые слова: апелляционный суд, кассационный суд, приговор, решение суда, инстанция, жалоба.

THE PROBLEM OF REVISION OF THE VERDICTS OF THE APPELLATE AND CASSATION COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Aleksandr G. Haliulin,

Head of Department, Doctor of Law, Professor,

Honored Lawyer of the Russian Federation, State Counselor of Justice Grade 3

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (117638, Moscow, ul. Azovskaya, d. 2, corp. 1)

Abstract. Deals with changes in legislation in connection with the creation of cassation courts of General jurisdiction and appellate courts of General jurisdiction in the Russian Federation. The author identifies the problems that should be solved for the effective functioning of these courts. Based on the results of their consideration, proposals were made to improve the legislation and practice of law enforcement.

Keywords: court of appeal, court of cassation, sentence, court decision, instance, complaint.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Халиулин А.Г. Проблемы пересмотра приговоров апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):37-9.

Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» было предусмотрено создание пяти апелляционных судов общей юрисдикции (в городах Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Нижнем Новгороде, Новосибирске) и военного апелляционного суда в городском округе Власиха Московской области, а также девяти кассационных судов общей юрисдикции (в городах Саратове, Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Пятигорске, Самаре, Челябинске, Кемерово, Владивостоке) и кассационного военного суда в городе Новосибирске.

Апелляционные суды общей юрисдикции будут являться вышестоящими судами, пересматривающими в апелляционном порядке приговоры и иные судебные решения верховных судов республик, кра-

вых, областных судов, судов автономной области, автономных округов, городов федерального значения, а также окружных (флотских) военных судов. В настоящее время судом апелляционной инстанции для приговоров и иных судебных решений всех этих судов являются соответственно Судебная коллегия по уголовным делам и Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации. Создание апелляционных судов общей юрисдикции должно приблизить рассмотрение уголовных дел в апелляции к месту их рассмотрения судом первой инстанции, создать более благоприятные условия для обеспечения права осужденных на защиту.

Кассационные суды общей юрисдикции вводятся для пересмотра приговоров и иных судебных решений, вступивших в законную силу. В настоящее время они пересматриваются президиумами верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов, окружных (флотских) военных судов. Однако, эти суды одновременно являются

судами как апелляционной, так и кассационной инстанции по отношению к нижестоящим судам. В состав президиумов входят те же судьи, что и в состав апелляционных судебных составов. Поэтому целью создания кассационных судов общей юрисдикции является повышение объективности рассмотрения уголовных дел и независимости судей от органов власти субъектов Российской Федерации.

В кассационных судах общей юрисдикции уголовные дела будут рассматриваться в кассационном порядке не президиумом, как в нынешних высших судах республик, краевых, областных и равных им судах, а коллегией из трех судей, что не потребует в случае отмены их определения передавать дело на новое рассмотрение в другой суд, как это происходит в настоящее время, когда Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменяет постановление президиума суда областного (краевого) звена.

Федеральным законом от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены изменения в часть 4 статьи 30 УПК РФ, в соответствии с которыми «рассмотрение уголовных дел в кассационном порядке осуществляется судебной коллегией по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции, кассационным военным судом, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в составе трех судей».

С целью реализации конституционного права на пересмотр приговора вышестоящим судом указанным Федеральным законом от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ изменен порядок подачи кассационных жалоб (ст. 401.3 УПК РФ).

Изменена и процедура подачи кассационных жалоб и представлений. Они подаются через суд первой инстанции, который извещает о поступивших кассационных жалобе, представлении лиц, интересы которых затрагиваются такими жалобой или представлением, с разъяснением права подачи на эти жалобу или представление возражений в письменном виде, с указанием срока их подачи и направляет им копии жалобы, представления, а также возражений на них, и направляет уголовное дело с поступившими кассационными жалобой, представ-

лением и возражениями на них в суд кассационной инстанции, о чем сообщается сторонам.

Статьей 401.8 УПК РФ в редакции Федерального закона от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» определено, что судья суда кассационной инстанции изучает кассационные жалобы, представление вместе с поступившим уголовным делом и при отсутствии оснований для возвращения кассационных жалобы, представления в течение 20 суток выносит постановление о назначении судебного заседания.

Это также направлено на реализацию конституционного права на пересмотр приговора вышестоящим судом, так как, в большинстве случаев, исключается единоличное усмотрение судьи по поводу того, передавать ли жалобу или представление на рассмотрение суда кассационной инстанции или не передавать, как это было предусмотрено ранее.

Деятельность апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции должна начаться не позднее 1 октября 2019 года. Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» вступает в силу с 1 июля 2019 года.

Вместе с тем представляется, что для эффективного функционирования вновь создаваемых судов необходимо решить целый ряд проблем.

Прежде всего, первоначальное определение юрисдикции вновь создаваемых судов может быть скорректировано. Так, к юрисдикции второго апелляционного суда, который будет располагаться в Санкт-Петербурге, отнесены судебные решения областных и равных им судов, расположенных не только в Северо-Западном (что вполне понятно), но и в Уральском федеральном округе. Насколько здесь будет обеспечена доступность к участию в правосудии в этом суде защитников, участвовавших в рассмотрении уголовных дел в судах первой инстанции в Салехарде или Челябинске — неизвестно. Еще более сложный вопрос возникает в связи с отнесением к юрисдикции пятого апелляционного суда (г. Новосибирск) судебных решений высших судов республик, краевых и областных судов, расположенных на Дальнем Востоке. Разница во времени между этими регионами и Новосибирском, конечно, меньше, чем с Москвой (до 9 часов), но тоже значи-

тельная (4—5 часов), что, конечно, также осложнит проведение судебных заседаний. Выход из этой ситуации предусмотрен Федеральным конституционным законом № 1 от 29.07.2018 г. в виде создания постоянных судебных присутствий вне мест постоянного пребывания суда.

Необходимо иметь в виду, что рассмотрение уголовных дел по кассационным жалобам и представлениям на приговоры и иные итоговые судебные решения, вступившие в законную силу, по правилам «сплошной кассации», т.е. без вынесения судьей кассационного суда общей юрисдикции постановления о передаче кассационной жалобы, представления на рассмотрение в судебном заседании (ст. 401.7, 401.8 УПК РФ в редакции Федерального закона от 11.10.2018 № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»). Это существенно увеличит количество дел, рассматриваемых судом в кассационном порядке, что ставит под сомнение обоснованность устоявшегося теоретического положения об «исключительном» характере данной стадии процесса. В то же время для того, чтобы эта деятельность осуществлялась в оптимальном режиме, необходимо ограничение по срокам обжалования приговоров, вступивших в законную силу, по любым основаниям. Такие ограничительные сроки существуют в абсолютном большинстве стран Европы, где пересмотр приговоров, вступивших в законную силу, относится чаще всего к исключительному производству.

Важное значение в обеспечении конституционного права на пересмотр приговора вышестоящим судом имеет деятельность прокуратуры.

Законом сохранено обязательное участие прокуроров в рассмотрении всех уголовных дел во всех стадиях судебного производства, в том числе во вновь создаваемых апелляционных и кассационных судах общей юрисдикции. Это — многолетняя традиция российского уголовного процесса.

Еще в «Систематическом комментарии» к Уставу уголовного судопроизводства отмечалось: «Приговоры могут быть пересмотрены как по жалобам участвующих в деле лиц, так и по протестам лиц, коим вверен прокурорский надзор (ст. 847, 934). Прокурорский надзор может приносить кассационные протесты как в интересах обвинения, так и в интересах подсудимого. Остальные могут просить

об отмене приговора в части, затрагивающей их личные или имущественные права» [1].

В связи с этим было бы целесообразно вернуть в наш уголовно-процессуальный закон протест прокурора (а не представление). Представление вместо протеста, как известно, было введено в УПК РФ из ложно понимаемого тогдашними законодателями «равноправия сторон». Никакого смысла в этом не было, так как и протест (по УПК РСФСР), так и представление (по УПК РФ) не являются обязательными для вышестоящего суда и наравне с жалобой могут быть им как удовлетворены, так и отклонены. Вместе с тем «протест» более точно обозначает акт реагирования прокурора, как представителя государства, на судебное решение.

Изменения в судебной системе ставят вопрос и о том, какие же прокуроры будут участвовать в рассмотрении уголовных дел в апелляционных и кассационных судах общей юрисдикции. На наш взгляд, необходимой станет организация соответствующих апелляционных и кассационных отделов в структуре Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации с дислокацией этих отделов по месту расположения апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции.

С учетом специфики этой стадии процесса заслуживает внимания предложение И.С. Дикарева предоставить вышестоящему прокурору полномочие отзывать представление, внесенное нижестоящим прокурором [2, с. 212—245]. Представляется, что это вполне возможно в силу инстанционности уголовного процесса, отсутствия в указанной стадии непосредственного исследования доказательств по уголовному делу, принятия решения на основании установленного существенного нарушения уголовного и(или) уголовно-процессуального закона.

Создание апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции должно способствовать реализации конституционного права на пересмотр приговора вышестоящим судом.

Литература

1. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. М., 1914.
2. Дикарев И.С. Надзорно — кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2016.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10007

© А.В. Победкин, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК НЕВОСТРЕБОВАННОЕ СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Александр Викторович Победкин,

профессор кафедры управления органами расследования преступлений,

доктор юридических наук, профессор

Академия управления МВД России (125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)

E-mail: apobedkin71@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы воспитательного значения уголовного судопроизводства современной России для общества и участников уголовного процесса. Доказывается, что уголовное судопроизводство всегда воспитывает определенные качества, сегодня — это качества, обусловленные характеристиками, присущими капиталистическим общественным отношениям. Качества, достойные настоящей личности в России, необходимо целенаправленно воспитывать, придав уголовному процессу черты, адекватные традиционным запросам россиян.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, воспитательное значение, задачи уголовного процесса, представление, частное определение (постановление), нравственные начала уголовного процесса.

CRIMINAL PROCEEDINGS AS AN UNCLAIMED MEANS OF EDUCATING A PERSON

Aleksandr V. Pobedkin,

Professor, Department of Crime Investigation Management,

Doctor of Law, Professor

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (125993, Moscow, ul. Zoya and Alexander Kosmodemyanskih, d. 8)

Abstract. The article deals with the educational value of the criminal justice of modern Russia for society and participants in the criminal process. It is proved that criminal proceedings always bring up certain qualities, but today they are qualities determined by characteristics characteristic of capitalist public relations. Qualities worthy of a real person in Russia must be purposefully educated, giving the criminal process features adequate to the traditional needs of the Russians.

Keywords: criminal proceedings, educational value, tasks of the criminal process, representation, private definition (ruling), moral principles of the criminal process.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Победкин А.В. Уголовное судопроизводство как не востребуемое средство воспитания человека. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):40-5.

Труд есть совесть.

А. Платонов

Неудовлетворенность общества реформами уголовного судопроизводства, непрерывно осуществляемыми на протяжении более двадцати лет, уже невозможно объяснить несовершенством отдельных уголовно-процессуальных институтов, ошибочной моделью досудебного или судебного производства, и, тем более, поспешностью законодателя или несовершенством законодательной техники.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК) не способен обеспечить эффективное правоприменение, прежде всего, ввиду изначально заложенного в нем противоречия между эклектичным сочетанием западных ценностей с отечественными традициями и неумной

жизненно важной потребностью российского общества к истине, справедливости, чести. Общество не может больше мириться с тем уголовным судопроизводством, которое ему непонятно, в котором оно практически не участвует, и, как следствие, не верит его результатам, даже если они и в самом деле законны, обоснованны и справедливы.

Подобное отношение к уголовному процессу неудивительно; оно объяснимо объективными закономерностями. Еще в Концепции судебной реформы в РСФСР [1], эти закономерности были и заложены и одобрены. Впрочем, авторов Концепции нельзя в этом упрекнуть, поскольку капиталистическим отношениям нужен буржуазный уголовный процесс, на рельсы которого, согласно Концепции, и следовало повернуть.

О необходимости прервать связь уголовного процесса с народом, который напомним, согласно Конституции Российской Федерации, является единственным источником власти в стране (ст. 3) в Концепции заявлялось почти откровенно: «народное представительно» называлось «маской антидемократического режима», а из уголовно-процессуального законодательства авторы Концепции требовали устранить «международную солидарность трудящихся» (читай — интернационализм), «создание материально-технической базы коммунизма» (читай — укрепление общественной собственности на средства производства), «коммунистическую мораль» (читай — просто мораль) и «подготовку детей к активному участию в строительстве коммунистического общества» (читай — воспитание подрастающего поколения в духе коллективизма, альтруизма, служения Отечеству и т.д.). Всего этого в уголовном процессе теперь нет и он, конечно, полностью соответствует базису периода нарастания кризиса капитализма¹ [6].

Однако надстройка может активно влиять на базис и смягчать его противоречия. Для этого в первую очередь нужно принять меры к обеспечению активной связи народа с уголовным процессом (расширение спектра форм участия общественности в осуществлении правосудия — не только присяжные заседатели, но и народные; введение элементов выборности должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, отчетности их перед населением, кардинальное усиление начал гласности, упрощение текста УПК и усиление гарантий обеспечения прав человека силами должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а не только высокооплачиваемых квалифицированных юристов, которые не по «карману» среднему трудящемуся и т.д.) [9, с. 284—290].

Уголовное судопроизводство всегда — средство воспитания общества, даже если такая задача перед ним законодательно и не ставится. Воспитывает своим содержанием, формой, итоговыми решениями, поведением и отношением к делу и человеку должностных лиц, ведущих уголовный процесс, уровнем уважения к людям и защиты их прав и

¹ Институт социологии РАН установил, что происходит системное изменение взаимоотношений работников и работодателей, в направлении углубления «бесправного положения работающих, наращивания объемов их трудовых нагрузок с одновременным снижением их социальной защищенности».

законных интересов, а самое главное — эффективностью выполнения своей основной функции: публичности, т.е. защиты народа от преступных проявлений, которые могут достигать уровня угрозы национальной безопасности страны. Уголовный процесс, который не защищает общество, даже если участники судопроизводства им вполне удовлетворены, может нести в это общество только отрицательный воспитательный заряд.

Направление, в котором уголовный процесс воспитывает сегодня человека, разглядеть нетрудно. *Это приоритет материального перед духовным* (судебный штраф, прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и др.), *прагматизма перед истиной* (сокращенные особые порядки судебного разбирательства, дознание в сокращенной форме), *элитарности перед равенством* (особый порядок уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц). Это *сервильность перед слоем «профессионалов»*, специально обученных применять непомерно усложненный уголовно-процессуальный закон, не позволяющий человеку самому даже подать заявление о преступлении, преследуемом в порядке частного обвинения, апелляционную или кассационную жалобу, что не только бюрократизирует уголовный процесс и делает его сферой избранных «небожителей», но и фактически отменяет свободы подачи заявления о преступлении, апелляционного и кассационного обжалования². К числу воспитываемых сегодня качеств нужно отнести и *смирение с несправедливостью* (прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, невозможность обжалования приговоров, постановленных в особом порядке по существу)³. Надо

² Основания создания кассационных судов общей юрисдикции с точки зрения обеспечения объективности рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке еще потребует доказательств практикой, однако уже сегодня ясно, что это значительно осложнит возможности кассационного обжалования для граждан, вынужденных обращаться с первичной кассационной жалобой в суд не по месту проживания.

³ Обратим внимание, например, что справедливость не должна подавляться формой, форма должна обеспечивать доступ граждан к правосудию, в противном случае она «обременение», подрывающее уважение к закону. В декрете «О суде (декрет № 2)» 1918 г. указывалось: «Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока и, вопреки таким или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование. Та же справедливость должна применяться в суде уголовном».

ли говорить, что вряд ли когда-то российский народ (жесткий, но справедливый; требовательный, но милосердный; гордый, но общинный) с такими подходами согласится, сколько бы его ими «не воспитывали». Впрочем, пока не будет осознаны возможности надстройки влиять на базис, смягчения его противоречий, ничему другому уголовный процесс современной России воспитать и не сможет. Как писал А. Эйнштейн при капитализме члены производительного общества стараются лишить друг друга плодов своего коллективного труда, причем по законам, а не силой. «Неограниченная конкуренция, — констатировал он, — ведет ... изувечиванию социального сознания отдельной личности ... Это изувечивание личности я считаю самым большим злом капитализма. Вся наша система образования страдает от этого зла. Нашим учащимся прививается стремление к конкуренции; в качестве подготовки к карьере их учат поклоняться успеху в приобретательстве» [4].

Уголовно-процессуальный закон, который не формирует у граждан убеждения в справедливости судопроизводства, создает почву для представления о собственной второсортности, незащищенности не может воспитывать лучшие человеческие качества. Собственно в Концепции воспитательная работа была объявлена несвойственной функцией правоприменителя, что значило освобождение судей от чтения ими лекций, выступления перед общественностью и т.д.

Между тем, более чем очевидно, что воспитание — главное условие процветания государства: «при плохом воспитании даже самые одаренные души становятся плохими» [12, с. 55]. Может ли воспитание быть «несвойственной» функцией тех, кто решает судьбу человека?

Двадцать с небольшим лет назад юриста, отрицающего воспитательную задачу следователя, прокурора, суда, сочли бы безграмотным. Ученые не сомневались в воспитательной функции уголовного судопроизводства, писали об этом как о само собой разумеющемся [8, с. 8—9; 14, с. 40].

Нравственность — истончаемая ценность, которая требует постоянного поддержания, мощных гарантий, непрерывной работы. «Нравственным проблемам правосудия, — писал Л.Д. Кокорев, — следует больше уделять внимания в печати, на-

учных исследованиях, в практической деятельности судебных органов. И, конечно, прежде всего, в обучении и воспитании будущих юристов» [7, с. 159].

Уважение к уголовному судопроизводству, должностным лицам, его осуществляющим, конечно, невозможно сформировать несколькими формальными требованиями, как например, обязанность обращаться к суду «Уважаемый суд», а к судье «Ваша честь» или вставать при входе судей и давать показания стоя (ст. 257 УПК). Напротив, такие обязанности могут вызвать обратную реакцию, раздражение, если они не сопровождаются осознанием, что порядок уголовного судопроизводства, действительно, достоин уважения, а судья и в самом деле — олицетворение чести.

В условиях слабости нормативных гарантий правосудия и защиты прав человека главной гарантией справедливости правосудия становится нравственность правоприменителя. В этой связи использование в УПК термина «совесть», нужно оценить по достоинству положительно (ст. 17 УПК). Оценивая доказательства по внутреннему убеждению, правоприменитель руководствуется не только законом, но и совестью. Это требование законодателя подчеркивает фундаментальную нравственную сущность уголовно-процессуальной деятельности. «Что такое вообще совесть?... совесть — это живое предчувствие и предсказание совершенного человека и совершенного общества, к которым человечество и держит путь, и неразрывная связь всех без исключения поколений — прошлых и будущих. В отношении к каждому из нас — это контрольное дыхание, или, лучше сказать, контрольное движение в нас общечеловеческой идеи» [10, с. 477—478]. «Стыд (понятие, во многом близкое к совести и связанное больше с последствиями бессовестного, бесстыдного поступка — *А.П.*) внутренний полицейский, стоящий на страже добропорядочности и под страхом смертельной скорби не позволяющий нарушать нравственные принципы поведения» [11, с. 44]. Это так.

Надо заметить, что не все специалисты одобрительно относятся к употреблению термина «совесть» при формулировании правил оценки доказательств, однако не потому, что она не является нравственной ценностью. «В законодатель-

ном изложении совесть является символом весьма чуждой нашему народу традиции. Будучи таковой, она не способна оказывать никакого воздействия на уголовно-процессуальную деятельность, за исключением той ее части, которая основывается на индивидуализме, эгоизме, цинизме» [3, с. 208], «...законодательная формула совести не взаимосвязана и не взаимообусловлена с реалиями уголовного судопроизводства. На примере с законодательной формулой совести мы имеем дело с профанацией в уголовно-процессуальной сфере» [3, с. 190].

Несмотря на некоторую туманность мотивировки, мысль авторов уловить можно: совесть значительной части современного общества, в том числе и тех, кто применяет уголовно-процессуальный закон, искажена безнравственными общественными отношениями, беспредельно царившими в стране на рубеже XX—XXI веков. Такая искаженная совесть в уголовно-процессуальной деятельности, действительно, не нужна, а «истинная» совесть, если не влияет на уголовный процесс, то только дискредитируется в глазах народа. И все же — напоминание на законодательном уровне о том, что те, кому доверено применять уголовно-процессуальный закон, выполнять сакральную функцию решения человеческих судеб, должны иметь совесть, т.е. «предчувствие совершенного человека», вряд ли стоит осуждать. Тем более, некоторые из тех же авторов пишут строки, с которыми трудно не согласиться: «В деле обеспечения национальной безопасности ресурсами отечественного уголовного судопроизводства духовность можно обозначить в качестве приближения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, к подобию Божию» [2, с. 34].

Задачу воспитательного содержания необходимо поставить на уровне УПК. Сегодня ее там не найти. В УПК РСФСР 1960 г. такая задача ставилась прямо: уголовное судопроизводство должно способствовать воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения законов и уважения правил социалистического общежития.

Заметим, что в новом уголовно-процессуальном законодательстве страны СНГ также не склонны отказываться от воспитательных задач уголовного судопроизводства. Так, УПК Республики Казахстан

(2014 г.) ставит перед уголовным процессом задачу «способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву». Такое решение находится в полном соответствии с положениями Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ (далее — Модельный кодекс), принятого на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в 1996 г. В этом документе подчеркивается, что уголовно-процессуальный закон призван способствовать формированию в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина, утверждению справедливости. В Модельном кодексе содержался целый ряд положений, от которых Россия в период оголтелой сервильности перед западом, отказалась первой, подав, тем самым не лучший пример странам-соседям. Среди таких положений: важнейшая мысль о том, что уголовное судопроизводство — деятельность по правильному установлению события преступления путем выявления каждого совершившего преступление в результате его быстрого и полного раскрытия, процессуальное руководство прокурора предварительным расследованием, обязательность предварительного следствия (сведение роли дознания в основном до обеспечительной), компенсация потерпевшему ущерба за счет государства, в том числе при приостановлении производства по уголовному делу; активность суда в процессе, его право возбуждать уголовные дела и возвращать их для производства дополнительного расследования.

Следует обратить внимание, что принцип равенства всех перед законом и судом в Модельном УПК предлагалось проводить не так, как сегодня это сделано в действующем отечественном УПК. Особенности производства, кроме несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими заболеваниями допускались Модельным УПК только в отношении тех, кто обладает привилегиями и иммунитетами, установленными международными договорами.

Сокращение судебных процедур в Модельном УПК предусматривалось в минимальной степени, ни в какое сравнение не идущей с уровнем упрощенчества в современном уголовном процессе Рос-

сии. При этом категорически не допускалось постановление приговора на доказательствах, не исследованных в судебном заседании.

Вряд ли стоит доказывать, что придерживайся Россия Модельного кодекса, можно было бы надеяться на воспитание силами отечественного уголовного процесса нравственных качеств, присущих Человеку, который видит в ближнем соратника, члена коллектива, которому нужно помочь, а не которого нужно непременно победить, оставить позади, нередко в бесчестной и неравной конкурентной борьбе.

Заметим, что действующий УПК значительно снизил роль частных определений (постановлений) и представлений. Обязанность выносить такие документы мощного воспитательного потенциала превратилась всего лишь в право. Суд теперь обязан реагировать только на те факты, нарушения закона, которые нарушают права и свободы граждан или допускаются в ходе процессуальной деятельности, а не как по УПК РСФСР 1960 г. — на любые нарушения. Зачем следовало отказываться от норм, которые позволяли суду частным определением (постановлением) обратить внимание общественных организаций, трудовых коллективов на неправильное поведение отдельных граждан на производстве или в быту, на нарушение ими общественного долга. Одухотворяющее воспитательное значение имело полномочие суда довести до сведения соответствующего коллектива о проявленных гражданином высокой сознательности, мужестве. Сегодня такое право суда, если и можно усмотреть в УПК, то под безликой формулировкой о возможности выносить частное определение или постановление «и в других случаях, если признает это необходимым» (ч. 4 ст. 29 УПК).

В литературе справедливо отмечается, что профилактическая деятельность следователями осуществляется слабо. Во многом тому виной и законодательство, которое связывает направление представления следователем только с окончанием предварительного расследования, хотя такая необходимость зачастую возникает раньше. Снижает эффективность профилактической и воспитательной работы и недостаточная жесткость ведомственных требований к ней. Представления вносятся нередко формально, неясны по содер-

жанию [13, с. 109—112], не содержат указания на причины, конкретные меры, которые нужно принять, на привлечение виновных к ответственности и обязательность выполнения представления [15, с. 335].

Крайне внимательно, а лучше придирчиво следует подходить к множасьимся предложениям отменить мотивировку приговора, исключить оглашение его полного текста после постановления [5, с. 48]. Эти идеи чреваты снижением воспитательного значения приговора как акта правосудия. Напротив, нужно думать о как можно более широком доведении до общественности постановленного приговора, вплоть до вступления его в законную силу, может быть и путем прямых трансляций на трудовые коллективы, в средствах массовой информации. Вот только оглашать его судьям нужно не с демонстративным видом мучающегося чиновника, выполняющего бессмысленную работу, невнятным языком, обозначая стремление как можно скорее закончить эту формальность. Воспитательный эффект от таких оглашений — может быть только отрицательный.

Уголовно-процессуальный закон должен быть прямо ориентирован на воспитание лучших нравственных качеств Человека. Об этом в УПК нужно прямо заявить и наполнить его средствами, по форме и содержанию способными обеспечить такое воспитание.

Литература

1. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 № 1801 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435: далее — Концепция судебной реформы, Концепция.
2. Агутин А.В., Трошкин Е.З., Панышин В.И. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2014.
3. Агутин А.В., Трошкин Е.З., Губжиков Р.Х. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной дея-

тельности в отечественном уголовном судопроизводстве». М.: Юрлитинформ, 2016.

4. *Алферов Ж.* И все таки, почему социализм? // Рос. газета. 2018. 3 октября.

5. *Брусницын Л.В.* Оглашение мотивировочной части приговора — необходимость, традиция или юридический архаизм // Российская юстиция. 2014. № 2.

6. *Зорькин В.* Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.

7. *Кокорев Л.Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 1971.

8. *Пашкевич П.Ф.* Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1984.

9. *Победкин А.В.* Уголовное судопроизводство как форма диктатуры нравственно-здоровых сил // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Международная науч.-практ. конф. (2018; Орел). Международная научно-практическая конференция «Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», 18—19 октября 2018 года: [к

300-летию российской полиции: сборник материалов] / редкол.: А.В. Гришин [и др.]; Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018.

10. *Распутин В.Г.* Вопросы, вопросы // В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск, 2007.

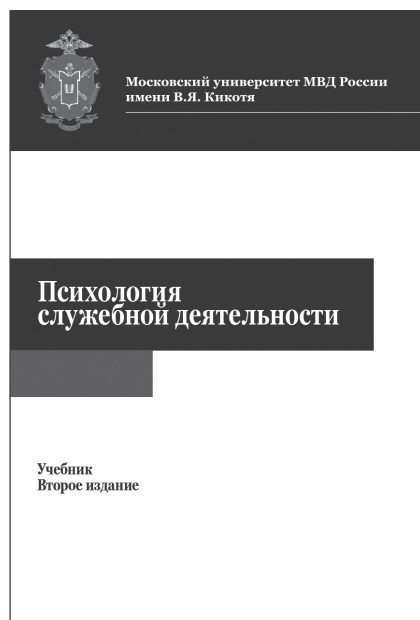
11. *Серегин А.В.* Духовно-нравственное учение о правовой культуре. М.: Юрлитинформ, 2016.

12. *Симонова С.А.* К вопросу о нравственном аспекте государственного управления: этико-философская ретроспектива // Труды Академии МВД России 2018. № 2 (46).

13. *Скобелин С.Ю.* Профилактическая роль следователя и суда в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2017. № 6 (35).

14. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2-х т. Т. 1.

15. *Угольников А.В.* Содержание представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других нарушений закона // Библиотека криминалиста. 2017. № 6 (35).

Психология служебной деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебник. Цветков В.Л. и др. 2019 г. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник разработан в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения по специальности 3705.02 «Психология служебной деятельности». Рассмотрены основы психологической работы в органах внутренних дел. Основное внимание уделяется таким вопросам, как психологическая подготовка сотрудников ОВД, технологии психологической помощи и психологической реабилитации сотрудников ОВД, организация психологической работы в ОВД.

Для курсантов, студентов вузов, психологов, а также всех интересующихся проблемами практической психологии.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10008

© А.В. Агутин, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ЯДРО И ЛИБЕРАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Александр Васильевич Агутин,

профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности,

доктор юридических наук, профессор

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1)

E-mail: agutin.av@yandex.ru

Аннотация. Посвящается осмыслению ценностно-смыслового ядра российского народа и либерального мировоззрения уголовного судопроизводства. Установлено не соответствие либерального мировоззрения уголовного судопроизводства ценностно-смысловому ядру российского народа. Выявлены и систематизированы направления негативного влияния либерального мировоззрения на уголовно-процессуальную деятельность.

Ключевые слова: ценностно-смысловое ядро, мировоззрение, либерализм, культурно-историческое наследие, система традиционных духовно-нравственных ценностей, идеология, толерантность.

VALUE-SEMANTIC CORE AND THE LIBERAL WORLDVIEW OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Aleksandr V. Agutin,

Professor, Department of International Cooperation in the field of prosecution activities,

Doctor of Law, Professor

Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (117638, Moscow, ul. Azovskaya, d. 2, korp. 1)

Abstract. The article is devoted to understanding the value-semantic core of the Russian people and the liberal worldview of criminal justice. The non-conformity of the liberal worldview of criminal justice with the value-semantic core of the Russian people has been established. Identified and systematized the direction of the negative impact of the liberal worldview on criminal procedure.

Keywords: value-semantic core, worldview, liberalism, cultural and historical heritage, the system of traditional spiritual and moral values, ideology, tolerance.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Агутин А.В. Ценностно-смысловое ядро и либеральное мировоззрение российского уголовного судопроизводства. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):46-52.

Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 была утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее — Стратегия национальной безопасности 2015 г.). В соответствии с п. 1 указанной стратегии она (стратегия) является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

Стратегический курс, избранный политическим руководством нашей страны, обеспечивающий слияние государства и российской общности,

подвержен различного вида угрозам. В настоящей статье мы не будем заниматься их перечислением, а укажем на одну из них — подмену культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа в сфере уголовного судопроизводства. В своей совокупности культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа в уголовно-процессуальной сфере образуют ценностно-смысловое ядро отечественного уголовного судопроизводства. Оно обеспечивает смысловую основу уголовно-процессуальной деятельности и своеобразие мировосприятия, миропонимания и миропредставления должностных лиц, ее осуществляющих.

Одним из проявлений ценностно-смыслового ядра в отечественном уголовном судопроизвод-

стве является русский (российский) менталитет. К характерным его признакам, включая и уголовное судопроизводство, исследователи относят: правду, государственность и духовную основу общественного и индивидуального сознаний (мировоззрения); приоритет духовных ценностей перед остальными, в том числе и перед материальным благополучием; софийность, включенную в систему всеохватывающего интуитивно-эмоционального познания мира; эмоционально ориентированную гносеологию сердца, особую исповедальность; аскетическую направленность; социальную справедливость; собранность, ориентированность на коллективное сознание; открытость и всеотзывчивость, исключительную поглощенность будущим» [5, с. 79—82].

Перечисленные особенности менталитета русского народа образуют специфику ценностно-смыслового ядра нашей общности, и обеспечивают своеобразие и целостность ее мышления, включая и ту часть мышления, которая имеет непосредственное отношение к уголовному судопроизводству. В свою очередь ценностно-смысловое ядро русского народа позволяет нашему народу целостно воспринимать, понимать и представлять саму жизнь с ее достоинствами и недостатками. Ценностно-смысловое ядро русского народа и ценностно-смысловое ядро уголовного судопроизводства соотносятся между собой как целое к части. По этой причине все что свойственно целому присуще и части. В любом случае ценностно-смысловое ядро нашего народа является духовным оплотом отечественного уголовного судопроизводства. Это позволяет должностным лицам, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, самостоятельно мыслить, принимать решения и действовать.

В отличие от изложенного, либеральная парадигма мышления, воплощенная в УПК РФ, не учитывает особенности ценностно-смыслового ядра русского народа. Более того, она потенциалом либерального мировоззрения осуществляет нейтрализацию (подмену) культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей. Подмена культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа означает разрушение русской (российской) культуры. Разру-

шение русской культуры приводит к уничтожению основных форм самовыражения нашего народа в виде «особенности национального характера, миро-созерцания, менталитета» [8, с. 97—118].

Уничтожение основных форм самовыражения русской культуры означает прекращение осуществления уголовно-процессуальной деятельности на основе духовно-нравственных ценностей, традиций, обычаев, традиционного мировоззрения и менталитета русского народа. И не только. Уничтожение основных форм самовыражения русской культуры влечет за собой еще разрушение ценностно-смыслового ядра нашего народа. «В культуре он играет ту роль, — пишет Н.М. Николаенко, — которую в организме играет информация, содержащаяся в размножающихся матричным путем генетических программах, — обуславливает и поддерживает специфическую структуру организма... ..задает всю структуру системы ценностей, влияет практически на все сферы жизни и определяет судьбу культуры» [7, с. 26]. Сказанное в полной мере имеет отношение и к отечественному уголовному судопроизводству.

Подмена (уничтожение) ценностно-смыслового ядра отечественного уголовного судопроизводства способно привести к духовному опустошению и обезличиванию уголовно-процессуальной деятельности. Культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа окажутся для нее просто не доступны. В моделируемой нами ситуации источником «духовных сил» уголовно-процессуальной деятельности будет выступать эмоционально-привлекательное, но ложное по своему содержанию и сущности либеральное мировоззрение (идеология).

Скажем прямо: «В наши дни уничтожение духовного оплота отечественного уголовного судопроизводства осуществляется потенциалом ложного мировоззрения, сформированного за счет гиперболизации потенциала гносеологии (теории познания)». Гиперболизация ложного мировоззрения в науке уголовного судопроизводства тождественно духовной агрессии в отношении ценностно-смыслового ядра отечественного уголовного судопроизводства. Ее результатом может стать утрата нашим уголовным судопроизводством как в целом, так и на уровне должностных осуществляющих

уголовно-процессуальную деятельность способности самостоятельно мыслить, принимать решения и действовать.

Возможная утрата российским уголовным судопроизводством действенным образом продуцировать уголовно-процессуальную деятельность будет говорить в пользу того, что наш уголовный процесс подвергся духовной агрессии, а его мировоззрение (идеология) трансформировано, и не взаимосвязано с культурно-историческим наследием и системой традиционных ценностей российского народа. Здесь же необходимо сказать о нижеследующем. Трансформация традиционного для нашего уголовного судопроизводства мировоззрения, как правило, будет осуществляется посредством формирования ложного мировоззрения, например, за счет гносеологических (либеральных) идеологем. В действующем УПК РФ, они названы «принципами уголовного судопроизводства».

Принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в УПК РФ, будучи либеральными идеологемами, своим потенциалом решают две основные задачи. Первая задача, «развернуть (раскрыть) сущность судебной реформы, и репрезентовать саму судебную реформу, придав ей эмоциональную привлекательность». Вторая задача, «привести на мировоззренческом уровне расслоение единого национального языка на отдельные бессодержательные «словесно-идеологические и социальные кругозоры», на «языки-идеологемы», у каждого из которых — своя «социально-идеологическая смысловая конъюнктура» (М.М. Бахтин), «свой лозунг, своя брань и своя похвала», и не один из них «не в состоянии выработать целостного взгляда на мир» (Г.К. Косиков)» [9, с. 181—184]. В нашем случае — на отечественное уголовное судопроизводство.

Принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в УПК РФ, выступая в качестве идеологем уголовно-процессуальной деятельности, развертывают эту деятельность с позиции либеральной методологии, практической деятельности и ценностно-смысловой составляющей. Все эти формы (виды) развертывания уголовного судопроизводства осуществляются в отрыве от культурно-исторического наследия и системы традиционных ценностей российского народа. В результате, принципы уго-

ловного процесса вместо положительного влияния на уголовное судопроизводство, обеспечивают себе ложную эмоциональную привлекательность. Одновременно они своим ложным содержанием фрагментируют и сужают сознание должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

Фрагментация и сужение сознания должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, приводит к тому, что нарушается целостность их мышления и изоляция сознания. В этой ситуации ценностно-смысловое ядро отечественного уголовного судопроизводства начинает замещаться ложным либеральным мировоззрением. Следствием такого замещения является разрушение личностных качеств должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Специалисты по глобальной информационной обороне в духовной сфере, изложенную нами либеральную технологию нейтрализации культурно-исторического наследия в сфере уголовного судопроизводства, вполне могут отнести к одной из технологий по уничтожению духовной составляющей в рассматриваемой сфере. «В настоящее время появились технологии, — пишут они, — которые при наличии определенных условий способны трансформировать мировоззрение без применения военной силы путем воздействия на духовную сферу, которая, в свою очередь, связана с компонентами национальной безопасности. Ослабив духовную составляющую, можно либо полностью уничтожить социум, либо настолько ослабить его военную составляющую, что сделает возможным применение вооруженных сил без опасений получить серьезный вооруженный отпор» [1, с. 20].

Отечественное уголовное судопроизводство, опираясь на культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей народа, способно нейтрализовать агрессивное воздействие ложного мировоззрения. Основой отмеченной нейтрализации является духовность нашего народа. Она обеспечивает должностным лицам, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, способность самостоятельно мыслить, действовать и принимать решения. Способность же должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, самостоя-

тельно мыслить, действовать и принимать решения говорит в пользу того, что они обладают важным качеством, а именно духовным богатством.

Духовное богатство должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, формирует особенности (специфику) их мышления. Оно целеустремлено к внутреннему совершенству, позволяющему им стремиться и достигать высшие смыслы своего бытия. В духовной сфере одним из смыслов бытия (жизни) является религиозная Вера. Со своей стороны, религиозная Вера является источником духовным сил нашего народа. Кроме того, в условиях господства в нашей стране либеральной парадигмы мышления Вера позволяет нашим согражданам оставаться людьми. Остаться не просто людьми, а быть личностями.

Личностью является человек, воспринявший культурно-историческое наследие и систему традиционных ценностей российского народа. В этом смысле нет и не может быть противоречий между российской общностью и личностью. Впрочем, как не имеется никаких оснований их противопоставления нашему государству. Наше государство — это не государство в либеральном его представлении. Наше государство — это ни аппарат, ни совокупность органов, обеспечивающего принуждение и несущего кару и право в качестве либеральной самоценности. В нашем понимании государство — это прежде всего Отечество, Родина-Мать и Родная Земля с ее реками, лесами, полями. Государство — это Наши Воины: от солдата до полководца, не поверхностно понимающие смысл слов «Честь Имею». Наше государство — это наши судьи, прокуроры, следователи и дознаватели самоотверженно выполняющий свой долг перед Родиной. И.А. Ильин отмечал: «Люди без Родины становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с места на место и втапываемой чужеземцами в грязь» [3, с. 333—334]. Наше государство — это наш народ. Отечественное государство и народ не разделяемы и не делимы. Они составляют целостное духовное единство — российскую общность. Проще говоря, государство — это каждый из нас не равнодушно живущий в нашей стране, имя которой «Россия».

В основе российской общности, а, следовательно, и отечественного уголовного судопроизводства

лежит дух нашего народа. Дух российского народа — это жизненная энергия, которая наполняет нашу жизнь смыслом, формирует должное (-ую) мировоззрение (мотивацию), нейтрализует пороки индивидуалистического и эгоистического мышления. Иначе можно сказать так: «Дух народа делает должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, личностями позволяет им оставаться людьми независимо от ситуаций. Он является своеобразным барьером в ситуациях, связанных с духовной (моральной) деградацией человека, превращения его в «нелюдя»». Без духа российской общности невозможно нормальное функционирование ни отечественного уголовного судопроизводства, ни нашего государства, ни жизнь нашего народа.

В рассматриваемом аспекте весьма важным является понимание нижеследующего обстоятельства. Нейтрализация духовных основ отечественного уголовного судопроизводства осуществляется посредством формирования в уголовно-процессуальной сфере либерального сознания (мировоззрения), которое исходит: во-первых, из сверхценности исповедуемых этим мировоззрением идей; во-вторых, тотальным безоговорочном подчинении им отечественного уголовного судопроизводства; в-третьих, отрицании возможности иного отличного от либерализма видения уголовного судопроизводства. Ситуация с негативным воздействием либерального мировоззрения на отечественное уголовное судопроизводство усугубляется еще и тем, что оно нейтрализует (омертвляет) сознание должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

«Омертвление» сознания должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, происходит за счет идеологии, которую либералы называют «толерантность», и относят к критериям правильного понимания и уважения культур (религий). Так, С.М. Морданова и Т.А. Левит пишут: «Мощным социальным фактором, противодействующим негативному поведению современной молодежи, становится толерантность, рассматриваемая как внутренняя и внешняя установка личности и общества на принятие другого таким и являющаяся одной из самых основных категорий нравственности международного сообщества и

ключевым понятием для понимания экономико-политических, социально-культурных, психолого-педагогических процессов и течений третьего тысячелетия» [6, с. 34—38].

В последующих своих размышлениях С.М. Морданова и Т.А. Левит полагают, что «можно говорить об этнической толерантности как о социальной ценности — значимом явлении реальной действительности, которое соответствует потребностям общества и помогает ему стабильно развиваться» [6, с. 38]. В ключе социальной ценности понимается толерантность и в международных нормативных актах. Например, «Декларация принципов терпимости» (далее — Декларация принципов терпимости) (принята в г. Париже 16.11.1995 Резолюцией 5.61 на 28-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) толерантность (терпимость) означает уважение, принятие и правильное понимание многообразия культур мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений.

Согласно Декларации принципов терпимости, терпимость — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. Терпимость — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины. Не менее важным в понимании толерантности является ее проявление. Оно: 1) созвучно уважению прав человека; 2) не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям; 3) означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими; 4) означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность; 5) означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим.

Осмысливая изложенные проявления толерантности, нетрудно увидеть, что толерантность является одной из идеологем либерального мировоззрения (концепции прав и свобод человека и гражданина).

Будучи таковой, она имеет своим фактическим назначением нейтрализацию культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа в сфере уголовного судопроизводства. Цель подобной нейтрализации — формирование толерантного сознания у должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Следуя логике мышления либералов, оно (толерантное сознание должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность) никоим образом не должно быть связано с особенностями менталитета нашего народа: вместо правды ложь, вместо веры «животная вера», как сумма своих и чужих убеждений, вместо солидарности и коллективизма индивидуализм. Таким образом, толерантность является эмоционально-привлекательной по форме, но ложной по содержанию идеологемой либерального мировоззрения, включая и ту его часть, которая имеет непосредственное отношение к уголовному судопроизводству.

По своей направленности идеологема толерантности в уголовном судопроизводстве целенаправленна на нейтрализацию процессов, связанных с становлением личностных качеств должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, на основе их самосознания себя на основе культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Действенными способами установления своеобразного режима толерантного сознания являются воспитание и образование в духе толерантности. «Воспитание в духе толерантности, — отмечается в Декларации принципов терпимости, — следует рассматривать в качестве безотлагательного императива; в связи с этим необходимо поощрять методы систематического и рационального обучения толерантности, вскрывающие культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями».

Согласно догмам либерализма, воспитание в духе толерантности не имеет альтернатив. Оно является единственно возможным и приемлемым. Все иные проявления человеческого духа, согласно приведенному положению Декларации принципов терпимости, объявляются не толерантными, а, следовательно, не приемлемыми. По всей видимости, к числу неприемлемых, исходя из логики представителей толерантности, относится и дух Святой Правды в отечественном уголовном судопроизводстве. Он не умещается в узкий комзол толерантного духа. Презентация же толерантного духа в качестве единственно возможного говорит в пользу того, что он, по своей сути, является средством нейтрализации личностных качеств должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

Теперь перейдем к образованию, как действенному способу формирования толерантного сознания. Образование, по мнению представителей толерантности, есть «систематическое и рациональное обучение толерантности, вскрывающие культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения». По нашему глубокому убеждению, систематическое и рациональное обучение толерантности означает перевод мировосприятия, миропонимания и миропредставления должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, сугубо на рациональную (логическую) основу без учета иных познавательных форм, например, «врожденных» иррациональных (целостных) форм мышления нашего народа.

В либеральном представлении систематическое и рациональное обучение толерантности фактически означает либо нейро-лингвистическое программирование, либо зомбирование, либо омертвление сознания обучаемых по параметрам, которые заранее были определены представителями толерантности. В сфере уголовного судопроизводства воспитание в духе толерантности противоречит основам культурно-исторического наследия и системе традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Согласно им, воспитание представляет собой путь духовного совершенствования. Такой взгляд на воспитание является традиционным для нашего народа. В частности, И.А. Ильин писал: «Самое главное в воспитании... духовно по-

будить ребенка и указать ему перед лицом грядущих трудностей, а может быть, уже подстерегающих его опасностей и искушений жизни — источник силы и утешения в его собственной душе. Надо воспитать в его душе будущего победителя, который умел бы внутренне уважать себя и утверждать свое духовное достоинство и свою свободу — духовную личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения современного сатанизма» [4].

Отечественный подход к воспитанию и обучению (образованию), включая и ту его часть которое имеет непосредственное отношение к уголовному судопроизводству, не умещается в клише толерантности. Ситуация с насаждением толерантности в нашем уголовном судопроизводстве усугубляется еще нижеследующим обстоятельством. Представители толерантности, видимо исходя из своей толерантной исключительности, стремятся к тому, чтобы перевести образование в толерантное русло. Так, они пишут: «Мы заявляем о своей готовности поддерживать и претворять в жизнь программы научных исследований в области социальных наук и воспитания в духе толерантности, прав человека и ненасилия. Это означает необходимость уделения особого внимания вопросам повышения уровня педагогической подготовки, учебных планов, содержания учебников и занятий, совершенствования других учебных материалов, включая новые образовательные технологии, с целью воспитания чутких и ответственных граждан, открытых восприятию других культур, способных ценить свободу, уважать человеческое достоинство и индивидуальность, предупреждать конфликты или разрешать их ненасильственными средствами».

Идеи реформирования образования в духе толерантности находят отклик и на постсоветском пространстве. Так, по мнению уже упомянутых нами выше С.М. Мордановой и Т.А. Левит, основная роль в формировании толерантности у молодежи должна отводиться образованию. В частности, они отмечают: «Образованию отводится основная роль в процессе формирования толерантного сознания молодого поколения, которое в будущем само станет инициатором всех последующих изменений в обществе. Поэтому одной из ключевых компетенций, определяющих интеллектуально-личностное развитие учащихся, является готовность и способ-

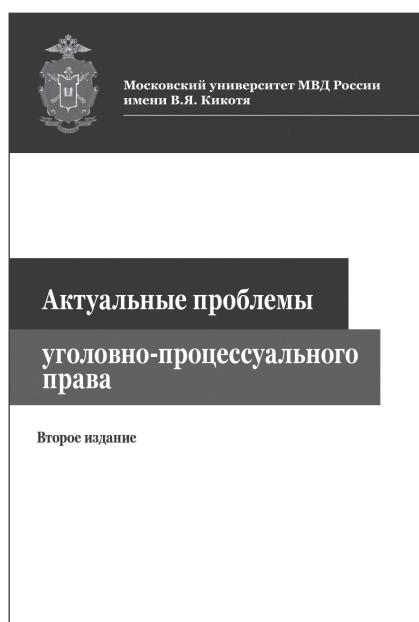

ность человека жить и конструктивно взаимодействовать в много форматном поликультурном мире, т.е. толерантность как особая характеристика личности» [6, с. 37].

Толерантность — это форма духовной экспансии (принуждению к толерантности) отечественного уголовного судопроизводства. Ее назначение — формирование на основе победы в холодной (психологической) войне «системы управления (мировой архитектуры), обеспечивающей победившей стороне возможности вечно и полномасштабно пользоваться стратегическими эффектами своей победы, в том числе и бесконтрольно пользоваться всеми ресурсами побежденного» [2, с. 88]. Стратегической целью духовной экспансии отечественного уголовного судопроизводства в форме толерантности является формирование ложного мировоззрения на основе доминирования в нем этики сектантского протестантизма, пантеистической мистики и сатанизма.

Литература

1. *Брычков А.С., Никоноров Г.А.* Глобальная информационная оборона духовной сферы // Проблемы безопасности российского общества. 2015. № 1.
2. *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны: монография: в 2-х ч. Ч. II: Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством / А.И. Владимиров. М., 2013.
3. *Ильин И.А.* Мы были правы // О грядущем России / Под ред. Н.П. Полторацкого. М., 1993.
4. *Ильин И.А.* Собр. соч. в 10 т. М., 1996. Т. 1.
5. *Корсакова Л.Е.* Аксиологическое ядро этнокультурной ментальности // Регионоведение. 2013. № 2 (82).
6. *Морданова С.М., Левит Т.А.* Сущность и содержание понятия «толерантность» // Акмеология профессионального образования. Материалы 14-й Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2018.
7. *Николаенко Н.М.* Космизм в контексте отечественной философской культуры. Омск, 2006.
8. *Фомина Н.Н.* Русская культура в контексте мировой культуры // Введение в культурологию: Курс лекций. Под ред. Ю.Н. Солониной, Е.Г. Соколова. СПб., 2003.
9. *Цацалов О.О.* К вопросу о принципах правосудия как принципах судебной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. 2019 г. 304 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, квалификации магистр. Цель пособия — выделить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) Юриспруденция, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10009

© С.С. Безруков, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЗАСТАРЕЛЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Сергей Сергеевич Безруков,

начальник отдела Научно-исследовательского центра № 5

(по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания),

доктор юридических наук, доцент

ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

(123995, Москва, ул. Поварская, д. 25 стр. 1)

E-mail: bezrukovsergeyperm@rambler.ru

Аннотация. Обозначены отдельные недостатки действующего нормативного регулирования порядка проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Отмечается, что несмотря на все усилия законодателя, неоднократно изменявшего нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в этой части, разрешить все существующие проблемы не удалось. Анализируя многочисленные предложения специалистов о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, автор приходит к выводу, что оптимальная модель начала уголовно-процессуальной деятельности пока не разработана.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, уголовно-процессуальная деятельность, общение о преступлении, проверка.

LONG-STANDING PROBLEMS AND THE UNCERTAIN PROSPECTS FOR THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey S. Bezrukov,

Head of Department of the Research and Development Center № 5

(on investigation of the problems of investigation of crimes by the bodies of preliminary investigation and inquiry),

Doctor of Law, Associate Professor

«All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»

(123995, Moscow, ul. Povarskaya, d. 25, str. 1)

Abstract. The article highlights some shortcomings of the current regulatory procedure for verification of statements and reports of crimes. It is noted that despite all the efforts of the legislator, who repeatedly changed the norms of the Criminal procedure code of the Russian Federation in this part, it was not possible to solve all the existing problems. Analyzing the numerous proposals of specialists to eliminate the stage of initiation of criminal proceedings, the author comes to the conclusion that the optimal model of the beginning of criminal procedure has not yet been developed.

Keywords: criminal proceedings, initiation of criminal case, criminal procedure, crime report, checking.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Безруков С.С. Застарелые проблемы и неопределенные перспективы стадии возбуждения уголовного дела. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):53-5.

В последние годы представители высших органов государственной власти все яснее и отчетливее озвучивают запрос на прорывные решения в самых различных сферах нашей жизнедеятельности. Речь не идет исключительно о промышленных и информационных технологиях, аналогичная потребность существует и в области правового регулирования. Действующие нормативные предписания достаточно часто критикуют за их окостенелость, значительное отставание от темпов общественного развития, неприспособленность к надлежащему уре-

гулированию быстро изменяющихся отношений. Применительно к уголовному процессу подобные претензии нередко концентрируются вокруг стадии возбуждения уголовного дела, которая давно стала ассоциироваться с труднопреодолимым для пострадавших барьером, затрудняющим им доступ к правосудию. Неудивительно, что предложения о ликвидации данного этапа уголовно-процессуальной деятельности к настоящему времени приобрели характер вполне привычных, перестали претендовать на роль новаторских, а тем более, революционных.

Невозможно отрицать и тот факт, что круг ученых-процессуалистов, указывающих на неуместность стадии возбуждения уголовного дела, призывающих к полному отказу от нее или же коренному преобразованию, значительно расширился.

Так, Концепцией судебной реформы в Российской Федерации предусматривалась ликвидация стадии возбуждения уголовного дела, которая была охарактеризована авторами Концепции как «суррогат расследования» [9, с. 88]. Следует отметить, что по сравнению с УПК РСФСР, в адрес которого высказаны подобные упреки, действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставляет гораздо более широкие средства проверки заявления и сообщения о преступлении, отводя на эту деятельность сроки, превышающие (в случае их продления) продолжительность производства дознания в сокращенной форме. С учетом названного обстоятельства стадия возбуждения уголовного дела еще больше приблизилась к предварительному расследованию, перестав, пожалуй, быть его «суррогатом», хотя и до полноценного расследования ей все-таки далеко. Сложно не согласиться с В.А. Лазаревой, констатирующей «беспрецедентное разрастание доследственной проверки», приводящее к размыванию границ между процессуальной и следственной деятельностью [4, с. 11—16].

В современных работах известных процессуалистов отмечается, что с принятием УПК РФ рассматриваемая стадия стала «инородным телом», малоэффективным, тормозящим быстрое раскрытие преступлений «по горячим следам». В.Н. Махов ничуть не сомневается в том, что этот «эксклюзивный институт, созданный в годы социализма, обречен в постсоциалистическую эпоху быть заменен полицейским дознанием, т.е. традиционной формой начальной стадии уголовного процесса» [5, с. 75—77]. В стадии возбуждения уголовного дела видят и «реликт социалистической законности» [2, с. 71—75], «один из самых неудачных рудиментов советского уголовного процесса» [1, с. 10—13].

На целесообразность отказа от существующего порядка возбуждения уголовного дела, его трансформации в институт начала уголовного судопроизводства прямо указывается в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (п. 4.5) [8].

Многочисленные недостатки существующей правовой регламентации первоначального этапа уголовно-процессуальной деятельности постоянно находятся под пристальным вниманием законодателя, по-видимому, пока не желающего разрешать проблемы путем упразднения стадии возбуждения уголовного дела. Достаточно отметить, что в положениях глав 19—20 УПК РФ изменения (по подсчетам специалистов) вносились более 50 раз [6, с. 35—38]. В первоначальном виде в этих главах сохранились лишь ст. 141—142 УПК РФ. И тем не менее, предпринятые законотворческие усилия вплоть до настоящего времени не могут расцениваться как исчерпывающие, поскольку действующее нормативное регулирование отнюдь не является оптимальным. Предельно актуальными остаются проблемы определения пределов предварительной проверки заявлений (сообщений) о преступлениях, достаточности (избыточности) средств и сроков доследственной проверки, обеспечения прав лиц, вовлекаемых в эту деятельность, в том числе, права пострадавших на доступ к правосудию, и многие другие.

Перечисленные проблемы, как представляется, не могут быть устранены за счет ликвидации стадии возбуждения уголовного дела. Анализ статистических данных ФКУ «ГИАЦ МВД России» показывает¹, что в последние 5 лет количество постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, вынесенных сотрудниками органов внутренних дел, неизменно превышает число возбужденных ими же уголовных дел более чем в 3,5 раза. В 2013 г. возбуждено 1 761 545 уголовных дел, вынесено 6 703 235 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела; в 2014 г. возбуждено 1 728 643 уголовных дела, вынесено 6 665 368 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела; в 2015 г. возбуждено 1 890 714 уголовных дел, вынесено 6 813 739 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела; в 2016 г. возбуждено 1 848 129 уголовных дел, вынесено 6 808 472 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В 2017 году органами внутренних дел зарегистрировано 30 547 566 заявлений и сообщений, из

¹ Анализировались статистические данные, приведенные в сборниках ФКУ «ГИАЦ МВД России» «О состоянии преступности за январь—декабрь...» 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг.

которых 10 304 062 рассмотрены в уголовно-процессуальном порядке. При этом значительное число таких сообщений не содержало информации о признаках какого-либо преступления, а их проверка не регулировалась уголовно-процессуальным законом. Лишь по 1 714 843 заявлениям и сообщениям возбуждены уголовные дела. Вынесено 6 257 521 постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что стадия возбуждения уголовного дела позволяет исключить (пусть и не во всех случаях) предварительное расследование по заявлениям (сообщениям), не содержащим указания на признаки преступления, а равно избежать необоснованного уголовного преследования. Достойной альтернативы данной стадии, насколько можно судить по опубликованным в юридической периодике инициативам и законопроектам, пока не предложено. Полагаю, что началу предварительного расследования в любом случае должно предшествовать разрешение вопроса о наличии в поступившем в компетентные органы сообщении сведений о признаках совершенного, совершаемого или готовящегося преступления.

В связи с этим, значительный интерес для исследования и оценки представляет опыт Украины и Казахстана, предпринявших более радикальные шаги на пути искоренения проблем, доставшихся по наследству от советского уголовного процесса, и отказавшихся от стадии возбуждения уголовного дела. Эти страны внедрили Единый реестр досудебных расследований (производств). Досудебное расследование при таком варианте начинается только после регистрации поступившего заявления (сообщения) о преступлении в указанном реестре. По справедливому замечанию С.А. Трухина, признание органами предварительного расследования Казахстана заявления или сообщения не содержащим признаков преступления (а таковыми по некоторым данным признаются более 70% обращений² [3, с. 223]), не предполагает принятия мотивированного правоприменительного решения об отказе в начале досудебного расследования. Следует согласиться с автором, усматривающим в подобном

подходе угрозу разработанной системе гарантий принятия по результатам предварительных проверок законных и обоснованных решений, и более того — предоставления органам предварительного расследования почти бесконтрольного права начинать предварительное расследование по своему усмотрению или не начинать его без вынесения мотивированного правоприменительного решения [7, с. 28—32].

В заключение необходимо отметить, что насущная потребность реформирования стадии возбуждения уголовного дела не вызывает сомнений, ее многочисленные недостатки очевидны. Но при этом не следует прибегать к радикальным средствам, решая одни проблемы, порождать новые, еще более острые и многочисленные.

Литература

1. Головкин Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4.
2. Дерюшев Ю.В. Реликт социалистической законности мутирует // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2017. № 6.
3. Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
4. Лазарева В.А. Доследственная проверка // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4.
5. Махов В.Н. Начальная стадия уголовного процесса в Российской Федерации и зарубежных странах // Российский следователь. 2018. № 3.
6. Ряполова Я.П. Состоятельность стадии возбуждения уголовного дела для российского уголовного процесса // Российская юстиция. 2016. № 6.
7. Трухин С.А. Значение и перспективы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела // Российский судья. 2017. № 11.
8. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации: [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2013/02/04> (Дата обращения — 17 октября 2018 г.).
9. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992.

² Такой вывод сформулирован на основе сведений, приведенных в диссертации В.В. Кожокара.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10010

© О.В. Мичурина, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЭВОЛЮЦИЯ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ОТ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ДО КВАЗИРАССЛЕДОВАНИЯ

Оксана Валерьевна Мичурина,

профессор кафедры уголовного процесса,

доктор юридических наук, профессор

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: okmich@inbox.ru

Аннотация. Обозначаются проблемные вопросы порядка рассмотрения сообщения о преступлении. Предложены пути его оптимизации, даны рекомендации законодателю.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, реформирование досудебного производства, рассмотрение сообщения о преступлении, доследственная проверка, проверочные действия, проверка сообщения о преступлении.

EVOLUTION OF THE ORDER OF THE CONSIDERATION OF THE REPORT ON THE CRIME: FROM INVESTIGATION OF CHECKS TO QUASI INVESTIGATION

Oksana V. Michurina,

Professor, Department of Criminal Procedure,

Doctor of Law, Professor

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. Indicates the problematic issues of the order of consideration of a message about a crime. The ways of its optimization are offered, recommendations to the legislator are given.

Keywords: initiation of criminal proceedings, reform of pre-trial proceedings, consideration of a crime report, pre-investigation check, verification actions, verification of a crime report.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Мичурина О.В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квази расследования. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):56-60.

Принятие законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела или о его отказе, как правило, невозможно без получения дополнительной информации. Ее установлению служит проверка, которая входит в общий срок рассмотрения сообщения о преступлении. В УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. проверка сообщения о преступлении не упоминалась. Не было ее и в УПК РСФСР 1960 г. Прокурор, следователь, орган дознания и судья, руководствуясь ст. 109 УПК РСФСР, обязаны были принять заявления и сообщения о любом совершенном или подготавливаемом преступлении и вынести по ним решения в срок не более трех суток со дня получения заявления или сообщения, а в исключительных случаях — в срок не более десяти суток. Прежде чем начать уголовное преследование, надо было найти основание — наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Уста-

новить основание к возбуждению уголовного дела можно было с помощью проверки, сформировавшейся в ходе правоприминительной деятельности тех лет и не имевшей какого-то единого унифицированного обозначения. В теории уголовного процесса присутствовал терминологический разброс в именовании этой деятельности, она называлась то первичной проверкой [4, с. 28], то доследственной проверкой [2, с. 180—181], то предварительной проверкой [19, с. 37] и даже проверочными действиями [21, с. 30] либо просто проверкой [3, с. 37; 10, с. 169; 15, с. 270].

Сначала производство каких-либо следственных действий до возбуждения уголовного дела не допускалось. Позднее в УПК РСФСР были внесены изменения, обусловленные потребностями практики, прежде всего, недостаточностью средств, позволяющих принимать обоснованные решения о

возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. С 1963 г. до возбуждения уголовного дела уже разрешалось проведение осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства. По поступившим заявлениям и сообщениям могли быть также истребованы необходимые материалы и получены объяснения. Все остальные проверочные действия не носили процессуального характера и представляли собой меры административной деятельности милиции или осуществлялись органом дознания в ходе оперативно-розыскной деятельности.

За годы правоприменения рассмотрение сообщения о преступлении обросло дополнительными процедурами, а после принятия УПК РФ 2001 г. оно официально включило в содержание проверку сообщения о преступлении. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа стали обязаны не только принять, но и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, а в пределах компетенции, установленной законом, принять по нему решение (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Тем самым проверка сообщения о преступлении приобрела обязательный характер. Теперь компетентные органы и должностные лица не вправе отказаться от ее проведения, но могут по своему усмотрению на основе конкретных обстоятельств определять ее пределы, а также объем и методы производства. Кроме того, увеличился до тридцати суток срок проверки сообщения о преступлении, а также расширился перечень проверочных действий. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном законом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Таким образом, современный правоприменитель приобрел

значительный арсенал процессуальных средств для принятия решения по поступившему сообщению о преступлении. Попытаемся проанализировать положительные и отрицательные последствия такого приобретения.

О возможности производства до возбуждения уголовного дела следственных действий говорили и писали не раз даже задолго до того, как был принят УПК РФ. Эта проблема всегда волновала процессуалистов и часто обсуждалась на страницах юридической печати. Перечень следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела предлагалось дополнить экспертизой [17, с. 114—115; 18, с. 28], освидетельствованием [1, с. 19], обыском [12, с. 79—81] и допросом [8, с. 113; 16, с. 81]. Кроме того, обосновывалась возможность применения мер процессуального принуждения, а именно задержания лица по подозрению в совершении преступления [16, с. 115].

Справедливости ради, отметим, что в литературе высказывались и суждения против производства следственных действий до возбуждения уголовного дела (помимо осмотра места происшествия). Их представители задаются единственным вопросом: зачем в стадии возбуждения уголовного дела нужны следственные действия? Информационная природа стадии возбуждения уголовного дела такова, что ее задачи могут разрешаться и без помощи следственных действий. На первоначальном этапе закон допускает оперирование данными, облеченными в относительно свободную форму и характеризующимися вероятностным содержанием [13, с. 18].

Особенно важным представляется мнение практиков по этому вопросу. Надо признать, что в их среде обозначенную выше позицию не спешат разделять, особенно в органах внутренних дел, на которые возложен наибольший объем деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях. Большинство опрошенных респондентов (93,2%) высказались за необходимость производства следственных действий в качестве средств проверки сообщений о преступлениях. Более того, с их точки зрения этот перечень должен быть расширен за счет включения обыска (22,2%), выемки (16,2%), допросов (57,7%), а также иных других следственных действий.

Безусловно, позицию практиков и их аргументы можно понять. Однако с доводами об экономии

сил и времени (допрос, например, необходим для того, чтобы не «передопрашивать» лицо после возбуждения уголовного дела, а также в целях гарантирования достоверности полученной информации) трудно согласиться. За гранью понимания случаи, когда до возбуждения уголовного дела осуществляются допрос, обыск или выемки, оформляемые без даты проведения. Дата в протоколах указанных следственных действий проставляется уже после возбуждения уголовного дела, а если же выносятся решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то эти документы уничтожаются и не приобщаются к материалам проверки. С точки зрения закона такие действия не могут считаться правомерными. И никакими практическими целесообразностями их оправдать нельзя.

Разрешив производство всех следственных действий до возбуждения уголовного дела, мы потеряем то главное предназначение, ради которого изначально эта стадия создавалась, сотрутся грани различия с последующими этапами уголовного судопроизводства, а именно предварительным расследованием. Механизм процессуальной деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении станет громоздким и малоэффективным.

Нет необходимости осуществлять весь комплекс доказательственной деятельности на данной стадии. Да и зачем он там? Надо лишь разрешить один единственный вопрос: имеются ли достаточные данные для того, чтобы можно было возбудить уголовное дело и приступить к его расследованию. Кроме того, нельзя упускать и аспекта, связанного с ограничением прав и свобод личности. Надо признать, что многие следственные действия в той или иной мере содержат элемент принуждения, а, следовательно, ограничивают права и свободы граждан. Вряд ли можно это допустить на первоначальной стадии уголовного судопроизводства, когда, по сути, процессуальный статус ни одного из его участников еще четко не определен (лицо может быть заявителем, но не признано пока потерпевшим, нет еще подозреваемого и пр.).

Если и дальше расширять перечень следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, продлять сроки предварительной проверки, то мы получим еще одну полноценную форму предварительного расследования, предшествую-

щую дознанию и предварительному следствию. Что с нашей точки зрения полностью нивелирует первоначальный замысел, который был заложен в порядок рассмотрения сообщения о преступлении. Ведь проверка сообщения о преступлении задумывалась лишь для получения дополнительной информации к принятию законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. И только для тех случаев, когда со всей очевидностью не ясно, имеются ли признаки преступления. Однако со временем она стала обязательным элементом стадии возбуждения уголовного дела. Имеются признаки преступления или не имеются, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа не вправе отказать от ее проведения, что нередко затягивает начало производства по уголовному делу и возможность сбора доказательственной базы.

Во многих зарубежных странах органы дознания, получив первичную информацию о совершении преступления, уже с этого момента имеют возможность немедленно приступить к сбору доказательственной информации. Кроме того, в отличие от нашего отечественного законодательства, их деятельность на первоначальном этапе детально не регламентируется. И все потому, что в большинстве процедур зарубежного уголовного судопроизводства нет стадии, подобной стадии возбуждения уголовного дела. А многие страны ранее ее имевшие, поспешили от нее отказаться.

В любом случае, начало уголовного судопроизводства в России имеет больше преимуществ, т.к. процедура принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела у нас более внятная, законодательно четко регламентированная и с точки зрения учета интересов потерпевшего более справедливая. Поэтому, вряд ли целесообразно полностью отказываться от стадии возбуждения уголовного дела и тем самым деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении. Однако перегруженный формальностями порядок рассмотрения сообщения о преступлении, вряд ли успешно справляется со своей задачей.

Стадия возбуждения уголовного дела служит своеобразным фильтром от фактов, которые не содержат в себе не только состав, но и событие преступления. Правоприменителю вменено в обязан-

ность принимать всю информацию, даже ту, которая изначально не свидетельствует о преступлении. Отказавшись от стадии возбуждения уголовного дела, мы обременим его необходимостью проводить расследование по каждому сообщению. За отказом от стадии возбуждения уголовного дела, быстротой и легкостью начала уголовного преследования кроется и другая серьезная проблема. Можно даже сказать, что это проблема наиболее важная. Стадия возбуждения уголовного дела выполняет еще и роль своеобразного гаранта от спешки, произвола и беззакония в ходе привлечения к уголовному преследованию. Вспомним хотя бы причину ее появления в 60-е годы прошлого столетия. Да и сам факт уголовного преследования является негативной ситуацией в жизни человека. Не говоря уже об изъятых ценностях, уничтоженном бизнесе, потерянной работе, утрате социальных связей и т.д. Кроме того, уголовное преследование, как правило, всегда связано с применением мер процессуального принуждения и самой строгой из них — заключением под стражу. В этой связи возникает необходимость ограничения права на уголовное преследование, исключения случаев необоснованного, произвольного, без достаточных оснований уголовного преследования. С этим многие годы успешно справляется стадия возбуждения уголовного дела.

Отсюда безосновательна аргументация сторонников ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, что это приведет к упрощению процессуального порядка уголовного судопроизводства, а именно, во-первых, к экономии процессуальных средств, поскольку устранил процесс дублирования процессуальных действий. Во-вторых, будет снята проблема невозможности проведения всех необходимых следственных действий до возбуждения уголовного дела [6, с. 7; 9, с. 76—86; 11, с. 60—66; 14, с. 84—139].

Экономия процессуальных средств и желание производить на этой стадии следственные действия не могут достигаться за счет гарантированных Конституцией РФ прав и свобод граждан. Как обоснованно отмечают многие авторы, экономия процессуальных средств должна быть получена не упразднением стадии возбуждения уголовного дела, а путем лишь своевременного возбуждения уголовного дела [5, с. 83; 7, с. 59; 20, с. 11—13].

Стадия возбуждения уголовного дела предназначена обеспечить немедленное реагирование на каждую информацию о преступлении, но с другой стороны, она имеет и иное предназначение — своевременное предотвращение расследования факта, который не представляет общественной опасности, либо не имел места в действительности. Поэтому, ратуя за сохранение стадии возбуждения уголовного дела, мы не отвергаем надобности реформирования ее порядка. Однако не путем отказа от отказных материалов или полной ликвидацией процедуры проверки сообщений о преступлении, что приведет к отказу от самой стадии. Необходимо отойти от обязательности проверки сообщений о преступлениях. Она необходима лишь при неочевидности признаков преступления. Если же они обнаружены, то следует незамедлительно выносить постановление о возбуждении уголовного дела и приступать к его расследованию. При этом не надо на первоначальном этапе уголовного судопроизводства устанавливать все элементы состава преступления, чем сейчас занимается правоприменитель, вопреки указаниям закона. Нет необходимости и в использовании всего арсенала проверочных действий. Проверка может ограничиться производством одного единственного следственного действия — осмотра места происшествия. Если в ходе него будут выявлены признаки преступления, то цель достигнута и в проведении дальнейшей проверки уже нет смысла.

Литература

1. *Альперт С.А., Стрёмовский В.А.* Возбуждение уголовного дела органами милиции. Харьков, 1957.
2. *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002.
3. *Бобров В.К.* Стадия возбуждения уголовного дела. М., 1997.
4. *Васильев А.Н.* Рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях. М., 1954.
5. *Волеводз А.Г.* Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1.
6. *Володина Л.М.* Механизм обеспечения прав личности в уголовном процессе: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1998.

7. *Воскобитова Л.А.* Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1.
8. *Гуляев А.П.* Следователь в уголовном процессе. М., 1981.
9. *Дикарев И.С.* Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1.
10. *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961.
11. *Ленский А.В.* Досудебное (предварительное) производство в уголовном процессе России и его эффективность. Томск, 1998.
12. *Мартинович И.И.* Некоторые вопросы возбуждения уголовного дела // Уч. зап. Белорусского ун-та. Вып. 43. Минск, 1957.
13. *Мигушин К.И.* Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2004.
14. *Николюк В.В., Дерищев Ю.В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск, 2003.
15. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970.
16. *Томин В.Т.* Острые углы судопроизводства. М., 1991.
17. *Федоров Ю.Д.* Использование специальных знаний при осмотре места происшествия // Пути совершенствования деятельности следственных аппаратов внутренних дел. Ташкент, 1987.
18. *Францифоров Ю., Николайченко В., Громов Н.* Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 1999. № 3.
19. *Шурухнов Н.Г.* Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела (процессуальные и организационные вопросы). М., 1985.
20. Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела: Учебное пособие / В.Н. Григорьев, А.В. Новиков, Е.А. Прохорова, Д.Н. Слабкая. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
21. Дознание в органах внутренних дел / Под ред. А.А. Чувилева. М., 1986.

Предварительное следствие

Учебник

Третье издание

Предварительное следствие. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. М.В. Мешкова. 2019 г. 575 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», курсантов вузов системы образования МВД России, а также для практических работников органов предварительного расследования.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10011

© О.Н. Тисен, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ольга Николаевна Тисен,

старший прокурор управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации,

доктор юридических наук

Генеральная прокуратура Российской Федерации (125993, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15а)

E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Проанализированы нормы уголовно-процессуального законодательства; обозначены ключевые проблемы, с которыми сталкивается прокурор при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. На основе проведенного анализа делаются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовное судопроизводство, прокурор, сторона обвинения

ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF PRETRIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ol'ga N. Tisen,

Senior Prosecutor of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation, Doctor of Law

General Prosecutor's Office of the Russian Federation (125993, Moscow, ul. Bolshaya Dmitrovka, d. 15a)

Abstract. In this paper, the author analyzed the rules of criminal procedure legislation and identified the key problems faced by the Prosecutor at the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation. On the basis of the analysis made proposals to improve the legislation.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, criminal proceedings, Prosecutor, prosecution

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Тисен О.Н. Актуальные проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):61-3.

На протяжении всей истории уголовного судопроизводства одним из самых эффективных способов раскрытия групповых преступлений по праву считается привлечение одного из соучастников к сотрудничеству с органами расследования. Правдивые показания посягнувшего на охраняемые законом интересы общества и государства помогают не только восстановить картину произошедшего и установить роль каждого лица в реализации преступного умысла, но и спасти жизни людей посредством пресечения подготавливаемых противоправных деяний.

Однако, практика показывает, что при наличии реальной угрозы безопасности, предусмотренных общими нормами материального права гарантий смягчения наказания недостаточно для стимулирования обвиняемых к активному взаимодействию со следствием. В этой связи российским законодателем разработана новая процедура, призванная способствовать раскрытию и расследованию преступлений.

Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный

кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в российское уголовное судопроизводство введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве. За 9 лет функционирования новый уголовно-процессуальный институт стал важнейшим инструментом борьбы с организованной и трансграничной преступностью, общественно опасными посягательствами террористического, насильственного и коррупционного характера.

Вместе с тем, реализация норм гл. 40¹ УПК РФ вызывает значительные трудности, а отсутствие детальной законодательной регламентации порядка применения института досудебного соглашения о сотрудничестве влечет за собой многочисленные ошибки в следственной и судебной практике. Указанное обстоятельство существенно снижает результативность использования нового уголовно-процессуального института и замедляет процесс претворения в жизнь целей его введения в российский уголовный процесс.

В действующей редакции нормы гл. 40¹ УПК РФ создают условия для повышения вероятности оговора субъектом досудебного соглашения о сотрудничестве лиц, не причастных к совершению преступлений. В свою очередь пробелы в нормативном регулировании позволяют прокурору принимать решение о прекращении досудебного сотрудничества по своему в любой момент усмотрению, при этом имея возможность использовать полученные благодаря содействию обвиняемого доказательства для его же изобличения даже после расторжения соглашения.

Разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», не устранили пробелы в регламентации порядка применения гл. 40¹ УПК РФ. До сих пор вне поля зрения законодателя остается процедура расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве, специальные основания возвращения уголовных дел анализируемой категории прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и их разграничение с причинами рассмотрения таких дел судами в общем порядке судебного разбирательства.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ [1] ст. 37 УПК РФ была дополнена нормой, предоставляющей прокурору право вносить изменения в досудебное соглашение о сотрудничестве посредством вынесения постановления. Уголовно-процессуальное законодательство и до этого не содержало прямого запрета на внесение изменений в текст ранее заключенного досудебного соглашения.

Однако, основания, указанные в ч. 5 ст. 317⁴ УПК РФ с учетом условий легитимности досудебного соглашения влекут за собой его прекращение, а не изменение.

Полагаем, что основаниями к расторжению досудебного соглашения о сотрудничестве являются:

- 1) заявление обвиняемого о расторжении досудебного соглашения;
- 2) несоблюдение обвиняемым условий досудебного соглашения, которое выражается в следующем: отказ от дачи изобличающих соучастников совершенного преступления показаний; отказ от участия в следственных действиях, проводимых в целях изобличения соучастников преступлений,

розыска имущества, добытого преступным путем: очных ставках, проверке показаний на месте, следственном эксперименте, прослушивании фонограмм телефонных переговоров и т.д.; установление факта сообщения обвиняемым заведомо ложных сведений; приуменьшение собственной роли в совершенном преступлении; сокрытие от правоохранительных органов существенных обстоятельств; сообщение сведений лишь о собственном участии в преступной деятельности; несоблюдение иных условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

3) смерть обвиняемого;

4) установленное у обвиняемого заключением психолого-психиатрической экспертизы психическое расстройство.

В целях недопущения возможности прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве по надуманным основаниям предлагаем закрепить их перечень в законе.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве является эффективным инструментом раскрытия преступлений и способствует изобличению опасных преступников. Однако необходимость использования сотрудничества одного из соучастников преступления в изобличении всех причастных к нему лиц возникает не только на досудебном этапе уголовного судопроизводства, но и в период судебного следствия.

Проводимая с 2007 г. реформа российской правоохранительной системы привела к существенно сужению полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве, что, в конечном счете, оказало негативное влияние на качество предварительного следствия в современной России. Фактически в настоящее время прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия носит фрагментарный характер и ограничивается возможностью проверки законности результатов предварительного расследования лишь на этапе утверждения обвинительного заключения. Функция уголовного преследования по делам, отнесенным к компетенции органов следствия, в полной мере реализуется прокурором лишь при поддержке государственного обвинения в суде.

В настоящее время сотрудничество со стороны обвинения на этапе судебного следствия не гарантирует подсудимому снижение возможной меры ответственности за содеянное. Безусловно, суд может

учесть при назначении наказания изобличение соучастников преступления в качестве смягчающего обстоятельства. Однако, в отличие от обязательных правил назначения наказания субъектам досудебного соглашения о сотрудничестве не свыше половины от максимального размера санкции, изъявившие желание сотрудничать с прокурором на этапе судебного следствия не получают никаких гарантий смягчения уголовной кары, что оказывает негативное влияние на принятие подсудимыми решения об изменении ранее избранной позиции по делу.

В этой связи предлагаем авторскую модель института судебного соглашения о сотрудничестве, предполагающая возможность заключения на судебной стадии уголовного судопроизводства письменного соглашения между стороной обвинения и подсудимым или осужденным об обязательстве изобличать соучастников преступления на этапе рассмотрения уголовного дела судом первой и последующих инстанций в обмен на смягчение наказания за содеянное [2].

Судебное соглашение о сотрудничестве — это заключаемое с момента назначения судебного разбирательства до окончания судебного следствия в судах первой и апелляционной инстанций по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, независимо от их категории, соглашение между государственным обвинителем, прокурором, утвердив-

шим обвинительное заключение (акт), подсудимым (осужденным) и его защитником, согласно которому подсудимый обязуется давать показания, направленные на изобличение соучастников преступления, розыск добытого преступным путем имущества при рассмотрении уголовного дела судом первой и последующих инстанций на условии смягчения наказания не менее чем на одну треть.

Судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено судебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном гл. 35—39, 45¹ УПК РФ. Описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать, помимо прочего, выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним судебным соглашением о сотрудничестве.

Литература

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Тисен О.Н.* Судебное соглашение о сотрудничестве: авторская модель // Российская юстиция. 2016. № 2.

ПСИХОЛОГИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность» / [В.Л. Цветков и др.]; под ред. И.А. Калиниченко. 207 с.

Рассматриваются проблемы психологии профессиональной деятельности для сотрудников полиции. Даются психологическая характеристика следственной деятельности, профессиографическое описание деятельности участкового уполномоченного полиции.

Анализируются психологические особенности предварительного расследования. Уделяется внимание криминальной психологии и особенностям судопроизводства по уголовным делам. Самостоятельная глава посвящена судебно-психологической экспертизе.

Для курсантов, адъюнктов, аспирантов вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения правоохранительной деятельности и юридической психологии.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10012

© А.В. Ендольцева, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЗАПРЕТЫ, НАЛАГАЕМЫЕ НА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Алла Васильевна Ендольцева,
профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России,
ведущий научный сотрудник НИЦ-1 НИИ ФСИН России,
профессор кафедры уголовного процесса,
доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: allaend2015@mail.ru

Аннотация. Анализируются положения ст. 105.1 УПК РФ, введенной законодателем в апреле 2018 г. Запрет определенных действий, как и любая мера пресечения, должен способствовать достижению целей, которые ставит перед собой следователь, дознаватель, а также суд при избрании подозреваемому или обвиняемому такой меры процессуального принуждения. Отмечаются достоинства и недостатки новой меры пресечения, формулируется вывод о том, что ограничения прав и свобод подозреваемого и обвиняемого должны быть соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей.

Ключевые слова: мера пресечения, запрет определенных действий, домашний арест, залог, дополнительные запреты определенных действий.

THE PROHIBITIONS IMPOSED ON THE SUSPECT OR THE ACCUSED AS A PREVENTIVE MEASURE: DEBATABLE QUESTION

Alla V. Endoltseva,
Professor of the Department of Legal Bases of Management
Moscow State University of International Relationships Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Leading Scientific Employee of Scientific Research Centre № 1 at Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
professor of Criminal Procedure Department,
Doctor of Law, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. In this article, the author analyzed the provisions of article 105.1 of the code of criminal procedure, introduced by the legislator in April 2018. The prohibition of certain actions, as well as any preventive measure, should contribute to the achievement of the goals set by the investigator, as well as the court when electing the suspect or accused such a measure of procedural coercion. The advantages and disadvantages of the new preventive measure are noted, the conclusion is drawn that the restrictions on the rights and freedoms of the suspect and the accused must be proportionate and necessary for the protection of constitutionally significant values.

Keywords: preventive measure, prohibition of certain actions, house arrest, bail, additional prohibitions of certain actions.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Ендольцева А.В. Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):64-7.

В уголовно-процессуальном законодательстве имеется множество запретов, касающихся различных сфер уголовно-процессуальной деятельности. Прежде всего, это нормы-запреты, которые занимают важное место в системе гарантий прав и обязанностей субъектов уголовного процесса, запрещающие, например, осуществление действий или принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья (ст. 9 УПК РФ). Но это также и запреты, налагаемые в период производства по уголовному делу на подозреваемого и обвиняемого. Речь идет о некоторых

мерах пресечения, которые избираются обвиняемому, а в исключительных случаях подозреваемому в порядке ст. 100 УПК РФ. Ранее (до апреля 2018 г.) запреты и (или) ограничения были предусмотрены ч. 7 ст. 107 УПК РФ (Домашний арест). Запрет не покидать постоянное место или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда предусмотрен и сейчас в ст. 102 УПК РФ (Подписка о невыезде и надлежащем поведении).

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» введена новая мера пресечения — запрет определенных действий [1]. Мы видим, что уголовная политика государства¹ направлена на гуманизацию, в том числе и в такой сфере, как избрание и применение мер процессуального принуждения к лицам, совершившим преступления. Сначала законодатель внес изменения в ст. 108 УПК РФ (Заключение под стражу), дополнив ее частью 1.1, в которой говорится о том, что заключение под стражу не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении ряда преступлений против собственности, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также совершившего некоторые преступления в сфере экономической деятельности (перечень таких составов преступлений указан в данной норме). Таким образом, к предпринимателям в качестве наиболее строгих мер пресечения могли избираться лишь залог (ст. 106 УПК РФ) и домашний арест (ст. 107 УПК РФ).

Однако, такая мера пресечения как домашний арест, сущность которого заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, с возложением запретов (ч. 7 ст. 107 УПК РФ) и осуществлении за ним контроля, препятствует возможности заниматься бизнесом. Новая же мера пресечения, предусмотренная законодателем в

ст. 105.1 УПК РФ (Запрет определенных действий), позволит предпринимателю, находясь под следствием, заниматься законной предпринимательской и иной экономической деятельностью, что, конечно, же следует одобрить в условиях, когда развитию малого и среднего бизнеса в нашей стране уделяется большое внимание.

Запрет определенных действий как мера пресечения заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных в данной статье, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов (ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ).

Какие же запреты определены законодателем в данном случае? Представляется, что запреты прежде всего должны способствовать достижению целей, которые ставит перед собой следователь, дознаватель, а также суд при избрании подозреваемому или обвиняемому меры пресечения. Давайте вспомним, а когда же правоприменитель вправе вообще избрать меру пресечения? Такое право у него возникает, когда имеются достаточные основания полагать, что подсудимый (подследственный): скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 97 УПК РФ (Основания для избрания меры пресечения)).

Законодатель ныне в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ закрепил в качестве запретов шесть действий, которые не вправе совершать подозреваемый или обвиняемый (ранее в ч. 7 ст. 107 УПК РФ их было четыре). При этом ни одна из таких мер, по нашему мнению, не позволяет воспрепятствовать тому, чтобы подозреваемый, обвиняемый, подсудимый не скрылся от дознания, следствия или суда. Что касается того обстоятельства, чтобы это лицо не смогло продолжать заниматься противоправной деятельностью, то этому может поспособствовать запрет находиться в определенных местах, посещать определенные мероприятия и участвовать в них (п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), общаться с определен-

¹ Мы рассматриваем уголовную политику в широком смысле, как систему, включающую в себя уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и криминологическую (предупредительную) политику.

ными лицами (п. 3 ч. 6 ст. 105.1. УПК РФ), отправлять и получать почтово-телеграфные отправления (п. 4 ч. 6 ст. 105.1. УПК РФ), использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (п. 6 ч. 6 ст. 2015.1. УПК РФ).

Полагаем, что чтобы не позволить подозреваемому, обвиняемому угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, эффективными будут четыре запрета действий, предусмотренных пунктами 2—5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Что касается возложения судом такого запрета как «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях» (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), то нам непонятно, для чего это в принципе нужно. Возникает вопрос, в какие именно периоды будет запрещено подозреваемому, обвиняемому выходить за пределы жилого помещения. Если таким периодом будет определено, например, ночное время, в которое запрещается выходить несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, то полагаем, что это все же больше административно-правовой аспект, а не уголовно-процессуальный. В п. 1 ч. 7 ст. 107 УПК РФ ранее был предусмотрен такой запрет, как выход за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый, обвиняемый. Такой запрет понятен в силу самой меры пресечения — домашний арест, который как раз и не предусматривает такие выходы.

А вот запрет, предусмотренный п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, следует, несомненно, одобрить, поскольку ранее на практике возникали ситуации, когда лицо совершало преступление, связанное с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, но водительское удостоверение у него не изымалось до вступления приговора суда в законную силу, и находясь под следствием и су-

дом такое лицо продолжало управлять автомобилем или иным транспортным средством. А это с учетом сроков расследования, судебного разбирательства, возможного обжалования решения суда достаточно большой промежуток времени, который использовался отнюдь не в интересах обеспечения правопорядка. Хотелось бы поддержать мнение Калиновского К.Б. о том, что «запрет управления автомобилем как процессуальная обеспечительная мера не должен превышать сроков лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством (от 6 месяцев, ст. 47 УК). Это положение необходимо учитывать при установлении и отмене этого запрета, продлении сроков расследования, а также при назначении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством» [2, с. 9].

Одним из запретов, налагаемых на подозреваемого или обвиняемого при производстве по уголовному делу является запрет на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). При этом «подозреваемый, обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, дознавателем и контролирующим органом» ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ). В этой норме вменяется подследственному (подсудимому) в обязанность о каждом звонке, в случаях, обозначенный в ч. 8 ст. 105.1. УПК РФ, информировать контролирующий орган. В то же время не предусмотрено право использовать средства связи для общения с адвокатом. Отсутствие возможности использовать телефонную связь для общения с адвокатом существенно ограничивает право подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на защиту, что явно находится в противоречии с Конституцией Российской Федерации. Такой пробел, несомненно, в кратчайшие сроки должен быть законодателем устранен.

Возникает вопрос, связанный с эффективностью контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов, наложенных судом. Та-

кой контроль ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ возложен на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, который при его осуществлении может использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля. Вместе с тем, уровень развития электронных технологий не позволит сегодня сотрудникам ФСИН России эффективно контролировать соблюдение запрета (запретов), наложенных на подозреваемого или обвиняемого судом, особенно в части использования им средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при общении с лицами, с которыми будет запрещено общаться. Обязанность ФСИН России обеспечить соблюдение запретов подконтрольным лицом может превратиться в фикцию. Поскольку этот аспект может оказаться центральным в вопросе выбора следователем, дознавателем меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, полагаем, что еще не в скором времени избрание запрета определенных действий в качестве самостоятельной меры пресечения найдет свое широкое применение.

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание, это то, что одним из решений суда при рассмотрении ходатайства следователя, дознавателя является постановление о возложении дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий (п. 2 ч. 4 ст. 105.1 УПК РФ). Вместе с тем законом не определено, какие именно дополнительные запреты могут быть наложены. Полагаем, что при ограничении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства одного лишь судейского усмотрения недостаточно. Перечень запретов, налагаемых на подозреваемого, обвиняемого, должен быть исчерпывающим и определен в законе. Свою позицию по данному вопросу высказал неоднозначно Верховный Суд Российской Федерации в п. 39 постановления Пленума от 19 декабря 2013 года — «суд не вправе подвергать подозреваемого или обвиняемого запретам и (или) ограничениям, не предусмотренным частью 7 статьи 107 УПК РФ» [3], и мы с такой точкой зрения

полностью согласны. Вместе с тем, законодатель иначе подошел к данному вопросу (ч. 4 ст. 105.1 УПК РФ).

Учитывая, что судебно-следственная практика применения новой меры пресечения еще не сложилась, полагаем целесообразным в дальнейших научных исследованиях изучить, проанализировать деятельность судов по обозначенному вопросу с тем, чтобы выявить, какие же дополнительные запреты налагались на подозреваемых и обвиняемых, и как они соотносятся с целями избрания и применения мер пресечения. А в последующем, при реальной необходимости, предложить законодателю дополнить ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, с тем, чтобы список запретов определенных действий, налагаемых на подозреваемого и обвиняемого в качестве меры пресечения, был исчерпывающим. При этом следует исходить из того, что «ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей» [4].

Литература

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.
2. *Калиновский К.Б.* Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «Консультант-Плюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «Консультант-Плюс».

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10013

© С.Б. Россинский, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТНИКА
С МОМЕНТА ФАКТИЧЕСКОГО ЗАДЕРЖАНИЯ:
КАК ПРЕВРАТИТЬ ПРАВОВУЮ УТОПИЮ
В ДЕЙСТВЕННУЮ ГАРАНТИЮ**

Сергей Борисович Россинский,
профессор кафедры уголовно-процессуального права,
доктор юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9)
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Анализируются нормативные и практические проблемы, возникающие в связи с необходимостью обеспечения лицу защитника с момента фактического задержания. Делается вывод, что эта обязанность лежит на любом должностном лице, наделенном по отношению к задержанному публично-правовыми полномочиями.

Ключевые слова: доставление; задержание подозреваемого; адвокат; защитник; подозреваемый; фактическое задержание; УПК РФ.

**SECURING THE LAWYER FROM
THE MOMENT OF SUSPECT SEIZING:
HOW CAN UTOPIA BE TURNED
INTO AN EFFECTIVE GUARANTEE**

Sergey B. Rossinskiy,
Professor of the Department of Criminal Procedure,
Doctor of Law, Associate Professor
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)
(125993, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9)

Abstract. The article analyzes the regulatory and practical problems that arise in connection with the need to ensure that a person has a defender from the moment of his capture. The author comes to the conclusion that this duty lies with any official who is vested with public-legal powers in relation to the detainee.

Keywords: delivery; the detention of a suspect; lawyer; defender; suspect; actual detention; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Россинский С.Б. Обеспечение защитника с момента фактического задержания: как превратить правовую утопию в действенную гарантию. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):68-71.

Существующие в настоящее время доктринальные и законодательные подходы к механизмам задержания лица по подозрению в совершении преступления обуславливают особый интерес ученых и практиков к проблемам так называемого фактического задержания (захвата). На этом фоне особую актуальность приобретают вопросы, связанные с обеспечением фактически задержанного лица защитником (адвокатом) как реализацией конституционной гарантии на получение квалифицированной юридической помощи [1, с. 368; 4,

с. 58]. Напомним, что согласно ч. 2 ст. 48 Конституции РФ каждый задержанный имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания. А в части уголовно-процессуальной деятельности указанный конституционный постулат находит отражение в п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, определяющей, что защитник участвует в уголовном деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.

Видимо, формулируя гипотезу этой нормы, разработчики действующего Кодекса в очеред-

ной раз постарались продемонстрировать всему Миру значение пресловутых либеральных ценностей для уголовного судопроизводства и создать безупречный с точки зрения обеспечения права на защиту юрисдикционный режим. Думается, что далеко не последнюю роль в решении данного вопроса сыграло и вышедшее незадолго до принятия УПК РФ знаменитое постановление Конституционного Суда РФ по делу В.И. Маслова¹.

Конечно не согласиться с общей концепцией о необходимости обеспечения задержанному конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, просто невозможно. Однако, ввиду своей непродуманности, в силу стремления авторов УПК РФ угодить скорее неким демократическим идеалам, нежели здравому смыслу, сконструированные ими механизмы оказались совершенно непригодны для повседневной правоприменительной практики. Существовая на бумаге, в реальности они не исполняются.

Во-первых, установленный УПК РФ правовой режим в очередной раз предполагает неопределенность в вопросе, на каком должностном лице лежит обязанность обеспечить задержанному защитника в порядке назначения или создать условия для участия защитника в порядке приглашения. По смыслу уголовно-процессуального закона эти полномочия, имея юрисдикционный характер и публично-правовую природу, прямо возложены на следователя или дознавателя. Однако указанные участники вступают в процессуальный контакт с подозреваемым лишь после его доставления.

В одних случаях доставление к следователю может затянуться на длительное время, в других — осуществляется намного быстрее [2, с. 29], но все равно занимает какой-то срок: полчаса, час, полтора и т.д. Тогда так возможность пользоваться помощью защитника человек получает прямо на месте захвата — в первый же миг ограничения свободы и личной неприкосновенности (вспомним еще раз позицию Конституционного Суда РФ по делу В.И. Маслова!).

Логичнее всего было бы предположить, что до момента полноценного «введения», задержанного в уголовный процесс такой обязанностью должны быть обременены должностные лица «силовых» ведомств (полиции, Росгвардии, ФСБ России), осуществившие фактический захват. Но, каким образом и посредством каких полномочий? Ведь УПК РФ — фактически единственный законодательный акт, регламентирующий порядок обеспечения права на защиту в сфере уголовной юстиции. Иные законы, определяющие компетенцию отдельных правоохранительных органов (да и то не все, а только «свежие», недавно принятые, например, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3–ФЗ «О полиции») предусматривают лишь обязанность разъяснения задержанному некоего абстрактного права на юридическую помощь, не закрепляя при этом процедуры его реального обеспечения.

Конечно можно углубиться в туманные околонучные рассуждения и догадки, завершив их тезисами, что очевидно, разработчики действующего уголовно-процессуального закона имели ввиду нечто иное, чем тот смысл, который вытекает из ст. 50 УПК РФ, что указанная норма подлежит более расширительному толкованию и распространяет свое действие не только на органы дознания или предварительного следствия, но и на любых должностных лиц, ограничивающих право человека на свободу и личную неприкосновенность и т.п. Однако если подобные попытки и возымеют определенный позитивный результат, то весьма выборочный, фрагментарный, скорее всего, признаваемый лишь адвокатским сообществом и либерально настроенными представителями юридической общественности. А правоохранительные органы в очередной раз просто проигнорируют эти рассуждения, не без основания посчитав их еще одним доктринальным прикрытием «для отвода глаз» существующих проблем. По крайней мере, новейшей истории российского уголовного процесса известно очень мало случаев, когда подобное расширительное толкование УПК РФ, включая интерпретационные позиции Конституционного Суда РФ, позволило бы переломить устоявшееся правопонимание и изменить основанные на нем прикладные технологии. Как известно, практи-

¹ Здесь и далее — постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11–П.

ка любит четкие и конкретные законодательные формулировки, исключая правовую неопределенность, особенно в части регламентации полномочий государственных органов, основанных на императивном методе правового регулирования (разрешено только то, что прямо предусмотрено законом).

И, во-вторых, безотлагательное обеспечение защитника задержанному (независимо от того, на кого возложены данные полномочия) — это принципиально невыполнимая задача, обусловленная непродуманностью процессуального закона, его оторванностью от реалий правоохранительной деятельности и следственной практики. Вполне очевидно, что незамедлительное вступление адвоката в дело может иметь место лишь тогда, когда он, так сказать, случайно (как тот самый рояль в кустах) находится в шаговой доступности от места фактического захвата, и у него опять-таки же случайно в кармане лежит предусмотрительно выписанный ордер. Даже при задержании очень состоятельного человека, имеющего постоянных, практических «штатных» адвокатов, подобная ситуация маловероятна. Чего уж говорить про остальных людей, многие из которых вообще начинают задумываться о квалифицированной юридической помощи, только попав в сложную жизненную ситуацию.

Каждый специалист, хоть отдаленно представляющий себе реальную «полицейскую» практику, да и просто каждый разумный человек прекрасно понимает, что незамедлительное появление на месте фактического задержания адвоката (как будто по мановению волшебной палочки) — это очередная юридическая утопия, не имеющая ни капли здравого смысла. Сложные процедуры приглашения или назначения защитника, его изначальная удаленность от места захвата и прочие вполне объективные и обыденные организационно-правовые факторы требуют значительных временных ресурсов, которыми сотрудники правоохранительных органов просто не располагают. В.Н. Яшин обращает внимание на еще более сложные ситуации, возникающие, например, при осуществлении фактического задержания капитанами судов, находящихся в дальнем плавании и т.п. [5, с. 44].

Странно было бы наблюдать, например, действия сотрудников полиции, которые, надев на задержанного наручники, сели бы вместе с ним на скамейку неторопливо дожидаться прибытия защитника. В условиях строго лимитированного 48-часового срока внесудебного ограничения свободы, а в некоторых случаях — и в силу прямых законодательных предписаний (например, ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации») подобное поведение является недопустимым. Поэтому в реальности защитник может начать оказывать посильную помощь только по доставлении задержанного в помещение территориального, линейного или иного правоохранительного органа, а чаще всего — после его передачи в процессуальное ведение следователя.

Означает ли сказанное, что все поднятые выше проблемы вообще имеют надуманный характер, а право на получение квалифицированной юридической помощи с момента захвата является «мертвым», принципиально не реализуемым, не обусловленным реально существующими юридическими фактами? Нет, это не совсем так! Практические ситуации, предопределяющие использование фактически задержанным такого права, действительно встречаются не часто, но, тем не менее, они вполне возможны. И для примера здесь уместно вспомнить нашу собственную практику в Следственном управлении ГУВД г. Москвы, расположенном от мест постоянной дислокации оперативных подразделений, в частности Московского УБЭПа и Московского РУБОПа, куда первоначально и доставлялись потенциальные подозреваемые. Кроме того, подобные случаи можно встретить в сельской местности, в редконаселенных регионах и т.д.

Поэтому, поставленный выше вопрос: на каком должностном лице лежит обязанность обеспечить задержанному защитника до передачи материалов в процессуальное ведение следователя — остается весьма актуальным как в научном, так и в практическом аспекте. И если продолжать догматично смотреть на эту проблему сугубо с точки зрения уголовно-процессуальной доктрины и уголовно-процессуального законодательства, то она

так и не возьмает рационального варианта своего решения.

Некоторое время назад в журнале «Российская юстиция» были опубликованы итоги нашего исследования, связанного с анализом правовой природы фактического задержания как первого этапа всей сложной процедуры задержания лица по подозрению в совершении преступления. В результате мы пришли к выводу, что фактическое задержание нельзя признавать объектом уголовно-процессуального регулирования ввиду неоднородности соответствующих правоотношений, с «классическими» публично-правовыми отношениями, складывающимися в сфере уголовного судопроизводства. Мы предположили, что фактическое задержание имеет комплексный характер, выраженный в конституционно-правовом базисе и основанном на нем межотраслевом механизме ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, включающем административные, оперативно-розыскные и иные аспекты [3, с. 31—34].

В контексте подобного конституционно-межотраслевого подхода, решение поднимаемых в настоящей статье проблем становится простым и понятным. Ведь право на квалифицированную юридическую помощь, возможность пригласить защитника (получить назначенного защитника) имеет не столько уголовно-процессуальный, сколько общий конституционный смысл. Собственно говоря, именно такой смысл и был выявлен при рассмотрении данных вопросов Конституционным Судом РФ в деле В.И. Маслова. Конституционному Суду РФ, собственно, как и самой Конституции РФ, особо не интересны сугубо «технические» вопросы об отраслевой принадлежности механизмов реализации права на оказание квалифицированной юридической помощи. В конституционном аспекте важен сам факт наличия подобных механизмов: «Не важно где они прописаны, лишь бы работали». А каким законом или кодексом они должны быть регламентированы, каким сегментом правовой системы должны охватываться — это уже не вопрос конституционного права, а предмет для дискуссий в рамках отраслевых сфер юридической науки и отраслевого законодательства.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к выводу, что правовым нормам, обеспечивающим право фактически задержанного на защитника, уже давно стало тесно в Уголовно-процессуальном кодексе. Регламентируя различные по своей направленности правоотношения (процессуальные, административные, оперативно-розыскные, уголовно-исполнительные и др.), они давно «рвутся из УПК РФ наружу», стремясь стать нормами межотраслевого характера.

Бремя обеспечения защитником задержанного или уже доставленного человека в равной степени лежит на любом правоохранительном органе (должностном лице), наделенном публично-правовыми полномочиями по отношению к этому человеку. А следователь должен исполнять подобную обязанность лишь в случаях, если фактически захваченному лицу до «введения» в процесс по каким-либо причинам так и не был приглашен / назначен защитник или имеются обстоятельства, исключающие участие такого защитника в уголовном деле.

Литература

1. *Веретенников И.А.* О допуске защитника к подозреваемому // *Общество и право в новом тысячелетии.* Т. 2. М.: ЮИ МВД России, 2001.
2. *Ким Е.П., Костенко К.А.* Задержание подозреваемого: правовой и практический аспекты // *Российский следователь.* 2016. № 4.
3. *Россинский С.Б.* Фактическое задержание подозреваемого как объект конституционного и межотраслевого правового регулирования // *Российская Юстиция.* 2018. № 4.
4. *Химичева О.В., Шаров Д.В.* Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5.
5. *Яшин В.Н.* О некоторых проблемах института задержания подозреваемого в отечественном уголовном процессе // *Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет».* Юриспруденция. 2016. № 7.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10014

© Д.В. Шаров, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЦЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: ВЗГЛЯД АДВОКАТА (ТЕЗИСЫ)

Денис Васильевич Шаров,

адвокат Адвокатской палаты города Москвы,

кандидат юридических наук, доцент

(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)

E-mail: SharovDen@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются цели применения меры пресечения. Констатируется, что наибольшие вопросы вызывает формулировка уголовно-процессуального закона, позволяющая применять меры пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый может «иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Приводятся примеры из практической деятельности, подтверждающие данную проблему. Обосновывается вывод, что в данном случае применение мер пресечения возможно только в случае незаконного воспрепятствования производству по уголовному делу со стороны подозреваемого, обвиняемого. Предлагаются соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: меры пресечения, подозреваемый, обвиняемый, цели применения мер пресечения.

THE PURPOSE OF THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES: THE OPINION OF A LAWYER (THESES)

Denis V. Sharov,

Lawyer of the Moscow Chamber of Lawyers,

Candidate of Law, Associate Professor

(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)

Abstract. The article discusses the purpose of the application of preventive measures. It is stated that the biggest issue is the wording of the criminal procedure law, allowing the use of preventive measures when there are reasonable grounds to believe that the suspect or the accused may «otherwise obstruct the criminal proceedings» (see paragraph 3 of part 1 of article 97 of the Code of Criminal Procedure). Examples from practical activities confirming this problem are given. The conclusion is substantiated that in this case the application of preventive measures is possible only in the case of illegal obstruction of criminal proceedings by the suspect, the accused. The relevant amendments to the criminal procedure legislation are proposed.

Keywords: preventive measures, the suspect, the accused, the purpose of the application of preventive measures.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Шаров Д.В. Цели применения мер пресечения: взгляд адвоката (тезисы). Вестник экономической безопасности. 2019;(1):72-4.

Меры пресечения, являясь мерами уголовно-процессуального принуждения, применяются уполномоченными на то органами и должностными лицами исключительно в рамках уголовного судопроизводства по возбужденному уголовному делу в отношении обвиняемого, реже подозреваемого, подсудимого, осужденного при наличии условий и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом (гл. 13 УПК РФ).

Уяснение целей мер пресечения имеет большое как теоретическое, так и практическое значение, поскольку связано с ответом на вопросы, для чего эти

меры избираются, а самое главное, что должно, а что не должно являться основанием их применения.

Согласно уголовно-процессуального закона цели применения любой меры пресечения состоят в том, чтобы предотвратить, сделать невозможными препятствующие производству по уголовному делу действия обвиняемого или подозреваемого, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а именно: скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства,

либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу¹.

Наибольшие вопросы в качестве цели применения мер пресечения вызывает формулировка закона «либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу», позволяющая стороне обвинения весьма широко толковать ее содержание.

При этом, на наш взгляд, в данном случае целью применения мер пресечения должно являться исключение именно незаконных действий подозреваемого, обвиняемого, направленных на воспрепятствование производства по уголовному делу.

Если действия подозреваемого, обвиняемого, по мнению следствия, препятствующие производству по уголовному делу, при этом остаются в рамках закона, то их предотвращение не может быть целью применения мер пресечения.

Так, согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе участвовать в доказывании по уголовному делу: собирать и представлять письменные доказательства и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, а в соответствии с ч. 3 той же статьи защитник наделен правом собирания доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их копии.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать воспрепятствованием производству по уголовному делу, к примеру, попытки обвиняемого получить документы, доказывающие его невиновность или установить лиц, которых мог бы опросить защитник, для получения оправдывающих его сведений?

Очевидно, что данные действия обвиняемого не должны расцениваться как попытки воспрепятствовать производству по уголовному делу, разумеется, если в ходе них не было применено на-

силе, угрозы, запугивания и прочие незаконные действия.

Боле того, предотвращение любых не запрещенных законом действий обвиняемого не должно являться целью применения мер пресечения, поскольку согласно УПК РФ, наряду с предоставленными ч. 4 ст. 47 правами, обвиняемый вправе защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим кодексом (п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ)².

Эти, казалось бы, очевидные вещи далеко не всегда являются таковыми в практической деятельности.

Как показывает адвокатская практика автора, в качестве обоснования заключения лица под стражу следователи зачастую указывают сведения о действиях обвиняемого, хотя, по их мнению, и препятствующих производству по уголовному делу, но далеко не всегда являющимися незаконными.

Так, например, в качестве таких действий, следователем указывалось поручение обвиняемого, являющегося руководителем организации, подчиненным ему сотрудникам провести обследование его автотранспортного средства и служебного кабинета на предмет обнаружения установленных в них средств негласного аудио и видеоконтроля.

Является ли обследование собственного автомобиля и кабинета, направленное на поиск возможно установленных в них «жучков» незаконной деятельностью? Большой вопрос. На наш взгляд, в данном случае гражданин действовал в своем праве. То есть, его деятельность правомерна. Закон пока еще никому не запрещает обследовать собственные автомобили и кабинеты.

Возможно в случае действительного обнаружения средств негласного аудио и видеоконтроля, это в некотором роде и затруднило бы предварительное следствие по делу, но использовать данную деятельность в качестве обоснования заключения лица под стражу — явный перебор.

Кстати, никакой информации о том, где и сколько «жучков» было обнаружено в результате этой, якобы, противоправной деятельности, в материалах, обосновывающих ходатайство следователя об

¹ Кроме того, мера пресечения может избираться для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

² Полностью аналогична ситуация с подозреваемым (п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

избрании данной меры пресечения, так указано и не было.

Иногда вообще доходит до смешного. В каждом очередном постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей следователь обосновывал намерение обвиняемого скрыться от предварительного следствия и суда наличием у него заграничного паспорта, который почти сразу после его заключения под стражу был изъят и давным-давно хранился при уголовном деле. Тем не менее, нахождение заграничного паспорта при уголовном деле в сейфе следователя не мешало последнему при каждом следующем продлении срока содержания под стражей утверждать, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда, поскольку располагает действующим заграничным паспортом.

Еще одним примером такого воспрепятствования производству по уголовному делу является утверждение следователя о наличии в организации помещения, оборудованного специальными техническими средствами постановки помех, и использовании данного помещения обвиняемым для проведения совещаний, которые, якобы, в том числе были направлены на инструктаж подчиненных сотрудников на сокрытие следов противоправной деятельности.

При этом никаких доказательств проведения такого рода совещаний, направленных на сокрытие следов противоправной деятельности, в материалах, обосновывающих ходатайство следователя о заключении под стражу, приведено не было.

Тот факт, что существование данного помещения вызвано объективной необходимостью обеспечения сохранности сведений, составляющих государственную тайну, в силу специфики выполняемой организацией деятельности, а также то, что использование этого помещения для обсуждения важных производственных вопросов являлось обычной практикой организации, установленной еще задолго до привлечения ее руководителя в качестве обвиняемого, следствие не заинтересовало. Все попытки объяснить это следствию и суду никакого действия не возымели.

Представляется, что наличие такого помещения в организации, а также проведение в нем

совещаний, само по себе не должно свидетельствовать не только о незаконном, но и вообще о каком-либо воспрепятствовании производству по делу.

И тем не менее, следователь использовал данные сведения в качестве обоснования избрания заключения под стражу, ограничившись голословным утверждением об их возможном противоправном характере и не потрудившись предоставить суду каких-либо доказательств этого.

После приведенных примеров хотелось бы еще раз обозначить наш первоначальный тезис.

Целью применения мер пресечения в случае «иногo воспрепятствования производству по уголовному делу» (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) должно являться предотвращение именно незаконных действий подозреваемого, обвиняемого.

Иными словами, воспрепятствование производству по уголовному делу со стороны подозреваемого, обвиняемого должно являться незаконным. Именно «незаконность» отграничивает противоправные действия обвиняемого по воспрепятствованию производству по уголовному делу от возможных действий по реализации его права на защиту.

Соответственно, только в случае его незаконных действий применение меры пресечения можно считать правомерным и оправданным.

Это позволит упорядочить деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда при применении мер пресечения, уменьшить их дискрецию в данном вопросе, а самое главное в большей степени защитить граждан от огульного применения самой строгой меры пресечения — заключения под стражу.

Необходимо четко закрепить в законе в качестве одной из целей применения мер пресечения предотвращение попыток воспрепятствовать производству по уголовному делу именно запрещенным, противоправным, незаконным путем.

Для этого п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным *незаконным* путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10015

© Н.Г. Шурухнов, А.В. Пушкин, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О НЕДОПУСТИМОСТИ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Николай Григорьевич Шурухнов,

главный научный сотрудник,

доктор юридических наук, профессор

НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России (125130, Москва ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1)

E-mail: matros49@mail.ru;

Александр Владимирович Пушкин,

председатель Центрального районного суда города Тулы,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,

кандидат юридических наук, доцент

Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА) Минюста России (300026, Тула, пр. Ленина, д. 104)

E-mail: referent@center.cdtula.ru

Аннотация. Рассматриваются положения о недопустимости разглашения данных предварительного расследования.

Ключевые слова: федеральный закон; УПК РФ; недопустимость разглашения данных предварительного расследования; дознаватель; следователь; стадия возбуждения уголовного дела.

SPECIFICATION OF REGULATIONS ON INADMISSIBILITY OF DISCLOSURE OF DATA OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Nikolay G. Shuruhnov,

Chief Researcher,

Doctor of Law, Professor

NITs-3 Federal public establishment «National Research Institute of the Penal system of the Russian Federation»

(125130, Moscow, ul. Narvskaya, d. 15a, str. 1);

Aleksandr V. Pushkin,

Chairman of the Central District Court of the city of Tula,

Associate Professor of the Department of Criminal Disciplines,

Candidate of Law, Associate Professor

Tula Institute (branch) of the VSUU (RPA) of the Ministry of Justice of Russia (300026, Tula, ul. Lenina, d. 104)

Abstract. Briefly regulations on inadmissibility of disclosure of data of preliminary investigation are considered.

Keywords: the Federal Law; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; inadmissibility of disclosure of data of preliminary investigation; investigator; investigator; stage of initiation of legal proceedings.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Шурухнов Н.Г., Пушкин А.В. Конкретизация положений о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):75-8.

Федеральный закон Российской Федерации от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ [1] существенно скорректировал некоторые нормы УПК РФ, дополнил отдельными принципиальными положениями, изменил правовой статус участников уголовного судопроизводства. Он конкретизировал и дополнил ст. 161 УПК РФ (теперь она включает 6 частей), предусматривающую недопустимость разглашения данных предварительного расследования.

Анализируя содержание ст. 161 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что ее новая редакция стабилизирует процесс расследования, создает наиболее благоприятные условия для установления истины, исключения негативных эксцессов, оптимизации сбора доказательств. В обновленном тексте просматривается направленность на повышение уровня обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Неразглашение данных предварительного расследования является базовой предпосылкой для реализации комплекса принципов [2, с. 51—53] уголовного судопроизводства (разумный срок уголовного судопроизводства, законность при производстве по уголовному делу, уважение чести и достоинства личности, свобода оценки доказательств). Ситуация обнародования даже отдельных обстоятельств совершения и расследования преступления отрицательно сказывается на собирании, проверке и оценке доказательств, объективности исхода всего расследования. Преждевременное, искаженное информирование о расследуемом противоправном деянии может парализовать деятельность по выполнению задач уголовно-процессуального законодательства, привести к компрометации невиновных, причинить вред правам и законным интересам граждан.

Как показывает практика, разглашение данных предварительного расследования формирует общественное мнение, оказывает воздействие на дознавателя, следователя, принятие ими процессуальных решений. Такой негатив воздействует и на судей в тех случаях, когда они принимают решения о проведении принудительных следственных действий (связанных с вторжением в конституционные права и свободы граждан), в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

Разглашение данных предварительного расследования позволяет преступникам и заинтересованным лицам:

- готовиться к следственным действиям, продумывать различные ухищрения, алиби, консультироваться со специалистами, адвокатами, на основании чего избирать определенную линию поведения, направленную на противодействие расследованию;
- решить вопросы, связанные с передачей незаконно приобретенного имущества, переводом (передачей) денежных средств надежным людям, за рубеж, сокрытием их в надежных местах, снятием наличности с пластиковых карт;
- уничтожить электронные носители информации, компьютерную технику, в том числе и средства сотовой связи;
- провести встречи, заручиться поддержкой влиятельных людей, воздействовать на соучастни-

ков преступления, свидетелей. Ежегодно российские субъекты расследования допрашивают около 10 миллионов потерпевших и свидетелей, четвертая часть из которых подозреваемыми, обвиняемыми, их окружением подвергается психологическому и физическому воздействию. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве;

- покинуть пределы региона и даже Российской Федерации.

Общение с дознавателями, следователями позволяет сделать вывод о том, что инициаторами разглашения данных предварительного расследования выступают подозреваемые, обвиняемые, их близкое окружение, лица, заинтересованные в исходе дела, адвокаты, журналисты, представители средств массовой информации.

Осмысливая новые уголовно-процессуальные положения о неразглашении данных предварительного расследования, следует сказать о том, что законодатель продублировал запрет на разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия. Установил новацию: запрет на разглашение данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя, что является значимым для обеспечения прав и законных интересов указанной категории участников уголовного судопроизводства.

Часть 4 ст. 161 УПК РФ устанавливает категорию сведений, которые, во всяком случае, являются гласными. К ним относится информация:

- 1) о нарушении закона органами государственной власти и их должностными лицами;
- 2) распространенная следователем, дознавателем или прокурором в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети Интернет или иным публичным способом;
- 3) проворенная в открытом судебном заседании.

В части 6 ст. 161 УПК РФ содержатся два пункта, приводящие сведения, обнародование которых не является разглашением данных предварительного расследования. Это:

«1) изложение сведений по уголовному делу в ходатайствах, заявлениях, жалобах и иных процессуальных документах по этому делу, а также в заявлениях и иных документах, подаваемых в государственные и межгосударственные органы по защите прав и свобод человека;

2) предоставление сведений по уголовному делу лицу, привлекаемому к участию в этом деле в качестве специалиста, при условии дачи им письменного обязательства о неразглашении указанных сведений без согласия следователя или дознавателя».

Редакция пункта 2 вызывает определенные недоумения. Это связано с тем, что смысл, заложенный в нем, отражает общую установку всей ст. 161 УПК РФ, без дополнительной конкретизации. Поэтому такое частное дублирование является излишним, оно лишь затрудняет восприятие всей новой редакции.

Содержание ст. 161 УПК РФ, представленное ФЗ № 73, не затронуло аналогичного вопроса стадии возбуждения уголовного дела. Ведь успех рассмотрения сообщения о преступлении, равно как и расследования в целом, зависит, в том числе, и от неразглашения проверяемых обстоятельств и полученных результатов. И применительно к указанной стадии имеют место случаи, когда в результате непринятия мер, препятствующих разглашению ее данных, лицам, причастным к совершению преступления, удастся уничтожить или скрыть следы преступления, повлиять на очевидцев, скрыться от уголовного преследования.

Недопустимость разглашения результатов, полученных при проведении комплекса мер, предусмотренных ст. 144 УПК РФ и направленных на рассмотрение сообщения о преступлении, а иногда и самого факта производства проверки [3, с. 56], диктуется различными обстоятельствами.

Во-первых, разглашение данных предварительной проверки может осложнить работу должностного лица, которому она поручена, затруднить получение правдивых сведений [4, с. 96], увеличить объем работы в связи с проверкой фактов, не относящихся к ее предмету. А это приведет к нарушению установленных законом сроков рассмотрения сообщения о преступлении, установленных ст. 144 УПК РФ. Кроме того, «узнав о проверке, пре-

ступники тут же прекратят свои действия и примут меры к уничтожению уличающих их доказательств» [5, с. 89].

Во-вторых, разглашение сведений, порочащих лицо, полученных в результате рассмотрения сообщения о преступлении, может безосновательно причинить ущерб его законным правам и интересам [3, с. 57].

Лицо, совершившее преступление, узнав о факте проводимой в отношении него проверки, может создать препятствия для осуществления следственных, процессуальных, организационных действий, оперативно-розыскных мероприятий, определенных ст. 144 УПК РФ, направленных на проверку сообщения о преступлении, подготовить искусственные доказательства своей «невиновности».

В настоящее время ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ указывает на возможность предупреждения участников проверки сообщения о преступлении о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. Однако такая постановка вопроса вызывает возражения. Статья 161 УПК РФ называется: «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», исходя из чего не должна распространяться на стадию возбуждения уголовного дела. Анализируемая норма распространяется исключительно на стадию предварительного расследования, так как связана с применением нормы материального (уголовного) права (мы об этом уже говорили ранее). Разглашение данных предварительного расследования является уголовно-наказуемым деянием, ответственность за которое предусмотрена ст. 310 УК РФ. Следовательно, применение ст. 161 УПК РФ по аналогии — распространив на стадию возбуждения уголовного дела — влечет за собой и применение по аналогии нормы уголовного законодательства. Однако ст. 3 УК РФ устанавливает запрет на применение уголовного закона по аналогии.

В то же время неразглашение результатов предварительной проверки сообщения о преступлении, как уже отмечалось, является необходимым условием эффективности ее проведения. В связи с этим требуется внесение соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство. С этой целью ст. 161 УПК РФ можно назвать «Недопусти-

мость разглашения данных, полученных в результате уголовно-процессуальной деятельности» и в ней говорить о «данных, полученных в результате уголовно-процессуальной деятельности».

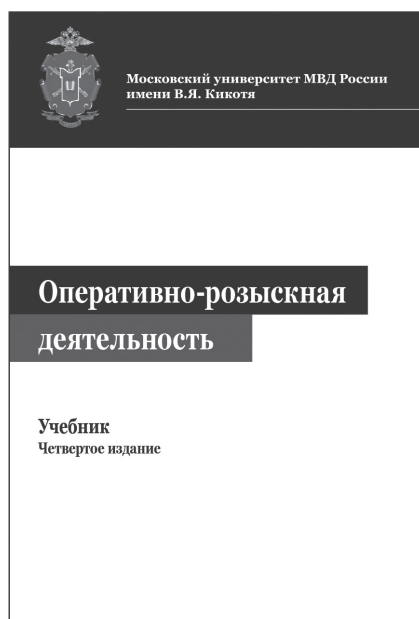
Подводя итог нашим кратким рассуждениям, выскажем два положения:

1. Конкретизация неразглашения данных предварительного расследования (уголовно-процессуальной деятельности) имеет принципиальное значение для всего уголовного судопроизводства (включая и стадию возбуждения уголовного дела), обеспечения защиты прав и законных интересов граждан.

2. Эффективность предписаний ст. 161 УПК РФ возрастает в тех случаях, когда реализуется комплекс уголовно-процессуальных, уголовно-правовых средств, которыми располагают дознаватели, следователи, а также организационные меры руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, надзорные полномочия прокурора.

Литература

1. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».
2. *Брыляков С.П., Шурухов Н.Г.* Принципы уголовного судопроизводства: понятие и система // Уголовно-процессуальное право / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Б.Я. Гаврилова, д-ра юрид. наук, доц. А.А. Крымова. М.: Закон и право, 2018.
3. *Шурухов Н.Г.* Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях: учеб. пособие. М.: Академия МВД СССР, 1985.
4. *Шурухов Н.Г.* Обеспечение неразглашения данных предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования. Волгоград, 1987.
5. *Химичева Г.П.* Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлениях: учеб. пособие. М.: ЮИ МВД России, 1997.

Оперативно-розыскная деятельность. 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. И.А. Климова. 2019 г. 439 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10016

© А.А. Сумин, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

СТАДИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА НЕ ДОЛЖНА ПРИСУТСТВОВАТЬ В СИСТЕМЕ СТАДИЙ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Александр Александрович Сумин,
профессор кафедры уголовного процесса,

доктор юридических наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Представлен краткий теоретико-правовой анализ обоснованности включения в уголовно-процессуальный закон России положений, регулирующих вопросы исполнения приговора. Сделан вывод о том, что предпосылки к дальнейшему сохранению правовых норм в этом законе отсутствуют.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, уголовный процесс, исполнение приговора.

STAGE OF ENFORCEMENT OF THE SENTENCE SHOULD NOT BE PRESENT IN THE SYSTEM OF STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Aleksandr A. Sumin,

Professor, Department of Criminal Procedure,

Doctor of Law

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The article presents a brief theoretical and legal analysis of the reasonableness of including in the criminal procedural law of Russia the legal norms that regulate the enforcement of the sentence. It is concluded that there are no prerequisites for the further preservation of the relevant legal norms in this law.

Keywords: criminal procedural law, criminal procedure, execution of sentence.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Сумин А.А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):79-81.

Действующая редакция уголовно-процессуального закона включает разд. XIV «Исполнение приговора». Однако, включение стадии исполнения приговора в систему уголовно-процессуальных стадий вызывает определенные сомнения с теоретико-правовой точки зрения.

Ведущие российские ученые-процессуалисты по-разному рассматривают содержание предмета регулирования уголовно-процессуального права. Если отвлечься от различий, не имеющих принципиального характера, то в обобщенном виде указанный предмет можно определить как общественные отношения, которые возникают между участниками уголовного процесса в связи с расследованием, рассмотрением и разрешением уголовных дел. Упоминание в теоретических определениях данного понятия такого элемента, как исполнение приговора, встречается крайне редко.

Если обратиться к назначению уголовного судопроизводства, определенного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — УПК России), то в ней указано, что одним из элементов, на обеспечение которого направлен уголовный процесс, является «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Очевидно, что о стадии исполнения приговора в этой правовой норме нет прямого упоминания. Можно, конечно, считать, что к этой стадии относятся слова о защите личности от незаконного ограничения ее прав и свобод. Однако такой довод вряд ли можно расценивать как бесспорный. Во-первых, даже в действующей редакции, разд. XIV не содержит правовой нормы, обязывающей суд рассматривать жалобы осужденных в порядке уголовного судопроизводства; регулирование порядка рассмотрения этих

жалоб регулируется ст. 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УИК России) (автор обращает внимание на то, что речь идет именно о жалобах на нарушение прав и свобод личности, а не о ходатайствах различного рода). Во-вторых, в обобщенном виде предметом уголовно-исполнительного права признается совокупность общественных отношений, возникающих в процессе *исполнения* и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера между государством и осужденными. Безусловно, понятие исполнение приговора и исполнение наказания соотносимы лишь частично, поскольку приговор может разрешать вопросы, связанные не только с назначением наказания, равно как исполнение наказания охватывает решение вопросов, не имеющих прямой связи с приговором (например, социально-бытовое, медицинское обеспечение осужденных и др.), поэтому теоретическое положение о сущности предмета уголовно-исполнительного права само по себе не дает основания автоматически считать исполнение приговора указанной отрасли права. Однако анализ положений ст. 397 УПК России приводит к выводу о том, что относимые к судебной компетенции в рамках уголовного судопроизводства вопросы исполнения приговора (по крайней мере п. 2—4.1, 5—9, 13—17.1 и 19 УПК России) связаны именно с исполнением наказания и вполне логичным было бы отнесение решения вопросов, указанных в этом пункте, к предмету правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства. С бесспорностью должны регулироваться нормами уголовно-процессуального права лишь вопросы, указанные в п. 1, 4.2, 10—12, 18, 18.1, 20 и 21 ст. 397 УПК России. Однако это обстоятельство вряд ли дает основание для существования в УПК России раздела «Исполнение приговора», поскольку перечисленные нормы, исходя из содержания их предмета регулирования, вполне могут быть размещены в соответствующих разделах и главах уголовно-процессуального закона: п. 1 — в гл. 18 «Реабилитация»; п. 4.2 и п. 12 — в гл. 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера»; п. 18 и 18.1 — в гл. 13 «Меры пресечения»; п. 20 и 21 — в разд. XVIII «Порядок взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими

компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями» УПК России.

Можно предвидеть еще один аспект возражений со стороны противников позиции, высказанной автором. Ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации [3] установила: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства», поэтому, на первый взгляд, отсутствие указания на уголовно-исполнительное судопроизводство препятствует введению норм о судебном решении вопросов, относящихся к исполнению приговора, в УИК России. Однако, разве в России законодатель и правоприменитель всегда обращаются к конституционным нормам? Арбитражное судопроизводство тоже не названо в ст. 118 Конституции Российской Федерации, но оно реально существует, урегулировано нормами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [4] и не является частью гражданского судопроизводства, поскольку последнее регулируется вполне самостоятельным законом — Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [5], к тому же осуществляющие гражданское судопроизводство суды общей юрисдикции в системном отношении отделены от арбитражных судов (ч. 3 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. (в ред. от 29 июля 2018 г.) № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [6]). Нет в указанной конституционной правовой норме упоминания об оперативно-розыском судопроизводстве, однако суды вполне реально рассматривают в порядке ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] вопросы дачи согласия на осуществление оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права личности, не очень-то задумываясь о том, в рамках какого вида судопроизводства из числа перечисленных в Конституции Российской Федерации, они при этом действуют. Таким образом, вряд ли перенесение ранее перечисленных норм УПК России в УИК России вряд ли будет противоречить концепции вольного реформирования отечественного законодательства.

В заключение автор полагает целесообразным отметить, что в некоторых государствах законода-

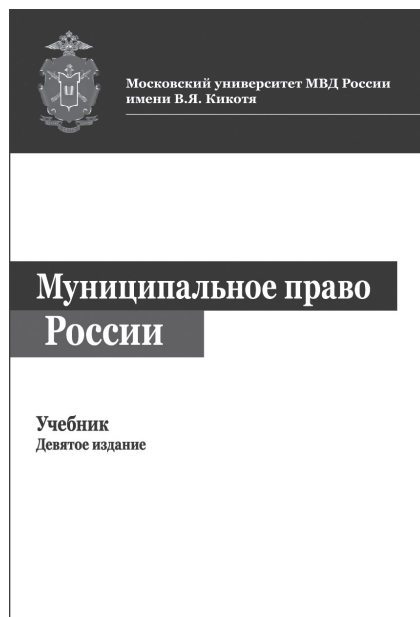

тель пошел на исключение норм об исполнении приговора из текста уголовно-процессуального закона. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Итальянской Республики [8] сохранил лишь нормы (весьма подробные, с учетом вида назначенного наказания — ст. 648—695) об обращении приговора к исполнению, но норм о собственно исполнении приговора не содержит. Нет норм об исполнении приговора и в Законе об уголовной процедуре [9] Турецкой Республики. Примеры можно было бы продолжить.

Таким образом, по мнению автора, не усматриваются какие-либо теоретико-правовые обстоятельства, которые препятствуют оставлению в уголовном судопроизводстве стадии с новым наименованием — «обращение приговора к исполнению» и исключению из УПК России главы 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора».

Литература

1. Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. № 2. Ст. 198.
3. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. № 1. Ст. 1.
7. Собрание законодательства Российской Федерации, 1995. № 33. Ст. 3349.
8. Codice di Procedura Penale // D.P.R. 22 settembre 1988, № 447. На момент подготовки статьи нормативный акт действовал в редакции декрета от 1 марта 2018 г. № 21.
9. Ceza Muhakemesi Kanunu (Kanun № 5271 04.12.2004) // Resmi Gazete/ Tarih: 17.12.2004. Sayr: 25673. На момент подготовки статьи нормативный акт действовал в редакции от 15 августа 2017 г.

Муниципальное право России. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под науч. ред. В.В. Еремяна, К.К. Гасанова. 2019 г. 415 с. Гриф УМО по юрид. образованию. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены основные теории местного самоуправления, рассмотрена история возникновения и развития самоуправления в России. Показаны современные подходы к пониманию местного самоуправления, главные направления государственной политики России в этой области. Представлены предмет, метод, система и источники муниципального права. С учетом комплексного характера определено особое место муниципального права в системе российского права. Рассмотрены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и его участия в нем. Описаны структура органов местного самоуправления и различные модели ее организации.

Материал изложен с учетом законодательства, действующего по состоянию на 1 июня 2018 г.

Для студентов (курсантов), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей высших юридических образовательных учреждений, органов и должностных лиц местного самоуправления.

УДК 343.1
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10017

© Е.В. Марковичева, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Елена Викторовна Марковичева,

главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства,

доктор юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия (117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69)

E-mail: markovicheva@mail.ru

Аннотация. Раскрывается сущность новой меры пресечения в российском уголовном процессе. Предлагаются отдельные принципы избрания данной меры пресечения. Анализируется судебная практика, связанная с избранием меры пресечения в виде запрета определенных действий.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, запрет определенных действий, суд.

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN THE SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES

Elena V. Markovicheva,

Chief Researcher of the Criminal Justice Issues Department,

Doctor of Law, Associate Professor

Russian State University of Justice (117418, Moscow, ul. Novocheremushkinskaya, d. 69)

Abstract. The article reveals the basics of the new preventive measure in the Russian criminal process. The author proposes separate principles for the selection of this measure of restraint, as well as analyzing the judicial practice associated with the election of a preventive measure in the form of a ban on certain actions.

Keywords: criminal procedure, preventive measures, prohibition of certain actions, court.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Марковичева Е.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):82-3.

В российском уголовном процессе институт мер пресечения считается одним из самых дискуссионных. Внимание к данной проблематике является закономерным. Применение мер пресечения всегда сопряжено с принуждением и во многих случаях ограничивает конституционные права граждан. Перед органами предварительного расследования и судом стоит непростая задача по обеспечению разумного компромисса между необходимостью применения процессуального принуждения и обеспечением базовых прав и свобод человека.

Остроту научной дискуссии относительно обоснованности, законности и эффективности избрания той или иной меры пресечения добавляют реальные проблемы правоприменительной практики. Следует отметить, что традиционно система мер пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве фактически оставляет правоприменителю ограниченный выбор и практически не допускает какой-либо значительной вариативности. Полно-

стью согласимся с К.Б. Калиновским, отмечающим дефицит мер пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве [1, с. 9]. Недостаточная доктринальная, а главное нормативная, разработанность мер пресечения нередко побуждает органы предварительного расследования ограничиваться выбором самой строгой меры пресечения — заключением под стражу. Об этом свидетельствуют и данные судебной статистики. Только в первом полугодии 2018 г. судами Российской Федерации было рассмотрено 57 868 ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу [2].

О.В. Качалова справедливо подчеркивает, что «при разрешении вопроса о заключении под стражу суд обязан рассмотреть возможность применения альтернативных мер пресечения» [3, с. 8]. К сожалению, альтернативный выбор не является достаточно широким и до недавнего времени был представлен только домашним арестом и зало-

гом. С этой точки зрения следует позитивно оценить введение в систему мер пресечения новой меры — запрета определенных действий. Изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ [4], не только ввели в российский уголовный процесс новую меру пресечения, но и создали нормативные основания для комбинированного применения мер пресечения, т.е. сочетания домашнего ареста или залога и запрета определенных действий, установленных судом.

Допущенная законодателем возможность комбинирования судом мер пресечения имеет для российского уголовного процесса большое значение, поскольку позволяет говорить о наметившемся отходе от принципа избрания исключительно одной меры пресечения. Долгое время преобладал подход, который условно можно обозначить как правило одного запрета или ограничения. Безусловно, что устанавливая его, законодатель исходил из благих намерений и старался снизить риск необоснованного и чрезмерного ограничения прав уголовно-преследуемого лица. Однако на практике такой подход привел к прямо противоположному результату, связанному к необоснованно частому избранию меры пресечения в виде заключения под стражу.

К настоящему моменту уже сложилась определенная практика по избранию новой меры пресечения. Избирая данную меру, суд должен следовать общему правилу, т.е. убедиться в невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. Также наметилась практика по замене заключения под стражу запретом определенных действий, когда суд, оценивая обстоятельства дела, данные о личности обвиняемого, его семейном положении, состоянии здоровья и других, заслуживающих внимания обстоятельствах приходит к выводу о возможности избрания запрета определенных действий вместо заключения под стражу. Например, такое решение было принято Тверским районным судом г. Москвы 14 июня 2018 г. Своим постановлением суд изменил обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу на запрет определенных действий на срок 1 месяц 4 суток, запретив ему выходить в период с 22 часов 00 минут до 06 часов 00 минут без письменного разрешения следователя за пределы

жилого помещения, а также возложив запреты общаться с конкретными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, в том числе письма, телеграммы, посылки и электронные послания; вести переговоры без письменного разрешения следователя с использованием любых средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», за исключением случаев, предусмотренных ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ [5].

Судебная практика выявляет и первые проблемы, связанные с избранием данной меры пресечения. В первую очередь, они связаны как раз с установлением запретов определенных действий в сочетании с домашним арестом. Комбинирование фактически двух мер пресечения приводит иногда к противоречивым судебным решениям.

Безусловно, в последующем могут выявиться и иные проблемы, которые потребуют корректировки не только судебной практики, но и законодательства. Однако, в целом введение в систему мер пресечения запрета определенных действий следует рассматривать как позитивное преобразование, несущее в себе значительный потенциал и способствующее гуманизации уголовного процесса.

Литература

1. *Калиновский К.Б.* Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6.
2. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.10.2018).
3. *Качалова О.В.* Как рассматривать альтернативы заключения под стражу // Уголовный процесс. 2017. № 12.
4. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Российская газета. 20.04.2018. № 85.
5. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 июля 2018 г. по делу № 10-1156/18.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10018

© О.В. Вольнская, О.Н. Грашичева, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЗАОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ольга Владимировна Вольнская,
профессор кафедры уголовного процесса,
доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: ovolinskaya@mail.ru;

Ольга Николаевна Грашичева,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: olynka2008@list.ru

Аннотация. Предпринята попытка определить статус заочного судебного разбирательства; сфокусировано внимание на некоторых законодательно неурегулированных вопросах, связанных с применением в ч. 4 ст. 247 УПК РФ.

Ключевые слова: законодательство; заочное производство; судебное разбирательство; гарантии и защита прав участников.

IN ABSENTIA PROCEEDINGS IN CRIMINAL ACTIVITIES

Ol'ga V. Volynskaya,
Professor, Department of Criminal Procedure,
Doctor of Law, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Ol'ga N. Grashicheva,
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure,
Candidate of Law
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. In this article an attempt was made to define the status of trial in absentia. In addition, the authors focused on some legally unresolved issues related to the use of the h. 4 art. 247 of the Code of Criminal Procedure.

Keywords: legislation; absentia production; trial; guarantees and protection of the rights of the parties.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Вольнская О.В., Грашичева О.Н. Заочное производство в сфере уголовно-процессуальной деятельности. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):84-6.

Заочное рассмотрение дела (заочное производство, судебный процесс в отсутствие обвиняемого) — действие суда, направленное на разбирательство уголовных дел при отсутствии подсудимого, результатом которого становится вынесение заочного решения суда, оформленного соответствующим актом [1].

Общеизвестно, что дифференциация уголовно-процессуальной формы — это идея, которая выражена в законодательстве большинства государств как в рамках англосаксонской, так и континентальной систем права. Представляется, что объективная

обусловленность существования и дальнейшего развития этого направления немыслимы вне рамок подробного анализа теоретических предпосылок и соответствующей апробации правоприменительной практики.

В юридической литературе справедливо отмечается, что к проблемам анализа и совершенствования процессуальной формы на протяжении нескольких столетий во многих странах в том или ином аспекте обращались многие авторы научных трудов по различным проблемам уголовного судопроизводства. Оживление полемики традиционно приходилось на

периоды реформирования национальных правовых систем [2, с. 335].

Закономерное обострение теоретических дискуссий, особенно применительно к судебной деятельности, связано с преобразованиями, происходящими, как правило, при разработке наиболее оптимальных путей совершенствования национального законодательства в том числе и конкретных видов форм уголовного судопроизводства. Российскому уголовному процессу также свойственна приверженность указанным тенденциям.

В настоящее время судебное разбирательство, помимо традиционной формы, имеет и два особых порядка принятия судебного решения, наличие которых уже никем не оспаривается. Тем не менее, вопросы, касающиеся судебного разбирательства не теряют своей актуальности. В частности, полемика касается заочного производства, хотя оно не является новеллой в российском процессуальном законодательстве и имеет место как в уголовном, так и в гражданском судопроизводстве. Ретроспективный анализ норм, составляющих содержание данного производства, свидетельствует о том, что на различных этапах исторического развития распространенности применения института заочного судебного разбирательства существенно варьировалась [7, с. 316].

В этом контексте отмечаем множественность публикаций по названной проблематике, где одним из вопросов, до сих пор не нашедшим своего разрешения, является признание заочного судебного разбирательства: 1) самостоятельным институтом; 2) производством, или 3) еще одним видом особого порядка принятия судебного решения, то есть сокращенной формой судебного разбирательства. Думается, что третья изложенная позиция не соответствует в целом понятию сокращенной формы уголовного судопроизводства, поскольку такой порядок предполагает, прежде всего, отсутствие какой-либо части судебного разбирательства. По мнению, например, Т.В. Трубниковой, анализировавшей в свое время практику применения заочного порядка рассмотрения уголовного дела, считает, что он во многом совпадает с той процедурой, которая применяется для вынесения судебного решения в особом порядке [8, с. 130—132]. В подтверждение сформулированного вывода были приведены показатели,

что по таким делам практически не допрашиваются свидетеля; дополнительные доказательства на судебном заседании, как правило, не представляются; стороной защиты какие-либо замечания не заявляются; возражения по поводу оглашения показаний участников в ходе судебного разбирательства отсутствуют и т.п.

Мы не разделяем указанную точку зрения, поскольку приведенные аргументы свидетельствуют не об отсутствии судебного следствия как части судебного разбирательства, а скорее о ее неполноте, которая, в свою очередь, могла быть порождена различными причинами. Думается, что это могли быть нарушения, допускаемые самим судом по процедурным вопросам, либо нежелание участников процесса более активно участвовать в разбирательстве дела по существу.

Полагаем, встречающееся в юридической литературе использование терминологии «институт заочного судебного разбирательства» также не в полной мере отвечает его содержанию в качестве такового в соответствии с теми признаками, которым он должен обладать. Важнейшее значение среди них составляют: во-первых, устойчивый, строго определенный законом порядок деятельности; во-вторых, наличие всей совокупности процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства; в-третьих, условия, которые обеспечивают исследование обстоятельств конкретного уголовного дела; в-четвертых, наличие своего рода комплексности процессуальной деятельности, что означает ее осуществление на всех либо на нескольких стадиях уголовного процесса.

Мы согласны с аргументами, приведенными в подтверждение того, что при заочном рассмотрении уголовного дела имеет место определенного рода изъятия как из принципов уголовного судопроизводства, так и общих условий судебного разбирательства, что существенно влияет на гарантии правовой защищенности участников уголовного процесса, о чем неоднократно отмечалось рядом авторов [3; 4; 6].

Следовательно, заочное судебное разбирательство нуждается, прежде всего, в законодательном усилении гарантий правовой защищенности его субъектов. В последние годы немало авторов

обращали свое внимание на, достаточно давно действующую, ч. 4 ст. 247 УПК РФ в силу того, что осталось немало проблем и в законодательном ее урегулировании и в правоприменительной практике.

В юридической литературе, на основании положений, выраженных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 г. (п. 9), уже появились предложения, которые мы всецело поддерживаем, касающиеся необходимости законодательного закрепления обязательного участия защитника, когда уголовное дело в соответствии с ч. 4 ст. 247 УПК РФ рассматривается без участия подсудимого. При этом, полагаем целесообразным, чтобы это правило распространялось на все ситуации, когда: 1) заявлено ходатайство о проведении предварительного слушания в отсутствие обвиняемого; 2) заявлено ходатайство о судебном рассмотрении дела в отсутствие подсудимого; 3) подсудимый удален из зала суда за нарушение порядка судебного разбирательства. Во всех перечисленных случаях просматривается нарушение принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), поскольку со стороны защиты, при буквальном толковании норм УПК РФ, отсутствуют ее представители. Более того, думается в п. 3.1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ «Обязательное участие защитника» следует добавить и положение в отношении ч. 4 ст. 247 УПК РФ.

Кроме того, хотелось бы поддержать предложение, касающееся необходимости законодательного установления обязанности органов предварительного расследования при его окончании по делам небольшой и средней тяжести разъяснять обвиняемому о его праве на заявление ходатайства о заочном судебном разбирательстве в его отсутствие, фиксируя факт такого разъяснения в протоколе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела [5, с. 96].

Положительное решение этого вопроса может повлечь за собой не только дополнение в ст. 47 УПК РФ указанным правом, но и расширение обеспеченности процессуальных гарантий обвиняемого.

Кроме того, полагаем, что для усиления позиции правовой защищенности подсудимого, логичным было бы предложить законодателю предус-

мотреть в заявленном ходатайстве о рассмотрении уголовного дела судом в его отсутствие обязанности разъяснения возможности пользоваться системой видео-конференц связи непосредственно во время судебного разбирательства. Тем самым подсудимый приобретает возможность активно участвовать в судебном заседании наряду с защитником путем исследования доказательств, дачи показаний, заявления ходатайств, отстаивая собственной позиции непосредственно.

Подводя итог изложенному отмечаем, что заочное судебное разбирательство следует рассматривать в качестве формы уголовного судопроизводства, которая нуждается в дополнительном «обогащении» усиленными процессуальными гарантиями.

Литература

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/Заочное_рассмотрение_дела
2. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Издательство Юрайт, 2012.
3. *Азарова Е.С.* Заочное производство в уголовно-процессуальной системе на стадии судебного разбирательства. Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 4 (26).
4. *Дудко Н.А.* Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
5. *Попова И.П.* Заочное судебное разбирательство: актуальные проблемы теории и практики. Юридический вестник Самарского университета. Самара. 2016. Т. 2. № 3.
6. *Склизков А.Н.* Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток. 2000.
7. *Трофимова Е.В.* Заочное судебное разбирательство по уголовным делам: понятие и перспективы применения. Вестник ВГУ. Серия Право. Воронеж. 2008. № 2.
8. *Трубникова Т.В.* Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ. 2008.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10019

© А.Ю. Терехов, М.Ю. Терехов, И.Б. Григорьев, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ВРАЧЕБНУЮ ТАЙНУ

Алексей Юрьевич Терехов,

заместитель начальника по научной работе,

кандидат юридических наук, доцент

Уфимский юридический институт МВД России (450103, Уфа, ул. Муксинова, д. 2)

E-mail: terehovau@gmail.com.ru;

Михаил Юрьевич Терехов,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса,

кандидат юридических наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: terehovmu@yandex.ru;

Илья Борисович Григорьев,

врио заместителя начальника 2 отдела (правового сопровождения деятельности ПСБ)

Информационно-аналитического управления ГУСБ МВД России,

кандидат юридических наук

(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)

E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы производства следственных действий при получении сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну. Указано на отдельные вопросы правоприменительной практики, подчеркивающие необходимость совершенствования ведомственной нормативной правовой базы при получении следователем сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну. Обращено внимание на особенности производства следственных действий при получении сведений, составляющих врачебную тайну.

Ключевые слова: следственные действия, особенности производства, тайна, врачебная тайна, охраняемая федеральным законом тайна, безопасность, собственная безопасность, эффективное правоприменение.

ON SOME PECULIARITIES OF LAW-ENFORCEMENT PRACTICE IN THE PRODUCTION OF THE INVESTIGATIVE ACTIONS AND THEIR OWN SECURITY SYSTEM OF THE MIA OF RUSSIA IN THE OBTAINING OF INFORMATION CONSTITUTING A MEDICAL SECRET

Aleksey Yu. Terekhov,

Deputy Head of Research,

Candidate of Law, Associate Professor

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Ufa, ul. Muksinova, d. 2);

Mihail Yu. Terekhov,

Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Il'ya B. Grigor'ev,

Acting Deputy head of Department 2 (legal support of PSB activities)

Information and analytical Department Goosby Ministry of internal Affairs of Russia, Candidate of Law

(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)

Abstract. This article deals with the problems of investigative actions in obtaining information constituting a secret protected by Federal law. It is pointed out to some issues of law enforcement practice, emphasizing the need to improve the departmental regulatory framework in obtaining information by the investigator, constituting a secret protected by Federal law. Attention is paid to the peculiarities of investigative actions in obtaining information constituting medical secret.

Keywords: investigations, production features, the secret, medical secret, protected by Federal law the secret, security, self security, effective enforcement.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Терехов А.Ю., Терехов М.Ю., Григорьев И.Б. О некоторых особенностях правоприменительной практики при производстве следственных действий и обеспечении собственной безопасности системы МВД России при получении сведений, составляющих врачебную тайну. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):87-94.

Сведения, составляющие ту или иную охраняемую законом тайну, могут быть получены при производстве различных следственных действий.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве следственные действия, в результате которых могут быть получены сведения, составляющие охраняемую законом тайну, можно разграничить на две группы: не требующие какого-либо санкционирования (допрос, истребование, осмотр, проверка показаний на месте); требующие судебного решения (обыск, выемка).

Важной гарантией соблюдения прав человека при этом является четкое соблюдение как общих правил производства следственных действий, так и процессуального порядка производства каждого следственного действия в отдельности.

Общие правила производства следственных действий предусмотрены ст. 164 УПК РФ [1]. При этом следует учитывать, что следователь, вынося постановление, должен точно знать, какую тайну содержат сведения, необходимые для получения. Указанное обстоятельство влияет на процессуальную форму получения доказательств, содержащих иную охраняемую федеральным законом тайну.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность истребования предметов и документов следователем, органом дознания, дознавателем, прокурором и судом (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), представления доказательств другими участниками уголовного процесса: должностными лицами и гражданами (п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 2 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47, п. 2 ч. 1 ст. 53, п. 7 ч. 2 ст. 54, ч. 2, 3 ст. 86 УПК РФ).

Истребование предметов и документов, как способ получения доказательств, включает следующие действия следователя: 1) направление требования лицу или организации; 2) получение и осмотр истребуемого объекта; 3) приобщение доказательства к делу.

Требование о предоставлении предметов и документов должно быть облечено в письменную форму [2, с. 141—143].

При этом более определенно обозначается истребуемый предмет или документ, что предотвращает получение ненадлежащего объекта. Организация, обладающая объектом, получает законное основание для направления его следователю, так как

запрос последнего является в данном случае столь же обязательным для исполнения, как его постановление.

Кроме того, предотвращается возможность неправомерного истребования предметов и документов, в том числе и сведений, составляющих охраняемую законом тайну.

Наконец, наличие в деле письменного запроса объясняет и пути появления таких сведений, без чего невозможно судить о допустимости их получения. В материалах уголовного дела должен быть отражен и сам факт получения истребованного объекта.

Особую актуальность и значимость указанные положения приобретают при производстве следственных действий при получении сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в связи с чем в рамках данной работы рассмотрим отдельные особенности правоприменительной практики при производстве следственных действий при получении сведений, составляющих врачебную тайну.

Врачебная тайна п. 4 Перечня сведений конфиденциального характера, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188, отнесена к сведениям, связанным с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами¹ [3].

Согласно пункту 1 статьи 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» врачебную тайну составляют сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении² [4], в том числе — сведения о факте обращения гражданина за психиатрической помощью, состоянии его психического здоровья и диагнозе психического расстройства, а также иные сведения, полученные при оказании ему психиатрической помощи (ст. 9 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1)³ [5].

¹ Далее — Перечень.

² Далее — Федеральный закон.

³ Далее — Закон.

В этой связи, учитывая, что п. 2 Перечня к сведениям конфиденциального характера относятся сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, также обратим внимание на возникающую в данном случае, по мнению авторов, двойственность правовой природы рассматриваемой в рамках настоящей статьи конфиденциальной информации: следователь выступает в роли профессионала второго уровня, кому после профессионалов — медиков в связи с осуществлением расследования уголовного дела представлены сведения, составляющие личную тайну лица о факте его обращения за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, что, безусловно, по нашему мнению, должно свидетельствовать и об особой (своего рода «двойной») профессиональной ответственности должностных лиц следственных органов по обеспечению конфиденциальности указанных сведений.

Вместе с тем согласно п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона по запросу органов следствия в связи с проведением расследования допускается предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя. При этом в Федеральном законе не указано на обязательное получение следователем предварительного судебного решения на доступ к указанным сведениям конфиденциального характера.

Кроме того, по сложившейся на практике ситуации органы, осуществляющие уголовное преследование, в необходимых случаях по собственной инициативе истребуют у граждан и должностных лиц из организаций сведения, составляющие врачебную тайну.

В этой связи при решении следователем вопроса о необходимости предварительного судебного решения при подготовке запросов в те или иные медицинские организации, производстве отдельных следственных действий, требующих получения конфиденциальных сведений, составляющих врачебную тайну, полагаем необходимым руководствоваться наработанной практикой правоприменения, в том числе нашедшей отражение в судебных решениях, в частности — Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» должностным лицам следственных органов следует иметь в виду, что согласно положениям п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, ч. 3 ст. 183 УПК РФ, ст. 13 Федерального закона и ст. 9 Закона судебное решение требуется на выемку медицинских документов, содержащих сведения, составляющие охраняемую законом врачебную тайну [6].

Вместе с тем судам необходимо учитывать, что в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона при отсутствии согласия гражданина или его законного представителя отдельные сведения, составляющие врачебную тайну (например, о факте обращения гражданина за медицинской, в том числе психиатрической, помощью, нахождении на медицинском учете), могут быть представлены медицинской организацией без судебного решения по запросу следователя или дознавателя в связи с проведением проверки сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, либо расследованием уголовного дела.

Таким образом, в качестве первого блока проблемных, по нашему мнению вопросов, укажем на отсутствие на законодательном уровне детальной правовой регламентации порядка получения судебного решения при производстве отдельных следственных действий, требующих получения конфиденциальных сведений, составляющих врачебную тайну, что заставило субъектов правоприменительной практики подготовить и согласовать лишь в 2017 г. [7] указанное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Отметим, что эффективность решения стоящих перед органами внутренних дел задач по обеспечению безопасности личности, общества и государства, по мнению авторов, находится в прямой зависимости от четкой их постановки, ясности правовых формулировок, а также от строго определенного толкования базовых терминов в рассматриваемой сфере, в связи с чем представляется достаточно важным при осуществлении соответствующих функций оперировать категориями и терминами,

содержание которых строго определено законодателем либо становится предельно ясным в ходе анализа данных правоприменительной практики.

Указанное выше, на наш взгляд, подчеркивает, во-первых, актуальность и значимость рассматриваемых в настоящей статье вопросов, а, во-вторых, установившуюся в настоящее время, по мнению авторов, взаимосвязь вопросов укрепления законности в деятельности органов государственной власти не только с вопросами повышения эффективности их работы, обеспечения внутренней безопасности их деятельности, но и с вопросами улучшения качества правовой работы в государстве, повышения уровня ее научного обеспечения, обеспечения правовой защищенности уполномоченных федеральных органов исполнительной власти в целом, иных органов государственной власти, а также повышения эффективности обеспечения безопасности государства, обеспечения его «юридической безопасности» [8].

Об имевшихся до издания рассмотренного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации трудностях правоприменения свидетельствуют и не содержавшие указанного выше разграничения, положения кассационного определения Верховного Суда РФ от 15 мая 2013 г. № 56-О13-21, согласно которому из положения п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона следует, что предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина допускается по запросу органов следствия в связи с проведением расследования, а отраслевое законодательство предусматривает возможность изъятия сведений, составляющих врачебную тайну, при отсутствии судебного решения.

Кроме того, рассматривая данный вопрос шире — применительно к деятельности не только органов следствия и дознания — укажем и на официальную позицию Министерства здравоохранения Российской Федерации, согласно которой требование органов прокуратуры о предоставлении персональных данных всех лиц, страдающих наркологическими заболеваниями и состоящих на учете у врача психиатра-нарколога, тем более, возведение его в статус отчетного, не соответствует положениям ст. 13 Федерального закона, поскольку не подпадает под понятие прокурорского надзора, предусмо-

тренного Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». При этом при законных требованиях органов прокуратуры о предоставлении необходимой информации при проведении надзора за соблюдением закона либо прав и свобод человека и гражданина, в отношении конкретных лиц, состоящих на учете у врача психиатра-нарколога, или иных обстоятельств, они подлежат немедленному исполнению наркологическими учреждениями [9].

При этом подчеркнем, что об обязательности какого-либо судебного решения при взаимодействии медицинских учреждений по указанному вопросу с органами прокуратуры речи не идет, в связи с чем еще раз обратим внимание на существующую на законодательном уровне правовую неопределенность в данном вопросе, попытка решить которую применительно к деятельности следственных органов предпринята путем издания указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, за пределами внимания которого осталась деятельность иных субъектов правоприменения, в частности — *органов прокуратуры, органов уголовно-исполнительной системы*, что, по мнению авторов настоящей работы, создает некий дисбаланс в реализации уполномоченными органами государственной власти предусмотренного п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона правомочия по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно, получить сведения, составляющие врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя.

Обычно при истребовании объекта следователь исходит из его предполагаемой относимости к делу. При получении документа само содержание указывает на то, относится ли он к делу или нет.

Если же речь идет о предмете или документе, в которых содержатся сведения, составляющие охраняемую законом тайну, то вывод об их относимости

должен быть основан на результатах изучения объекта на наличие или отсутствие признаков тайны.

Убедившись в том, что представленный документ тем самым, который был истребован, следователь как правило, приобщает его к делу, не вынося отдельного постановления, так как из содержания документа видно, какое отношение он имеет к делу. Но бывают случаи, когда важно подчеркнуть, какую часть содержащейся в документе информации следователь считает тайной и почему. При подобных обстоятельствах целесообразно выносить отдельное постановление о приобщении документа, в котором содержатся сведения, составляющие охраняемую законом тайну.

Существуют три процессуальных способа установления сведений, составляющих врачебную тайну: 1) допросы медицинских работников в качестве свидетелей; 2) поручение врачам проведения судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз, 3) осмотры и выемки медицинских документов: историй болезни, рентгеновских снимков, лабораторных анализов и др., которые, на наш взгляд, должны проводиться в присутствии понятых — работников данного медицинского учреждения (допуск к ознакомлению с медицинской документацией понятых — посторонних лиц — следовало бы категорически запретить, поскольку это связано с разглашением медицинской тайны). К непроцессуальным способам установления данных о болезни следует отнести получение различных медицинских справок и выписок из истории болезни.

Истребование как способ получения доказательств представляет собой направление запроса (требования) следователем в то или иное медицинское учреждение или другую организацию. В отличие от следственных действий истребование не сопровождается непосредственным физическим принуждением и рассчитано на добровольное исполнение обращения. Почему следователь в некоторых случаях прибегает к такому способу собирания доказательств, каким является требование о представлении объектов и сведений, а не изымает их в рамках процедуры следственных действий?

Между истребованием и обыском (выемкой) имеется своего рода конкуренция, предопределя-

мая тем, что они по существу направлены на один и тот же результат. Выбирая способ действий, следователь принимает во внимание, что следственное действие — это трудоемкий путь собирания доказательств, предполагающий строгое соблюдение порядка, участия определенных лиц. Истребование же детально не регламентировано, не нуждается в особых организационных усилиях [10, с. 63].

Представление в отличие от истребования доказательств имеет место тогда, когда организация, предприятие, или учреждение по собственной инициативе, добровольно предъявляют следователю сведения, имеющие значение для уголовного дела.

В практической работе представление доказательств как способ получения сведений, составляющих врачебную тайну, используется довольно редко. Широко распространены случаи замены представления доказательств различными следственными действиями, такими как выемка или осмотр.

Потребность в предоставлении следователю сведений, составляющих врачебную (медицинскую) тайну, возникает во многих случаях, в частности по делам об умышленном заражении венерической болезнью (время обращения к врачам, выявленные половые связи, диагноз); по делам, по которым возникла необходимость решить вопрос о вменяемости обвиняемого или психической способности свидетелей и потерпевших давать показания (нахождение лица на учете в психдиспансере, диагноз, сведения о больном, зафиксированные в истории болезни); по делам о «преступных» абортах (обращалась ли женщина к врачу, что было выявлено при гинекологическом обследовании, и т.п.); по делам об убийствах, телесных повреждениях, изнасиловании (когда и при каких обстоятельствах обращались потерпевшие к врачу, какие телесные повреждения и следы были выявлены, что известно врачу об их происхождении); по делам об убийствах с расчленением неопознанного трупа (индивидуальные особенности лиц, пропавших без вести: строение зубов, наличие коронок и пломб, анатомические дефекты); по делам о симуляции заболеваний с целью уклонения от воинской службы (течение болезни, признаки, указывающие на симуляцию) и т.д.

Также отметим, что согласно п. 5 ч. 4 ст. 13 Федерального закона допускается предоставление

сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя в целях информирования органов внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий.

Рассматривая в настоящей статье положения УПК РФ, затрагивающие компетенцию всех следственных органов, обратим внимание и на взаимодействие подразделений собственной безопасности системы МВД России со следственными подразделениями Следственного комитета Российской Федерации при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами органов внутренних дел Российской Федерации.

В первую очередь, это совместная работа, направленная на раскрытие преступлений, а также оперативное сопровождение уголовных дел.

Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. на ведомственном уровне утверждена Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд⁴ [11]. Следует учитывать, что согласно п. 4 Инструкции должностным лицам следственных органов (органам) представляются результаты оперативно-розыскной деятельности, которые могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, предусмотренных УПК РФ; использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Учитывая изложенное, в заключении обратим внимание на некую неурегулированность, по мнению авторов, вопросов, связанных с одним из аспектов обеспечения собственной безопасности системы Министерства — недопущения проникновения в нее лиц, преследующих противоправные цели, в том числе — лиц, уже находящихся на службе и

употребляющих, в том числе разово употребивших, наркотические средства.

Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено, что нахождение сотрудника на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения либо отказ сотрудника от медицинского освидетельствования на состояние опьянения является грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел (п. 3 ч. 2 ст. 49), в связи с чем контракт о прохождении службы в органах внутренних дел может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел (п. 6 ч. 2 ст. 82)⁵ [12].

Возможность увольнения сотрудника органов внутренних дел, находящегося на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения либо отказавшегося от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, т.е. грубо нарушившего служебную дисциплину, предопределена необходимостью комплектования правоохранительных органов лицами, имеющими высокие морально-нравственные качества и способными надлежащим образом выполнять принятые ими на себя обязательства по защите прав и свобод человека и гражданина, соблюдению положений Конституции Российской Федерации, обеспечению безопасности, законности и правопорядка [13].

При этом данные положения не предполагают возможности произвольного применения, поскольку презюмируют, что принятию решения об увольнении сотрудника органов внутренних дел со службы предшествует объективная оценка совершенного им деяния в рамках установленной процедуры привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности и предоставление гарантий его защиты от произвольного увольнения, а обоснованность увольнения со службы может быть предметом судебной проверки.

Вместе с тем, отметим, что п. 16 ч. 1 ст. 12 Закона о службе установлена обязанность сотрудников органов внутренних дел Российской Фе-

⁴ Далее — Инструкция.

⁵ Далее — Закон о службе.

дерации проходить ежегодно в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, профилактические медицинские осмотры, включающие в себя *химико-токсикологические исследования наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов*, а также по направлению уполномоченного руководителя медицинское освидетельствование (обследовании), в том числе на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения) [14].

При этом в ранее действовавшей Инструкции о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 14 июля 2010 г. № 523, указывалось на проведение изучения психологических и психофизиологических особенностей личности с целью выявления лиц с нервно-психической неустойчивостью и склонностью к злоупотреблению алкоголем или немедицинскому употреблению наркотических веществ (п. 144).

Однако в Требованиях к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в зависимости от должностей и особенностей прохождения службы на отдельных должностях, а также Перечнях дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденными приказом МВД России от 2 апреля 2018 г. № 190 [15], указанных выше положений не содержится.

Кроме того, единичное или эпизодическое употребление психоактивных веществ (наркотических или токсических средств) не может служить основанием для применения ст. 19 расписания болезней Требованиям к состоянию здоровья граждан при первоначальной постановке на воинский учет, призыве на военную службу (военные сборы), граждан, по-

ступающих на военную службу по контракту, граждан, поступающих в военно-учебные заведения, военнослужащих, граждан, пребывающих в запасе Вооруженных сил Российской Федерации (приложение к Положению о военно-врачебной экспертизе) [16], согласно которой к перечню заболеваний, препятствующих прохождению службы в органах внутренних дел Российской Федерации, относятся психические расстройства, являющиеся следствием употребления одного или нескольких психоактивных веществ, а именно: острые алкогольные психозы, хронический алкоголизм, наркомания и токсикомания с незначительно выраженными изменениями личности; злоупотребление наркотическими и токсическими веществами (случаи повторного приема психоактивных веществ, сопровождающиеся отчетливыми вредными последствиями при отсутствии синдрома зависимости).

Таким образом, суть проблемы, в настоящее время, по мнению авторов, заключается в том, что в случае выявления в момент прохождения сотрудником органов внутренних дел ежегодного профилактического медицинского осмотра наличия в его организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов указанный сотрудник с точки зрения медицины воспринимается как имеющий заболевание, не препятствующее прохождению службы; при этом указанные сведения составляют врачебную тайну, а какого-либо порядка уведомления о выявленном факте руководства подразделения прохождения службы действующая ведомственная нормативная правовая база не предусматривает, в связи с чем остается надеяться на «отработанность» оперативных позиций соответствующих подразделений и грамотную работу руководителей всех уровней системы МВД России по подбору кадров и организации службы в целом во вверенном подразделении.

Для сравнения и примера решения указанного вопроса в органах ФСБ России укажем на положения Инструкции об организации и проведении в органах федеральной службы безопасности обязательного обследования на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ, утвержденной приказом ФСБ России от 16 июля 2012 г. № 356 [17], согласно п. 2 которой обязательное обследование на предмет употребления нарко-

тических средств и психотропных веществ направлено на обеспечение собственной безопасности органов безопасности. При этом военнослужащие или гражданский персонал, результаты исследования которых указали на возможное употребление ими наркотических средств или психотропных веществ, направляются врачами-специалистами военно-медицинских подразделений или специалистами, осуществляющими психологическое освидетельствование (обследование) в органах безопасности, на исследования с применением подтверждающих методов (газово-жидкостная хроматография с масс-спектральным детектированием), а в случае подтверждения факта употребления военнослужащими или гражданским персоналом наркотических средств или психотропных веществ с помощью подтверждающих методов, документально оформленные результаты исследований направляются в пакете с пометкой «Лично» руководителю, начальнику органа безопасности для принятия управленческого решения по кадровым вопросам и приобщения в соответствующее личное дело (п. 10 и 11 Инструкции).

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Жогин Н.В., Фаткулин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.
3. Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства Российской Федерации, 10.03.1997, № 10, ст. 1127.
4. Собрание законодательства Российской Федерации, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
5. Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ, 20.08.1992, № 33, ст. 1913.
6. Российская газета, № 125, 9 июня 2017 года.
7. Федеральный закон действует с конца 2011 г., т.е., по сути, шесть лет «формировалась» правоприменительная практика, а трудности правоприменения фактически никак не решались. Хотя согласно ч. 3 ст. 183 УПК РФ выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну..., производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 УПК.
8. Григорьев И.Б., Лялякин Ю.А. «Законность» и «безопасность» как государственно-правовые категории в законодательных и иных нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность органов внутренних дел Российской Федерации. М., 2018.
9. Официальное письмо Минздрава России от 30 августа 2013 г. № 306/13 «О предоставлении сведений по запросам прокуратуры, касающихся персональных данных лиц, страдающими наркологическими заболеваниями и прочих сведений, составляющих врачебную тайну».
10. Кальницкий В.В. Следственные действия: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2003.
11. Зарегистрирован в Минюсте России 5 декабря 2013 г, рег. № 30544 // Российская газета, № 282, 13 декабря 2013 года.
12. Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.
13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 359-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 2 статьи 49 и пунктом 6 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
14. Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.
15. Зарегистрирован в Минюсте России 3 мая 2018 г., рег. № 50952.
16. Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 // Собрание законодательства Российской Федерации, 15.07.2013, № 28, ст. 3831.
17. Зарегистрирован в Минюсте России 3 августа 2012 г., рег. № 25115 // Российская газета, № 189, 17 августа 2012 г.

УДК 343.1
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10020

© С.А. Невский, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННЫХ ПРОКУРОРОВ ПО ВОЕННО-СУДЕБНОМУ УСТАВУ 1867 г.

Сергей Александрович Невский,

главный научный сотрудник,

доктор юридических наук, профессор

ФГКУ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1)

E-mail: nevskiy40@mail.ru

Аннотация. Освещается правовое положение военных прокуроров, определенное Военно-судебным уставом 1867 г. На должности военных прокуроров и их помощников назначались, главным образом, военнослужащие, получившие юридическое образование и имевшие стаж юридической деятельности. Военно-судебным уставом исчерпывающе была определена компетенция военных прокуроров и их помощников при осуществлении надзора за производством предварительного следствия, а также при участии в судебном разбирательстве.

Ключевые слова: военный прокурор, военно-судебный устав, следствие, надзор, заключение, обвинительный акт.

THE LEGAL STATUS OF MILITARY PROSECUTORS ACCORDING TO THE MILITARY JUDICIAL CHARTER OF 1867

Sergey A. Nevskiy,

Chief Researcher, Doctor of Law, Professor

National Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (121069, Moscow, ul. Povarskaya, d. 25, str. 1)

Abstract. Highlighted the legal status of military prosecutors defined by the Military Judicial Charter of 1867. The military prosecutors and their assistants were appointed from the members of the military who have obtained legal education and legal experience activity. The Military Judicial Charter exhaustively defined the jurisdiction of the military prosecutors and their assistants in supervising the production of the preliminary investigation, as well as participating in the proceedings.

Keywords: military prosecutor, Military Judicial Charter, consequence, supervision, detention, indictment.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Невский С.А. Правовой статус военных прокуроров по военно-судебному уставу 1867 г. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):95-7.

Военно-судебный устав¹ был утвержден императором Александром II 15 мая 1867 г [1]. В научной литературе отмечено, что в результате реформы во всех звеньях военных судов впервые была введена должность военного прокурора, для руководства органами военной прокуратуры учреждены специальные должности Главного военного прокурора и Главного военно-морского прокурора [2, с. 35]. В соответствии с Уставом для прокурорского надзора при военно-судебных местах состояли Главный военный прокурор, его товарищи и их помощники, военные прокуроры и их помощники. Главный военный прокурор подчинялся военному министру.

Главный военный прокурор и определенное число его товарищей состояли при Главном военном суде, при каждом отделении Главного военного суда — товарищи Главного военного прокурора и

его помощники. Военные прокуроры и их помощники состояли при каждом Военно-окружном суде (ст. 69, 70).

Одним из главных требований к лицам, претендовавшим к назначению на должности по военно-судебному ведомству, в том числе и на должности военных прокуроров и их помощников, было подданство Российской империи. Ст. 137 Военно-судебного устава четко установила: «В должности по военно-судебному ведомству могут быть определяемы только Русские подданные». Ст. 138 Устава исчерпывающе установила четыре категории лиц, которые не могли быть назначены на должности по военно-судебному ведомству: состоявшие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно и подвергшиеся, по судебным приговорам за противозаконные деяния, заключению в тюрьме или содержанию на гауптвахте, или иному более

¹ Далее по тексту — Военно-судебный устав, Устав.

строгую наказанию, а также бывшие под судом за преступления или проступки, влекущие за собой такие наказания, не были оправданы судебными приговорами и которым не были прощены штрафы в установленном порядке; исключенные со службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежали; объявленные несостоятельными должниками; состоявшие под опекой за расточительство.

В соответствии со ст. 140 Военно-судебного устава на должности чинов прокурорского надзора назначались только лица, «кончившие курс юридических наук и занимавшиеся судебной практикой: для должности Помощника Военного Прокурора — не менее четырех лет, для должностей Военного Прокурора и Помощника Товарища Главного Военного Прокурора — не менее шести лет; для должности Товарища Главного Военного Прокурора — не менее восьми лет; для должности Главного Военного Прокурора — не менее двенадцати лет». Ст. 147 Устава предусматривала, что на должности лиц прокурорского надзора в военно-судебном ведомстве могли быть назначены как военнослужащие, так и лица, имевшие гражданские чины. Главный военный прокурор назначался высочайшим указом по представлению военного министра, на все иные прокурорские должности назначение осуществлялось по представлению Главного военного прокурора в порядке, установленном для чинов Военного министерства. Секретари при военных прокурорах назначались из числа военнослужащих и гражданских чинов лицами прокурорского надзора, при которых они состояли (ст. 148 Устава).

Особенностью правового положения лиц прокурорского надзора, определенного ст. 79 Военно-судебного устава, являлось правило, что «предметы занятий лиц, коим вверен прокурорский надзор, ограничиваются делами военно-судебного ведомства». Как отметил Н.А. Петухов, они осуществляли надзор за соблюдением законодательства при рассмотрении дел военными судами и не имели права надзора за действиями военных начальников и других военнослужащих [3, с. 136]. Ст. 72 Устава была установлена независимость военных прокуроров при осуществлении своих полномочий от судов. В ней говорилось: «При заявлении военно-судебным

местам своих по делам заключений, лица прокурорского надзора действуют единственно на основании своего убеждения и существующих законов».

В соответствии со ст. 164 Устава чины прокурорского надзора, «по праву наблюдения за охранением законом», о всех выявленных упущениях, допущенных должностными лицами военно-судебных учреждений, «смотря по важности случая», сообщали о них председателям военных судов или же докладывали в порядке подчиненности военному министру. На основании ст. 168 Устава военный министр «посредством частных или циркулярных предписаний» поручал состоявшим при военно-судебных местах чинам прокурорского надзора принять законные меры «к отклонению нарушения правил внутреннего устройства и делопроизводства в военно-судебных местах».

Военные прокуроры и их помощники сами не осуществляли предварительного следствия, но им вменялся в обязанность надзор за производством предварительного следствия военными следователями и особыми следственными комиссиями (ст. 447). В соответствии со ст. 448 военные прокуроры и их помощники были вправе присутствовать при всех следственных действиях и «разматривать на месте подлинное производство, не останавливая однако хода следствия». Военные следователи «по всем предметам, относящимся к изследованию преступления и к собранию доказательств» должны были выполнять законные требования военного прокурора, при этом в протоколах процессуальных действий отмечалось, какие конкретные меры принимались по требованию прокурора (ст. 449).

При осуществлении надзора за предварительным следствием военный прокурор и его помощник не мог отведен от исполнения своих обязанностей. Однако, если он находился с обвиняемым или потерпевшим в отношениях, служивших поводом для отвода судей, то был обязан сам устраниваться от осуществления надзорных функций по данному делу (ст. 455).

В соответствии со ст. 451 Устава при избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу военный следователь немедленно уведомлял ближайшее лицо прокурорского надзора. Военный прокурор был вправе потребовать от военного следователя применить менее

строгую меру пресечения в случае, если обвиняемый не навлекал на себя «достаточного подозрения в преступлении, влекущем за собою лишение всех прав состояния или потерю всех особенных прав и преимуществ». Также военный следователь уведомлял военного прокурора или его помощника о причинах, по которым не был взят под стражу или освобожден из-под стражи обвиняемый в преступлении, влекущем лишение всех прав состояния или потерю всех особенных прав и преимуществ (ст. 452).

Ст. 454 Военно-судебного устава наделяла военного прокурора и его помощника «требовать дополнения предварительного следствия, по сделанным им указаниям, хотя бы Военный Следователь и признал следствие конченным».

По окончании предварительного следствия военный следователь направлял материалы дела военному прокурору или его помощнику (ст. 597). Военный прокурор, получив материалы предварительного следствия, был обязан установить: «1) подлежит ли дело ведению военно-судебной власти; 2) произведено ли следствие с надлежащею полнотою, — и 3) следует ли обвиняемого предать суду; или же дело о нем может быть окончен в дисциплинарном порядке, или должно быть прекращено, или приостановлено» (ст. 601).

После получения материалов предварительного следствия военный прокурор был обязан в срок не позднее недели направить следственное производство со своим заключением военному начальнику, во власти которого зависело предание обвиняемого суду, «а если нет в виду обвиняемого, то к тому начальству, по требованию коего производилось следствие». В заключении военного прокурора излагалось его мнение: «или 1) о предании обвиняемого суду в Военном, или Полковом Суде, — или 2) о возможности ограничиться с обвиняемого возысканием дисциплинарным, — или 3) о прекращении или приостановлении следствия» (ст. 609).

Однако при установлении очевидной неполноты произведенного следствия, не представлявшей возможности составить правильное заключение по существу дела, военный прокурор, в соответствии со ст. 602 Устава был вправе потребовать дополнительных сведений или направить дело для доследования.

В случаях, когда принималось решение о предании обвиняемого суду, производство по делу воз-

вращалось военному прокурору для составления обвинительного акта (ст. 620). В обвинительном акте отражались следующие сведения: «1) событие, заключающее в себе признаки преступного деяния; 2) время и место совершения сего деяния, насколько это известно; 3) звание, имя, отчество и фамилия или прозвище обвиняемого, а равно команда, или часть, где состоит он на службе; 4) сущность доказательств и улики, собранных по делу против обвиняемого, — и 5) определение по закону: какому именно преступлению соответствуют признаки разматриваемого деяния?» (ст. 622).

Вместе с обвинительным актом военный прокурор излагал свое мнение «относительно пресечения обвиняемому способов уклоняться от суда, если признает нужным изменить какую либо из принятых уже против него мер» (ст. 628). Военный прокурор должен был направить в суд обвинительный акт со следственным производством в течение недели со времени получения дела от военного начальства (ст. 629, 630). К обвинительному акту военный прокурор прилагал список лиц, которых, по его мнению, следовало вызвать для участия в судебном следствии (ст. 627).

В случае, когда военный прокурор полагал прекратить дело «по недостатку оснований для преследования обвиняемого на суде», а военным начальством обвиняемый предан суду, исполнение обязанностей обвинителя в судебном разбирательстве могло быть поручено другому лицу прокурорского надзора. При этом «высшие в порядке подчиненности лица прокурорского надзора не вправе требовать от Прокурора, давшего заключение о прекращении судебного преследования, чтобы он поддерживал обвинение вопреки своему убеждению» (ст. 626).

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLII. Отд. I. № 44575 (при цитировании, по возможности, сохранен стиль и орфография документа).
2. Загорский Г.И. Военно-судебная реформа 1867 года как реализация идей судебной реформы 1864 года в деятельности органов военной юстиции // Вестник военного права. 2016. № 3.
3. Петухов Н.А. История военных судов России / Под ред. и с предисл. В.М. Лебедева. М.: Издательство НОРМА, 2003.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10021

© Ю.А. Цветков, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА И РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Юрий Анатольевич Цветков,

директор Научно-исследовательского института,

кандидат юридических наук, доцент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12)

E-mail: yutsvet@yandex.ru

Аннотация. Установление новых уголовно-процессуальных порядков на постсоветском пространстве анализируется с позиций геополитики. Национальные уголовно-процессуальные модели рассматриваются как один из инструментов «мягкой силы». Формулируются предложения, направленные на придание отечественной модели досудебного производства качества мирового эталона.

Ключевые слова: уголовный процесс; досудебное производство; следователь; геополитика.

CRIMINAL PROCEDURE GEOPOLITICS AND THE RUSSIAN MODEL OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Yuriy A. Cvetkov,

Director of the Research Institute,

Candidate of Law, Associate Professor

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (125080, Moscow, ul. Vrubel, d. 12)

Abstract. The article analyzes the establishment of new criminal procedural orders in the post-Soviet space from the standpoint of geopolitics. National criminal procedure models are seen as a tool of «soft power». The proposals aimed at giving the domestic model of pre-trial production the quality of the world standard are formulated.

Keywords: criminal process; pre-trial proceedings; investigator; geopolitics.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Цветков Ю.А. Уголовно-процессуальная геополитика и российская модель досудебного производства. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):98-103.

Реформа уголовного процесса и судоустройства в России и на постсоветском пространстве приняла форму перманентной процессуальной революции. Ею, как представляется, движут три основных мотива. Во-первых, реформа является элементом общей и, по крайней мере, декларируемой, демократизации постсоветских обществ. В этом смысле она решает взаимосвязанные задачи повышения правовых гарантий личности и ослабления репрессивности государственного аппарата. Во-вторых, она направлена на повышение эффективности уголовной юстиции в противодействии преступности ввиду ее стремительного абсолютного и относительного роста в условиях ослабления государственного контроля и установления либеральных свобод. В-третьих, эта реформа становится одним из направлений смены цивилизационных идентичностей вновь образованных государств. В этом ракурсе уголовный процесс имплицитно рассматривается как элемент

общего культурного пространства с теми странами, с которыми постсоветские государства стремятся себя переотождествить.

Интенсивный поиск универсальной модели уголовного судопроизводства, которая отвечала бы на этот триединый исторический вызов, становится центральным сюжетом реформы. В качестве такой модели особую привлекательность на постсоветском пространстве приобрела модель германская. Для нее характерно отсутствие дифференциации предварительного расследования на дознание и предварительное следствие. Досудебное производство осуществляется в форме полицейского дознания под процессуальным руководством прокурора. Институт предварительного следствия и следователь как участник уголовного процесса отсутствуют. Граница между процессуальными и оперативно-разыскными действиями стерта, что находит отражение в институте негласных следственных

действий. Деформализация досудебного производства проявляется также в отсутствии стадии возбуждения уголовного дела и дуализма «подозреваемый — обвиняемый».

Многие элементы германской модели досудебного производства нашли свое отражение в обновленном уголовно-процессуальном законодательстве прибалтийских государств, стран Центральной Азии, Грузии, Молдавии и Украины. Законодатели этих стран отказались от института возбуждения уголовного дела, и пошли по пути унификации предварительного расследования. Полностью упразднили следственный формат и соответственно фигуру следователя такие страны, как Литва, Эстония, Грузия и Молдавия. Реформы уголовного процесса на постсоветском пространстве самими немецкими процессуалистами описываются не в терминах «германизации», в понятиях демократизации и построения правового государства [11, с. 196—199].

Чем объясняется популярность германской модели досудебного производства? Данная модель весьма проста и экономична. Она подкрепляется авторитетом страны с признанной демократией, политического и экономического лидера Европейского Союза. Однако что более важно, у этой модели оказались последовательные приверженцы и в российском научном сообществе, в котором она обсуждается как единственный путь дальнейшей эволюции отечественного процесса [2, с. 405—411].

Проводником в германизации уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве выступает Германское общество международного сотрудничества (GIZ). Это федеральное предприятие, оказывающее услуги правительству ФРГ в сфере международного сотрудничества в целях устойчивого развития. Оно определяет свою миссию как «формирование изменений» и «поддержку лиц, принимающих решения, в реализации их политических целей». Несмотря на то, что формально это частная компания, она не скрывает, что работает в интересах Германии и по заказу правительства ФРГ. Она реализует свои проекты практически во всех странах мира и действует в самых разных направлениях, в частности в подготовке управленческих кадров для других стран. Одним из таких направлений является «поддержка правовой и судебной реформы» в странах Центральной Азии [1]. Други-

ми словами, GIZ является основным проводником немецкой «мягкой силы» за рубежом. И одним из инструментов этой «мягкой силы» выступает национальная модель уголовного судопроизводства.

Первым внимание на этот не столь явный, но весьма существенный аспект уголовного процесса обратил профессор Л.В. Головкин. «В плане геополитическом, — отметил он, — страны, которым исторически удалось (причем совершенно заслуженно) стать символом той или иной технологической модели предварительного расследования, стремятся использовать данное обстоятельство в интересах своей культурной и политической «экспансии»» [4, с. 195].

Под научным руководством профессора Л.В. Головкина подготовлена и защищена кандидатская диссертация С.В. Коновалова на тему о том, как германская модель досудебного производства повлияла на реформу уголовного процесса постсоветских государств. Автор, проанализировав германский процесс по оригинальным первоисточникам, пришел к выводу, что намерения постсоветских законодателей заимствовать лучшие достижения немецкой уголовно-процессуальной науки и отказаться от ряда советских институциональных искажений оказались не реализованы. Многие их представления о германском досудебном производстве не отражают реальной картины. Это обусловлено как ошибочной интерпретацией немецкоязычной терминологии, так и доверием к недостоверным экспертным позициям и нежеланием обращаться к оригинальным нормативным и доктринальным источникам. В частности, неверными являются представления о германском «следственном суде» как об организационно обособленном субъекте, о полном отсутствии в ФРГ аналогов доследственной проверки, о едином процессуальном статусе преследуемого лица на протяжении всего предварительного расследования, об отсутствии аналогов оперативно-розыскной деятельности и преобразования ее результатов в доказательства, а также о строгом разделении компетенции прокуратуры и полиции [7].

Характеризуя реформы уголовного процесса на постсоветском пространстве, профессор Л.В. Головкин также пришел к выводу, что «речь подчас идет не столько о реформе институтов, сколько о реформе уголовно-процессуального языка <...> Учи-

тывая то влияние, которое сегодня имеют научные исследования в области герменевтики, роль языка колоссальна, поскольку язык — это носитель смыслов. А процессуальные смыслы — это определенная процессуальная идеология. И в рамках некоего более общего идеологического процесса, часто именуемого сегодня «десоветизацией», есть попытки уйти от того понятийного ряда, той доктрины, которая сложилась исторически <...> и в центре которой находится наше государство» [5, с. 43].

С.Г. Коновалов не предложил своей собственной классификации моделей досудебного производства, а несколько некритично присоединился к наиболее распространенной такой классификации, в соответствии с которой выделил французскую, германскую и англо-американскую модели. Осталась не вполне ясной позиция автора относительно российского досудебного производства: является ли оно самостоятельной моделью, либо вписывается в одну из трех указанных моделей, либо вообще в силу своего синкретизма не вправе претендовать на то, чтобы считаться моделью? Автору следовало набраться большей научной смелости и высказать свое аргументированное отношение к этому вопросу. Вместо этого он довольно уклончиво обошел этот вопрос стороной, ссылаясь на то, что он рассматривает только те модели, которые могут служить эталоном для реформирования системы досудебного производства, в то время как постсоветские модели изучаются лишь как реформируемые объекты [7, с. 32—35]. Следует ли это утверждение понимать таким образом, что российская система досудебного производства ни при каких обстоятельствах не может изучаться как эталон, а лишь как объект для реформирования? Если да, то при таком уровне неверия в собственный творческий и научный потенциал мы действительно никогда не сможем конкурировать с той же Германией на поле уголовно-процессуальной геополитики.

Автор диссертации сконструировал абстрактную модель досудебного производства, которую он использовал как базовую исследовательскую матрицу. В эту модель он включил пять системообразующих, по его мнению, элементов: а) функции полиции, прокуратуры и суда в досудебном производстве; б) механизмы, обеспечивающие зависимость реализации различных функций друг от друга; в) проявление состязательного начала во властной

деятельности участников досудебного производства; г) формы досудебного производства; д) механизм возбуждения уголовного дела [7, с. 22].

Выделение этих восьми классификационных критериев носит весьма произвольный характер. Все они далеко неравноценны, чтобы в одинаковой мере считаться системообразующими. Самым зияющим пробелом является отсутствие среди этих элементов следователя. Ведь именно он в ряде национальных моделей остается центральной фигурой досудебного производства. Допустимо ли ограничивать, даже для сугубо узких целей исследования, такую модель только полицией, прокуратурой и судом, полностью игнорируя наличие и функции следователя? Фактически деятельность следователя понижает все пять выделенных автором направлений. Именно его необходимо поставить в центр моделирования и разделить все имеющиеся модели на две базовых: в которых есть следователь как фигура, интегрирующая в себе основные элементы досудебного производства (ведущая производство по делу), и где такая фигура отсутствует, и эти элементы расплывлены между многочисленными участниками процесса.

В такой классификации российская модель вполне обоснованно могла бы претендовать на своего рода мировой эталон, ибо только в ней фигура следователя воплощена наиболее полно. Вообще же любая модель, реализованная в России, *ipse facto* претендует на то, чтобы рассматриваться как одна из мировых моделей. Такая претензия обоснована масштабами и ролью России в мировом порядке. Авторитетный американский геополитик С. Хантингтон определял место России как стержневой страны одной из основных цивилизаций (православной) [10, с. 210]. Профессор А.С. Панарин довольно убедительно доказывал, что Россия сама по себе является отдельной цивилизацией [8, с. 68]. Таким образом, подчеркнем еще раз: любая завершенная российская модель, независимо от того, воспроизведена ли она в какой-либо еще стране, уже по факту является моделью мировой.

В основе отечественной модели — процессуально самостоятельный и организационно (отчасти) обособленный следователь. Уже сегодня она стала одним из вариантов реформирования уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве. Многие ее элементы легли в основу досудебного

производства в Армении, Белоруссии и Приднестровской Молдавской Республике. В Белоруссии образован единый Следственный комитет, однако в процессуальном плане следователь остался под плотным надзором прокурора. В Армении процессуальные порядки близки к российским, хотя там образовано сразу два следственных комитета: один общеуголовный, а второй специализированный на лицах особого правового статуса. Наиболее радикальный вариант следственного типа процесса воплощен в Приднестровье, где также образован единый Следственный комитет. Обвинительное заключение в этой непризнанной республике утверждает руководитель следственного органа, и обвинение в суде поддерживает не прокурор, а сотрудник Следственного комитета. В Белоруссии и Приднестровье следственные органы отнесены к исполнительной ветви власти, в то время как в России наряду со следственными подразделениями на базе органов исполнительной власти функционирует самостоятельный орган следственной власти — СК России. В большинстве стран на постсоветском пространстве, которые пошли по западному пути реформирования уголовного судопроизводства, должность следователя, хотя и в разных организационных форматах, по-прежнему сохранена (на Украине, в Латвии, Азербайджане, Абхазии, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане). Последнее обстоятельство как раз и должно послужить точкой роста для формирования конкурентоспособной доктрины, опирающейся на российские традиции.

Российская модель принята за ориентир государственного строительства в Донецкой Народной Республике. Так, председатель комитета по уголовному и административному законодательству Народного Совета ДНР А.М. Жигулин и заведующий кафедрой криминалистики Донбасской юридической академии А.М. Моисеев утверждают: «Реализации принципа экономности уголовно-процессуального направления концепции может послужить учреждение единого органа расследования. Заметим, что многолетняя дискуссия по этому вопросу продолжается и подходит к признанию ведомственной природы следственных органов. Мы разделяем научное обоснование процессуальной самостоятельности следователя, поддерживаем утверждение о существовании следственной ветви

власти. Для ДНР примером оптимизации уголовно-процессуального направления концепции борьбы с преступностью может послужить опыт Приднестровской Молдавской Республики» [6, с. 213]. Таким образом, очевидно, что в тех странах, включая и непризнанные республики, в которых сильны связи с Россией и которые ориентированы на нашу страну как основного союзника, сильна и ориентация на российскую уголовно-процессуальную политику. Данное обстоятельство подтверждает наш общий тезис о том, что уголовный процесс является элементом цивилизационного кода и частью геополитической стратегемы.

Автор, выступая в МГЮА в качестве официального оппонента по диссертации С.Г. Коновалова, высказал идею о мировом значении российской уголовно-процессуальной модели. В кулуарах эту идею со мной обсудила профессор Л.А. Воскобитова. Она высказала мнение, что уголовно-процессуальная модель может претендовать на статус мирового эталона при соблюдении следующих условий:

1. Уголовно-процессуальное законодательство соответствует доктрине.
2. Практика уголовного судопроизводства соответствует уголовно-процессуальному закону.

Оба эти условия в России не выполняются, поэтому, как полагает профессор Л.А. Воскобитова, российская модель на роль эталона претендовать не может.

Оба критерия, предложенные профессором, справедливы, хотя по поводу второго следует сделать одну оговорку. Практика и закон не бывают абсолютно тождественными, иначе не останется места ни для судебного прецедента, ни для юридической науки, черпающей свой материал как раз из того зазора, который образуется между законом и практикой его применения. Задача юридической науки, как определял ее классик дореволюционной юриспруденции Н.С. Таганцев, — познавать норму права в ее реальном бытии [9, с. 32—33]. Высказывание подразумевает, что нормативное и реальное бытие нормы не идентичны. Хотя, безусловно, между ними не должно быть такого разрыва, который встречается в неправовых государствах, где закон выполняет декоративные функции.

К этим двум следует добавить и третье условие — *мономорфизм*, т.е. внутренняя целостность

и устойчивость модели. В российском досудебном производстве этой целостности нет, поскольку отсутствует единая организационная форма предварительного следствия: конкурируют между собой ведомственная и вневедомственная системы. Внутри этих систем по-разному освоены и законодательный ресурс. Так, следователь-криминалист как участник уголовного судопроизводства реально и весьма активно функционирует только в СК России, в других следственных органах такого должностного лица нет. По-разному распределены полномочия в сфере процессуального контроля между руководителями следственных органов и контрольными службами этих ведомств. Таким образом, отечественная модель досудебного производства носит незавершенный, переходный характер.

Что мешает в России создать действующую уголовно-процессуальную модель (хотя бы в части досудебного производства), которая стала бы объектом заимствования для других стран, по крайней мере, на постсоветском пространстве? Тому есть три причины.

Первая причина состоит в том, что в процессе законотворчества доктринальные соображения часто подменяются политическими мотивами и ведомственным лоббизмом. Самым свежим примером является внесенный 19.09.2018 депутатами от фракции КПРФ на рассмотрение Государственной Думы проект закона № 550619-7 о существенном расширении полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, включая право возбуждать уголовные дела. Аналогичный законопроект коммунисты вносили в Государственную Думу ровно три года назад — 31.08.2015. В числе инициаторов обоих законопроектов неизменно присутствует бывший первый заместитель прокурора г. Москвы Ю.П. Синельщиков.

Вторая причина — это отсутствие консенсуса по основным вопросам уголовно-процессуальной доктрины среди наиболее влиятельных научных школ, коллективов и ученых. Однако неконсолидированность научного сообщества — это еще только часть проблемы. Главное, отсутствует *осознание необходимости* такого консенсуса и готовность к компромиссам. Вспомним в качестве самых ярких примеров две основные инициативы последних пяти лет: упразднение стадии возбуждения уголовного

дела и учреждение института следственных судей. Авторы этих инициатив, в том числе наши коллеги-процессуалисты Б.Я. Гаврилов и А.В. Смирнов и поддерживающие их группы ученых и институты гражданского общества, использовали все возможные площадки для продвижения этих инициатив, несмотря на то, что они не были восприняты существенной частью научного сообщества и правоприменительных ведомств, включая прокуратуру и Следственный комитет РФ.

Третья причина, как закономерное следствие первых двух, — это достаточно слабое влияние уголовно-процессуальной науки на законотворчество и практику. Консолидация сообщества ученых-процессуалистов могла бы состояться вокруг амбициозной объединяющей цели. И такой целью должно стать создание эталонной модели досудебного производства, а впоследствии — и всего уголовного процесса. Примером успешной консолидации является разработка и принятие УК РФ 1996 года. Он воплотил в себе все самые передовые идеи уголовно-правовой науки и юридической техники и стал на тот момент одним из лучших, а может быть и самым лучшим уголовным законом в мире. УПК РФ, несмотря на его во многом новаторский характер, таковым не стал. Его несовершенство проявилось практически сразу. Уже за первые полгода действия было принято пять федеральных законов о внесении в него изменений и дополнений.

При этом следует отдавать себе отчет, что качественное законодательство само по себе чисто механически не повлечет заимствования наших уголовно-процессуальных порядков другими странами. Их порядков должна подкрепляться геополитическим влиянием самого государства. А его «мягкую силу» следует направить в том числе и на экспансию уголовно-процессуальных порядков. В этом плане пример Германии, действующей через GIZ, весьма поучителен. Эффективность этой организации обеспечивается тем, что это частная компания, действующая хотя строго в интересах Германии, но на основании контрактов с правительством. В этом смысле она (как отчасти и ее американский аналог — корпорация RAND) способна привлекать наиболее квалифицированные кадры и качественные ресурсы. В интересах нашей страны схожие функции выполняет Россотрудничество.

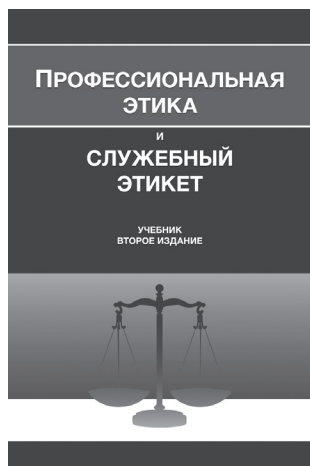

Однако это организация бюрократическая, а значит неповоротливая и менее конкурентоспособная. В соответствии с положением, утвержденным Указом Президента РФ № 1315 от 06.09.2008, в качестве основного инструмента «мягкой силы» она использует поддержку за рубежом русского языка и русской культуры, но отнюдь не российских правовых моделей и традиций.

Ровно сто лет назад, в 1918 году русский философ Н.А. Бердяев написал пророческие слова: «Творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте. То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет уже быть провинциальным, отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим, не восточным только, но и западным» [3, с. 13]. Для того чтобы это пророчество в части уголовно-процессуальной геополитики начинало сбываться, необходимы консолидированные усилия научного сообщества процессуалистов и мощная поддержка со стороны государства. *In hoc signo vinces!*

Литература

1. Официальный сайт GIZ / URL: <https://www.giz.de/de/html/index.html>
2. Александров А.С. Институт следственной власти в России: краткая история возникновения, развития и дегенерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34).
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Канон+, 2004.
4. Головкин Л.В. Развитие российского предварительного следствия и сравнительно-правовые архетипы досудебного производства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 3.
5. Головкин Л.В. Российское предварительное следствие перед вызовом международных проектов для постсоветского пространства // Следствие в России: три века в поисках концепции: Мат-лы междунаrodn. научн.-практ. конф. (Москва, 12.10.2017). М.: Московская академия СК России.
6. Жигулин А.М., Мусеев А.М. Концепция борьбы с преступностью в Донецкой Народной Республике: конституционные истоки и перспективы формирования // Следствие в России: три века в поисках концепции: Мат-лы междунаrodn. научн.-практ. конф. (Москва, 12.10.2017). М.: Московская академия СК России.
7. Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств // Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
8. Панарин А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. Вып. 2. 1996.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая в 2-х т. М.: Наука, 1994. Т. 1.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова]. М.: АСТ, 2003.
11. Шредер Ф.-К. Вклад Уголовно-процессуального кодекса Казахстана в развитие правовой государственности: взгляд со стороны Германии // Казахстанский тренд — от тоталитаризма к демократическому и правовому государству (взгляд со стороны): сб. статей / отв. Ред. И.И. Рогов. Астана, 2015.

Профессиональная этика и служебный этикет. 2-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В.Я. Кикотя. 527 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Применительно к реалиям современного общества систематизировано изложены нравственные основы правоохранительной деятельности. Рассмотрены этические основы специфики деятельности отдельных правоохранительных служб и учреждений.

Для студентов юридических вузов, изучающих курс профессиональной этики и служебного этикета, а также для практических работников системы правоохранительных органов.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10022

© Е.Н. Клещина, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ВОЗМЕЩЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕМУ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Елена Николаевна Клещина,

профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: elena-kleshchina@mail.ru

Аннотация. На современном этапе в России проблемы, связанные с возмещением потерпевшему вреда, причиненного преступлением, продолжают оставаться весьма актуальными. Наиважнейшей формой защиты нарушенных преступлением прав и законных интересов является заявление гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, потерпевший, возмещение вреда, причиненного преступлением, гражданский иск.

COMPENSATION TO THE VICTIM HARM, CAUSED BY THE CRIME: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Elena N. Kleshchina,

Professor, Department of Criminal Procedure, Doctor of Law, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. At the present stage in Russia the problems connected with compensation to the victim of the harm caused by a crime continue to remain very actual. The most important form of protection of the rights and legitimate interests, violated by the crime is the application of a civil claim in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, victim, compensation for harm caused by the crime, civil suit.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Клещина Е.Н. Возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением: проблемы законодательной регламентации и правоприменения. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):104-6.

Проблемы, связанные с возмещением потерпевшему вреда, причиненного преступлением, продолжают оставаться весьма актуальными. Ежегодно значительному количеству лиц преступлениями причиняется вред. Так, в 2017 г. ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 408,5 млрд руб. [8].

Наиважнейшей формой защиты нарушенных преступлением прав и законных интересов является заявление гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

Согласно ч. 1 ст. 44 УПК РФ гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя. Гражданский истец может предъявить иск и для имущественной компенсации морального вреда.

Как верно отмечается в научной литературе, «основанием гражданского иска в уголовном процессе имущественный и моральный вред признается только «при наличии оснований полагать», что он причинен непосредственно преступлением. Иными словами, деяние, порождающее возникновение гражданско-правового обязательства и влекущее деликтную ответственность, должно быть запрещено уголовным законом, т.е. квалифицироваться в качестве преступления. В противном случае предъявление гражданского иска в уголовном процессе исключено. Кроме того, между преступлением и вредом должна быть прямая, но не опосредованная связь» [7, с. 402].

Отметим, что многие вопросы, связанные с предъявлением гражданского иска в уголовном деле, разрешаются в соответствии с нормами не уголовно-процессуального, а гражданского законодательства. Уголовно-процессуальное право допускает аналогию, поэтому при решении спорных вопросов следует руководствоваться нормами ГК РФ. Так, ст. 12 ГК РФ к способам защиты гражданских прав, наряду

с другими, относит возмещение убытков и компенсацию морального вреда, и поскольку гражданский иск в уголовном деле — это требование защитить нарушенное преступлением право или интересы, постольку следователь обязан признать потерпевшего гражданским истцом при заявлении им иска о компенсации морального вреда [4, с. 290].

В правоприменительной практике нередко случается, когда после признания лица потерпевшим может пройти определенный период времени до признания его гражданским истцом. Причины таких ситуаций заключаются в том, что потерпевшим не разъяснялось или недостаточно разъяснялось, либо не своевременно разъяснялось право на заявление гражданского иска следователями и дознавателями. Соответственно должностными лицами своевременно не предпринимались меры, направленные на возмещение вреда. Как справедливо отмечает Д.А. Иванов, «важно указать на то обстоятельство, что следователь, дознаватель должен не просто сообщить потерпевшему либо его представителю о наличии у него права подачи гражданского иска, но и разъяснить им смысл и содержание в понятных выражениях и формулировках» [3, с. 130—131]. По нашему мнению, ч. 2 ст. 42 УПК РФ следует дополнить пунктом 5.1 в следующей редакции «предъявить гражданский иск». В таком случае, следователь, дознаватель, признавая лицо потерпевшим, обязан разъяснить ему процессуальные права, предусмотренные ч. 2 ст. 42 УПК РФ, в том числе и указанное право.

Отметим, что в последние годы государством принимаются меры, направленные на оптимизацию деятельности следователей и дознавателей по возмещению вреда, причиненного преступлением. Так, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ глава 21 УПК РФ была дополнена еще одним общим условием предварительного расследования, а именно — ст. 160.1 «Меры по обеспечению гражданского иска». Согласно указанной статьи, установив, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, следователь, дознаватель обязаны принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного

имущественного вреда, и по наложению ареста на данное имущество.

Таким образом, законодатель, регламентируя положения о мерах по обеспечению гражданского иска, в системе общих условий предварительного расследования придал статус обязательных правил, которыми руководствуются дознаватель, следователь при производстве по уголовному делу.

Для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий является наложение ареста на имущество и ценные бумаги. Порядок применения этих мер процессуального принуждения регулируется ст. 115, 115.1 и 116 УПК РФ.

В последние годы неоднократно вносились поправки в перечисленные статьи, при этом наиболее существенные из них внесены Федеральным законом от 29.06.2015 г. № 190-ФЗ. Однако вопросы в их применении остаются. Как справедливо отмечают В.А. Азаров и Д.М. Нурбаев, «новая законодательная конструкция в части обеспечения прав лица, на имущество которого наложен арест, представляет ему достаточно широкую систему юридических гарантий. Но здесь же возникает вопрос: учитываются ли при этом интересы потерпевшего. Данный вопрос особенно актуален в контексте позиции Конституционного Суда РФ, отметившего важность соблюдения баланса между публично-правовыми интересами и интересами всех участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, этого как раз и не случилось. Реальной возможностью для восстановления потерпевшим нарушенного имущественного права является подача искового заявления как в уголовном, так и гражданском судопроизводстве. Но и в данном вопросе напрашивается параллель с правовыми арсеналами лица, на имущество которого наложен арест. Так, освободить имущество от ограничений, связанной с применением рассматриваемой меры принуждения, возможно: 1) в гражданском судопроизводстве — если арест был наложен на основании ч. 1 ст. 115 УПК РФ; 2) подачей жалобы в рамках уголовного судопроизводства — если правовым основанием выступала ч. 3 ст. 115 УПК РФ. При этом в гражданском судопроизводстве, при разрешении иска об освобождении имущества от ареста судом не должен решаться вопрос о законности (незаконности) ареста, наложенного в уголов-

ном деле. Из изложенного напрашивается вывод о том, что правовые возможности указанных участников уголовного процесса несопоставимы, здесь наблюдается явный дисбаланс» [1, с. 261—262].

С учетом изложенного укажем, что названная мера процессуального принуждения, несмотря на ее совершенствование законодателем, не достаточно распространена в следственной практике.

Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова в своем Докладе за 2017 г. [6] обратила внимание на данную проблему и отметила, что одной из гарантий возмещения вреда потерпевшим выступает наложение ареста на имущество, регламентированное положениями ст. 115 УПК РФ. Однако, несмотря на то, что ходатайства органов следствия о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, о применении соответствующей меры процессуального принуждения удовлетворяются судами все чаще (в 2017 г. судами было рассмотрено 45 508 ходатайств, в 2016 г. — 45 154), из них удовлетворено 39 751 и 38 921 соответственно), ущерб потерпевшим в большинстве случаев не возмещается. В среднем он составляет лишь 19%.

Сложность состоит в решении вопроса, на какую именно сумму должно проводиться наложение ареста на имущество. В теории уголовного процесса существуют разные точки зрения по этому поводу. Так, по мнению В.С. Шадрин «имущество, подвергаемое аресту, по своей ценности должно быть эквивалентно ущербу, понесенному пострадавшим от преступления» [5, с. 192]. Ф.Н. Багаутдинов считает, что «стоимость имущества, на которое налагается арест, должна быть, как правило, не менее чем в два раза больше суммы иска» [2, с. 102]. По нашему мнению, при наложении ареста на имущество следователь должен учитывать сумму иска, указанную истцом и обязательно привлекать специалиста. Согласно ч. 5 ст. 115 УПК РФ такой участник уголовного судопроизводства может участвовать. В качестве специалиста может быть приглашен судебный пристав-исполнитель.

Нами поддерживается позиция Уполномоченного по правам человека в РФ Т.Н. Москальковой о том, что в целях более эффективного восстанов-

ления социальной справедливости в части возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему, и расходования денежных средств должны быть законодательно закреплены условия, виды и размеры государственной компенсации. При этом выплата компенсации не должны отменять обязанности возмещения вреда обвиняемым [6].

В заключение подчеркнем, что для решения проблем, связанных с возмещением потерпевшему вреда, причиненного преступлением, важен системный подход. Необходимо дальнейшее развитие не только законодательства, но и совершенствование правоприменительной практики.

Литература

1. *Азаров В.А., Нурбаев Д.М.* Спорные вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: Сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко (Москва, 19—20 мая 2016 г.) / Отв. ред. Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф. О.А. Зайцев, д.ю.н., проф. А.Г. Волеводз. М.: МГИМО МИД России; МАЭП, 2016.
2. *Багаутдинов Ф.Н.* Возмещение имущественных прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2002.
3. *Иванов Д.А.* Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов внутренних дел): монография. М.: Юрлитинформ, 2018.
4. *Кондрат И.Н.* Охрана прав участников уголовного судопроизводства в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2013.
5. *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000.
6. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год / ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady
7. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.
8. Состояние преступности в России за январь—декабрь 2017 года: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России.

УДК 343.1
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10023

© А.С. Есина, О.Е. Жамкова, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Алла Сергеевна Есина,
начальник кафедры предварительного расследования,
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: esina-alla@list.ru;
Ольга Евгеньевна Жамкова,
доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, подполковник полиции
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: olga_zhamkova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемные вопросы, возникающие в деятельности следователя при вступлении адвоката в уголовное дело в качестве защитника и реализации права на свидания с подзащитным в следственном изоляторе.

Ключевые слова: адвокат, следователь, защитник, следственный изолятор, вступить в уголовное дело, оказать юридическую помощь, право на защиту.

PROBLEM ISSUES IN ENSURING THE REALIZATION OF THE RIGHT TO DEFENSE DURING PRETRIAL PROCEEDINGS

Alla S. Esina,
Head of the Department of Preliminary Investigation,
Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);
Ol'ga E. Zhamkova,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
Candidate of Law, Police Lieutenant Colonel
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The article considers some problematic issues that arise in the activity of the investigator when an attorney joins the criminal case as a defense counsel and when he realizes the right to see his client in the remand center.

Keywords: lawyer, investigator, defender, remand center, enter into criminal case, provide legal support, right to defense.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Есина А.С., Жамкова О.Е. Проблемные вопросы при обеспечении реализации права на защиту в ходе досудебного производства. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):107-10.

Федеральным законом № 23 от 4 марта 2013 г. были внесены существенные изменения в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Прежде всего, обращают на себя внимание новеллы, касающиеся реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи гражданами, которые попадают в сферу уголовного судопроизводства. Так, в соответствии с положением ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные законом и обеспечивается возможность осуществления этих

прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе право на пользование услугами адвоката. Простота изложения данного нововведения на первый взгляд очевидна и понятна. Однако, при реализации данного положения у правоприменителей возникает много вопросов, и прежде всего: каковы полномочия адвоката при его участии в проверочных действиях в ходе последственной проверки; каков его статус как участника уголовного судопроизводства? Следует признать, что отдельные нормы УПК (ст. 45, 49—51, 56 УПК РФ) определяют процессуальные

полномочия адвоката в случае, если он оказывает юридическую помощь участникам уголовного судопроизводства: потерпевшему, свидетелю, подозреваемому или обвиняемому. Однако очевидно, что подобных участников в ходе следственной проверки нет и потому законодательное установление о участии адвоката на стадии возбуждения уголовного дела уязвимо с точки зрения реализации его статуса.

Бесспорно, адвокат может пользоваться полномочиями, которые ему предоставлены Федеральным законом № 63 от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако сам же законодатель указывает, что адвокат участвующий в уголовном судопроизводстве должен руководствоваться прежде всего соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации (ст. 6 ФЗ). При этом о полномочиях адвоката при производстве проверочных действий, т.е. до возбуждения уголовного дела, данный закон не упоминает.

Нововведения коснулись и текста ст. 49 УПК РФ, которая была дополнена в части 3 пунктом № 6 о том, что защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ (ч. 3 п. 6 ст. 49 УПК). Невольно задаешься вопросом: в каком статусе, по мнению законодателя, должно находиться лицо в отношении которого проводится проверка, уж сколь скоро ему полагается уже защитник? Подозреваемого? Но ст. 46 УПК РФ, определяющая нам юридические основания для возникновения подобного статуса у физического лица, не претерпела никаких изменений. Иными словами не появилось нового основания для признания лица подозреваемым, тем более в ходе следственной проверки. Не изменилось понятие и уголовного преследования, которое определяется в п. 55 ст. 5 УПК РФ как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения *подозреваемого, обвиняемого* в совершении преступления. Т.е. до возбуждения уголовного дела уголовное преследование не осуществляется, по мнению законодателя. Тогда о каком участии защитника может идти речь при производстве проверочных действий? Какому участнику уголовного судопроизводства следователь

должен обеспечить право на защиту в ходе следственной проверки?

Заметим, что обозначая рассматриваемые вопросы автор вовсе не выступает против реализации права на получение квалифицированной юридической помощи гражданам в ходе следственной проверки. Речь идет о корректности и четкости законодательных формулировок, определяющих порядок уголовного судопроизводства и права его участников. Инициаторы нововведений в текст уголовно-процессуального закона должны вносить изменения не фрагментарно, а предвидеть и предполагать взаимосвязь и системность многих положений уголовно-процессуального закона, содержащихся в разных нормах и разделах УПК.

Далее. Федеральным законом № 73 от 17 апреля 2017 года [5] внесены изменения в ст. 49 УПК РФ, устанавливающие правила участия защитника в уголовном судопроизводстве. В частности изменена редакция ч. 4 ст. 49 УПК РФ и вместо текста о том, что *следователь допускает адвоката* к участию в уголовном деле в качестве защитника при предъявлении ордера и удостоверения адвоката появилась формулировка о том, что *адвокат вступает в уголовное дело* по предъявлении удостоверения и ордера. С этого момента на адвоката распространяются правила, установленные для защитника (ст. 53 УПК РФ).

Для субъекта расследования важно понять: изменила ли новая формулировка закона механизм вступления адвоката в уголовное дело?

Следует признать, что прежняя редакция рассматриваемого положения уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 49 УПК РФ) была уязвима и критиковалась на страницах печати. Считалось, что имела место ошибка терминологического свойства. Фраза о том, что следователь «*допускает* адвоката к уголовному делу» рассматривалось как разрешительный порядок, когда следователь правомочен допускать или не допускать адвоката в качестве защитника до подозреваемого, обвиняемого. Отметим, что подобное толкование смысла законодательного установления было глубоко ошибочно, хотя довольно распространено [2], в том числе среди представителей адвокатского сообщества¹ [4].

¹ Адвокатам не нужно разрешение следователя для того, чтобы попасть в СИЗО.

По нашему мнению законодатель закладывал совершенно иной смысл в фразу «следователь допускает...» (ч. 4 ст. 49 УПК РФ) и предполагал НЕ ПРАВО следователя разрешать или не разрешать свидание защитника с подследственным, а прежде всего ОБЯЗАННОСТЬ для субъекта расследования проверить адвоката, который претендует на статус защитника по уголовному делу, на его соответствие этому статусу. Что это означает? Это значит, что следователь должен был проверить и внимательно изучить: удостоверение адвоката: убедиться, что лицо действительно обладает статусом адвоката, работает в адвокатском образовании, которое входит в систему адвокатуры Российской Федерации; зарегистрирован в реестре адвокатов; имеет не приостановленный и не прекращенный статус, а предъявленный ордер имеет все необходимые реквизиты. Только после подобной проверки, в случае если адвокат отвечал всем необходимым требованиям закона, следователь обязан был допустить адвоката к участию в уголовном деле² [1, с. 11]. Однако, например, если возникнет сомнение относительно удостоверения адвоката (например, печать или форма не та), то следователь был бы обязан не допускать такого адвоката к участию в деле, поскольку такой «адвокат» был бы ненадлежащим субъектом защиты.

В отдельных подразделениях органов предварительного расследования следователи выносят постановление о участии адвоката в качестве защитника по уголовному делу, хотя вынесение подобного постановления не требуется по смыслу текста УПК. На взгляд автора эта практика требует и законодательного закрепления. Так устроены уголовно-процессуальные отношения в сфере российского уголовного судопроизводства, когда многие участники процесса появляются в уголовном деле не автоматически, а только в результате юридического оформления. Например, лицо, которому причинен вред в результате преступных действий, становится потерпевшим только после вынесения постановления следователя о признании лицо потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), статус обвиняемого лицо приобретает только после вынесения указанных в законе документов — постановления о привлечении лица в качестве обвиня-

емого, обвинительного акта, обвинительного постановления (ст. 47 УПК РФ). Перечисленные процессуальные документы, придающие процессуальный статус участнику процесса, выносит то лицо, в чьем производстве находится уголовное дело. Точно также законодатель установил правила и для появления защитника в уголовном деле, в том числе для адвокатов. Иными словами, адвокат не может получить статус защитника автоматически, только потому что он заключил соглашение — договор с клиентом на оказание юридических услуг и ему выписан ордер. В уголовном судопроизводстве действует иной порядок. Статус защитника надо оформить! Заключение договора на оказание юридической помощи достаточно для начала оказания юридических услуг в любой другой сфере, но не в уголовном судопроизводстве. Адвокат должен быть признан защитником по постановлению следователя.

С юридической точки зрения в рассматриваемой ситуации нет ничего унижающего или каким-то образом принижающего авторитет адвоката. Юрист, имеющий статус адвоката при наличии к тому оснований (в случае обращения к нему лиц за оказанием юридической помощи в сфере уголовного судопроизводства) предъявляет субъекту расследования необходимые документы, дающее ему право на участие в уголовном деле, должен получить юридический документ о его оформлении в качестве защитника, то есть он должен быть легитимно оформлен как участник уголовного судопроизводства.

Заметим, что и прежняя редакция ч. 4 ст. 49 УПК РФ и новая редакция закона не устанавливает четкого механизма «вступления адвоката в уголовное дело». Сеем предположить, что как и раньше, следователь (дознатель) будут обязаны проверить адвоката на соответствие его статусу и только после этого принимать решение о его участии в уголовном деле в качестве защитника. Обратим внимание, что и Конституционный Суд РФ в своем определении подчеркивает, что администрация следственного изолятора как орган, ответственный за соблюдение режима, *должна располагать сведениями о приобретении адвокатом статуса защитника в конкретном уголовном деле*. Наличие таких сведений у администрации СИЗО обеспечивается ее отношениями со следователем, которые по своему характеру не относятся к уголовно-процессуальным

² Полагаем, что подобная проверка адвоката должна иметь место и на стадии возбуждения уголовного дела в ходе проверочных действий в порядке ст. 144 УПК РФ.

и в которые не могут вовлекаться иные участники уголовного судопроизводства, в том числе со стороны защиты [6]. Таким образом, высший судебный орган указал на то, что администрация режимного объекта — следственного изолятора, должна иметь от субъектов расследования, сведения, подтверждающие наличие статуса защитника у адвоката по конкретному уголовному делу.

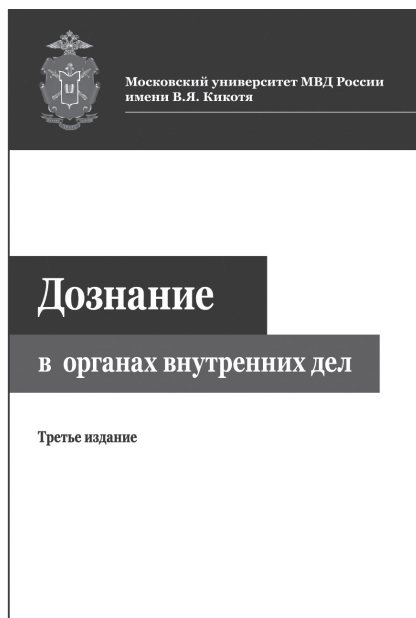
Подобная позиция высшего органа судебной власти позволяет сформулировать следующий вывод: адвокат, желающий вступить в уголовное дело должен сперва обратиться к субъекту расследования в чьем производстве находится уголовное дело и обнаружить ему свое намерение вступить в дело, предъявив необходимые документы (ордер, удостоверение), а уже потом начинать реализацию прав защитника, в том числе и право на свидание с клиентом.

В разрешении рассматриваемой проблемы следует обратить внимание на предложение заместителя министра юстиции Российской Федерации А. Алханова, который считает необходимым проработать межведомственный нормативный акт, устанавливающий порядок взаимодействия при информировании следователями администрации СИЗО уголовно-исполнительной системы о вступлении адвокатов в уголовное дело [3]. По мнению авторов, было бы целесообразно закрепить механизм вступления адвоката в качестве защитника в уголов-

ное дело на законодательном уровне. С этой целью предлагается дополнить ст. 49 УПК РФ положением о том, что при вступлении адвоката в уголовное дело он предъявляет: ордер и удостоверение, а следователь (дознатель, суд) выносит постановление о признании адвоката защитником и обязан незамедлительно уведомить администрацию СИЗО об этом, в случае, если подследственный находится в изоляции от общества.

Литература

1. *Есина А.С., Жамкова О.Е.* Некоторые вопросы компетенции оперативных сотрудников при рассмотрении сообщений о преступлениях экономической направленности. // Российский следователь. № 10. 2016 г.
2. *Хамраев В.* Защитников снова не пускают в СИЗО. Коммерсант. ру. от 30.06.2017 г.
3. *Федорова И.* Минюст не может решить проблему с недопуском адвокатов к подзащитным в СИЗО. <https://pda.pravo.ru/news/view/143566/от-10-августа-2017-г>.
4. <https://pda.pravo.ru/news/view/135829/>
5. Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». contact@consultant.ru
6. Определение КС № 2358-О от 25.10.2016 г.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф.К. Зиннурова, А.С. Есиной. 2018 г. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

УДК 343.1
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10024

© Н.В. Угольникова, С.В. Гурдин, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО), В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЯЕТСЯ В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Наталья Викторовна Угольникова,

врио заместителя начальника кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: nvugolnikova@yandex.ru;

Сергей Валерьевич Гурдин,

доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: sgurdin@gmail.com

Аннотация. Анализируются проблемы процессуального статуса несовершеннолетнего, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, проводя аналогии с процессуальным статусом лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве в отношении которого выделено дело в отдельное производство.

Ключевые слова: выделение уголовного дела, права свидетеля, права обвиняемого, представительство интересов несовершеннолетнего, дискреционные полномочия, коррупциогенные факторы.

SOME QUESTIONS OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE JUVENILE ACCUSED (SUSPECT) IN RESPECT OF WHICH THE CRIMINAL CASE IS ALLOCATED TO A SEPARATE PROCEEDING

Natal'ya V. Ugol'nikova,

Acting Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Sergey V. Gurdin,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. In this article, the authors analyze the problems of the procedural status of a minor in respect of which the criminal case is separated into a separate proceeding, drawing analogies with the procedural status of the person with whom the cooperation agreement is concluded in respect of which the case is separated into a separate proceeding.

Keywords: allocation of criminal case, the rights of the witness, the rights of the accused, representation of interests of the minor, discretionary powers, corruption factors.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Угольникова Н.В., Гурдин С.В. Некоторые вопросы процессуального статуса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого уголовное дело выделяется в отдельное производство. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):111-4.

Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, привлеченного к уголовной ответственности вместе с совершеннолетними обвиняемыми, предусмотрено п. 2 ч. 1 ст. 154, ст. 422 УПК РФ. Одной из проблем, обсуждаемой в рамках указанного правила, является вопрос о дискреционном полномочии следователя (дознавателя) при выделении уголовного дела. Часть исследователей считают, что правило о выделении уголовно-

го дела в отношении несовершеннолетнего должно быть безусловным и обязательным [10]; другие полагают, что возможность выделения должна зависеть от материалов дела, анализ которых за следователем [5, с. 78—82]. По мнению Ю.В. Корневского, выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего преследует цели ускорения производства по уголовному делу, предупреждения вредного влияния на несовершеннолетнего взрослых соучастников [8, с. 725].

В юридической литературе высказано спорное мнение о нецелесообразности института выделения по рассматриваемому основанию, так как такой порядок создает дополнительную нагрузку на следственный аппарат, отрицательно сказывается на всесторонности, полноте и объективности расследования, а несовершеннолетний при этом дважды участвует в судебном разбирательстве: по своему делу в качестве подсудимого и по делу взрослого обвиняемого в качестве свидетеля [4, с. 43]. С этой позицией согласиться нельзя. Выделение уголовного дела преследует цель оградить несовершеннолетнего от отрицательного влияния взрослого. Не исключены ситуации, когда несовершеннолетние, привлекающийся к уголовной ответственности вместе со взрослыми, под давлением последних признаются в совершении деяний, которых не совершали. Следует также отметить положения ст. 429 УПК РФ, в которой используется более категоричная формулировка: «Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления... выделяется в отдельное производство...».

Новый проблемный вектор рассматриваемого института связан с коррупционными факторами. Национальная стратегия противодействия коррупции РФ обусловила формирование комплекса правовых и организационных механизмов для устранения коррупции во всех сферах деятельности в том числе и в уголовно процессуальной. Одним из таких механизмов является антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. Методика проведения указанной экспертизы содержит определенные маркеры коррупциогенных факторов, среди которых и дискреционные полномочия правоприменителей.

Законодатель под коррупционными факторами понимает «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» [6]. Касательно норм УПК РФ, такие факторы можно выявить на основе предложенной законодателем методики, где одним из основных

видов коррупциогенных факторов выступает определение компетенции по формуле «вправе» [7].

Анализ нормы ст. 154 УПК РФ формально такой маркер содержит. Если исходить из буквального толкования криминогенных факторов можно предположить, что эта норма содержит коррупционные риски.

Современные исследователи придерживаются противоположных мнений. Одни считают, что «конструирование правовых норм с использованием формулы «вправе» при установлении компетенции должностных лиц включает повышенные коррупционные риски. Поэтому изменение такого рода норм необходимо, тем более это касается норм уголовно-процессуального доказательственного права, в ходе применения которых разрешается уголовно-правовой спор» [3]. Другие считают, что всякие попытки снизить диспозитивные начала правоприменения «иссушает» уголовно-процессуальное законодательство и отрывает его от реальных ситуаций принятия решений [1, с. 51—58]; проблема не в коррупциогенных факторах, заложенных в нормах УПК РФ, а в корыстных устремлениях правоприменителей [2, с. 335—337].

Категоричность в законе может только повредить производству предварительного расследования, ограничит право выбора при решении вопросов о порядке расследования. Что же касается возможного злоупотребления следователем в процессе применения норм права, то следует помнить о наличии института процессуальных гарантий, представленных институтами обжалования и процессуального контроля. На случаи принятия ошибочного или противоречащего закону решения предусмотрена соответствующая процедура обжалования, которая гарантирует проверку законности и обоснованность решения, а также его отмену или изменения.

Исходя из этого, а также из той важности, которую приобретает обособленное производство в отношении несовершеннолетнего, призванное исключить пагубное влияние на него взрослых соучастников, можно заключить, что выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в особое производство обязательно при малейшей возможности и во всяком случае независимо ни от объема уголовного дела, ни от множественности эпизодов преступления. Возможно законодателю требуется уточнить правовые условия, когда выделение уголовного дела станет невозможным.

Итак утвердившись в мнении, что выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего является целесообразным и обязательным следует рассмотреть особенности процессуального статуса несовершеннолетнего, в отношении которого выделено уголовное дело.

Выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, в отдельное производство и отдельное судебное рассмотрение означают, что такое лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого по выделенному уголовному делу. По изначально единому делу уголовное преследование против него далее формально не ведется, что делает невозможным участие несовершеннолетнего в его рассмотрении судом в качестве подсудимого, как-вым в силу части второй статьи 47 УПК Российской Федерации является обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство.

Согласно ч. 1 ст. 252 УПК Российской Федерации судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, что, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 23 декабря 2014 года № 2951-О, направлено на установление пределов судебного разбирательства, диктуемых интересами обвиняемого, целями реализации им права на защиту. Вместе с тем возможность использования в рамках основного дела доказательств, полученных по выделенным делам, не утрачивается, как это следует из ч. 5 ст. 154 УПК Российской Федерации, в силу которой материалы уголовного дела, выделенного в отдельное производство, допускаются в качестве доказательств по данному уголовному делу.

В свете того, что вопрос о виновности несовершеннолетнего лица, уголовное дело которого выделено в отдельное производство, в судебном процессе по основному уголовному делу не исследуется, предметом допроса несовершеннолетнего должна стать виновность соучастников. Правовой статус несовершеннолетнего при этом становится неопределённым: кто он — свидетель или обвиняемый? Как реализуется его право на защиту в ходе судебного заседания? К такому лицу не применяются и не могут применяться процедурные правила, регламентирующие участие в судебном заседании (в том числе при производстве допроса) подсудимого. Соответственно нужны специальные правила. Кроме того,

следует отметить сохранение процессуального интереса несовершеннолетнего в исходном уголовном деле. Сообщаемые несовершеннолетним сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению, не только касаются подсудимых по основному уголовному делу, но определенным образом затрагивают и его личные интересы. Такое соотношение процессуальных интересов требует обособления порядка допроса такого лица и оценка его показаний.

Ст. 56 УПК РФ определяет свидетеля как лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Для классической позиции свидетеля в уголовном деле характерна процессуальная незаинтересованность: он не является стороной в уголовном деле, а относится к иным участникам уголовного процесса. Свидетель обязан давать правдивые показания об известных ему обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, так как он сообщает информацию о других лиц и обстоятельствах, не связанных с его (свидетеля) интересами. Несовершеннолетнего, выступающего с показаниями по уголовному делу, по которому обвиняемым является его соучастник, нельзя рассматривать как процессуально нейтральную фигуру.

Европейский Суд по правам человека отмечает, что оценка показаний сообщников требует более внимательного подхода и более высокой степени контроля, поскольку их положение, дающих показания, отличается от положения обычных свидетелей: они не дают показаний под присягой, т.е. правдивость сообщаемых ими сведений не имеет никаких гарантий, позволяющих привлечь их к ответственности за умышленную дачу ложных показаний (постановления от 24 июля 2008 года по делу «Владимир Романов против России» и от 23 октября 2012 года по делу «Пичугин против России»).

Можно сделать вывод о том, что несовершеннолетний по уголовному делу, выделенному в отдельное производство, при производстве допроса по основному уголовному делу должен приобретать в процессе по основному делу особый статус, который не может быть соотнесен в полной мере ни с правовым положением свидетеля, ни с правовым положением обвиняемого.

Еще одной проблемой, требующей разрешения касается вопроса представительства интересов не-

совершеннолетнего. Если несовершеннолетний обвиняемый — законный представитель и защитник обязательны. Если несовершеннолетний свидетель — допрос и другие следственные действия осуществляются в порядке ст. 191 УПК, которые предусматривают другой порядок представительства и для другой категории несовершеннолетних.

Традиционно несовершеннолетний по изначальному делу рассматривался в качестве свидетеля. Так же как и лицо, с которым заключено соглашения о сотрудничестве в отношении которого выделено дело в отдельное производство. Конституционный Суд Российской Федерации обязал, внести в УПК РФ изменения, касающиеся участия лица по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения, о сотрудничестве, в судебном разбирательстве в уголовном деле в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним [9]. Во исполнении данного указания в УПК РФ внесена ст. 56.1, определяющая специальный статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном деле в отношении соучастников преступления, а также ст. 281, устанавливающей порядок его допроса и оглашения показаний в ходе судебного разбирательства.

Очевидно что статус несовершеннолетнего, в отношении которого выделено уголовное дело в отдельное производство аналогичен в части дачи показаний в отношении соучастников по первоначальному уголовному делу. Подводя итог следует отметить необходимость корректировки закона. предлагаем дополнить ст. 422:

«2. Несовершеннолетний, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство — участник уголовного судопроизводства, привлекаемый к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления.

3. Несовершеннолетний, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, наделяется правами, предусмотренными частью четвертой ст. 56 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей статьей.

4. Участие в процессуальных действиях несовершеннолетнего, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, осуществ-

ляются в порядке, установленном гл. 50 настоящего Кодекса.

5. Несовершеннолетний, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации.»

Литература

1. Андрусенко С.П. Антикоррупционная экспертиза в российской уголовной юстиции // Журнал российского права. М.: Норма, 2013, № 4.

2. Афанасьев А.Ю. Корыстные устремления в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2015. № 14.

3. Афанасьев А.Ю. Экспертиза уголовно-процессуального законодательства на коррупциогенность: некоторые вопросы проявления культуры // Наука. Мысль: электронный журнал. 2015. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertiza-ugolovno-protsessualnogo-zakonodatelstva-na-korruptsiogennost-nekotorye-voprosy-proyavleniya-kultury>.

4. Багаутдинов Ф. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Российская юстиция. 2002. № 9.

5. Тетюев С.В. Выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего. История нормативной регламентации // Вестник ЮУрГУ № 2, 2008.

6. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 2009. 22 июля.

7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 // Российская газета. 2010. 5 марта.

8. Комментарий к Уголовному процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд. М., 2004.

9. Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П.

10. Ст. 23. Проект закона «О ювенальной юстиции в Российской Федерации» — Э.Б. Мельникова, Г.Н. Ветрова // Вопросы ювенальной юстиции № 1 (1) М., 2001.

УДК 343
ББК 67.52
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10025

© В.Ф. Васюков, А.Н. Колычева, 2019

Научная специальность 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность

ОСМОТР И ФИКСАЦИЯ СТРАНИЦ ИНТЕРНЕТ САЙТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Виталий Федорович Васюков,

старший преподаватель кафедры криминалистики предварительного расследования в ОВД,
доктор юридических наук

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2)
E-mail: vvff0109@yandex.ru;

Алла Николаевна Колычева,

преподаватель кафедры криминалистики предварительного расследования в ОВД
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (302027, Орел, ул. Игнатова, д. 2)
E-mail: allakolycheva87@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности осмотра и закрепления в протоколе информации, содержащейся на страницах в сети Интернет и интернет сайтах, которая будет иметь криминалистическое и (или) доказательственное значение для расследования уголовного дела. Выделены общие и частные моменты, на которые следует обращать внимание следователю при проведении рассматриваемого вида осмотра.

Ключевые слова: информация, программное обеспечение, снимок экрана («скриншот»), url-страница, ip-адрес, сервер, ресурс, сеть Интернет, сайт.

INSPECTION AND FIXATION OF PAGES INTERNET SITE ON THE INTERNET

Vitaliy F. Vasyukov,

Senior Lecturer at the Department of Criminalistics Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs,
Doctor of Law

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova (302027, Orel, ul. Ignatov, d. 2);
Alla N. Kolycheva,

Lecturer at the Department of Criminalistics Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova (302027, Orel, ul. Ignatov, d. 2)

Abstract. The article discusses the features of inspection and recording in the protocol of information contained on Internet pages and Internet sites, which will have forensic and (or) evidentiary value for the investigation of a criminal case. The author highlighted the general and particular points to which the investigator's attention should be paid when conducting the type of examination in question.

Keywords: information, software, screen shot («screenshot»), url-pages, ip-address, server, resource, Internet, website.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Васюков В.Ф., Колычева А.Н. Осмотр и фиксация страниц интернет сайта в сети Интернет. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):115-8.

В современных условиях наблюдается рост числа преступлений, которые совершаются посредством информационно-телекоммуникационных технологий. В этой связи возрастает значимость ресурсов сети Интернет как всемирного резервуара, размещающего в себе значительные объемы криминалистически значимой информации, благодаря которым становится возможным выявить, раскрыть и расследовать преступление.

Значительный объем доказательственной, криминалистически значимой информации можно, по-

лучить благодаря проведению такого следственного действия, как осмотр. В процессе осмотра конкретных страниц или целого интернет-сайта следует определить способ размещения информации в сети Интернет. Подобное представляется как страница, размещенная на популярных ресурсах, обеспечивающая возможность размещения информации альтернативного характера с наличием незначительных познаний в области компьютерных технологий (страницы социальных сетей, ресурсы регулярного добавления информации, конструкторы сайтов с

расположением сайта на домене создателя конструктора), так и непосредственно исполненные полнофункциональные web-сервисы (тотализаторы в режиме реального времени, казино, фишинговые ресурсы). В первом случае, для доказательственного закрепления содержания интернет-страниц достаточно сделать снимок экрана («скриншоты») с фиксацией процедуры в установленной уголовно-процессуальным законодательством с учетом криминалистических рекомендаций. В случаях непосредственного создания web-сервиса, кроме снимков экрана, следует отразить реквизиты доступа к панели управления сайтом, в случае формирования его полной резервной копии, с целью проведения в дальнейшем судебной компьютерной экспертизы. Все осуществляемые действия необходимо отражать в протоколе осмотра с фиксацией выполняемых действий в полном объеме с отражением даты и времени, указанием, в целесообразных случаях, url-страниц, ip-адресов.

При закреплении доказательственной информации посредством снимков экрана, следует отражать всю значимую информацию, такую как время, ip-адрес СВТ на которой производится копирование информации, имена файлов, источники получаемой информации, зафиксировать настройки программы-клиента, присутствие сопутствующих носителей информации. Целесообразно фиксировать на едином снимке одновременно несколько существенных параметров. Например, изображение работающего клиента и информацию об ip-адресе устройства.

В случаях распечатывания снимков экрана в колонтитулах или разноске документа, следует отразить точный url-страницы; дату и время закрепления информации; программное обеспечение, посредством которого проведен просмотр страницы; характеристики ПЭВМ на котором осуществлялся просмотр; характеристики ПЭВМ на котором осуществлялась распечатка (если разные ПЭВМ); периферийные технические средства, применяемые для просмотра и распечатывания сведений; реквизиты провайдера и номер договора в границах доступа, которого, производился осмотр страниц.

Фиксация интернет странички, должна быть максимально содержательной в виду ряда особенностей размещения информации в сетевом пространстве и образующихся в этой связи трудностей.

Одинаковая информация на разнообразных средствах вычислительной техники, различном программном обеспечении будет представлена не одинаково, поскольку программные оболочки имеют разнообразные интерфейсы передачи информации для абонента, и между источником информации и средством визуального вывода, обмен осуществляется посредством ее преобразования, кодирования, декодирования. Содержание информации при трансляции не меняется, однако, порядок ее предоставления может изменяться вплоть до преобразования вида. Например, текстовая информация в реальном времени трансформируется в аудиозапись. Также, с постоянным совершенствованием динамического принципа обустройства содержимого Интернет-ресурсов на выведение информации оказывает влияние географическое положение. Например, языковой перевод текстового содержания страниц.

Особой проблемой является предоставление права пользователю быть анонимным и при этом осуществлять управление содержимым страницы. Таким образом, в любое возможно размещение информации, распространение ее и устранение первоисточника. Даже с учетом закрепления на законодательном уровне обязанности для владельцев сайтов, нести ответственность за информационное наполнение интернет-страниц. На практике ответственность выражается в блокировании доступа к ресурсу, содержится информация. При этом лицо, разместившее рассматриваемую информацию, вовсе может быть не установлено.

Когда интересующая следствие информация, располагается на электронной почте, то осмотр возможен по трем основным направлениям:

- 1) осмотр электронной почты на компьютерном оборудовании участника уголовного дела и с его согласия;
- 2) осмотр материального носителя с содержащейся на нем перепиской, полученного от почтового сервиса;
- 3) осмотр содержания электронной переписки на бумажном носителе (в данном случае применяются правила осмотра для документов).

В ходе анализа электронной почты возможно определить:

- а) историю переписки, с ее помощью, возможно, выяснит не только факт совершения преступле-

ния, но и извлечь информацию криминалистического характера и представляющую оперативный интерес.

б) доступ к разнообразным интернет ресурсам, предоставляющих возможность, восстановить реквизиты доступа к форумам, электронным онлайн-сервисам, платежным системам и т.д.

В ходе осмотра электронной почты, интерфейс программного обеспечения сформирован с применением web-сервиса, не различается от осмотра страниц или интернет-сайта. В рассматриваемой ситуации применяется программа обозреватель (браузер), демонстрируется отображение страницы с содержимым и закрепляется снимком экрана.

Возможно, для получения электронной почты применяется особое программное обеспечение — почтовые клиенты. При осмотре ПЭВМ, с доступом к сети Интернет, следует уделить внимание на наличие, установленного программного обеспечения, такого как Mozilla Thunderbird, TheBat!, Microsoft Outlook. Поскольку указанные почтовые клиенты при наличии протокола POP3 по завершении скачивания почты на компьютерное оборудование, имеют функции удаления оригиналов писем на почтовом сервере. В таком случае, следователь не сможет установить получал/отправлял ли пользователь компьютерного оборудования электронную корреспонденцию.

Что касается истории сообщений в программном обеспечении мгновенного доступа, то у клиентов данного вида программного обеспечения по умолчанию резервируют историю переписки между пользователями. В большинстве случаев она располагается в разделе «History»/«История». В указанном разделе, возможно, задать период времени, за который следует предоставить информацию, и вывести перечень сообщений в файл или распечатать. Такая информация может содержать уникальный номер пользователя сети IM, дату и время пересылки сообщения, и, непосредственно, его текст [1, с. 48].

Следователи сталкиваются со случаями, когда интересующая информация, не является общедоступной и доступ ограничен авторизацией, а реквизиты доступа подозреваемый/обвиняемый не сообщает. Поэтому перед обращением с запросом к провайдеру или владельцу сетевого ресурса, следует, имея доступ к компьютерному оборудованию подозреваемого/обвиняемого, установить интересу-

ющие реквизиты на нем, уделив внимание на текстовые файлы, документы, менеджеры хранения паролей. Так, в процессе осмотра с участием специалиста изъятого у подозреваемого компьютерного оборудования, в программе был выявлен и сохранен файл, в котором размещались электронные данные в зашифрованном виде, с помощью самой программы, о логинах и паролях доступа к ним. А именно к сайтам, представляющим интерес у органов предварительного следствия. Выявленные электронные данные были подробно отражены в протоколе осмотра предметов и документов, а компьютерное оборудование было приобщено в качестве вещественного доказательства. В дальнейшем, полученная информация способствовала привлечению новых доказательств в процесс расследования [4].

Для получения реквизитов доступа к web-ресурсам (сайты, электронная почта, страницы администрирования ресурсов, и иные) необходимо проверить их наличие в хранилище паролей браузера, так как все браузеры по умолчанию предлагают сохранять данные авторизаций. В случае если пользователь средств вычислительной техники, не слишком задумывался о своей безопасности, или не обладает высокой технической грамотностью, мы имеем возможность получить данные реквизиты [3, с. 32—36].

Аналогичным методом осуществляется восстановление реквизитов доступа к электронным почтовым ящикам с локальных ПЭВМ пользователей, подключенных к сети Интернет. Во-первых, с помощью программ для сохраненных паролей в браузерах, мы можем получить данные web-ориентированных клиентов электронной почты. Во-вторых, для программного обеспечения, обеспечивающего обработку электронной почты, также существуют утилиты, позволяющие восстанавливать пароли к учетным записям, которые ранее сохранены в кэшах популярных почтовых клиентов. Одной из самых богатых в части возможностей по восстановлению паролей к почтовым клиентам утилитой является Advanced Mailbox Password Recovery [5]. Она работает с огромным количеством клиентов электронной почты.

В протоколе следует фиксировать время получения или отправления сообщения, дословный текст сообщения (если он имеет значение для рас-

следуемого уголовного дела). В ситуациях, когда сообщение сохранено в чате сервиса мгновенных сообщений, необходимо фиксировать в протоколе геопозиционные данные устройства, которые отражаются при отправлении в электронном сообщении, фиксируя место отправления сообщения [2, с. 15—18]. В рамках осмотров видео и аудиозаписей, размещенных в чате целесообразно фиксировать тип расширения файла, время создания, размещения, изменения, продолжительность и содержание записи.

В ходе осмотра в рамках изложенной тематики, у органов предварительного расследования появляются не только новые доказательства, но и криминалистически значимая информация, а также информация, представляющая оперативный интерес. Таким образом, в большинстве случаев после осмотра сайта, интернет страницы, электронной почты органами предварительного расследования осуществляются дополнительные проверочные действия, как в рамках следствия, так и по линии оперативной работы.

Литература

1. *Васюков В.Ф., Гаврилов Б.Я., Кузнецов А.А.* Способы получения доказательств и информации

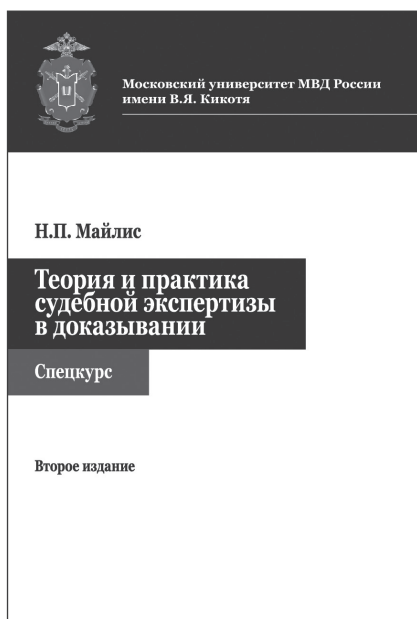
в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: Учеб. пособие. М.: Проспект, 2017.

2. *Васюков В.Ф.* Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи / В.Ф. Васюков // Российский следователь. 2016. № 23.

3. *Гаврилов Б.Я.* Получение доказательств и информации с электронных носителей: вопросы законодательного регулирования и правоприменения // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. Т. 3. № 3.

4. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары в отношении Елизарова О.В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272 УК РФ, ч. 1 ст. 272 УК РФ.

5. Инструменты для цифровой криминалистики [Электронный ресурс]: [сайт] Официальный сайт ООО «Элькомсофт» Режим доступа: <https://www.elcomsoft.ru/ambpr.html>. Дата обращения: 19.02.2018 г.

Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Майлис Н.П. 2019 г. 255 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным и административным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10026

© Н.В. Григорьева, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наталья Владимировна Григорьева,

доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: navalagri@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. Предлагается определение статуса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в уголовном судопроизводстве как участника уголовного процесса, а также осуществление ряда мер в целях повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: потерпевший, права, законные интересы, механизм защиты, Уполномоченный по правам в Российской Федерации.

PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF THE SUSTAINED FROM CRIMES BY THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Natal'ya V. Grigor'eva,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. Devoted to the protection of the rights and legitimate interests of the victims of crimes by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. It is proposed to determine the status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in criminal proceedings as a participant as well as the implementation of a number of measures to improve the protection of human and civil rights and freedoms.

Keywords: victim, rights, legitimate interests, protection mechanism, Commissioner for Human Rights in the Russian Federation.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Григорьева Н.В. Защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):119-21.

Защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений составляет назначение уголовного судопроизводства, причем законодатель определяет это положение как основополагающее правовое начало уголовного процесса.

По данным официальной статистики в 2017 г. зарегистрировано более 2 млн преступлений, за восемь месяцев 2018 г. почти 1,5 млн [1]. Число лиц, потерпевших от преступных посягательств в 2017 г. составило более 1,4 млн человек (это на 8% меньше чем в 2016 г.) [2], при этом погибли в результате совершения преступления 27,3 тыс. человек (-8,7% по сравнению с 2016 г.) [3]. Таким образом, результатом более 70% преступлений явилось причинение вреда лицам, которые впоследствии приобрели процессуальный статус потерпевшего.

Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет гарантии защиты прав и законных интересов

потерпевших. Среди них можно выделить содержащиеся в нормах УПК РФ права потерпевшего, обязанность должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, разъяснять эти права, меры обеспечения безопасности, участие в доказывании, обжалование и многие другие положения, обеспечивающие реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, в настоящее время, не в полной мере удается реализовать положения, закрепленные в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, о чем свидетельствуют данные по количеству обращений, в том числе и потерпевших, в органы прокуратуры и суд по вопросам досудебного производства.

В 2017 г. и восемь месяцев 2018 г. прокуратурой выявлено 3 839 158 и 3 857 859 (+0,5%) нарушений закона в ходе осуществления надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного су-

допроизводства. Прокурорами рассмотрено 415 575 (+2,5%) обращений на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания и следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении; 247 211 (-3,5%) обращений по вопросам следствия и дознания; 84 659 (-9,3%) обращений по вопросам законности и обоснованности судебных постановлений по уголовным делам [4].

Судами в 2017 г. рассмотрено 121 848 жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (ст. 125 УПК РФ), при этом по 5 900 (4,8%) принято решение об удовлетворении. Данные показатели за шесть месяцев 2018 г. свидетельствуют о рассмотрении 59 894 жалоб, удовлетворено — 2 665 (4,4%) [5].

Несмотря на столь внушительные данные потерпевшие от преступлений на различных этапах уголовного судопроизводства ищут новые способы защиты своих прав.

Одним из таких механизмов выступает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный).

Согласно докладу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. [6] поступило 41 840 жалоб и других обращений граждан. В общей сложности удалось оказать помощь в защите прав более чем 250 тыс. граждан.

Жалобы в адрес Уполномоченного по поводу защиты прав человека в уголовном судопроизводстве составляют почти треть всех обращений граждан. В 2017 г. их поступило 12 779, при этом в защиту прав потерпевших поступило 3 085 обращений, что на 7% больше, чем в 2016 г. Наибольшее количество поступивших к Уполномоченному обращений связано с нарушениями прав граждан на первоначальном этапе уголовного судопроизводства — при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений о преступлениях — 2 280 (в 2016 г. — 2 133).

На протяжении многих лет обращения по вопросам уголовно-процессуального законодательства из общего объема корреспонденции, поступающей к Уполномоченному, имеют наибольший удельный вес.

В связи с нарушениями прав граждан в области уголовно-процессуальных правоотношений при содействии Уполномоченного отменено 155 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, 52 — о приостановлении предварительного след-

ствия или дознания, 12 — о прекращении уголовного дела, возобновлено предварительное расследование по 62 уголовным делам, а также органами предварительного следствия и дознания было возбуждено 14 уголовных дел, внесено 100 требований и 104 представления об устранении нарушений закона, привлечено к дисциплинарной ответственности 5 должностных лиц.

После обращения Уполномоченного в защиту пенсионера С. к прокурору Ивановской области отменены незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по его заявлениям о присвоении денежных средств его умершей супруги в особо крупном размере. По результатам дополнительных проверок СО ОМВД России по Ленинскому району города Иваново возбуждены 2 уголовных дела по фактам незаконного завладения денежными средствами и дачи заведомо ложных показаний в суде, а С. признан потерпевшим.

Так же, только после вмешательства Уполномоченного в октябре 2018 г. было восстановлено право гражданки В. на доступ к правосудию по факту бездействия врачей Дубненской городской больницы, повлекшее смерть ее отца В. В настоящее время следственным отделом по городу Дубне ГСУ СК России по Московской области, возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 2 статьи 109 УК РФ. Предварительное следствие по делу продолжается [7].

Среди наиболее актуальных можно выделить проблемы защиты прав потерпевших при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений о преступлениях; волокиту, формализм и необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела; ненадлежащее расследование уголовных дел, их незаконное приостановление или прекращение; возмещение потерпевшему материального вреда, причиненного преступлением¹.

Уполномоченный предлагает рассмотреть возможность осуществления ряда мер для повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина, которые мы полностью поддерживаем.

Во-первых, в целях повышения гарантий реализации прав потерпевших на этапе рассмотрения со-

¹ Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, за 2017 год ущерб от преступлений (только по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 408,5 млрд руб.

общений о преступлениях, предлагается уточнить порядок и сроки проверки законности вынесенного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела прокурором. УПК РФ дополнить требованием об обязательном направлении следователем (дознавателем) прокурору вместе с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела материалов проверки.

Во-вторых, нуждаются в уточнении порядок и сроки уведомления потерпевших о принятом решении о приостановлении следствия по уголовному делу, поскольку порядок, в соответствии с которым следователь должен уведомить лицо о принятом решении, а также срок, в который направляется извещение, законодательно не установлен. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о введении в практику электронных уведомлений — посредством мобильной связи, электронной почты, портала «Госуслуги».

В-третьих, в целях более эффективного восстановления социальной справедливости в части возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему, и расходования денежных средств должны быть законодательно закреплены условия, виды и размеры государственной компенсации. При этом выплата компенсации не будет отменять обязанности возмещения вреда обвиняемым. В этой связи можно вернуться к идее учреждения внебюджетного Федерального фонда помощи потерпевшим, деятельность которого могла бы регулироваться специальным законом.

В-четвертых, необходимо продлить срок реализации государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014—2018 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586.

Таким образом, можно констатировать, что Уполномоченному в настоящее время принадлежит активная роль в защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Однако в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует определенность правового статуса Уполномоченного.

В этой связи, обращение к Уполномоченному необходимо признать одной из уголовно-процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, наряду с прокурором, руководителем следственного органа и судом.

Опираясь на общее понимание участников уголовного судопроизводства, закрепленное в п. 58 ст. 5 УПК РФ можно сделать вывод о том, что обеспечивая права и законные интересы потерпевших, Уполномоченный приобретает статус участника уголовного судопроизводства.

Полагаем возможным разработку и внесение комплексных изменений в ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и УПК РФ, направленных на совершенствование правового статуса и расширение компетенции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства.

Литература

1. Показатели преступности в России // Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2017, 2018 гг. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ <http://genproc.gov.ru/> http://crimestat.ru/offenses_map
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#
3. Щербакова Е.М. Преступность в России, 2017 // Демоскоп Weekly. 2018. № 769-770. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0769/barom01.php>
4. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2017, 2018 гг. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ <http://genproc.gov.ru/stat/data/13336134/>.
5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2107 гг. и за первое полугодие 2018 г. // официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
6. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2017>
7. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // http://ombudsmanrf.org/news/done/view/blagodarja_upolnomochennomu_vosstanovleno_pravo_zajavitelnicy_na_dostup_k_pravosudiju

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10027

© Е.В. Сопнева, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Елена Владимировна Сопнева,

кандидат юридических наук, доцент,

полковник полиции в отставке

(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)

E-mail: office@unity-dana.ru

E-mail: evsopneva@mail.ru

Аннотация. Формулируются рекомендации правоприменительно при реализации положений части 1.1. статьи 144 УПК РФ о перечне прав, подлежащих разъяснению лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Ключевые слова: лицо, проверка, критерии, права.

CRITERIA OF DEFINITION OF THE RIGHTS OF THE PERSON IN WHOSE RELATION THE CHECK OF THE REPORT OF CRIME IS PERFORMED

Elena V. Sopneva,

Candidate of Law, Associate Professor,

Retired Police Colonel

(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)

Abstract. The article is devoted to formulation of recommendations to executor of law at implementation of positions of a part 1.1. Articles 144 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure about the list of the rights which must be explained to the person in whose respect the check of the report of crime is performed.

Keywords: the person, check, criteria, the rights.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Сопнева Е.В. Критерии определения прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):122-4.

В 2013 г. законодатель изменил содержание проверки сообщения о преступлении. Согласно положениям ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ субъекты соответствующей деятельности обязаны разъяснить лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, их права, предусмотренные кодексом.

Оставляя в стороне права различных участников такого процесса как предмет самостоятельного изучения, обратим свое внимание на права лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Концентрация наших усилий на выявлении прав именно этого лица обусловлена рядом факторов. Принудительность вовлечения такого лица в сферу уголовного процесса обязывает уполномоченные органы включить механизм должного информирования о возникающих у него процессуальных возможностях. Отказ законодателя от закрепления перечня прав рассматриваемого лица создает ситуацию, в которой правоприменитель са-

мостоятельно его определяет, что, при отсутствии необходимой профессиональной компетенции, влечет разнообразную, и порой неправомерную практику. Анализ бланка объяснений показывает, что до сведения лиц, вовлекаемых в проверку сообщения о преступлении, доводится одинаковый комплекс прав, не отличающийся полнотой и индивидуализацией применительно к статусу отдельного участника и его функции. На данный момент и доктрина¹ [1; 2] уголовного процесса не выработала единого подхода к решению рассматриваемой задачи.

Усвоение правоприменителем критериев формирования прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, — гарантия получения должного представления о

¹ А.А. Давлетов пишет, что правомочия подозреваемого, содержащиеся в ст. 46 УПК РФ, в равной мере относятся и к заподозренному; М.В. Чиннова и А.В. Сучков указывают на абсурдную ситуацию, при которой заподозренному лицу разъясняются права и обязанности подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

правах и успешной реализации своей функции на самой ранней стадии уголовного процесса.

Первый критерий — это критерий действий, которые могут быть осуществлены с участием лица, при проведении проверки сообщения о преступлении. Реализация правоприменителем в отношении лица конкретного действия инициирует комплекс его прав, сообразно проводимому мероприятию. Обращение к перечню таких действий, который предусмотрен в статье 144 УПК РФ, позволяет выделить права лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Среди них: права давать объяснения, представлять образцы для сравнительного исследования, документы и предметы, участвовать в производстве действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении, если они затрагивают его интересы, не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, на применение мер безопасности, на пользование услугами адвоката. Использование лицом перечисленных прав, делает востребованными иные, взаимосвязанные с ними, возможности. Например, право на осуществление защиты лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя, всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами, право пользоваться помощью защитника бесплатно (статья 16 УПК РФ), или же права, связанные с назначением судебной экспертизы (статья 198 УПК РФ).

Второй критерий — это критерий статуса участника отношений. В контексте позиций, высказанных судами, необходимо обратить внимание, что лицо обладает правами, как в рамках процессуального, так и фактического статуса [3]. Уяснение комплекса прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, обладающего фактическим статусом, лежит в плоскости осознания свойственных ему существенных признаков, что позволит обнаружить в уголовно-процессуальном законе адекватные по сути, необходимые и достаточные по количеству права. Определенный ориентир, позволяющий успешно решить эту задачу, мы находим в актах органа конституционного контроля. Так, Конституционный Суд РФ, размывая грани-

цы между фактическим и процессуальным статусом лиц, помогает правоприменителю понять, чем обусловлены существенные признаки. В частности, Суд, устанавливает связь между подозреваемым и подозрением, фактическим положением лица и осуществляемого в отношении него публичного уголовного преследования в виде подозрения. Подозреваемый наделен правом на защиту от выдвинутого против него подозрения на любых стадиях уголовного процесса [4]. Факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться ...проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него [5].

Высказанные суждения позволяют нам связать формирование фактического статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, и процессуального статуса подозреваемого с выдвижением подозрения как предположения о причастности лица к преступлению. Такой вывод согласуется с положениями УПК РФ. Так, анализ части 2 статьи 148 УПК РФ позволяет сформулировать тезис о том, что проверка сообщения о преступлении начинается с выдвижения подозрения в совершении преступления в отношении конкретного лица или лиц, а заканчивается при неподтверждении подозрения путем вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В пунктах 5 и 6 части 3 статьи 49 УПК РФ законодатель использует фразу «...лица, подозреваемого в совершении преступления», создавая обобщенный образ. Сравнительный анализ пунктов 1, 2 части 4 статьи 46 и пунктов 1—3 части 1 статьи 46 УПК РФ приводит к выводу об очевидной связи подозрения и подозреваемого как основания и последствия, поскольку он вправе знать в чем он подозревается, и давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения [6, с. 93—94].

Оба лица, являясь разными участниками уголовно-процессуальных отношений, тем не менее, обладая едиными существенными признаками, представляют сторону защиты, нацелены на защиту от незаконного и необоснованного подозрения. Такое видение обуславливает общность их прав и возмож-

ность использования прав подозреваемого лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Тогда уместно распространить действие прав подозреваемого на его предтечи. К числу таких прав относятся: получение информации о подозрении, дача или отказ от дачи по этому поводу объяснений, дача объяснения на родном языке или языке, которым он владеет, пользование помощью переводчика бесплатно, ознакомление с протоколами (документами) следственных действий, произведенных с его участием, и дача на них замечаний, участие с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника, защита иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ, а значит, путем заявления ходатайств (ч. 1 ст. 119 УПК РФ) и отводов (ст. 61 УПК РФ).

Итак, в условиях отсутствия правового закрепления прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, но наличия обязанности правоприменителя их разъяснить, наделение субъекта проверки навыками функционального и системного понимания прав такого субъекта уголовного процесса, могло бы решить поставленную задачу.

Литература

1. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4.
2. Чиннова М.В., Сучков А.В. К вопросу о законности и обоснованности принятия процессуальных решений и проведения проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Российский судья. 2013. № 6.
3. Конституционный Суд РФ высказал суждение, что права... обусловлены... не только формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, но и присутствием определенных существенных признаков, характеризующих его фактическое положение, в том числе положение фактического подозреваемого или подозреваемого в широком, конституционно-правовом смысле (Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой С.В. на нарушение ее

конституционных прав п. 3 ч. 1 ст. 24 и ч. 4 ст. 148 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 05 июня 2014 г. № 1309-О). Факт установления существенных признаков лица инициирует возникновение у лица прав (Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тришкиной Т.П. на нарушение ее конституционных прав положениями п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 06 марта 2013 г. № 354-О). В тексте пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ содержится указание, что правом на защиту обладает лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ; ... а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 10.09.2018).

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рассказова Е.В. на нарушение его конституционных прав положениями части восьмой статьи 42 и статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 305-О // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 10.09.2018).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 10.09.2018).
6. Соннева Е.В. Подозрение — вид уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.

УДК 343.1
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10028

© А.В. Андреев, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

СООТНОШЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ И ЧАСТИЧНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Алексей Владимирович Андреев,

преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: Andreev68rus@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены: соотношение понятий «изменение обвинения» и «частичное прекращение уголовного преследования»; основания изменения обвинения и частичного прекращения уголовного преследования; порядок изменения обвинения при производстве дознания. Предложен вывод о соотношении указанных понятий.

Ключевые слова: изменение обвинения, частичное прекращение уголовного преследования.

RATIO OF CHANGE OF CHARGE AND PARTIAL TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION

Aleksey V. Andreev,

Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. Considered: the ratio of the concepts of «change of charge» and «partial termination of criminal prosecution»; the grounds for changing the prosecution and partial termination of criminal prosecution; the procedure for changing the prosecution during the investigation. The conclusion about the ratio of these concepts is done.

Keywords: change of charge, partial termination of criminal prosecution.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Андреев А.В. Соотношение изменения обвинения и частичного прекращения уголовного преследования. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):125-7.

Структурный анализ ст. 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее по тексту — УПК РФ) показывает, что ч. 1 регламентирует порядок изменения обвинения, а ч. 2 — частичного прекращения уголовного преследования. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, уголовно-процессуальные категории «изменение обвинения» и «частичное прекращение уголовного дела» включены в одну статью УПК РФ, но с другой, — в различных частях этой статьи рассмотрены различные процедуры изменения обвинения и прекращения уголовного преследования.

Многие ученые-процессуалисты обращают внимание на схожесть рассматриваемых понятий. Так, в комментариях к ст. 175 УПК РФ часто указывается, что частичное прекращение уголовного преследования (в некоторых случаях и уголовного дела) является одной из разновидностей изменения обвинения [2, с. 600; 3, с. 276].

Поддерживая данную точку зрения, Д.Е. Оборин [4, с. 134] и А.В. Федотченко [5, с. 122] кон-

кретизируют ее в своих работах. По мнению последних, изменение обвинения — это общее (родовое понятие) к любой корректировке обвинения; в случае расширения объема обвинения происходит дополнение обвинения, в случаях сужения объема обвинения — частичное прекращение уголовного преследования, а во всех остальных случаях — изменение квалификации.

Очевидно, что указанные авторы в «изменение обвинения» включают и прекращение уголовного преследования. Однако, при таком соотношении данных понятий возникает коллизия ч. 1 и 2 ст. 175 УПК РФ. Действительно, включая в название ст. 175 УПК РФ не только изменение обвинения, но и частичное прекращение уголовного преследования, закон не поясняет, какой именно частью этой статьи должен руководствоваться следователь: при частичном прекращении уголовного преследования выносить новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого (согласно ч. 1 ст. 175 УПК РФ); применять положения ч. 2 ст. 175 УПК РФ, прекращая

своим постановлением уголовное преследование, или соблюдать порядок, предусмотренный обеими частями ст. 175 УПК РФ.

Таким образом, возникает ряд вопросов: во-первых, каковы различия между понятиями «изменение обвинения» и «частичное прекращение уголовного дела», послужившие закреплению в разных частях одной статьи, и во-вторых, что более существенно для практического применения данных норм, в каких случаях должна применяться соответствующая часть ст. 175 УПК РФ?

Представляется, для решения указанных вопросов целесообразно более подробно изучить частичное прекращение уголовного преследования.

Так, в ч. 2 ст. 175 УПК РФ указано основание частичного прекращения уголовного преследования — «предъявленное обвинение не нашло подтверждения в какой-либо его части». Из этого положения вытекают два существенных требования, которые необходимо выполнить для обеспечения законности и обоснованности решения о частичном прекращении уголовного преследования:

- а) обвинение должны быть предъявлено;
- б) часть обвинения не подтверждена в ходе предварительного расследования.

Таким образом, если обвинение по уголовному делу не предъявлялось, но уголовное преследование в отношении лица осуществлялось (предварительное расследование велось в отношении подозреваемого), то применить ч. 2 ст. 175 УПК РФ о частичном прекращении уголовного преследования невозможно, а частичное (полное) прекращение уголовного преследования (уголовного дела) осуществляется в соответствии с главой 4 УПК РФ, предусматривающей основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

Фактически, для возможности применения ч. 2 ст. 175 УПК РФ предъявленное обвинение должно не найти подтверждения «в какой-либо части». Если буквально толковать данное положение, то любая фактическая или юридическая ошибка либо неточность в предъявленном обвинении должна вести к частичному прекращению уголовного преследования. Другими словами, если в ходе предварительного расследования следователь, например, устанавливает более точное (по сравнению с

ранее предъявленным обвинением) время или место совершения преступления, то возникает необходимость в применении частичного прекращения уголовного преследования. Но такое толкование частичного прекращения уголовного преследования, на наш взгляд, нецелесообразно, так как приведет к излишней бюрократизации уголовного судопроизводства и затягиванию сроков предварительного расследования.

Ряд ученых-процессуалистов, среди которых В.Н. Григорьев, Е.А. Прохорова [6, с. 408]; В.Ф. Статкус, И.А. Цоколов, А.А. Жидких [7, с. 69]; Н.П. Ефремова, В.В. Кальницкий [8, с. 89], понимают под «частью предъявленного обвинения, которое не нашло подтверждения» такую часть обвинения, производство по которой могло бы осуществляться самостоятельно. Другими словами, когда «отпадает» часть обвинения, образующая самостоятельное преступление или отдельный эпизод преступного деяния.

В целом соглашаясь с позицией упомянутых авторов, стоит отметить, что последние указывают на необходимость и достаточность вынесения постановления о частичном прекращении уголовного преследования. Иными словами, из ч. 2 ст. 175 УПК РФ следует, что повторное предъявление обвинения не является обязательным (это также целесообразно и исходя из необходимости сокращения сроков расследования и организационных затрат, например, связанных с участием защитника).

Однако, на наш взгляд, вопрос о «достаточности» постановления о частичном прекращении уголовного преследования является весьма спорным.

Во-первых, при частичном прекращении уголовного дела сокращается объем обвинения, что нужно рассматривать как изменение обвинения. Следовательно, должно применяться положение ч. 1 ст. 175 УПК РФ о вынесении нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении его обвиняемому.

Во-вторых, о частичном прекращении уголовного преследования уведомляются только обвиняемый, его защитник и прокурор, в то время как потерпевший остается в «неведении» о принятом следователем решении. В данной ситуации последний фактически лишен права обжаловать решение следователя о частичном прекращении уголовного преследования (п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), что сни-

жает правовую защищенность потерпевшего. При этом в случаях соблюдения порядка, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 175 УПК РФ, данная проблема не возникает.

В-третьих, при соблюдении порядка, предусмотренного только ч. 2 ст. 175 УПК РФ, без предъявления обвинения, регламентированного ч. 1 этой статьи, обвиняемый не получает копию решения следователя и фактически лишен возможности давать показания по предъявленному обвинению. Иными словами, нарушаются и права обвиняемого.

Наконец, важное значение имеет тот факт, что уголовное дело в суде рассматривается только по предъявленному обвинению. А в случае, если из предъявленного обвинения исключена часть обвинения (при частичном прекращении уголовного преследования), то объем обвинения, которое было предъявлено ранее, будет не совпадать с объемом обвинения, указанного в обвинительном заключении. Это может служить основанием для возвращения уголовного дела для дополнительного следствия.

Изучение уголовных дел показывает, что при необходимости частичного прекращения уголовного дела, следователь, в большинстве случаев, не только выносит об этом постановление, но и до окончания предварительного расследования предъявляет окончательное (исправленное) обвинение, которое совпадает с обвинением, изложенным в обвинительном заключении. Так, в 83% изученных уголовных дел следователи при частичном прекращении уголовного преследования соблюдали порядок, предусмотренный ч. 1 и 2 ст. 175 УПК РФ. В 18% случаев следователи выносили постановление о частичном прекращении уголовного дела, которое носило «отграничительный» характер, то есть прекращалось уголовное преследование, по которому не было предъявлено обвинение (например, обвинение было предъявлено в совершении грабежа, а следователи прекращали уголовное преследование в части совершения лицом кражи и (или) разбоя)¹.

Таким образом, частичное прекращение уголовного преследования следует рассматривать как частный случай изменения обвинения, однако, име-

ющим «усложненную» процедуру; оно применяется в случаях, когда из объема обвинения исключается такая часть обвинения, производство по которой может осуществляться самостоятельно; при частичном прекращении уголовного преследования следователю целесообразно до окончания предварительного расследования перепредъявить обвинение в новой (исправленной) редакции с учетом исключенной части обвинения, по которой прекращено уголовное преследование.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в последующих редакциях) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации Верховного суда Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев [Электронный ресурс] // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2015.
3. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (9-е изд., перераб.) / [Электронный ресурс] // Подготовлен для системы КонсультантПлюс на 16 сентября 2014 года.
4. Оборин Д.Е. Привлечение в качестве обвиняемого в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
5. Федотченко А.В. Привлечение лица в качестве обвиняемого: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
6. Григорьев В.Н., Прохорова Е.А. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Е.Н. Клециной. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014.
7. Статкус В.Ф., Цоколов И.А., Жидких А.А. Предъявление обвинения и составление обвинительного заключения: Практ. пособие / Под ред. д.ю.н. И.А. Попова. М.: Издательский дом «Книжная находка», 2002.
8. Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2007.

¹ Изучение 82 уголовных дел, по которым принималось решение о частичном прекращении уголовного преследования, осуществлялось автором в 2014—2016 гг. в г. Москве, Московской, Смоленской, Рязанской и Тамбовских областях.

УДК 343.1

ББК 67

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10029

© А.Г. Соломатина, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Анна Георгиевна Соломатина,

доцент кафедры уголовного процесса,

кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: A.Smorodina@mail.ru

Аннотация. Защита прав потерпевшего от преступления — главная задача любого правового государства. В рамках настоящей статьи, на основании материалов уголовного дела, предпринята попытка проанализировать существующие нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие особенности возмещения вреда, причиненного запрещенным уголовным законом деянием невменяемого лица. Внесены предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: потерпевший, обвиняемый, жертва, уголовное судопроизводство, невменяемый, недееспособный, возмещение вреда, ущерб, гражданский иск, гражданский истец, гражданский ответчик, применение принудительных мер медицинского характера, право, ответственность должностных лиц, компенсация вреда, государство.

ACTUAL PROBLEMS OF SECURING A CIVIL CLAIM IN THE PROCEEDINGS ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES

Anna G. Solomatina,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure,

Candidate of Law, Associate Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The protection of the rights of the victim from a crime is the main task of any legal state. In the framework of this article, on the basis of the materials of the criminal case, an attempt has been made to analyze the existing norms of criminal procedure legislation that regulate the peculiarities of compensation for harm caused by the act of an insane person prohibited by criminal law. Made proposals to improve the current legislation.

Keywords: the victim, the accused, victim, criminal proceedings, insane, incapable, compensation for harm, damage, civil suit, civil plaintiff, civil defendant, the use of compulsory medical measures, law, liability of officials, compensation for harm, the state.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Соломатина А.Г. Актуальные проблемы обеспечения гражданского иска при производстве о применении принудительных мер медицинского характера. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):128-32.

Проблема обеспечения гражданского иска в уголовном судопроизводстве не перестает быть актуальной.

В уголовном процессе, в отличие от гражданского, иск, согласно ст. 44 УПК РФ, заявляется не к конкретным лицам, а по факту совершенного преступления, если этим деянием непосредственно причинен вред потерпевшему. Причем, для заявления искового требования и признания гражданским истцом достаточно лишь оснований полагать, что данный вред причинен преступлением.

Закон допускает предъявление иска сразу после возбуждения уголовного дела, т.е. в тот момент, когда подозреваемые могут быть не установлены. В

этом суть гражданского иска в уголовном процессе, отличающая его от цивилистики, в котором обязательно в исковом заявлении должны быть сведения о гражданском ответчике.

Иск может быть предъявлен по преступлению, совершенному в соучастии; факт установления подозреваемых, всех или одного, не влияет на «качество» гражданского иска, количество исковых заявлений. Он заявлен по факту совершенного преступления. Каждый вновь установленный соучастник становится обвиняемым — гражданским ответчиком по уголовному делу. О признании обвиняемого гражданским ответчиком нет необходимости выносить отдельного постановления. В постановлении о

привлечении в качестве обвиняемого установлено, что он своими действиями причинил потерпевшему вред, т.е. за него ответственен.

Отдельное постановление должно выноситься лишь в случае, когда материальную ответственность за причинителя вреда несет другое лицо. Т.е. в любом случае в материалах уголовного дела до окончания предварительного расследования, направления его прокурору, в суд, безусловно, должны быть определены материально-ответственные лица, отвечающие за вред причиненный преступлением.

Не может быть иначе, т.к. в ст. 52 Конституции РФ закреплено: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Бесспорна ли эта гарантия? Обеспечиваются ли аналогичным образом права потерпевшего, в случае совершения запрещенного законом деяния невменяемым лицом?

В настоящее время правовой механизм, позволяющий реально обеспечить осуществление права потерпевшего на компенсацию вреда, причиненного преступлением, в случае, когда виновное лицо признано невменяемым, несовершенно.

Установление предмета иска, объема требований, а также лиц, причинивших вред своими уголовно наказуемыми деяниями, укладывается в рамки публично-правовых обязанностей, осуществляемых участниками уголовного судопроизводства, ответственными за расследование уголовного дела. Эти обязанности соответствуют требованиям п. 1 ч. 1 ст. 6 и п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК и согласуются с положениями ст. 52 Конституции РФ.

С одной стороны — инициатива заявления гражданского иска должна исходить от самого потерпевшего. Но в силу общего правового нигилизма потерпевшие зачастую не знают своих прав. Предусмотренная в законе обязанность разъяснения участникам уголовного судопроизводства их прав ограничивается их декларированием, что не отражает сути и цели разъяснения. Механизмы их реализации остаются не ясными.

Представляется, что если потерпевший решил заявить о преступлении с просьбой, обращенной к государственным органам вернуть ему причиненный вред, то по логике вещей следует, что он этот

вред желает вернуть и с момента сообщения о преступлении он надеется на восстановление нарушенных прав [3, с. 46]. Наверное, редко встретишь потерпевшего, желающего лишь достойной кары преступнику, возмездия без претензии на возмещение ущерба. Каждая жертва преступления, желает восстановить свои права — вернуть похищенное, возместить деньги, потраченные на лечение и т.д. С другой стороны, даже, если потерпевший занимает иную позицию, не заявляет гражданский иск, государство в лице правоохранительных и судебных органов в силу принципа публичности, обязано принять меры к своевременному возмещению вреда, причиненного преступлением. В связи с этим следует согласиться с авторами, что предъявление гражданского иска следует рассматривать как право потерпевшего, корреспондирующее с обязанностью органов уголовного преследования и суда, закрепленной в ст. 11 УПК РФ, по разъяснению такого права и обеспечению реальной возможности его осуществления [4, с. 1].

Считаем, что возникновение права на возмещение вреда, причиненного преступлением должно происходить автоматически одновременно с признанием потерпевшим по уголовному делу. Акцент на этом требовании делается исходя из существующей судебной практики, где зачастую суды не признают потерпевших гражданскими истцами, если отсутствует в материалах уголовного дела заявленный гражданский иск.

В том случае, если из-за альтруистических побуждений потерпевший откажется принять компенсацию вреда, ее можно обратить в доход государства, например, на возмещение вреда другому потерпевшему. Безусловно, это правило должно касаться уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения.

Как уже говорилось выше, именно правоохранительные органы в силу публично-правовой обязанности должны осуществить доказывание гражданского иска и принять все предусмотренные законом меры к возмещению причиненного преступлением вреда: установить гражданских ответчиков, разыскать имущество, подлежащее взысканию, наложить арест на имущество и др.

На практике дело обстоит иначе. Следователи иногда «забывают» признать потерпевшего гражд-

данским истцом, принять своевременные меры к возмещению вреда, причиненного преступлением. Изучив материалы уголовного дела № 01-0352/2018 Дорогомиловского районного суда г. Москвы, выяснилось, что среди них отсутствует гражданский иск, потерпевший не признан гражданским истцом, а лицо, совершившее запрещенное законом деяние — гражданским ответчиком. Уголовное дело было возбуждено по ст. 159 ч. 4 УК РФ. Вред, причиненный преступлением, составил примерно 5 млн рублей. Никакие меры по обеспечению гражданского иска органами расследования приняты не были. За три года производства предварительного следствия имущество лицом, совершившим преступление, было реализовано третьим лицам. На стадии предварительного расследования не были предприняты меры к розыску имущества, наложения на него ареста. Изначально права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, были нарушены.

Прокурор получив, материалы уголовного дела, не усмотрел грубого нарушения прав потерпевшего в части возмещения вреда, причиненного преступлением, предусмотренного ст. 52 Конституции РФ и направил его в суд [2, с. 88]. Хотя согласно ст. 221 УПК РФ обязан был отправить уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия.

Здесь следует задаться вопросом, кто ответственен за халатность в расследовании преступления и доказывании гражданского иска? Кто должен отвечать за вред, причиненный незаконными действиями (бездействиями) органами предварительного расследования, препятствующими к возмещению вреда, причиненного преступлением?

Считаем, что следует предусмотреть ответственность должностного лица за такое попустительство, как об этом ни раз высказывались в литературе [1, с. 245]. Причем ответственность должна носить не дисциплинарный характер, а именно требование возместить сумму заявленного гражданского иска. Думается, что в таком случае, органы расследования, прокурор и суд, обязанные восстановить нарушенные преступлением права потерпевшего, в первую очередь направят свои процессуальные возможности на качественное расследование преступления и обеспечение компенсации имущественно-

го вреда, им причиненного, а не на подтверждение своей занятости — написание отчета о проделанной работе.

Конечно, согласно ч. 2 ст. 44 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен до окончания судебного следствия при разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции. Но есть некоторая категория особых производств, например, о применении принудительных мер медицинского характера, в ходе которого, согласно постановлению Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 года [6] вопросы заявленного гражданского иска не рассматриваются.

В уголовном деле № 01-0352/2018 лицо, совершившее запрещенное законом деяние, как раз было признано невменяемым, и в отношении него материалы уголовного дела были направлены в суд для применения принудительных мер медицинского характера. Здесь следует отметить, что УПК РФ не обязывает суд указывать в постановлении по данной категории дел о том, какие действия может потерпевший предпринять для возмещения причиненного ему вреда или разьяснить это потерпевшему устно.

Судья отказал в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество, лица совершившего преступление, мотивируя свое решение отсутствием заявленного иска в материалах уголовного дела и соответствующих статусов гражданского истца, гражданского ответчика у участников уголовного процесса. Не принял к рассмотрению вновь заявленный гражданский иск, сославшись на постановление Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 года, указав возможность восстановления нарушенных прав потерпевшего только в рамках гражданского судопроизводства. Замкнутый круг.

Детальный анализ положений Пленума Верховного Суда, позволил сделать вывод, что за пределами производства о применении принудительных мер медицинского характера остаются только вопросы рассмотрения уже заявленного гражданского иска по уголовному делу. Норм УПК РФ и других предписаний Пленума Верховного Суда, препятствующих заявлению гражданского иска в порядке главы 51 УПК РФ нет. Получается, что суд обязан был разьяснить это право потерпевшему, принять заявленный иск, наложить на имущество невменяе-

мого арест до разрешения этой ситуации в гражданском судопроизводстве.

В рассматриваемом случае были нарушены все возможные права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного запрещенным законом деянием, предусмотренные ст. 6, 42 УПК РФ, ст. 52 Конституции РФ, как органами, осуществляющими предварительное расследование, так и судом.

Общепризнанно, что суд автоматически освобождает себя от обязанности доказывания вопросов гражданского иска, причиненного деянием невменяемого. Главным аргументом является то, что запрещенное законом деяние не преступление, а гражданский иск рассматривается только при причинении вреда преступлением. Не понятна логика законодателя в данном случае. Потерпевший, однако, и при рассмотрении таких дел именуется потерпевшим. Хотя, согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ, потерпевший — это физическое лицо, которому именно преступлением причинен вред. Может, следуя логике, не считать потерпевшим лицо, которому преступным деянием невменяемого причинен вред? Абсурдность такого вывода очевидна. Лишение потерпевшего права на возмещение причиненного ему вреда нарушает как конституционные гарантии, так и процессуальные — согласно ч. 3 и 4 ст. 42 УПК РФ потерпевший имеет право на возмещение имущественного и морального вреда.

Складывающиеся нарушения закона на практике — непризнание невменяемого лица гражданским ответчиком по уголовному делу, связанные с устоявшимся мнением, что оно не является обвиняемым по уголовному делу и не подлежит уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности не освобождает от обязанности возместить вред, ибо вред подлежит возмещению лицом, его причинившим (ст. 1064 ГК РФ).

Согласно ст. 1078 ГК РФ обязанность возместить вред, причиненный гражданином, не способным понимать значения своих действий может быть возложена судом на проживающих совместно с этим лицом его трудоспособных супруга, родителей, совершеннолетних детей, которые знали о психическом расстройстве причинителя вреда, но не ставили вопрос о признании его недееспособным. В таком случае органы уголовного преследования, суд обязаны признать материально-ответствен-

ное лицо гражданским ответчиком по уголовному делу.

Это утверждение соответствует Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью [7], предусматривающего право жертв преступлений на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством. Указанная норма не исключает из числа жертв и тех, кто пострадал от действий невменяемых лиц, нарушивших уголовный закон.

Сложившаяся судебная практика в части отказа в рассмотрении гражданских исков по указанной категории дел влечет за собой нарушение прав потерпевших, ставит их в неравное положение с теми, кому вред причинен деяниями психически здоровых лиц. Считаем, что нет препятствий к рассмотрению и разрешению вопросов гражданского иска при производстве о принудительных мерах медицинского характера.

Также в целях обеспечения прав потерпевших, поддерживаем существующее в научной литературе предложение о создании единого государственного фонда, из которого потерпевшим будет компенсироваться ущерб, причиненный преступлением [1, с. 245; 5, с. 59]. И формировать данный фонд целесообразно за счет штрафов осужденных, госпошлин, заработной платы заключенных. Такой опыт давно существует во многих зарубежных государствах о чем свидетельствуют многочисленные нормативные правовые акты [8—10; 11, с. 114—116].

При существовании такой гарантии — как возмещение вреда за счет средств федерального бюджета правоохранительные органы будут нацелены на качественное расследование преступления, установление имущества должника, материально ответственных лиц, принятие всех возможных мер к возмещению ущерба.

Литература

1. *Дзидзария Б.Ю.* Компенсация вреда, причиненного потерпевшим (жертвам) от злоупотреблений со стороны должностных лиц в сфере правосудия // Пробелы в российском законодательстве. 2009.
2. *Карабанова Е.Н., Парфенова М.В.* Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного

преступлением // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2.

3. Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. М.: 1983.

4. Сушина Т.Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. 2016. № 3.

5. Тарнавский О.А. Роль государства и его органов по защите имущественных прав граждан в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3.

6. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 7 апреля 2011 года № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // РГ. 2011. 04. № 5460 (84).

7. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) URL: // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=195#0611292039003374>.

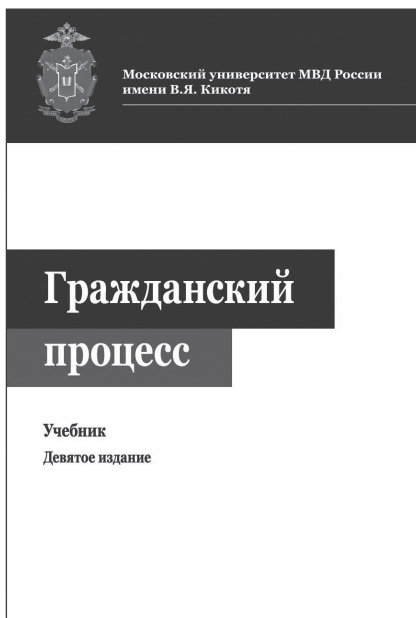
8. Европейская Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений ETS № 116 (Страсбург, 24 ноября 1983 г.). Вступила в силу 1 декабря 1988 года.

9. Закон от 3 января 1977 г. № 77-5 «О возмещении ущерба за телесный вред, причиненный потерпевшему преступлением». Loi No 77-05 du 3 janvier 1977 Garantissant l'indemnisation de certaines victims de dommages corporels resultant d'une infraction. URL :// <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 24.11.2018).

10. Закон о компенсациях жертвам насилия 1976 г. (с изм. от 20 июня 2011 г.). Gesetz über die Entschädigung für Opfer von Gewalttaten. 1976. URL:// <http://www.gesetze-im-internet.de/oeg/BJNR011810976.html> (дата обращения: 24.11.2018).

11. Рекомендация N R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (Принята 28.06.1985) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998.

III ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития»

Гражданский процесс. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 2019 г. 687 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Учены последние изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ, по состоянию на 1 апреля 2018 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

УДК 342
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10030

© Р.М. Ахмедов, 2019

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ «БОЖЕСТВЕННОЙ» МОНАРХИИ В ИСТОРИИ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ОПЫТ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Руслан Маратович Ахмедов,

начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса,
кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: ahmedov@list.ru

Аннотация. Зарождение, становление и развитие древних монархий происходило в непосредственном соприкосновении с религиозным культом, который, в свою очередь, придавал ей «божественную» сущность, сакрализуя, в свою очередь, статус главы формирующегося государственного образования. Соответственно, «божественность» земного владыки являлась неотъемлемым атрибутом древних монархий, ставших прородителями более поздних государств, воплотив в них сформировавшиеся и выработанные культовой практикой обычаи и традиции сакрализации личности правителя.

Ключевые слова: религия, монарх, бог, божественная природа царя.

THE ACTUAL INCARNATION OF THE «DIVINE» MONARCHY IN THE HISTORY OF WORLD CIVILIZATIONS: THE EXPERIENCE OF ANCIENT EGYPT

Ruslan M. Akhmedov,

Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure,

Candidate of Law, Associate Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The origin, formation and development of ancient monarchies resulted in direct contact with the religious cult, which in turn gave it a «divine» essence, sacralizing in turn the status of the head of the emerging state education. Accordingly, the «divinity» of the earthly ruler was an integral attribute of the ancient monarchies, which became the progenitors of later States, embodying in them the customs and traditions of sacralizing the personality of the ruler, formed and developed by cult practice.

Keywords: religion, monarch, God, the divine nature of the king.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Ахмедов Р.М. Фактическое воплощение «божественной» монархии в истории мировых цивилизаций: опыт Древнего Египта. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):133-7.

Наиболее полно идея божественной монархии оформилась (культовая, обрядовая сторона) в древневосточных обществах, «номовых»¹ [11, с. 89] государствах [7, с. 36]. Так, в Персии, где в доэпоху островских времен царь являлся обладателем неземной славы, данной ему Богом Света, выступавшего с неограниченной властью наследственного, обожествляемого монарха, выступающего единоличным законодателем и высшим судьей. Об этом свидетельствуют старовавилонские традиции, нашедшие свое продолжение в Древнем Египте, где в 1600 г. до н.э. культ бога Амона-Ра был объявлен

¹ Номы представляли собой ранние политические организации оседлого населения наиболее древних культур Востока. Как утверждает Н.И. Кареев, это древние государственные территории небольших племенных групп, пользовавшихся когда-то полной политической самостоятельностью. В отдельных номах были свои городские центры со святилищами местных богов, а во главе их стояли подчиненные общему царю правители, должность которых обыкновенно была наследственной.

общегосударственным, а его жрецы — опорой фараона² [3, с. 21]. Считалось, что фараон («великий

² Культовые церемонии в Египте осуществлялись жречеством, которое представляло собой отдельное сословие, приобретшее огромное влияние в обществе. Должность жреца была наследственной, передавалась сыновьям, воспитывавшимся в специальных жреческих школах. Жрецы совершали богослужения, отправляли правосудие (верховный суд состоял из тридцати жрецов), устраивали празднества в честь богов, заведовали доходами храма и блюли его интересы. Каждое святилище местного бога той или иной области имело своего верховного жреца, при котором состояли прорицатели, писцы, астрологи, низшие служители и певческий хор. Этим верховным жрецом считался ее правитель, а фараон был верховным жрецом всех богов страны и главой всего жречества, являя собой воплощенное божество, которому и при жизни, и после смерти поклонялись как богу. В случае, если помимо фараона назначался верховный жрец, между ними шла острая борьба за власть, поскольку жрец считал себя единственным обладателем мистической силы, которая давала ему право не только на духовную, но и на светскую власть. Цель жречества заключалась в приобретении и накоплении высших знаний о законах природы и бытия, позволявших им достичь того, что находится за пределами возможностей видимого мира, и сравняться с богами.

бог», «господин вечности») [11, с. 120] рождается от брака Амона-Ра и царицы матери, к которой этот бог является в образе мужа. Следовательно, согласно египетским религиозным воззрениям, Амон-Ра и фараон — по существу два лица единого владыки мира, имеющего земную и сакральную ипостаси [8, с. 55—56]. Полагают, что великий сфинкс в Гизе есть символическое изображение сына солнца — божественного царя. Атрибутом власти у бога и фараона был один и тот же предмет — сехем (жезл) [10, с. 115].

Мировой порядок в эпоху Древнего Египетского царства характеризуется идеей святости фараонов (егип. фараон — дворец) [5, с. 59], их божественного происхождения [11, с. 120]. По мнению древних египтян, Бог-царь, это сила, приводящая в движение упорядоченную игру жизненных сил; это необходимый исходный пункт светской и божественной сферы. Он «одарен жизнью» и поэтому может «одаривать жизнью», «удерживать сердца в жизни». Он — «владыка Маата» и «осуществляющий Маат», то есть является носителем и исполнителем «справедливости» или «истины», выраженных в виде религиозно-моральных норм.

Считалось, что царь (фараон) — вполне Бог и одновременно вполне человек³ [17, с. 160]. В зачатии любого будущего царя действовала божественная природа царя-отца. Это построение отражало принципиальную идею — политическое повиновение фараону базировалось на вере в его богочеловеческую сущность как посредника между миром богов и Египтом. По замечанию Дж. Уилсона, «для хорошего египетского правителя самым точным стало выражение «пастырь своего народа» [18, с. 87].

Формально-юридическое восхваление божественной справедливости как основы земных социально-политических порядков, законов и правил человеческих взаимоотношений нашло свое закрепление и содержится в целом ряде древнеегипетских источников, в частности в «Поучении Птахотепа» (XXVIII в до н.э.), «Книге мертвых» (ок. XXV — XXIV в. до н.э.), «Поучении герклеопольского

³ В этом случае божество принимало облик бородастого мужа, увенчанного солнечным диском, как короной. После образования государства Солнце в виде сокола-Гора стало неизменным покровителем фараонов, которые и стали называться Горами (Хорами). Так солнечный культ слился с царским, а соколы, объекты почитания во многих местностях, слились с местными куклами солнечных божеств.

царя своему сыну» (ок. XXII в. до н.э.) и другие [9, с. 17].

В физическом облике, фараон — представлял собой человека, стоящего на вершине социальной пирамиды, обладающего ключом от счастья своих подданных [14, с. 33]. В качестве такового фараон совершал наиболее важные публичные религиозные ритуалы, включая торжественный обряд перво-вспахки: проводя первую борозду, он как бы оплодотворял нильскую долину от имени стоявших за ним богов [15, с. 21]. Всякий социальный протест против царя рассматривался как преступление против религии, его божественности, выраженного в виде святотатства [7, с. 54]. Поэтому народный бунт против фараона автоматически был бунтом против Бога.

В этой связи, к наиболее тяжким преступлениям против фараона и государства относились религиозно-культурные преступления к каковым относились: измена; заговор против монарха; мятеж; разглашение государственной тайны; «переход Реки» (посещение соседнего нома без разрешения); посягательство на храмовую собственность; кража погребального имущества и ограбление гробниц. В качестве наказания за религиозные преступления применялись различные суровые меры: смерть; отрезание носа, уха; передача в рабство; лишение права на совершение погребального церемония.

Божественность живого царя выражалась различными способами. Как божество фараон обладал двумя телами — человеческим, доступным взору окружающих, и божеским, солнечным, золотым, невидимым для людей. Единство этих двух тел объявлялось залогом единства страны, всего Египта, обеих его частей [5, с. 59]. Однако, для того чтобы получить божественность фараона недостаточно было просто родить нового фараона-бога. В единственного среди родившихся детей вместе с именем отца-бога должен был войти бог, божественное царственное начало. В противном случае все другие дети фараона были бы ипостасью бога-творца, а при множестве жен и наложниц у фараонов их было бы чересчур много. Поэтому царственное богосыновство как уникальное качество правящего монарха не могло быть передано непосредственно по наследству. Оно могло «войти» в любую женщину, которая, даже никогда не видя царя, была способна

произвести нового бога-фараона. Эти представления и служили признанию нового ненаследственного фараона, легитимации власти новой правящей династии, которые, как свидетельствует длительная история Древнего Египта, могли основываться и одним из многочисленных номархов или главных жрецов храмов [7, с. 55].

Характерными «божественными» особенностями у фараона были, согласно религии Древнего Египта корона царя — это знак сакрального господства, которая всегда была наделена сакральной силой. Фараон всегда имел множество имен (титулов), которые обозначали его связи с богами. Сфера власти фараона была табу для обычных людей, так как владыку Древнего царства окружала опасная для обычных людей сфера магической силы. Обыкновенный человек даже не мог к ней приближаться. Юридически данное правило было закреплено в законах Ману: «Даже если царь — ребенок, он не должен быть презираем думающими, что он только человек, так как он — великое божество с телом человека»⁴ [19, с. 10].

Таким образом, фараон, являясь государем был не только первосвященником, он считался живым богом, от которого зависели: урожай⁵ [11, с. 121], справедливость в государстве и его безопасность; он был главным законодателем и судьей; назначал всех высших чиновников. Поэтому приказы фараона неукоснительно соблюдались. Всякий социальный протест против царя — это преступление против религии [6, с. 32].

В Древнем Египте, согласно утверждениям Ф. Кюмона, существовала традиция, по которой каждая новая династия властителей вводила новое божество или отдавала какое-то предпочтение покровителю того нома, из которого сама происходила. Эта сложившаяся традиция позволяла всегда менять небесное правительство одновременно с земным» [13, с. 109], которая оставила о себе память в виде статуи, скульптур богам. Эту версию поддерживает и Геродот, согласно которому: «египтяне были первыми кто

стал воздвигать богам алтари, статуи и храмы и высекать изображения на камне», которое в последующем было воспринято эллинами [4, с. 121].

Характерным выражением также данного действия являлось оказание божественного почета монархам Египта в виде установившегося культа умерших фараонов, который и сегодня представляет собой впечатляющую картину сакрального господства. Выражена она в виде монументальных форм гробниц фараонов — пирамид, возникших из могильного холма с правильными углами и обычно наклонными стенами, называемыми мастаба (араб. «скамейка»), которая ведет фараона на небо [15, с. 22]. Необходимость молитв Божеству за умершего фараона и поклонение фараона самому себе свидетельствуют о разделении фараоном внутри себя самого человеческой и божественной личностей, ибо к «Богу в себе» фараон обращается как к другому [1, с. 86].

Однако, не следует думать, что религиозная жизнь в одной из старейших цивилизаций мира протекала спокойно и безмятежно, время от времени здесь происходили религиозные перевороты государственного уровня из-за усиления могущества жреческой касты. В Древнем Египте жреческая каста представляла собой ученое сословие, которое занималось тем, что, по выражению Н.И. Кареева: «имела своей целью подчинить местные культы общегосударственному, центральному культу, во главе которого стоял фараон» [11, с. 126].

Один из таких переворотов связан с деятельностью фараона-реформатора Аменхотепа IV (1375—1358 гг. в до н.э.), принявшего имя Эхнатона, что означает «Угодный Солнцу» [15, с. 22—23]. Он отверг веру своих предков: на двенадцатом году своего царствования окончательно порвал с традиционным египетским многобожием и учредил культ солнечного диска — Атона⁶ [12, с. 128]. По приказу Аменхотепа IV в древнеегипетских надписях делаются попытки уничтожить не только имена богов, но и само понятие «бог». Слово это стремятся заменить словом «властитель», а знак бога — знаком, обозначавшим фараона. Само солнце на завершающем этапе реформы мыслится не как бог, а как царь. Запрещаются все звероподобные и человекоподобные

⁴ Главе VII п. 8 Законы Ману.

⁵ В теории, фараон был единственным собственником всей почвы. Большую часть всей обрабатывавшейся земли составляли «поля фараона» и те «божественные имения», т.е. храмовые земли, на доходы с которых должен был поддерживаться культ и которые пользовались иммунитетом, т.е. не подлежали ведению царских чиновников. Эти земли отдавались храмам на вечные времена.

⁶ Подробности этой борьбы между монархией и жречеством нам почти неизвестны. Она тянулась очень долго, но спустя сто лет после Аменхотепа IV, жречество одержало полную победу и снова восстановило старый культ богов.

идолы, закрываются храмы богов [5, с. 62]. Столица Египта переносится из Фив в город, возникающий на пустом месте по замыслу царя-реформатора, — Ахетатон, «Небосклон Солнца». Отныне в мире правят только два царя: Солнце — Атон и его сын Эхнатон, то есть угодный Атону. Подробности этой борьбы между монархией и жречеством нам почти неизвестны. Она тянулась очень долго, но спустя сто лет после Аменхотепа IV, жречество одержало полную победу и снова восстановило старый культ богов [14, с. 43].

Сложившиеся религиозные традиции Древнего Египта на государственном уровне не затерялись и не затерлись в истории развития древних цивилизаций. В последующем они оказали свое влияние на античный греко-римский мир, ее культуру, «вжившись» в религиозную среду этого мира, и, приобретя особый национальный колорит. Благодаря еврейско-египетским контактам многие идеи древнеегипетской религии органически вошли в Библию, а именно: представление о боге, творящем мир посредством слова; воззрения на загробную жизнь, в частности о взвешивании души, и так далее. Так, во время похода Александра Македонского в Египет в 332 г. до н.э. местные жрецы объявили нового владыку сыном и воплощением Амона-Ра. По сообщениям Плутарха, сам Александр поначалу отнесся к своему обожевлению весьма скептически, однако затем нашел его полезным для укрепления власти в завоеванной стране. С этого времени македонского повелителя стали изображать на монетах с головой, увенчанной бараньими рогами, ибо символом Амона-Ра считался небесный баран и сам бог часто предстал на изображениях с бараньей головой. Отсюда, кстати, происходит расхожее наименование Александра Македонского в странах Востока уже в средневековую эпоху — Искандер Двурогий [20, с. 236—303].

Позднее правители эллинистического Египта из династии Птоломеев провозгласили себя наследниками фараонов, которым следует воздавать божественные почести при жизни и после смерти⁷

⁷ Религия была в их руках применяемым сознательно и систематически орудием управления, средством подчинения масс в финансовом и полицейском смысле; публичные празднества служили, с одной стороны, возвеличиванию особы государя, а с другой — давали повод к раздаче народу всякого рода щедрот, облажению толпы. Политический расчет проявился и в присвоении Птоломеем I титула Сотера (Спасителя).

[2, с. 207]. Поэтому именно в эллинистических государствах, где монархия стала почитаться «божественной» по персидскому образцу, развилась философия царственности. Так, в V веке Иоанн Стобей составил антологию работ о царственности, которые восходили к III — II вв. до н.э.: в «Архите» царь провозглашался одушевленным законом; «Стенид» объявлял мудрого царя подражателем и представителем бога; в «Диотогене» утверждалось, что бог есть то же во вселенной, что царь — в государстве, причем государство воспроизводит порядок и гармонию вселенной и соответственно царь становится богом среди людей; в «Экфанте» божественный логос, устанавливающий порядок и восстанавливающий в человеке то, что похищено грехом, воплощался в царя [16, с. 152].

Таким образом, идея воплощения «божественной» монархий, фактически реализовавшаяся в государственном устройстве Древнего Египта, получило свое последующее благословение на практические формы выражения в древневосточных государствах. При этом переродившись в более яркие и красочные тона, ставших примером для подражания более поздних цивилизаций, сведения о которых дошли до нашего времени.

Литература

1. *Андреева Л.А.* Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ. // *Общественные науки и современность*, 2001. № 4.
2. *Виннер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи (окончание). Рим и раннее христианство. Избранное сочинение в II томах. Том 2. Ростов н/Д: Феникс, 1995.
3. *Всеобщая история государства и права: Учебник / Под редакцией профессора К.И. Батыра.* М., 1998.
4. Геродот *История.* Казань, 2017.
5. *Ильин В.В., Кармин А.С., Носович Н.В.* Религиоведение. СПб., 2008.
6. *История государства и права зарубежных стран. Ч. 1 / Под редакцией Н.А. Крашенинниковой, О.А. Жидковой.* М., 1988.
7. *История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: в 2-х т. 3-е изд.,*

перераб. и доп. Том 1: Древний мир и Средние века / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Крашениникова и д.ю.н., проф. О.А. Жидков. М.: Норма, 2007.

8. История искусства зарубежных стран (первобытное общество, древний Восток, античность). М., 1981.

9. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора В.С. Нерсесянца. М., 1999.

10. История религии. В 2-х т. Т. 1. Учебник / В.В. Винокуров, А.П. Забияко, З.Г. Лапина и другие // Под общей редакцией И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 2004.

11. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира: очерк политической, экономической и культурной эволюции Древнего мира под господством универсальных монархий / Н.И. Кареев, предисл., примеч. А.В. Сазонова; Гос. публ. Ист. Б-ка России. М., 2015.

12. Каутский К. Происхождение христианства: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1990.

13. Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве. Пер. с франц. Саниной А.П. СПб.: Евразия, 2017.

14. Мень А. История религии. В 2 книгах. Книга 1 — я: В поисках Пусты, Истины и Жизни: Учебное пособие. М., 2001.

15. Поликарпов В.С. История религий. Лекции и хрестоматия. М., 1997.

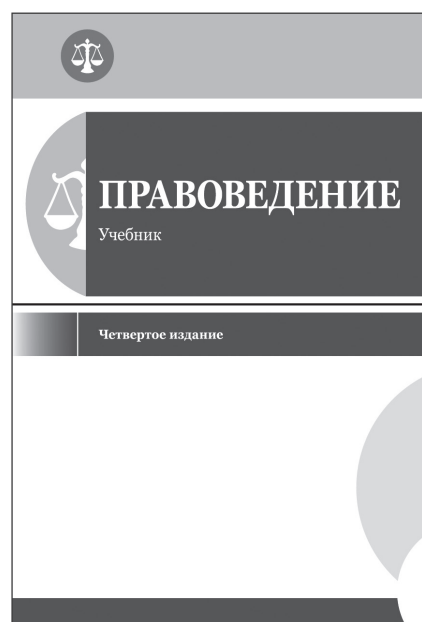
16. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М.: Восточная литература, 1998.

17. Религиоведение: Учебное пособие. 5-е изд., стер. / Научный редактор д.ф.н., проф. А.В. Солда-тов. СПб.: Лань, 2004.

18. Франкфорт А., Франкфорт Г., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии. М.: Наука, 1984.

19. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права: Учебное пособие / Сост. В.Н. Садиков; Под ред. профессора З.М. Черниловского. М., 1996.

20. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Плутарх; [пер. с древнегреч. С.Ю. Дестуниса]. М., 2017.

Правоведение. 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. С.С. Маиляна. 2019 г. 423 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены важнейшие аспекты существования государства и права.

Рассмотрены основы наиболее значимых отраслей российского права — конституционного, гражданского, наследственного, семейного, трудового, административного, налогового, земельного, уголовного, международного, конституционного процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального, уголовного процессуального, таможенного и экологического.

Для обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях неюридического профиля.

УДК 342
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10031

© В.Н. Фадеев, Л.В. Тэсс, 2019

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ОНТОЛОГИЯ И АНТОЛОГИЯ КРИМИНОЛОГИИ БУДУЩЕГО (ЧАСТЬ 1 — XVIII–XIX ВВ.)

Виктор Николаевич Фадеев,

профессор кафедры криминологии, доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: fadei87@mail.ru;

Леонид Владимирович Тэсс,

(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Чтобы понять и эффективно анализировать преступность сегодняшнего дня, разработать меры по ее предупреждению в будущем — неизбежно необходимо заглядывать в ее прошлое, исследовать пути и формы ее исторического развития; где истоки организованной преступности посткоммунистического общества; каким образом развивались и укреплялись организованные криминальные группы; что общее и в чем различие между организованной и профессиональной преступностью; что такое профессионально-организованная преступность? Вот те вопросы, которые требуют своего раскрытия и осознания их сущности.

Ключевые слова: первичная, рецидивная, организованная, профессиональная и профессионально-организованная преступность.

ONTOLOGY AND ANTHOLOGY OF CRIMINOLOGY OF THE FUTURE (PART 1 — XVIII–XIX CENTURY)

Victor N. Fadeev,

Professor of Criminology Department, Doctor of Law, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Leonid V. Tess,

(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)

Abstract. To understand and effectively analyze the criminality of present days, to develop the measures for its prevention in future — it is inevitably necessary to look in its past, to study the ways and the forms of its historic development. Where are the beginnings of the organized criminality of post-communist society; how organized criminal groups developed and strengthened; what is common and different between the organized and professional criminality; what is professionally-organized criminality? These are the issues that demand to be disclosed and their essence to be realized.

Keywords: primary, relapsing, organized, professional and professionally-organized criminality.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Фадеев В.Н., Тэсс Л.В. Онтология и антология криминологии будущего (часть 1 — XVIII–XIX вв.). Вестник экономической безопасности. 2019;(1):138-54.

Постановка «амбициозной заявки» по формированию направлений развития криминологии предполагает, что для раскрытия ее содержания требуется гораздо больше пространства-времени, но самое главное — глубокого анализа прошлого и настоящего состояния науки криминология для определения путей развития криминологии будущего.

В связи с этим и в порядке развития криминологии будущего, проведем обзор основных концепций столпов криминологической науки по вопросам, фигурирующим в литературе. В принципе этот обзор, во-первых, показывает нашу профессиональ-

ную солидарность с коллегами, а во-вторых, — существенно дополняет научно-практическим смыслом реальное состояние криминологии, во многом с точки зрения ее критической составляющей. Мы выносим этот материал потому, что в профессиональном отношении он, безусловно, интересен, но основная цель данной работы в большей степени связана с криминологией будущего, а не с вчерашним днем, который уже некогда обсуждать.

При этом, рассматривая проблему преступности и преступника в начале проанализируем и посмотрим, как «боролась» с неопределенностью пред-

мета и метода в сфере теоретической криминологии наши предшественники и современники — столпы криминологической мысли, подчеркнув при этом, что в общем случае в истории нужно усматривать не только **ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ** аспект, т.е. — фактические вехи развития преступности и противостояния ей криминологии и общества в разные эпохи, но и **АНТОЛОГИЮ криминологической науки**, которая представлена работами разных авторов, исследователей этого социального явления, ученых и просто выдающихся личностей, которые вольно или невольно внесли свой вклад в становление криминологии наукой и праматерью ее приложений в практике борьбы с преступностью.

В этой связи уместно поставить вопрос — как сегодня представляется зарождение и развитие преступности, в формате социального явления?

По всей видимости, это могло быть время исчезновения *первобытно-общинного строя* и начало формирования классового общества, когда власть над племенем, жрец разделил с вождем.

Появились не только табу, провозглашенные жрецом, но и требования, объявляемые вождем. С тех давних пор конкуренция за приоритет власти религиозной и светской не прекращалась до XX века. В отдельных государствах она живет и сегодня, в XXI веке.

Но если за нарушение религиозных законов (канонов) применялись, как правило, карательные меры морального плана — епитимьи, (за исключением католической инквизиции), то к нарушителям норм обычного права, а позднее и княжеских (государевых) установлений, юстиция того времени жалости не имела.

В чем заключались совершаемые тогда на Руси преступления? Говоря о самых распространенных деликтах, судя по имеющимся историческим документам, это был весьма четкий перечень: татьба обманом (то, что сегодня мы зовем мошенничеством), татьба насилием (грабеж, разбой), татьба простая (унос вещи), лиходейство (злодеяния, убийства, увечья), лихоимство (взяточничество, поборы) и т.п.

Как правило, это как корыстные, так и насильственные преступления, целью которых было получение средств к существованию. Во всех случаях можно говорить о том, что преступления, с самого изначального периода имели своей целью **НАЖИ-**

ВУ, что являлось главным мотивом и целью правонарушения. Во всяком случае, как корыстные, так и насильственные преступления, скорей всего появились одновременно.

Древнегреческий философ Платон, например, рассматривая мотивы убийств, в современных ему Афинах отмечал, что на первом месте по распространенности — стремление к богатству; на втором — честолюбие; на третьем — стремление скрыть ранее совершенное преступление [19, с. 406].

Судя по историческим документам и литературным источникам, становление цивилизации находилось в прямой зависимости от функций, которые осуществляла власть. По одной из этих функций, вождь племени обязан был заботиться о том, чтобы племя было обеспечено продовольствием, а также отдавать какую-то часть добычи жрецу, на жертву богам. В свою очередь, распределение зависело от охоты, а позднее и от результатов сельскохозяйственных работ, но во всех случаях, даже при неурожае или плохой охоте, вождь, жрец и их родня терпели голод в исключительных случаях, тогда как члены рода, общины или клана могли постоянно жить в нищете. Это первое неравенство наверняка влекло за собой конфликты, кара за которые становилась причиной раскола общества. Вероятно, так и появились преступления и преступники, исходя из чисто логических рассуждений.

С развитием земледелия и ремесел ускорялся и распад первобытного строя, обеспечивая рост и усиление рабовладельчества, экономическая база которого, давала возможность прокормить определенное количество людей, и рабовладелец был заинтересован в наибольшем их количестве, что давало ему преимущество перед другими.

Однако со временем возникло противоречие экономического характера: рабовладелец должен был и содержать свое хозяйство: кормить, одевать, обеспечивать свою челядь всем необходимым для жизни, но рабский труд не позволял получить то количество продуктов, которые были необходимы для пропитания подопечных рабовладельца. Раб был не только не заинтересован в высокой производительности труда, но и работал из-под палки.

Выход определился в освобождении раба с тем, чтобы он сам заботился о своем пропитании, а бывшему хозяину, патрону-барину, отдавал какую-

то часть продуктов своего труда. Этот принцип и стал причиной становления новой социально-экономической формации — *феодального строя*.

Платон рассматривал нарушение законов, как болезнь государства, главным источником которой он считал междоусобную вражду и раздор бедности и богатства. Во избежание этого он предлагал законодателю установить пределы бедности и богатства. «Допустимо, чтобы имущество самых состоятельных лишь в четыре раза превышало «богатство» самых бедных» [19, с. 219].

С ростом производства возрастает и расслоение общества. Не все земледельцы и ремесленники успешны в своих делах и неудачники побуждаются условиями жизни становиться на путь преступлений, для добычи средств к существованию.

Аристотель, к числу *причин* преступлений относил бедность, необоснованные привилегии одних и бесправие других, а также национальные противоречия. Осуждая культ богатства, он отмечал, что величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не из-за недостатка предметов первой необходимости [1, с. 416].

Тем не менее, аристократия, правившая страной, для обуздания плебса, свято обеспечивала господствовавший тогда в той среде лозунг «хлеба и зрелищ!», позволявший держать в узде толпы немущих, но не влиявший на уровень преступности. Что в принципе, продолжает применяться и сегодня, с использованием достижений современной техники, где главную роль «капанья на мозги» и «вешанья лапши на уши», имеет любимейший народом «ящик» — телевизор.

Народившийся феодальный строй обеспечил феодалам высокий уровень благополучия, гарантированное получение необходимых продуктов и товаров для личного потребления и для содержания челяди. Однако и в этих условиях сохранились нищие и обездоленные, озабоченные проблемой выживания. Преступность, по сравнению с рабовладением должна была возрасти за счет того, что на «тропу» преступлений становились и разоряющиеся феодалы. Должно было увеличиться не только количество, но и характер совершаемых деликтов. Появляются банды, во главе с таким господином, разнообразятся и виды преступлений за счет прислуги, чиновников, служителей церкви.

Этот исторический период времени характеризуется развитием не только сельского хозяйства, но и ростом промыслов и ремесел. Очевидно, что следом идет увеличение разнообразия криминальных проявлений, их структуризация, специализация и интеграция в действующую социально-экономическую систему.

«Взросление» цивилизации влечет за собой дальнейшее расслоение общества, как «детскую болезнь» его развития, что в свою очередь, приводит к совершенствованию преступного ремесла, а это, в свою очередь, требует улучшения аппарата государственного управления и увеличение валового продукта. В каждой новой формации наступает пора, когда действующая экономическая база не в состоянии обеспечить все население необходимыми продуктами, в результате чего и начинают меняться условия жизни, влекущие за собой изменения в экономике, а также в преступном ремесле.

Именно поэтому из феодализма вырастает следующая, более прогрессивная, социально-экономическая форма — *монархизм*.

В этот период развития цивилизации находит свое выражение рента, т.е. производители отдают господам прибавочный продукт в виде (или форме) работы, денег, натуры. Здесь уже существуют крупные поселения людей — города, посады, нуждающиеся в продуктах сельского хозяйства и ремесленных товарах. Это и обусловило появление денежной ренты, а все эти явления, в свою очередь, обеспечивали не только рост государственного и политического устройства, но и рост криминальных проявлений, напрямую зависевших от уровня и качества материальной жизни большинства населения страны. Преступность развивается и растет, используя технические новинки, в том числе и от развития промышленного производства.

Растет государство, растет население страны, растет потребление продуктов, растет расслоение общества и сохраняется нищета, толкающая людей на преступления. Нет такого государства, в котором все сыты и имеют кров. Издревле, разложение общества определяется классовой принадлежностью и делится на бедных и богатых, знать и народ. С каждой новой общественно-экономической формой господства все меньше заботятся о своих работниках, предпочитая получать с них оброк и мате-

риально обеспечивать лишь своих родственников и челядь, отрекаясь от невыгодного обычая кормить членов всей своей общины или рода. Растет число обездоленных — растет и преступность. Правящая элита строит отношения со своим народом, исходя из возможностей экономики государства, в которой она занимает господствующее положение и не имеет никакого желания делиться властью. Именно на этом и основан вывод философов о том, что ПОЛИТИКА — концентрированное выражение ЭКОНОМИКИ. Экономическая основа государства — это та база, основа и фундамент, на котором *стоит, живет и жирует политическая надстройка* любого государства в любой социально-экономической формации.

С развитием монархизма появляется новый, претендующий на лидерство класс — *буржуазия*, состоящий из представителей купечества, владельцев мануфактур, других предприятий. Не имея возможности войти в правящие круги в силу своей «незнатности», они начали влиять на господствующую знать своими деньгами. Поэтому начинает стремительно развиваться новая социально-экономическая формация — *капитализм*, обеспечивающая необходимые условия для развития государства. Но она сохранила в себе все прежние «болячки» предыдущих формаций — нищету, бесправие людей труда и, в первую очередь, преступность, которая развивается как противоправное ремесло. Возникает и бурно развивается новый класс — *буржуазия*, отстаивающая свои права на участие в управлении государством.

Но и на этой стадии развития общества заботу о неимущих, в некоторой степени сохраняя традиции предыдущих поколений, лишь частично взяло на себя государство. Открываются дома инвалидов, Государственные Общества Призрения (ГОПы — это о них упоминается в «знаменитой» песне «гоп со смычком»), Церковь тоже сохраняет в своих владениях «странноприимные дома», богадельни.

Развитие производственных отношений и производительных сил, безусловно, влекло за собой совершенствование преступной деятельности, которая из ремесла становится профессией, в части присвоения какого-то количества прибавочной стоимости, вопреки существовавшим правилам (законам) государства, но не способствовало уменьшению количества нуждающихся и социально незащи-

щенных людей, что является *самой существенной причиной роста преступности*.

«Как скоро воровство становится профессией, с ним происходит то же самое, что происходит со всякой профессией, что происходит во всяком труде, в производстве страны» [21, с. 246].

Именно поэтому профессиональная преступность позволяет специализироваться на определенных направлениях деятельности и создавать капитал, дающий возможность преступнику, реализовав необходимую сумму, создать какое-либо легальное производство или вступить в кооперативное (акционерное) общество, явив народу появление нового добропорядочного производителя. Но это не тот способ, который гарантирует снижение преступности. Кроме того, необходимо обратить внимание на *качество*, если так можно выразиться, преступности. В полном соответствии с выводом М.Н. Гернета, с развитием промышленности, с развитием ремесел, развивается и уголовный мир, появляются совершенно новые виды преступлений. Разве могли при феодальном строе появиться «медвежатники» или «каталы»?

В то же время, капитализм, стремительно развиваясь и способствуя улучшению жизни населения, не в состоянии обеспечить равные условия существования для всего народа. Обеспечивая льготные условия жизни, представителям капитала, одновременно усиливая расслоение общества на бедных и богатых, он создавал все условия, чтобы новый класс — *пролетариат*, лишенный не только нормальных условий жизни и работы, но и бесправный перед эксплуатирующим его хозяином средств производства, объединялся, для борьбы со своим угнетателем.

Именно поэтому организуется и крепнет явление, названное классиками марксизма-ленинизма «классовая борьба», ставящая своей целью избавление от деспотической власти олигархии и создания государства, господствующей и управляющей силой которого должен стать трудовой народ. Теоретики, создавшие эту теорию, нашли достаточно большое количество своих сторонников, чтобы претворить эту теорию в жизнь.

В свою очередь, капиталист, (империалист) полностью устранился от исторической обязанности избавлять от голода и нищеты своих соотечественников, переложив ее на органы государства, но, не создав должного материального обеспечения,

для выполнения этой задачи. В то же время продолжает дифференцироваться и уголовный мир, главари которого, благодаря накопленным капиталам, становятся «добропорядочными» гражданами, приобретая вполне благопристойное положение в окружающей среде и становясь лидерами преступных профессиональных групп.

Росло количество преступных «специалестей», росла таблица «табели о рангах» преступных профессий, но не менялась категория основных структур уголовного мира: *первичная преступность, рецидивная преступность и профессиональная преступность*.

В условиях социалистической экономики формировались специфические формы и категории преступной деятельности, особенно в области экономики, но этому явлению власти не придавали должного значения, отказываясь признавать существование профессиональной преступности и объединяя все понятия в категорию «рецидивная преступность», *категорически утверждая, что при социализме отсутствуют социальные корни преступности*.

Более 80-ти лет тому назад, первыми с этой проблемой столкнулись американцы и, не в силах осмыслить ситуацию, назвали профессиональную преступность «**организованной**», что и по сей день «прилипло» к этой категории преступности. Казалось бы, *профессиональная преступность*, в силу самого своего наименования не может быть **НЕ** организованной, располагая своими наработанными методами и способами преступной деятельности, но понятие «организованная преступность» и сегодня используется в действующей практике. Больше того, абсурдность определения этого явления уголовного мира подтверждается и результатами работы правоохранительных и правозащитных органов, методы и способы работы которых, могли давать положительный результат, когда они действовали в условиях социалистической системы хозяйства и начали «буксовать» уже в конце 80-х годов прошлого столетия, когда советское государство шло к своему падению.

А с развалом Советского Союза резко усилилась деятельность *профессиональной преступности новой формации*, осваивая открывшиеся ей возможности, занимая новые позиции в борьбе с государством и осваивая свою новую роль в качестве *надстройки над базисом*, которым стала для них теневая экономика.

Последняя категория профессиональной преступности разделилась на *преступность социально-политическую и социально-экономическую*, которые в XXI веке оформились в категорию *антигосударственную и антиобщественную*.

Октябрьская социалистическая революция по своей значимости была не менее великой, чем Великая Французская революция, но как первая, так и вторая были уничтожены не естественным ходом истории, а силою власти капитала, на чье благополучное существование революции посягнули.

С возникновением СССР, впервые в мире были реализованы такие планы, о которых могли только мечтать народы, находившиеся под ярмом капитала. Впервые в мире появилось государство, обеспечившее трудовому народу восьми часовой рабочий день, гарантированную работу, бесплатное образование, здравоохранение и социальное обеспечение. Оно не только провозгласило эти принципы в своей конституции, но и гарантировало их исполнение всей мощью власти. Это был яркий пример для всех неимущих, пролетариев в мире капитала, что не только беспокоило, но и пугало олигархов. Справилось ли государство нового типа с преступностью? В некоторой степени, но не совсем, однако добилось значительных результатов по сравнению с результатами юстиции Запада.

Новые подходы в борьбе с преступностью позволили создать места исполнения наказания нового типа. Осужденные становились не изгоями, а категорией людей, приучаемых к правилам социалистического общежития, в условиях трудового коллектива с одновременным культурно-воспитательным воздействием в процессе производственного обучения. Это была абсолютно новая система исполнения наказания, завершавшая *розыскную, следственную и судебную* стадии уголовного процесса. Больше того, это была единственная структура в системе МВД, которая вносила в бюджет государства значительные суммы в возмещение вреда, нанесенного обществу преступностью.

По мере освоения и развития новых принципов и методов работы в условиях социалистической системы органы внутренних дел, юстиция и исправительно-трудовая система успешно выполняли поставленные перед ними задачи. Как показывает статистика, учитывая темпы прироста населения, можно говорить о том, что система работала вполне успешно.

В частности, доктор юридических наук, профессор Лунеев В.В. об этом пишет следующее: «...население в СССР за анализируемое *драматическое* (выделено — авт.) тридцатилетие (1930—1960 гг.) возросло более чем в 1,5 раза (156%), а общее число осужденных сократилось в 2 раза (до 47,4). Коэффициент судимости также снизился почти в 2 раза (до 55,4%). А если взять за базу коэффициент судимости по РСФСР за 1992 год, то сокращение судимости превысит пятикратное значение (до 17,7%)» [17, с. 56—58].

«*Драматическим*» автор, вероятно, считает время с 1930 по 1960 год, но здесь возникает другой вопрос: в чем же заключается драматизм? В том, что население возрастает более чем в 1,5 раза?!

И далее: «Скажу больше: анализируя судимости за уголовные преступления в отрыве от «политических», «трудовых», «военных» осужденных и административно репрессированных, в отрыве от тенденций тотального контроля над поведением и деятельностью людей, можно назвать сокращение судимости по уголовным делам объективным статистическим фактом» [17, с. 56—58].

Более того, с 1922 года и до контрреволюционного переворота Горбачева — Ельцина народы нашей страны не вымирали, а прирастали ежегодно, за исключением тяжелых лет Великой Отечественной войны. Поэтому есть все основания говорить о том, что социалистическая система хозяйства на практике показала всему миру, что была единственной формой государственного устройства, обеспечивавшая в исторических условиях того времени, всем своим народам социально защищенные условия жизни, ВСЕМ, а не меньшинству населения.

Однако преступность в СССР продолжала существовать, хотя и имела свои особенности, при этом, показатели преступности в нашей стране всегда отличались в положительную сторону, по сравнению с ведущими индустриально развитыми странами Запада. Но при всех индустриальных успехах цивилизации, добиться устранения преступности или значительного сокращения ее проявлений не удалось ни одному государству. Почему?

Существует много мнений по этому поводу. Например, такое:

- «Общество не знает всех факторов преступности, поэтому не устраняет их, а те соответственно продолжают генерировать преступность;

- общество не нашло способов эффективного воздействия на эти факторы (устранения или блокирования их);
- у общества не достает возможностей устранить криминогенные факторы, несмотря на то, что и сами эти факторы и способы эффективного воздействия на них открыты наукой и проверены практикой». И далее...

«Задача ученых-криминологов заключается в обеспечении политиков эффективной стратегией воздействия на преступность, стратегией, которая позволила бы с максимальной результативностью распределить ресурсы общества в противостоянии социальному злу» [10].

Но все эти государственные мероприятия, в целом, были направлены на индивидуального преступника, на субъекта преступления, в котором социология и криминология видели основного носителя зла, не желающего соблюдать законы. В то же время, совершенно в стороне оставалась преступность как ремесло, как образ жизни, как средство производства для противозаконного добывания денег.

В противостоянии преступность — общество, высказывались различные предположения и выдвигались всяческие аргументы, направленные на избавление государства от преступности. Актуальность проблемы способствовала развитию различных теорий, что, в свою очередь, стало причиной появления множества направлений и школ. Сегодня в странах Западной Европы наиболее популярными являются три школы уголовного права: классическая, которую представляют Чезаре Беккариа, Иеремия Бентам, Пауль Фейербах; антропологическая — создатель ее Чезаре Ламброзо и социологическая — представители которой Энрико Ферри, Эмиль Дюркгейм и Эдвин Сатерленд. Сущность каждой из них будет рассмотрена ниже, а сейчас они упомянуты лишь для того, чтобы показать, что многочисленные ученые-философы, правоведы, психологи и многие другие, разрабатывая тему преступности, создали целые школы, не только анализировавшие это явление, но и предлагавшие какие-то конкретные предположения по рассматриваемой проблеме.

При этом не стоит забывать и о том, что кроме теории существовала и практика, которая далеко не всегда пользовалась работами ученых, более того, подчас практика, не глядя на предложения ученых,

создавала такие ситуации, которые лишь усугубляли положение. Правда, здесь существует и другая сторона — представители научного мира выдвигают иногда такие теории, которые практики просто не в состоянии понять, но это уже экзотика науки...

*Монополизация капитала, позволяющая сконцентрировать рычаги власти в руках кучки финансовых воротил ведет и к монополизации в экономике. Отсюда и «растут ноги» желаний и жажды на мировое господство у олигархов, а жестокое противостояние дельцов теневой экономики, отстаивающих свое право на свой кусок капитала и власти, вызывает хроническую болезнь любой власти капитала, именуемой **коррупция**, от которой у этой системы лекарства нет. А преступность в этой ситуации, с точки зрения марксистской диалектики, всего лишь форма производственной деятельности теневой экономики и бороться с ней государство не в состоянии.*

Именно поэтому, к началу двадцать первого века в мире появился, «золотой миллиард» (примерно один миллиард — средний класс или приближенный по доходам к этой категории) и шесть миллиардов всех народов планеты Земля, имеющих «доходы» ниже прожиточного минимума, фактически голодающих. Могут ли правительства государств мира говорить о реальном снижении преступности?

Могут, но не все.

В этих государствах проблема борьбы с преступностью потребует всего лишь реконструкции и модернизации правозащитных и правоохранительных органов, а также некоторых изменений в законодательстве. При условии, что они сумеют защититься от непрекращающейся яростной атаки сил международного капитала, прежде всего, транснациональных компаний (ТНК), являющимися надгосударственно-правовой системой, нацеленные на ликвидацию границ между государствами, в рамках проводимой политики глобализации, ради достижения основной цели — получение максимальной прибыли за счет основной части населения мира в угоду реализации концепции «золотого миллиарда».

В ситуации сегодняшнего дня необходимо поставить вопрос — а хочет ли государство бороться с преступностью?

Слом социалистической системы хозяйства, экономики, которая функционировала на этом бази-

се, привели к фактической ликвидации правоохранительной системы, которая строилась на этой базе. В итоге, экономическая база страны оказалась полностью разваленной, а государство отброшенной на сто лет назад, в эпоху первоначального накопления капитала, в ту пору, о которой В.И. Ленин писал в 1895 году о развитии капитализма в России.

Если СССР был индустриально развитым государством до своего поражения в «холодной» войне, то сегодня мы зависимая страна, которую как матерого двоечника выкинули из Университета в церковно-приходскую школу (ЦПШ), но «выбрасыватели» не учли, что по своей подготовке «социалистический двоечник» будет гигантом мысли в среде учеников ЦПШ. Именно так выглядим мы сегодня.

Уровень уголовного профессионализма российских воров «в законе» был настолько высок, что спецслужбы США столкнувшись с деятельностью «русской мафии» были вынуждены обратиться к России за помощью в борьбе с российскими мафиози, (что было отмечено даже в отечественных СМИ), успешно проводившими свои многомиллионные противоправные сделки на территории США.

То, что пытается сделать Европа в государственном строительстве сегодня, СССР прожил до 30-х годов прошлого века и с успехом решил те задачи, на которых ломает свою «шею старушка» Европа. Ибо за годы Советской власти *уголовный мир СССР* только к середине 80-х годов XX века, благодаря активной деятельности Н.С. Хрущева, развалившего опытные кадры правоохранительной системы страны, *смог успешно реализовать бум профессиональной преступности в экономике*. А государственный аппарат стран Европы, как раковой опухолью поражен диверсифицированной коррупцией¹, с которой до сих пор не справился и не предвидится.

Насколько успешно уголовный розыск боролся с рецидивной и профессиональной преступностью, настолько непрофессионально и примитивно работала система БХСС², исходя из неверных предпосылок в понимании диалектики развития уголовного мира. Все попытки государства бороться с преступ-

¹ Диверсифицированная коррупция является неотъемлемой частью государственного управления, способствующая деятельности профессиональной преступности.

² Структура милиции по Борьбе с хищениями социалистической собственности — БХСС.

никами путем «завинчивания гаек» ни к чему не привели (из того, что хотелось при этом). Начиная с 1947 года, в СССР трижды усиливалась уголовная ответственность за хищения государственного имущества, и каждый раз за это определялась высшая мера: то 25 лет лишения свободы, то расстрел, а суммы хищений все росли и росли! В XIX и XX веке криминологи Европы и России, как рефрен повторяли одно и то же мнение: усилением кары, «завинчиванием гаек» *законность не укрепить!* Но эти слова власть не слышала (или не хотела слышать), а примеров было больше чем достаточно.

В свое время король Англии объявил смертную казнь за курение табака. Бросила Англия курить? В некоторых странах и сегодня вора рубят руку. Помогает? А 18 декабря 2003 года, выступая по радио и ТВ Президент России В.В. Путин, на вопрос об усилении борьбы с наркоманией и ее распространителями сказал, что законодатель УСИЛИЛ наказание за торговлю наркотиками до 20 лет лишения свободы и он надеется, что это даст положительный результат. Значит, опять мы наступаем на те же грабли. И результат будет тот же. Вспомните Колумбию: там же США ведет настоящую войну своими вооруженными силами с наркобаронами, а панамского «хозяина» — Норвегу «упекли» в тюрьму и чем все это кончилось? Ликвидировали наркоторговлю?

Рассматривая ситуацию, которая сложилась сегодня в уголовном мире и правоохранительной системе, *необходимо отказаться от инерционных оценок состояния преступности в стране и мире*, осознать те изменения, которые произошли в экономике России и понять, как эти изменения повлияли на уголовный мир.

Как известно, в условиях СССР криминальная составляющая теневой экономики незначительно влияла на ВВП государства, в сравнении с потерями, которые несли капиталистические страны от своей преступности. Существенная разница состоит в том, что *в условиях рыночной экономики профессиональная преступность является явным и реальным конкурентом государства. При этом преступность профессиональная является «производственной базой», можно сказать финансово — промышленной структурой теневой экономики, а главари этой преступности, используя прибыль своего «базиса», выступают в качестве*

его политической надстройки, обеспечивая законодательное лоббирование интересов криминальных структур. А разница между ними состоит в том, что *преступность рецидивная есть явление социально-экономическое, а преступность профессиональная — это явление социально-политическое*, владеющее позициями не только в структурах государственной власти, но и располагающее своими силовыми, финансовыми и экономическими структурами, а также международными связями.

Например, треть экономики вне зоны видимости. Международный валютный фонд (МВФ) опубликовал работу, оценивающую размеры теневой экономики в 158 странах мира на основании развивавшихся в 2010—2017 годов новых методов ее оценки. Данные МВФ оценивают для России долю «тени», учитывающую, в отличие от большинства других методов, незаконный бизнес и ряд других аспектов, в 33,7% ВВП — это высокий уровень, почти достигающий уровень стран Африки и превышающий оценки для всей Восточной Европы. Работа пока не подтверждает тренд на сокращение российской «тени» после 2014 года, хотя после 1998 и 2008 годов это, по данным МВФ, произошло [13].

Слом старого государственного строя и экономики, позволил *профессиональной преступности* на территории «убитого» Советского Союза не только выйти из подполья, но и развернуть международные криминальные связи, включившись в мировую уголовную среду, создав свои структуры криминального интернационала.

Можно сказать, что с начала 90-х годов прошлого века и по настоящее время *преступность проходит очередной этап своего развития и из ремесла стала профессией*, прорастая и разворачиваясь в различных областях экономики страны, укрепляя свои позиции в теневой экономике, выводя из сферы юрисдикции России в офшоры целые предприятия, носящие экономико-стратегический характер, при этом «освоила» новые преступные профессии: торговцы людьми, человеческими органами, хаке-рами, специалистами денежных «прачечных» и т.п.

В частности, значительное число крупных российских компаний зарегистрированы за рубежом и платят налоги там, а не в России, причем, как, когда и почему так получилось, толком никто не знает.

Например, большинство компаний, входящих в «Базовый элемент», юридически принадлежит BasicElementLtd., зарегистрированной на острове Джерси. Сама BasicElementLtd. — 100-процентная «дочка» зарегистрированной на Британских Виргинских островах фирмы A-Finance, бенефициаром которой выступает Олег Дерипаска. 70,8% акций холдинга EvrazGroup S.A., которым владеют Александр Абрамов и Роман Абрамович, юридически записаны на кипрскую фирму MastercroftLtd. А это две трети от таких предприятий, как ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат», ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат» и ОАО «Новокузнецкий металлургический комбинат». ХК «Металлоинвест» Алишера Усманова принадлежит кипрским офшорам GallagherHoldingsLtd. (43,7%), SeropaemHoldingsLtd. (30%), CoalcoMetalsLtd. (20%) и SamInvest (6,3%). ОАО «Северсталь» Алексея Мордашова владеют кипрские офшоры AstroshineLtd. (20%), Pearlgreen Ltd. (20%), Loranel Ltd. (20%) и Rayglow Ltd. (10,9). И так далее... [39].

За последние десятилетия из страны «де юре» выведено значительное число крупнейших [38], носящих стратегический, градообразующий характер предприятий: металлургической, трубной, нефтегазовой, энергетической, горно-рудной, жилищно-коммунальной, химической, сельскохозяйственной, транспортной, машиностроительной, строительной, перерабатывающей и многих других отраслей народного хозяйства страны, с общим оборотом десятки триллионов рублей, из них: чистой прибыли десятки миллиардов долларов США в год и свыше двух миллионов работающих³ [40], которые управляются через оффшорные компании, зарегистрированы в других странах вне России и платят налоги в них, а не в нашей стране, так что у государства хронически не хватает денег внутри страны. «...Денег нет. Но вы держитесь здесь. Всего добро и хорошего настроения...» — публично ответил 23 мая 2016 года пенсионерам в Крыму председатель правительства РФ Д.А. Медведев [41].

Что противопоставляют сегодня индустриально развитые государства этой системе теневой экономики и ее политической надстройке — *професси-*

ональной преступности? Практически ничего. Более того, спецслужбы государств в какой-то степени даже заинтересованы в сотрудничестве с ними. Это облегчает им работу на определенных направлениях деятельности, а Правительства не в состоянии имеющимися средствами справиться с профессионалами, ибо этот конкурент официальной власти имеет достаточную мощь, чтобы противостоять ей, что наглядно подтвердил случай с убийством Президента США Кеннеди, не устраивавшем кого-то.

В этой ситуации правоохранительная система и уголовное законодательство России не в состоянии справиться с задачей обуздания преступности, ибо они не учитывают этих изменений в уголовном мире всегда очень чутко реагирующим на любые изменения в экономике страны проживания. *А с учетом интернационализации уголовного мира и его кооперации (это то, что сегодня называют глобализацией) — менять необходимо не только методы, принципы и технологию, но и законодательство, изменяя процедуру правосудия, темпы следствия, систему отбывания наказания и постепенненциарную практику, а это уже почти революция.*

Можно предположить, что морально, общество уже готово к таким переменам, но практически — государство встретит ожесточенное сопротивление не только отечественного лобби, но и международного криминалитета, под аккомпанемент «воплей» о свободе и правах человека. В то же время уже сегодня можно предложить государству концепцию и программу решения этих вопросов, на основе имеющихся разработок отечественных криминологов, взяв за основу принцип: *успешная борьба с преступностью — в использовании экономических рычагов!*

Именно в этом залог успеха борьбы с преступностью, как таковой в любых ее направлениях.

Далее рассмотрим, как выглядит обзор исторических научных взглядов, на противостояние общества и преступности, из которого «выросли» используемые сегодня научные направления в криминологии и уголовном праве с тем, чтобы попытаться получить «сухой остаток», как говорят химики и определить на каких позициях стоит сегодня борьба с преступностью.

³ Надо иметь в виду, что из общего числа трудоспособного населения (~ 63 млн чел.) в сфере материального производства работает ~ 20 млн человек).

Классическая школа уголовного права — XVIII век

Испокон веков ученые мужи всех времен и народов пытались установить причины преступности и средства для ее ликвидации. С древних времен и до наших дней споры эти не становятся меньше, но прийти к единому выводу все же не могут. Нет единой точки зрения на причины преступности, на методы и средства раскрытия преступлений, на условия отбывания наказания, на условия, способствующие развитию преступности.

Просветители XVIII века — Вольтер, Дидро, Монтескье в основу своих трудов заложили принцип *гуманизма*, как итог переосмысления результатов жестокости, господствовавший в средневековье. Идеи этих гуманистов Чезаре Беккариа изложил в своем труде «О преступлениях и наказаниях». Говоря о подразделении преступлений, он указывал: «Мнение, что каждый гражданин вправе делать все, что не противно законам, не опасаясь никаких последствий, кроме тех, которые могут быть порождены самим действием, является политическим догматом, в который народы должны верить и который высшие власти должны исповедовать путем нерушимого соблюдения законов. Это священный догмат, без которого не может существовать законное общество, справедливое вознаграждение за принесенную жертву по отношению ко всей природе, присущую всем существам, одаренным чувствами, и находящую предел только в своих собственных силах» [3, с. 99].

Говоря о цели наказания, он отмечал: «Простое рассмотрение изложенных до сих пор истин с очевидностью показывает, что цель наказаний заключается не в истязании и мучении человека и не в том, чтобы сделать несуществующим уже совершенное преступление.

...цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [3, с. 103].

«Чем скорее следует наказание за преступление, чем ближе к нему, тем оно справедливее и полезнее. Справедливее — потому что избавляет виновного от излишних и жестоких мучений, которые вызываются неизвестностью и возрастают от силы воображения и от ощущения своей слабости. Справедливее и потому, что будучи наказанием, лишение

свободы не должно предшествовать приговору, если это не вызывается необходимостью» [3, с. 115].

«Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает людям пример жестокости. Если страсти или необходимость воевать научили проливать человеческую кровь, то законы, задача которых смягчать нравы людей, не должны были бы подавать лишний пример жестокости, тем более печальный, что убийство в силу закона совершается хладнокровно и с соблюдением формальностей» [3, с. 120].

«Лучше предупреждать преступления, чем наказывать. В этом главная цель всякого хорошего законодательства, которое является искусством вести людей к возможно большему счастью или к возможно меньшему несчастью, если говорить об общем итоге добра и зла в жизни» [3, с. 150].

К представителям этой же школы относят и английского филантропа Д. Говарда. Именно ему принадлежит заслуга в достижении упорядочения содержания арестантов, чтобы мужчины и женщины раздельно содержались в тюрьмах, а также отдельно от них содержались несовершеннолетние.

Другой представитель этой школы Иммануил Кант, высказывал интересные идеи о наказании. Он же разработал концепцию «карающего императива»: «Карающий императив есть категорический императив, и горе тому, кто в изворотах учения о счастье попытается найти нечто такое, что по соображениям обещанной законом выгоды избавило бы его от кары или хотя бы от какой-то части ее согласно девизу фарисеев: «Пусть лучше умрет один, чем погибнет весь народ»; ведь если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [11, с. 367].

Свою теорию наказания разработал Иеремия Бентам, считавший, что одной из причин преступности, являются несовершенные законы, и выступал противником ужесточения наказаний.

В этой же области разрабатывал свои идеи Пауль, а также И.А. Фейербах, издавший учебник по уголовному праву. Его можно считать *родоначальником* процесса создания криминологии, как науки.

К представителям классической школы относятся и великий немецкий философ Г.В. Фридрих Гегель, разработавший философскую систему объективного идеализма. Все они, вместе со своими последователями и создали классическую школу уголовного

права, в рамках которой развивались и криминологические идеи. В России этими вопросами занимались З.А. Горюшкин, А.П. Куницын, В.Д. Спасович.

Основными идеями классической школы были:

- человек является носителем свободной воли, и преступление есть результат его произвольного выбора; в силу того, что лицо, обладая нравственной свободой, избирает зло, оно должно нести наказание за свой выбор;
- процесс принятия решения о совершении преступления носит исключительно рациональный характер. Человек совершает преступление лишь в случае, если считает его полезным для себя, после взвешивания всех *pro* и *contra*;
- усиливая наказание, общество делает преступления менее привлекательными, что позволяет удерживать людей от их совершения;
- искусство законодателя и его гуманизм заключаются в том, чтобы ужесточение наказания проводилось не по принципу «чем больше, тем лучше», а по принципу «ужесточать лишь настолько, чтобы сделать преступление непривлекательным» [10, с. 33].

Отсюда вывод: *преступник рассматривался как субъект нарушающий установленный порядок, за что должен быть наказан. А мера наказания за содеянное, должна делать совершение такого преступления непривлекательным.* Но в анализе явления отсутствовали статистические, социологические и иные структурные направления научной деятельности из которых в следующем веке возникнет наука **криминология**, которая позволит не только расширить изучение предмета «ПРЕСТУПНОСТЬ», но и проанализировать это явление более основательно, по сравнению с проведенной работой в XVIII веке.

Развитие науки уголовного права, в дальнейшем, в XIX веке, повлекло за собой возникновение различных научных школ, рассматривавшими преступность и преступников с различных точек зрения, однако на *уровень преступности* это не влияло. Вероятно, что-то в исследованиях преступности учеными не учитывалось, она продолжала увеличиваться и «совершенствоваться», требуя новых подходов к изучению этого явления.

Рассматривая под различными углами зрения преступника, как субъекта преступления, ученые

почему-то не принимали во внимание, что для *профессионального преступника* ремесло, которое обеспечивало ему соответствующий образ жизни, со временем совершенствовалось и развивалось. Вместе с этим *рос арсенал и технология преступных проявлений*, а также и *квалификация преступника и структура преступности*, чему никогда должного внимания криминологи не уделяли. Динамика развития противозаконных ремесел и условий этому способствующих не рассматривалась и не учитывалась.

Основное внимание ученого мира было привлечено к субъекту преступления, минуя динамику развития самого преступного ремесла, структуризацию криминальных специальностей в сфере профессиональной преступности. Но никто не рассматривал направления развития преступных ремесел, векторы развития преступных специальностей, условия их возникновения и исчезновения.

Не обратили внимание на этот момент и в следующем веке.

XIX век

Дальнейшим развитием науки уголовного права и в то же время началом развития криминологии, как самостоятельной науки, стал XIX век.

Значительным вкладом в развитии уголовного права являются статистические исследования различных областей социума, сделанные бельгийским профессором математики и астрономии Л.А. Жакком Кетле. Он пришел к выводу о том, что «все совершаемые в обществе преступления суть одно явление, развивающееся по определенным законам. Попытка избавиться от преступности, строго карая нарушителей, обречена на неудачу. Необходимо выявлять *законы развития преступности, силы, которые влияют на ее рост или уменьшение.* И именно в соответствии с этими закономерностями необходимо *воздействовать на данное явление* с тем, чтобы добиться благоприятных для общества перемен». И в своих рекомендациях Кетле достаточно радикален: «Если мы изменим общественный строй, то мы сейчас же увидим, как изменятся явления, которые прежде происходили с таким постоянством».

Большевики в России оказались первыми, кто реализовал на практике данную рекомендацию. Кетле, а позднее, когда в 1945 году мировое сообщество разделило побежденную Германию на зоны, был

проведен грандиозный социальный эксперимент, подтвердивший истинность предсказаний Кетле: в социалистической Германии уровень преступности за несколько десятилетий стал почти в десять раз ниже, чем в Германии капиталистической» [10, с. 33—36].

К. Маркс и Ф. Энгельс изложили свою концепцию воздействия на преступность. К числу основных факторов преступности они отнесли социальное неравенство, эксплуатацию трудящихся, последствия которой — безработица, крайняя бедность и нищета, низкий уровень образования и воспитания в рабочей среде.

«Какие могут быть основания у пролетария, чтобы не красть? Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о «святости частной собственности». Но для того, кто не имеет никакой собственности, святость частной собственности исчезает сама собой. Деньги — вот Бог на земле. Буржуа отнимает у пролетария деньги и тем самым превращает его в безбожника. Что же удивительного, если пролетарий остается безбожником, не питает никакого почтения к святости и могуществу земного Бога! И когда бедность пролетария возрастает до полной невозможности удовлетворить самые насущные жизненные потребности, до нищеты и голода, то склонность к пренебрежению всем общественным порядком возрастает в еще большей мере.

Нищета предоставляет рабочему на выбор: медленно умирать с голоду, сразу покончить с собой или брать то, что ему требуется, где только возможно, т.е. попросту говоря, красть. И тут мы не должны удивляться, если большинство предпочитает воровство голодной смерти или самоубийству» [33, с. 248].

Чезаре Ломброзо внес свою лепту в исследование преступности, став основоположником антропологической школы, пытавшимся создать новую науку — уголовную антропологию. Он создает типологию преступников и, даже предлагал вместо судов, ввести медицинские комиссии, которые бы и решали, как поступать с преступниками. Именно он создал первый сфигмограф, который сегодня именуется детектор лжи, определенное значение имели его работы в области графологии, в описании и расшифровке смысла татуировок, которыми «украшали» себя преступники. Имя Чезаре Ломброзо и сегодня не очень на слуху, ибо редко появля-

лись публикации, оценивающие его заслуги в области уголовного права, чаще всего его критикуют как основателя уголовной антропологии.

Статистические исследования Жака Кетле вывели науку уголовного права на совершенно новый уровень исследований, на абсолютно иной взгляд, иную точку зрения, по сравнению с предыдущим уровнем изучения преступности, Тем не менее, уменьшения преступности от этого не последовало. Не решила проблему и антропологическая школа созданная Ч. Ломброзо.

Реализация идей классической школы уголовного права к середине 19 века не оказала серьезного влияния на уровень преступности. Продолжились поиски новых путей воздействия на преступность. Появляется новая школа уголовного права.

Социологическая школа

Типичным представителем этой школы считают Энрико Ферри, считавшего, что наказание, как эффективное средство воздействия на преступность, не достигает своей цели и нужны новые средства и методы, которые должны защитить общество и снизить уровень преступности. Представителями этой школы в России были И.Я. Фойницкий, С.В. Познышев.

Энрико Ферри считается сторонником позитивного метода, под которым подразумевается применение экспериментальных исследований при изучении преступлений и наказаний. Суть его концепции в рассмотрении преступления, как результата трех естественных факторов: *антропологических, физических и социальных*.

«Рост и уменьшение преступности зависят главным образом от социальных факторов, т.е. от факторов, которые легче других могут быть изменены и исправлены по воле законодателя» [28, с. 193].

И далее: «Наука о преступлении и наказании была прежде изложением силлогизмов, созданных одною силою логического мышления; наша школа сделала из нее науку позитивного наблюдения, которая, опираясь на антропологию, психологию и уголовную статистику, а также на уголовное право и на тюремноеведение, составляет ту синтетическую науку, которую я назвал уголовной социологией» [28, с. 35].

Таким образом, в науке уголовного права структурно оформилось новое направление, получившее свое название — **криминология**.

С позиций позитивистской школы выступал и Рафаэль Гарофало, автор капитального труда под названием «Криминология», в которой *он разделил преступников на две группы: одну, угроза наказания может удержать от преступления, а на другую, не оказывает такого воздействия*. Кстати, он отрицательно относился к институту суда присяжных, называя его судом дилетантов, не способных принять правильное решение по делу.

В этой работе он предложил взять за общий принцип наказания заключение преступника на *неопределенный срок*, ибо как считали сторонники этой точки зрения, для случайных преступников тюрьма бесполезна, штраф или условное осуждение вполне достаточны. Для привычных преступников тюрьма недостаточна, если изъятие из общества не будет продолжаться неопределенное время, т.е. пока не будет доказательств действительного исправления. *Гарофало был сторонником смертной казни*. Как практик, он доказывал, что отмена смертной казни значительно уменьшит сдерживающую силу уголовных законов. Э. Ферри уточнил это положение, *доказав, что сдерживающее воздействие оказывает не наличие смертной казни в законах, а реальное и масштабное ее применение*. Если она применяется 8—10 раз в год, то эффект от этого будет отрицательный.

Несогласные с этой теорией создали свою школу, занявшие в уголовном праве позиции, определенные как НЕОКЛАССИЦИЗМ. Представителями этого направления являются Адольф Принс и Франц фон Лист. В своих работах А. Принс наглядно доказывает, что для снижения уровня преступности развитие репрессивных мер не дадут должного результата. Для этого надо проявлять заботу о немущих. Чем больше в обществе обездоленных, тем выше уровень преступности. Он считает, что увеличение тюрем, школ, рабочих жилищ, улучшение странноприимных домов, больниц, приютов, расширение мер благотворительности и попечения — все это принесло много добра, не понизив, однако, сколько-нибудь значительно преступности... Неудачи филантропических усилий и многочисленных попыток реклассации взрослых преступников доказывают нам необходимость взяться за самый корень зла. *В основе материальной нищеты лежит нищета физиологическая и нравственная*.

И далее. «Мы не можем ограничиваться математическим исчислением продолжительности тюремного заключения и исследованием деталей организации тюремной кельи... Криминалисты и пенологии должны создать разнообразный и специальный режим, приспособленный к природе преступников» [10, с. 87—88].

В свою очередь Лист в единую науку уголовного права включает такие составляющие как *криминология и уголовная политика, где криминология занимается изучением преступника и преступности, а уголовная политика — уголовно-правовыми мерами борьбы с преступностью*. Но и криминологию он делит на ряд отраслей.

«Можно было бы попытаться различать в самой криминологии — *криминальную биологию (или антропологию) и криминальную социологию*. Первая занималась бы преступлением как явлением в жизни отдельного человека, исследовала бы склонность к преступлению в индивидуальном проявлении и его индивидуальные условия. В качестве отделов криминальной биологии или криминальной антропологии явились бы при этом криминальная соматология (анатомия или физиология) и криминальная психология. Задачей криминальной социологии было бы, напротив, изучение преступления как явления общественной жизни, исследование его в социальном проявлении и определение его социальных причин» [10, с. 90].

Если задачей социальной политики является, по крайней мере, ограничение общественных факторов преступления, считал Лист, то уголовная политика должна заниматься отдельным преступником. *Главная цель наказания, считал он, является предупреждение преступлений с помощью репрессий* и, детально, разъяснял этот постулат, формулируя *концепцию общего и специального предупреждения*.

На этом основании *он делит наказание на три категории: устрашающие наказания — выговор, штраф, тюрьма, для преступников случайных; исправительные наказания — рабочие дома, для преступников исправимых и наказания обеспечивающие безопасность общества — смертная казнь, каторжная тюрьма, для неисправимых*.

Ярким представителем психологической школы в социологии был Габриэль Тард. В России, пред-

ставителем этой школы был Л.И. Петражицкий. Основной работой Тарда в области криминологии считается его книга «Философия наказания», в которой глубоко проанализировал основополагающие концепции позитивистской школы, теорию способностей и теорию врожденных недостатков.

Вот, что он говорит о профессиональной преступности: «Да не упрекнут меня в том, что я слишком большую честь оказываю преступлению, ставя его в ряды ремесел. Если мелкий преступнический промысел, прозябающий в трущобах наших городов, приносит только зло, так же как и мелкие лавчонки, где переживает само себя первобытное производство, то крупный преступнический промысел имел в прошлом свои великие и страшные дни, принесшие пользу в форме милитаризма и деспотизма; в форме же финансовых мероприятий он оказывает, как утверждают, неоценимые услуги.

... Затем, не следует ли, к несчастью, сознаться, что от отъявленного преступника к честному negociанту ведет целая серия переходных форм, что всякий коммерсант, обманывающий своих клиентов, — вор, что всякий кондитер, подмешивающий вино, — отравитель, и что вообще всякий фальсификатор — подделыватель. Я не говорю уже о том обилии промыслов, которые в той или иной мере живут непосредственно доходами от преступления: подозрительные гостиницы, дома терпимости, игорные дома, лавки старьевщиков — столько мест служащих для убежища и укрывательства преступников. У последних есть много других соучастников даже в высших классах общества: сколько взяток, сколько грязных сделок, фиктивных торгов не обходятся без участия людей богатых и признаваемых честными, извлекающих отсюда выгоды, не всегда неумышленно» [25, с. 43—44].

А вот как Тард видел физическое и физиологическое объяснение преступления: «Многие возражают, быть может, на мою аналогию, что к воспроизведению себе подобных нас толкает естественная сила, в то время как такой силы, которая толкала бы нас прямо на преступление, не существует. Но это лишь кажущаяся разница. Никакой естественный импульс не возбуждает в нас желание стать отцом; если половое влечение в результате дает появление ребенка, то вначале оно все же не имело в виду этой цели. Точно так же мы имеем врож-

денное стремление к обеспеченному существованию, которое не совсем прямым путем приводит нас к воровству, мошенничеству, злоупотреблению доверием, а врожденное чувство гордости в известных случаях может привести нас к убийству из мести.

... Странное зрелище, заметим в скобках, представляет собой общество богатое, деятельное, просвещенное и благоденствующее, но все более бедное детьми и избилующее пороками; общество, которое имеет все, кроме детей, накладывает на себя все ненужные обязанности, какие только в силах выполнить, и которое оплачивает всякую роскошь, кроме роскоши многочисленной семьи.

... Но зараза окружающих примеров, искусственных наслаждений так сильна, что заставляет его забыть это основное стремление; его предусмотрительность беспрестанно делается все ниже и все недальновиднее, она распространяется на все его минутные прихоти, которые нужно удовлетворить, но ограничивается лишь горизонтом его короткой жизни, — можно бы сказать, что *современное общество имеет то число детей, которое оно в состоянии прокормить на средства, оставшиеся после удовлетворения всех искусственных потребностей.*

Не так легко выразить одной формулой закон преступности, но представляется, что накопление искусственно привитых потребностей и возрастающее стремление их удовлетворить должны *считаться одними из главнейших причин преступности и бездетности.* Сравнение французских департаментов, так же, как и сравнение провинций в различных европейских государствах, открыло Тальквисту постоянное, полное соответствие между относительной плодовитостью браков и количеством книжек сберегательных касс и страхований от пожара. Та же причина — прогресс предусмотрительности (такой, каким только что охарактеризовал), по его справедливому мнению, объясняет эти параллельно идущие явления. Примечание: прогресс образования также сопровождается возрастающим бесплодием браков. Прибавим, что с 1872 года число браков регулярно уменьшается во Франции — с 8,8 на 1 000 жителей до 7,4 (*Revue scientifique*, 8 мая 1890)» [25, с. 97—98].

Своеобразной была у него и точка зрения на профессиональную преступность: «Отчего вообще зависит, — говорил я в одном из моих предыдущих сочинений, — процветание какого-нибудь ремесла? Прежде всего от того, что затраты на него невелики, наконец, и главным образом от того, что умение им заниматься и необходимость в нем стали появляться чаще. Следовательно, все эти условия соединились в наше время для того, чтобы покровительствовать промышленности особого рода, состоящей в том, чтобы обирать другие виды промышленности.

Примечание: обирать их, то есть эксплуатировать их *без взаимности*; только этим преступность и отличается от других ремесел. Мы сказали бы, что она представляет собой индустрию, пользующуюся прогрессом всех других индустрий, в силу «закона сбыта» Батиста Сея, согласно которому производство какого-нибудь нового продукта вызывает производство других, иногда даже, как мы уже сказали, производство тех самых прежних продуктов, которые новый должен собой заменить. *С этой точки зрения между преступлением и всяким другим ремеслом существует полная аналогия (авт.)*. Преступное ремесло отличается, тем, что не служит никакому другому ремеслу, кроме контрабандных профессий, которые им живут. Правда, это последнее исключение очень растяжимо: разве мелкая пресса не живет судебной хроникой? И если бы преступление приостановилось в своем развитии, то разве не сократилось бы до чрезвычайности количество ее экземпляров?» [25, с. 167].

Именно Тарду принадлежат слова — *«Преступность — это тень, отбрасываемая обществом»*, что справедливо и сегодня. Можно считать, что именно Тард, первый обратил внимание на необходимость изучения структурных преобразований в среде профессиональной преступности.

Другой представитель французской социологической школы Эмиль Дюркгейм в своих трудах предпочитал использовать метод объективизма. Он не только конструировал теории, но и предлагал направления преобразования общества. Анализируя преступность, Дюркгейм пришел к выводу, что «Преступление наблюдается не только в большинстве обществ того или иного вида, но во всех обществах всех типов. *Нет такого общества, в котором не существовала бы преступность. Правда,*

она изменяет форму: действия, квалифицируемые как преступные, не всегда одни и те же, но всегда и везде существовали люди, которые поступали таким образом, что навлекли на себя уголовную репрессию. Если бы, по крайней мере с постепенным культурным ростом общества, пропорция преступности (то есть отношение между годичной цифрой преступлений и цифрой народонаселения) понижалась, то можно было бы думать, что, не переставая быть нормальным явлением преступление все-таки стремиться утратить этот характер. Но у нас нет никакого основания признать существование подобного регресса. Многие факты указывают, по видимому, скорее на движение в противоположном направлении. С начала столетия статистика дает нам основание следить за ходом преступности; последняя повсюду увеличилась. Во Франции увеличение достигает почти 300%. Нет, следовательно, явления, представляющие более несомненные симптомы нормальности, потому что оно является тесно связанным с условиями коллективной жизни. Делать из преступления социальную болезнь, значило бы допускать, что болезнь не есть нечто случайное, а, наоборот, вытекает в некоторых случаях из основного устройства живого существа; это значило бы уничтожить всякое различие между физиологическим и патологическим» [8, с. 72].

Основным объектом исследований Дюркгейма являлся механизм воздействия фактов социальной жизни принуждающих человека к тем или иным поступкам. Воздействие это бывает естественно, что сам человек даже не воспринимает это как принуждение, а считает, что по-другому он и не может поступить. Этот постулат и является основой концепции воздействия на преступность по Дюркгейму. В период общественной стабильности общественный порядок основывается на целом ряде условий и в том числе на религиозных стереотипах сознания и поведения; семейных связях; социальных традициях и привычках, системе авторитетов. Авторитет коллектива, по его мнению, в значительной мере зависит от авторитета традиций, выражением которых он считал стариков. *Уважение их — индикатор прочности устоев общества. Отсутствие — признак аномии, т.е. полного или преимущественного игнорирования морально-нравственных и правовых норм и ценностей, господ-*

ствующих в обществе, членом которого является индивид.

Дюркгейм определяет два вида солидарности: низший — механическая и высший — органическая. Первый предполагает, что человек растворяется в обществе и теряет индивидуальность, а второй — предполагает, что человек имеет собственную сферу действия, является личностью. *Отсутствие солидарности (дезорганизация) является источником абсолютного большинства отрицательных общественных проявлений. Поэтому особое внимание он уделяет анализу социальной дезорганизации (аномии) как фактору, инициирующему различные негативные явления, а также и преступность.*

Предлагая решения по выходу из кризисного состояния аномии, Дюркгейм считает, что «Лекарство против зла состоит не в том, чтобы воскресить, во что бы то ни стало, традиции и обычаи, которые, не отвечая более настоящим условиям социального положения, могли бы жить только искусственной и кажущейся жизнью. Что нужно — так это прекратить аномию, найти средство заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в несогласных движениях, внести в их отношения более справедливости, все более и более ослабляя внешние неравенства, эти источники зла» [9, с. 330].

Свое видение было у Дюркгейма и на роль наказания: «Оно играет полезную роль. Только роль эта не в том, в чем ее обычно видят. Она не служит — или служит второстепенным образом — для исправления виновного или для устрашения его возможных подражателей; с обеих этих точек зрения польза его по справедливости сомнительна и во всяком случае, посредственна. *Его истинная функция — сохранить в целостности общественную связь, удерживая всю ее жизненность в социальном сознании*» [9, с. 85].

Таким образом, наука криминология в XIX веке обогатилась совершенно новыми данными, позволившими сделать вывод о том, что между преступлением и всяким другим ремеслом существует полная аналогия.

Однако, все ведущие криминологи того времени не исследовали развитие преступности, с точки зрения специализации преступности и структуризации. Как с позиций технологии ремесла, так и во взаимосвязи с правоохранительной системой, при-

званной на борьбу с преступностью и, в данном случае, они выступают как органически связанные друг с другом структуры, зависят и обуславливают друг друга, в полном соответствии с законом единства и борьбы противоположностей.

Исследования шли по линии «преступление — наказание (криминалистика — раскрытие преступлений, наказание — суд, пенитенциарная практика и постпенитенциарный период) в то время, как в мире произошли революционные перемены и на свет вышла преступность совершенно нового качества — преступность, в условиях социалистической системы хозяйства, радикально отличавшаяся от преступности в условиях рыночной экономики империализма.

В условиях рыночной экономики *профессиональная преступность*, приспосабливаясь к условиям существования, все больше приобретала черты специальности, теряя признаки *ремесла*.

В то же время, преступность в условиях социализма, не специализировалась в плане *насильственных преступлений*, а развивалась в направлении *хозяйственных преступлений*, изыскивая прорехи в правовом поле советской социалистической системы.

Литература

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4 / Перев. и ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983.
2. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., Книжный мир, 2005.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Беккариа Ч. М.: Инфра-М, 2004.
4. Бизнес вести [Газета]. 2015. 28 апреля.
5. Буйвид Э. Латвийский путь: из Российской империи в СССР и ЕС: Легенды и действительность (Путевые заметки): сб. статей. Рига, 2007.
6. Буйвид Э. Латвийский путь: к новому кризису: сб. статей / Эрнест Буйвид; Предисл. Л.В. Тэсс. Рига: Б.и., 2009. На рус. яз.
7. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / Долгова А.И. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003.
8. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев-Харьков, 1899.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.
10. Зарубежная криминология / Иншаков С.М. М.: Норма, Инфра-М, 1997.

11. *Кант И.* Метафизика нравов: Метафизические начала учения о праве / И. Кант. Сочинения. В 6 т. Т. 6. М., 1997.
12. *Кларк Р.* Преступность в США: замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля / Р. Кларк; пер. с англ., ред. и вступ. ст. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1975.
13. Коммерсантъ 07.08.2017 г. URL:<https://news.mail.ru/economics/32475197/?frommail=1> (дата обращения 08.09.2018).
14. *Корецкий Д.А., Тулегенов В.В.* Криминальная субкультура и ее криминологическое значение / Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2006.
15. Криминология: учебник для юридических вузов. М.: Издательство: Инфра-М, 1997.
16. *Лунеев В.В.* // Общая газета. 1996. № 10.
17. *Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировые, регион. и рос. тенденции: Мировой криминол. анализ / В.В. Лунеев; Ин-т государства и права РАН. М.: Норма, 1997.
18. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Издательство МГУ, 1980.
19. *Платон.* Сочинения. В 3-х т.: пер. с древнегреч. Т. 3 / Платон; Ин-т философии АН СССР; ред. А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1972.
20. Подольско-измайловская ОПГ. 39. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения 07.09.2018).
21. Преступный мир Москвы: сб. ст. / Под ред. и с предисл. [с. I-XLI] М.Н. Гернета. [Репринт. изд.]. М.: МХО «Люкон», 1991. XLI, 245, [3] с.
22. Русская мафия // Диена [газета Латвии] 1994. 31 октября.
23. *Солопанов Ю.* Рецидив и рецидивисты / Ю.В. Солопанов, В.Е. Квашиш. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1971.
24. *Строкань С.* Щит и меч Якудзы // Совершенно секретно. 2002. № 22. 1 мая.
25. *Тард Габриель.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы: учеб. пособ. М.: Инфра-М, 2010.
26. *Тарновский Е.Н.* Движение числа несовершеннолетних, 10—17 лет, осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901—1910 года [Текст] / Е.Н. Тарновский. // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 10. Декабрь.
27. Теневая экономика в Латвии и других странах Европы: что мы (не) знаем? // Деловой телеграф. 2010. 7 октября.
28. *Ферри Э.* Уголовная социология. Перевод с 5-го французского издания 1905 г. / Ферри Э.; под ред.: Познышев С.В. (предисл.); пер.: Познышева О.В.; предисл.: Э. Ферри. М.: В.М. Саблин, 1908.
29. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер.: Э.М. Телятниковой, Т.В. Панфиловой; ред. П.С. Гуревич; вступ. ст. С.Я. Левит. М.: Республика, 1994.
30. *Чавкин С.* Похитители разума. Психириургия и контроль над деятельностью мозга / С. Чавкин; пер. с англ. С. Пономаренко, И. Гавриленко. М.: Прогресс, 1981.
31. *Чертков В.* За преступников берется контрразведка // Правда. 1990. 21 сентября.
32. *Шур Э.* Наше преступное общество: социал. и правовые источники преступности в Америке / Э.М. Шур; пер. с англ. Ю.А. Неподаева; предисл. и ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Прогресс, 1977.
33. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2, М.: Политиздат, 1955.
34. *Яковлев А.М.* Преступность как образ жизни / Яковлев А.М. М.: Юрид. лит., 1967.
35. *Bell D.* The End of Ideology, 1960, p. 150
Bell D. The end of ideology: On the exhaustion of political ideas in the fifties / By Daniel Bell. Glencoe (Ill.): The Free press of Glencoe, Cop. 1960. 416 p.
36. *Burton B.* Turkus, Sid Feder. Murder Inc.: The Story of the «Syndicate». New York, 1952.
37. *Earl Jr. Johnson.* Organized Crime: Challenge to the American Legal System // Journal of Criminal Law and Criminology. 1963 march. vol 54. № 1.
38. URL:http://genocid.net/news_content.php?id=4588 (дата обращения 12.08.2018).
39. URL:<http://publikatsii.ru/stats/5653-nu-chto-barany-gotovimsya-na-kolbasu-oligarhi-okazalis-v-ofshornoy-lovushke.html> (дата обращения 21.07.2018).
40. URL:<http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/rosstat-zafiksiroval-rekordny-za-8-let-obval-promyshlennosti-1011550704> (данные Росстата на 19.12.2017) (дата обращения 25.07.2018).
41. URL:vetonet.ru/clubs/85_-deneg-net-... (дата обращения 11.08.2018).

УДК 347

ББК 67.404

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10032

© Ф.Г. Мышко, К.В. Васильева, В.В. Попов, И.А. Стрельникова, 2019

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ И КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Федор Георгиевич Мышко,

заведующий кафедрой частного права, доктор юридических наук, доцент
Государственный университет управления (109542, Москва, Рязанский проспект, д. 99);

Ксения Валерьевна Васильева,

доцент кафедры частного права, кандидат юридических наук, доцент
Государственный университет управления (109542, Москва, Рязанский проспект, д. 99);

Владимир Владимирович Попов,

доцент кафедры частного права, кандидат юридических наук, доцент
Государственный университет управления (109542, Москва, Рязанский проспект, д. 99);

Ирина Александровна Стрельникова,

доцент кафедры частного права, кандидат юридических наук, доцент
Государственный университет управления (109542, Москва, Рязанский проспект, д. 99)

E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Представлен анализ реализации Стратегии развития информационного общества. Выявлены последние изменения в действующем гражданско-правовом и антимонопольном регулировании отношений в сфере цифровой экономики. Даны предложения по совершенствованию законодательства в целях оптимального нормативного правового регулирования цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, электронная форма сделки, цифровые финансовые активы, криптовалюта, информация, цифровая платформа.

TRENDS IN LEGAL REGULATION OF CIVIL AND COMPETITIVE RELATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

Fedor G. Myshko,

Head of the Department of private law, Doctor of Law, Associate Professor
State University of Management (109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, d. 99);

Kseniya V. Vasil'eva,

Associate Professor of private law Department, Candidate of Law, Associate Professor
State University of Management (109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, d. 99);

Vladimir V. Popov,

Associate Professor of private law Department, Candidate of Law, Associate Professor
State University of Management (109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, d. 99);

Irina A. Strelnikova,

Associate Professor of private law Department, Candidate of Law, Associate Professor
State University of Management (109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, d. 99)

Abstract. In the article the analysis of realization of strategy of development of the information society. The latest changes in the current civil and antitrust regulation of relations in the digital economy are revealed. Proposals are made to improve the legislation in this area in order to optimize the regulatory legal regulation of the digital economy.

Keyword: digital economy, electronic form of transaction, digital financial assets, cryptocurrency, information, digital platform.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Мышко Ф.Г., Васильева К.В., Попов В.В., Стрельникова И.А. Тенденции правового регулирования гражданских и конкурентных отношений в сфере цифровой экономики. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):155-9.

Актуальные проблемы правового регулирования цифровой экономики в России. Как справедливо отмечается в научной литературе [1, с. 18—22; 2, с. 12—17], цифровую экономику можно определить как систему экономических отношений, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех ее сферах.

В целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы», распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г.

№ 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3, с. 5—18].

Данная Программа направлена на создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами [4].

Программа сфокусирована на развитии пяти базовых направлений, одним из которых является нормативно-правовое регулирование.

Как известно, право является основополагающим регулятором экономики и любых общественных отношений, в этой связи для эффективного действия всех отраслей цифровой экономики нужно эффективное правовое регулирование, опосредующее складывающиеся общественные отношения, которое также нуждается в совершенствовании и модернизации.

В соответствии с дорожной картой, которая была составлена для управления развитием цифровой экономики, на 2018 год в разделе «Нормативное регулирование», была запланирована реализация концепции первоочередных мер по совершенствованию правового регулирования с целью развития цифровой экономики, снятия ключевых правовых ограничений для развития цифровой экономики и определения первоочередных базовых правовых понятий и институтов, необходимых для развития цифровой экономики [5, с. 15—19].

В целях реализации концепции по совершенствованию правового регулирования на данном этапе были поставлены следующие задачи:

1) формирование благоприятных правовых условий для сбора, хранения и обработки данных, в том числе с использованием новых технологий, при условии защиты прав и законных интересов субъектов и владельцев, обеспечивающих возможность ускоренного развития базовых механизмов цифровой экономики;

2) внедрение инструментов стимулирования развития цифровой экономики в части оборота результатов интеллектуальной деятельности;

3) совершенствование антимонопольного законодательства в соответствии с потребностями цифровой экономики;

4) совершенствование правового регулирования в целях внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке;

5) совершенствование правового регулирования в сфере защиты прав потребителей в условиях цифровой экономики;

6) формирование правовых условий для использования технологий децентрализованного ведения реестров и удостоверения прав, в том числе проведение правового эксперимента в данной сфере;

7) определение новых правил сбора отчетности, в том числе статистической информации, исключая дублирование этой информации, предусматривающих способы ее дистанционного получения и направленных на обеспечение потребностей общества и государства необходимыми данными в режиме реального времени;

8) предложения по формированию условий для стимулирования развития цифровой экономики.

Данные задачи в настоящее время решены посредством принятия следующих нормативных правовых актов:

1. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 291-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации», закрепивший понятия «беспилотное воздушное судно» и «беспилотная авиационная система».

2. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», дополнивший его параграфом 4.1 «Заключение контракта по результатам электронной процедуры».

3. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дополнивший Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статьей 14.1 «Применение информационных технологий в целях идентификации граждан Российской Федерации».

4. Федеральный закон от 29 июня 2018 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в отдельные за-

конодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым объектами концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном партнерстве могут являться объекты информационных технологий (в том числе программы для ЭВМ, базы данных, информационные системы (в том числе государственные информационные системы), сайты) или объекты информационных технологий и технические средства обеспечения функционирования объектов информационных технологий (в том числе центры обработки данных).

5. Постановление Правительства РФ от 27 июня 2018 г. № 738 «Об утверждении Правил ведения Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния», установившее порядок ведения Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния и доступа к нему.

Вместе с тем многие вопросы еще не нашли своего отражения в законодательстве и нуждаются в более глубокой его конкретизации. И в этой связи в целях перехода к следующему этапу дорожной карты, запланированному на 2020 год, задачей которого является реализация концепции среднесрочных мер по совершенствованию правового регулирования с целью развития цифровой экономики, возникающие в цифровой экономике, комплексно урегулированы, а также создан механизм регулирования вновь возникающих отношений, представляется целесообразным внести изменения в действующее законодательство [6, с. 38—41; 7, с. 5—9].

Методология исследования. Для разработки предлагаемых в настоящей статье предложений по совершенствованию российского законодательства с целью правового регулирования экономических отношений с использованием цифровых технологий авторами применялись общенаучные и частнонаучные методы исследования: метод анализа и синтеза, метод индукции и дедукции, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Пути совершенствования гражданского законодательства. В сфере гражданского законодательства представляется целесообразным провести следующие мероприятия.

1) Закрепить электронную форму сделки и изложить ч. 1 ст. 158 Гражданского кодекса РФ «Форма сделок» в следующей редакции «1. Сделки

совершаются устно, в письменной форме (простой или нотариальной) или в электронной форме».

2) При формировании цифровой среды доверия необходимо нормативно-правовое обеспечение возможности идентификации и аутентификации субъектов (в первую очередь физических лиц) любым технически возможным способом. Особенно актуально отразить это в гражданском законодательстве, поскольку п. 2 ст. 160 ГК РФ, предусматривая использование иного аналога собственноручной подписи, указывает, что это допускается в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, не конкретизируя эти случаи.

К таким способам, не предусмотренным законодательством, могут быть отнесены:

1. Электронная биометрическая подпись, которая представляет собой электронный аналог собственноручной подписи. Данная подпись совершается физическим лицом на материальном носителе собственноручно с использованием специального оборудования (световое перо, графический планшет).

2. Мобильная электронная подпись.

3. Абонентский номер клиента — физическое лицо, пользующегося услугами подвижной радиотелефонной связи.

4. Адрес электронной почты.

В случае если субъект идентифицирован и совершает юридически значимые действия, следует презюмировать наличие его воли на совершение данных действий, покуда не доказано обратное.

3) Включить в законодательство понятие цифровой оферты и акцепта, дополнить ст. 435 Гражданского кодекса РФ и ст. 438 Гражданского кодекса РФ указанием на это, и изложить ч. 1 ст. 433 Гражданского кодекса РФ «Момент заключения договора» в следующей редакции:

«1. Договор признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта, в том числе цифровых».

4) Расширить список объектов гражданского права, добавив в него две новые категории объектов в виде информации и цифровых финансовых активов (в т.ч. криптовалюты), в этих целях видится целесообразным изложить ст. 128 Гражданского кодекса РФ «Объекты гражданских прав» в следующей редакции:

«К объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые финансовые активы, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); информация; нематериальные блага.»

5) В сфере законодательства об интеллектуальной собственности видится целесообразным упростить форму договоров о передаче исключительных прав в целях упрощения процедуры и перевода их в цифровой формат. Для этого видится целесообразным внести изложить ч. 2 ст. 1234 Гражданского кодекса Российской Федерации «Договор об отчуждении исключительного права» в следующей редакции:

«2. Договор об отчуждении исключительного права заключается в письменной форме или в иной форме, за исключением устной. Несоблюдение письменной формы не влечет недействительность договора.»

Кроме того также изложить ч. 2 ст. 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации «Лицензионный договор» в следующей редакции:

«2. Лицензионный договор заключается в письменной форме, если настоящим Кодексом не предусмотрено иное. Несоблюдение письменной формы не влечет недействительность лицензионного договора.»

Пути совершенствования законодательства о защите конкуренции. В свете рассматриваемой темы отдельно следует остановиться на регулировании конкурентных отношений на «цифровых» рынках и отметить следующее.

В марте 2018 года ФАС России направила в Правительство РФ (для дальнейшего направления в Государственную думу) и предложила для публичного обсуждения проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»», в мире бизнеса более известный как «Пятый антимонопольный пакет» (далее — Проект) [8, с. 106—119].

Основные положения Проекта, регулирующие общие правила оборота товаров (работ, услуг) с ис-

пользованием цифровых технологий, сводились к следующему.

В Закон о защите конкуренции вводится определение *цифровой платформы* в следующей редакции: это «размещенная в информационно-коммуникационной сети «Интернет» инфраструктура, которая используется для организации и обеспечения взаимодействия продавцов и покупателей»;

Определяется порядок признания субъекта, владеющего цифровой платформой, занимающим доминирующее положение на рынке, при этом этот порядок отличен от общего порядка, установленного Законом о защите конкуренции для хозяйствующих субъектов: «Положение хозяйствующего субъекта, владеющего цифровой платформой, может быть признано доминирующим в случае, если такая цифровая платформа занимает долю более чем 35 процентов на рынке взаимозаменяемых услуг, оказываемых с использованием цифровых платформ, связанных с обеспечением взаимодействия хозяйствующих субъектов-продавцов и покупателей, и сетевые эффекты, основанные на количестве пользователей цифровой платформой, дают такому хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам.

Не может быть признано доминирующим положение хозяйствующего субъекта, владеющего цифровой платформой, или несколькими сходными (взаимозаменяемыми) цифровыми платформами, выручка от деятельности которой (которых) за последний календарный год не превышает 400 миллионов рублей.»

Вводится понятие *сетевого эффекта*: это «зависимость потребительской ценности товара от количества потребителей одной и той же группы (прямой сетевой эффект) либо изменение ценности товара для одной группы потребителей при уменьшении или увеличении количества потребителей в другой группе (косвенный сетевой эффект)». Это понятие также необходимо для определения доминирующего положения субъекта (группы лиц) на рынке: Проектом предлагается, чтобы «при проведении анализа состояния конкуренции на товарном

рынке (товарных рынках), на котором (которых) взаимодействие продавцов и покупателей организуется и обеспечивается посредством цифровых платформ, антимонопольный орган также устанавливает наличие сетевых эффектов и дает оценку их воздействию на возможность хозяйствующего субъекта оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам в том числе за счет существенности количества совершаемых посредством таких цифровых платформ сделок либо на отсутствие данной возможности».

На Проект было дано заключение Министерства экономического развития Российской Федерации (далее — Минэкономразвития) от 18 сентября 2018 г. № 26742-СШ/Д26и, заключение в целом отрицательное, делающее вывод, что проект требует коренной доработки.

В целом представляется возможным согласиться с высказанными по Проекту замечаниями, суть которых сводится к крайней неопределенности вновь вводимых терминов и критериев. Понятия цифровой платформы, сетевого эффекта, покупателя, инфраструктуры взаимодействия продавца и покупателя, владения цифровой платформой сформулированы поверхностно и (или) с использованием экономической терминологии, не связанной с принятыми юридическими терминами, используемыми Гражданским кодексом Российской Федерации и иными принятыми во его исполнение нормативными правовыми актами. Понятие взаимозаменяемой услуги не определено вовсе [9, с. 11—13].

Представляется также в целом необоснованным необходимое отдельное правовое регулирование «цифровых рынков», в то время как цифровые технологии являются лишь средствами для осуществления торговли (если понимать торговлю в широком смысле, как возмездный обмен любого оборотоспособного объекта на деньги) — продвижения объекта торговли от продавца к конечному покупателю и встречной оплаты стоимости этого объекта конечным покупателем.

Не вызывает сомнений необходимость правового регулирования торговли с применением циф-

ровых технологий с конечной целью обеспечения свободной конкуренции в такой торговле [10, с. 64—68.]. Однако в качестве механизма правового регулирования предлагается дополнить имеющиеся нормы Закона о защите конкуренции и иных отдельных нормативных правовых актов положениями, что общие правила возмездного обмена оборотоспособных объектов распространяются и на торговлю с применением цифровых технологий.

Литература

1. Алиев В.М., Соловых Н.Н. Цифровая экономика поставила нас перед необходимостью решения проблемы обеспечения цифрового суверенитета // Безопасность бизнеса. 2018. № 3.
2. Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1.
3. Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11.
4. Быков А.Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. М.: Проспект, 2018.
5. Шарандина Н.Л. Цифровая экономика как приоритетная национальная цель развития Российской Федерации: правовой аспект // Финансовое право. 2018. № 9.
6. Андреев В.К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2.
7. Сурова Н.Ю., Безделов С.А. Новые технологии для экономики будущего: рейтинг проектов и механизмы регулирования в сфере цифровой экономики // Вестник Академии. 2018. № 1.
8. Иванов А.Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2.
9. Мухин В. «Цифровая» экономика будущего // Информационный бюллетень «Экспресс-бухгалтерия»: электрон. журн. 2016. № 47.
10. Соловых Н.Н. Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Российский следователь. 2018. № 5.

УДК 343
ББК 67.4
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10033

© В.Е. Батюкова, 2019

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ НОРМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 176 УК РФ

Вера Евгеньевна Батюкова,

доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности,
кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Москва, Ленинградский просп., д. 49)
E-mail: Batyukova@yandex.ru

Аннотация. Поднимается вопрос об определении и законодательном закреплении признаков, входящих в содержание объективной стороны преступления, предусмотренного диспозицией ст. 176 УК РФ. Проанализированы статистические данные о наказаниях за совершение анализируемого преступления. На основе проведенного исследования делается вывод о необходимости доработки некоторых принципиально важных аспектов в рассматриваемой норме.

Ключевые слова: незаконное получение кредита; уголовная ответственность; финансовое состояние; хозяйственное положение, наказание, статистические данные, мошенничество.

TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF THE NORM, PROVIDED FOR BY ARTICLE 176 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vera E. Batyukova,

Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity,
Candidate of Law, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation (125993, Moscow, Leningradsky Prosp., d. 49)

Abstract. In the presented article the author raises the question of definition and legislative consolidation of signs included in the content of the objective side of the crime provided for disposition of Art.176 of the Criminal Code. Analyzed statistical data on punishments for committing the analyzed crime. On the basis of the study, the author concluded that there is a need to refine some fundamentally important aspects in the norm under consideration.

Keywords: illegal loan; criminal responsibility; financial condition; economic situation, punishment, statistics, fraud.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Батюкова В.Е. К вопросу о применении нормы, предусмотренной ст. 176 УК РФ. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):160-2.

Вопрос установления признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ является весьма неоднозначным, несмотря на то, что данный вид преступления является далеко не новым для современной сферы кредитования в Российской Федерации.

Незаконность получения кредита по данной норме выражается в предоставлении хозяйствующим субъектом заведомо ложных (не соответствующих действительности) сведений о хозяйственном положении и финансовом состоянии кредитору, которым чаще всего, как правило, является банк или иная кредитная организация. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», если индивидуальный предприниматель либо руководитель организации представил кредитору заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации не с целью хищения денежных средств, а с целью получения кредита либо льготных условий кредитования, намереваясь при этом исполнить договорные обязательства, то такие действия не образуют состава мошенничества в сфере кредитования. Указанные действия этих лиц, причинившие крупный ущерб кредитору, квалифицируются по ч. 1 ст. 176 УК РФ.

Кроме того, важно отметить, что ст. 176 УК РФ применяется только при причинение кредитором крупного ущерба, который составляет 2 250 000 рублей. Данный ущерб может проявляться как в виде прямого ущерба лицу, предоставляющему кредит, так и в виде упущенной им выгоды. Анализ ст. 176 УК РФ заставляет нас обратиться к ГК РФ, а именно к ст. 819—821.1, которые осуществляют правовое регулирование получения кредита. Особенное внимание следует уделить ст. 821 ГК РФ, которая дает право кредитору отказаться от предоставления кредита, предусмотренного кредитным договором, заемщику вообще или частично при обнаружении обстоятельств, указывающих на то, что заемщик не будет способен вернуть сумму кредита в срок. Таким образом, кредитор обладает широкими возможностями, к которым относится и право требовать возврат кредита, и возможность осуществлять проверку платежеспособности лица, получающего кредит, в соответствии со всеми законными требованиями. Конечно, иногда такая проверка сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии может быть просто невозможна, но к сожалению данная ситуация никак не предусмотрена законодателем в целях защиты кредитора. К примеру, индивидуальный предприниматель Н. для получения кредита в ноябре 2018 года предоставляет в банк Ж. документы, характеризующие его финансовое состояние, среди которых бухгалтерская отчетность за последний отчетный период, то есть за 2018 год, которая официально еще не была предоставлена ИП в ФНС РФ, так как за этот отчетный период она может быть сдана вплоть до конца марта 2019 года, поэтому банк не будет иметь возможность проверить достоверность этих сведений. В связи с этим возникает вопрос: а как же тогда кредитору осуществлять проверку предоставляемых заемщиком сведений? Безусловно, кредитор имеет защиту по Российскому законодательству от подобных случаев, но достаточно ли она эффективна и своевременна, если ему уже причинен серьезный ущерб к моменту совершения преступления. Рассматривая подробно признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, нужно выделить такие обязательные признаки как общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и причинную

связь между деянием и наступившими последствиями, но также мы не можем упустить один из факультативных признаков — способ «получения кредита», именно он делает такое деяние преступным. Способ действий представляет собой предоставление заведомо недостоверных данных о финансовом состоянии (хозяйственном положении). Уголовно наказуемо только заведомое представление данных, т.е. субъект преступления знал, что предоставляет данные, которые не соответствуют действительности.

Само по себе «получение кредита», как сделка, подтвержденная кредитором и заемщиком, не может считаться противоправным, так как в соответствии с гражданским законодательством это сделка, которая подтверждается как заемщиком, берущим на себя обязанность вернуть кредит, так и кредитором, обретающим право требовать возвращения кредита в установленный срок, и как уже говорилось ранее кредитор вправе отказаться от заключения этой сделки. Неправомерным является именно предоставление кредитором ложной информации о хозяйственном положении и финансовом состоянии, но это скорее нужно относить не к самому заключению кредитного договора, а к подготовительному этапу или же способу «получения кредита». В законодательстве отсутствует перечень документов, которые могут содержать ложные сведения о хозяйственном положении и финансовом состоянии, однако нужно понимать какая именно информация, предоставленная заемщиком должна быть несоответствующей действительности для квалификации преступления.

Для этого можно разделить документы, предоставленные кредитором на две части. Первая — непосредственно регистрационные сведения об организации или ИП, то есть паспортные данные, сведения об учредителях, уставные документы и т.д. Ко второй части документов нужно отнести данные, которые непосредственно отражают экономическое состояние лица — данные за отчетный период, анализ платежеспособности и финансовой устойчивости, бухгалтерский баланс, информация о поручителях, анализ прибыльности, анализ использования собственного капитала, ликвидности, использования заемных средств, оценка экономической добавленной стоимости, анализ деловой

активности, анализ движения денежных средств и другие документы необходимые кредитору для изучения платежеспособности заемщика. Именно вторая часть документов должна содержать заведомо ложные сведения, так как обман заемщика в предоставленных регистрационных документах будет квалифицировать деяние по другой статье УК РФ — как мошенничество, потому что такие действия будут означать, что заемщик изначально имел умысел не исполнять требования по кредитному договору. Описание законодателем объективной стороны при использовании таких довольно абстрактных понятий как «хозяйственное положение» и «финансовое состояние» кажется весьма неоднозначным, так как для определения этих категорий необходимы знания экономической теории, что затрудняет правоприменительную практику по этому вопросу, а ведь именно в этих сведениях необходимо обнаружить нарушения со стороны заемщика. Суждения указанные ранее относительно информации определяющей экономическое состояние лица все же носят поверхностный характер и не имеют закрепления в законе. Это связано с тем, что любое имущество хозяйствующего субъекта обозначается в денежном, а не в натуральном выражении. Совокупность остаточной стоимости материальных ценностей и денежных средств образует финансы гражданина или организации, которые не могут характеризовать по отдельности ни хозяйственное положение, ни финансовое состояние кредитуемого лица. Поэтому, на мой взгляд, обстоятельства, в соответствии с которыми кредитор вводится в заблуждение должны быть четко обозначены законодательством, например, в примечании к ст. 176 УК РФ, и не могут иметь размытого определения.

Рассматриваемое преступление имеет материальный состав, следовательно, оно является оконченным с момента наступления общественно опасных последствий, выраженных в нанесении крупного ущерба кредитору, характеризующимся неполучением ранее выданного кредита, а также упущенной выгоды, то есть процентов за пользование им.

Анализ официальной статистики Судебного Департамента, говорит, что применение данной нормы в нашей стране очень низкое, и вряд ли

что-либо этой ситуации измениться, а анализ объективной стороны преступления и ее признаков выявляет значительные недочеты и противоречия ст. 176 УК РФ, которые и мешают осуществлению практического применения этой нормы в строгом соответствии с требованиями теории уголовного права.

Также, проанализировав вышеприведенную судебную статистику по ст. 159.1 УК РФ, можно обратить внимание на то, что чаще применяется именно она, так как на практике легче применять статью о мошенничестве, а не ст. 176 УК РФ, ведь определить получение кредита путем предоставления ложных сведений как умышленное деяние, направленное на дальнейшее неисполнение обязанностей по договору о кредите гораздо проще [1, с. 276—279]. В связи с этим очень редки случаи квалификации преступления по рассматриваемой статье.

Отсутствие у заемщика намерения похитить денежные средства или иное имущество, которое было предоставлено по кредитному договору, заключение кредитного договора на законных основаниях и отсутствие со стороны кредитора должного контроля при изучении и проверке достоверности представленных сведений, — все эти обстоятельства существенно снижают общественную опасность данного деяния. Поэтому, как я считаю, криминализация рассматриваемого правонарушения немного сомнительна, и, возможно, разумнее было бы решить вопрос ответственности за такое деяние без использования уголовного законодательства, с применением нормы КоАП (ст. 14.11), которая аналогична ст. 176 УК РФ и также нуждается в некоторых разъяснениях и уточнениях относительно содержания.

Литература

1. Батюкова В.Е. Проблемы уголовной ответственности за незаконное получение кредита // в сборнике: Фундаментальные и прикладные вопросы эффективного предпринимательства: новые решения, проекты, гипотезы Материалы V Международного научного конгресса. Под научной редакцией А.В. Шарковой, И.А. Меркулиной. 2017.

УДК 343

ББК 67.4

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10034

© Е.А. Русскевич, 2019

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евгений Александрович Русскевич,

доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: russkevich@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы реализации уголовно-правовой политики в условиях построения цифровой экономики Российской Федерации. На основании имеющихся точек зрения в науке уголовного права, анализа материалов судебной практики автором формулируются конкретные рекомендации по совершенствованию УК РФ. Статья предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, практикующих юристов, а также для всех, кто интересуется проблемами соответствующей тематики.

Ключевые слова: уголовный закон, компьютерные преступления, компьютерная информация, киберпреступность, цифровая экономика.

ON THE CRIMINAL LAW POLICY IN THE CONSTRUCTION OF THE DIGITAL ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Evgeny A. Russkevich,

Assistant Professor of the Department, Candidate of Law

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The article is devoted to topical issues of implementation of criminal law policy in the conditions of building the digital economy of the Russian Federation. Based on the available points of view, the author formulates specific recommendations in the science of criminal law, generalization and analysis of the materials of forensic investigation. The article is intended for students, post-graduate students, teachers, law enforcement officers, practicing lawyers, as well as for all those who are interested in the relevant topics.

Keywords: criminal law, computer crimes, computer information, cybercrime, digital economy.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Русскевич Е.А. Об уголовно-правовой политике в условиях построения цифровой экономики Российской Федерации. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):163-8.

В современных условиях является неоспоримым, что высокопроизводительной, эффективной и конкурентной может быть только «диджитализованная» экономика, связанная с повсеместным внедрением передовых достижений в области информационно-коммуникационных технологий.

Цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме. При этом она способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий,

а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы [1].

Цифровизация позволяет хозяйствующим субъектам оптимизировать производственные процессы, уменьшить стоимость продукта (услуги), вывести на совершенно новый уровень контроль за соблюдением трудовой дисциплины и т.п.

Вместе с тем, информатизация экономики имеет свою оборотную и, к сожалению, негативную составляющую — зачастую она связана с повышением уязвимости как хозяйствующих субъектов, так и рядовых потребителей. Автоматизация производства, логистики и сферы оказания услуг создает дополнительные «информационные лазейки», используя которые злоумышленники не только завла-

девают сведениями, составляющими личную, семейную, коммерческую или банковскую тайны, но и совершают крупные хищения, непосредственно вторгаются в осуществление технологических процессов и т.п. Так, по данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) в 2017 г. около половины российских компаний сталкивались с различными угрозами, а финансовые потери от атак понесли 22% из них. По данным всероссийского опроса предпринимателей, проведенного Аналитическим центром НАФИ в ноябре 2017 г., средняя сумма убытков в одной компании составила 299 940 рублей. В целом по стране потери от атак, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, оцениваются в 115 967 204 788 рублей [2].

В докладе The Global Risks Report 2016, подготовленном по итогам Давосского экономического форума, выход из строя критически важной информационной инфраструктуры назван среди наиболее актуальных угроз мировой экономике [3].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации говорится о возрастании масштабов компьютерной преступности, прежде всего, в кредитно-финансовой сфере [4].

Вместе с тем, следует согласиться с утверждением А.Ю. Чупровой, что несмотря на наличие очевидных негативных аспектов развитие электронной экономики невозможно затормозить [5, с. 48]. В этом смысле она выступает как неизбежное будущее любого развитого государства.

Оценивая риски и угрозы стремительной «диджитализации» экономики, российский законодатель принимает меры, направленные на формирование эффективного правового инструментария противодействия киберпреступности в этой сфере. Вместе с тем, к сожалению, они представляют собой результат эпизодического и бессистемного законотворчества, угрожающего разрушением субстанциональных признаков всей отрасли уголовного права.

Так, с недавнего времени признаки компьютеризированного преступления приобрела кража. Федеральным законом от 23.04.2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч. 3 ст. 158 УК РФ была дополнена новым особо квалифицирующим обстоятельством

совершения кражи — с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

По мнению отдельных специалистов, данное решение учитывает необходимость дополнительной защиты финансовых интересов граждан, кредитных организаций и государства в целом, а также предоставляет правоприменителям возможность задействовать весь спектр оперативно-розыскных мероприятий [6, с. 49].

Вместе с тем анализируемая корректировка уголовно-правовой нормы об ответственности за кражу, представляется крайне дискуссионной. Ее следствием является то, что кража денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств оказалась механически приравнена к краже, совершенной в крупном размере. Таким образом, традиционная модель дифференциации ответственности за преступления против собственности на основе размера похищенного имущества была фактически нарушена. Разработчики законопроекта указывали на то, что хищение денежных средств в электронной форме либо с банковского счета клиента, как правило, сопряжено с профессионализмом преступников, их оснащенностью и, как следствие, повышенной общественной опасностью [7]. Однако, даже поверхностный анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что данный довод весьма далек от реального положения дел. В этой связи уместен следующий пример хищения денежных средств с банковского счета клиента на примитивно-бытовом уровне. В., находясь в квартире Ш., увидел на полке мебельной стенки сим-карту потерпевшей. Осознавая, что данная сим-карта ему не принадлежит, В. вставил ее в мобильный телефон и получил смс-сообщение от «Мобильного банка» о том, что на расчетном счету банковской карты Ш. находятся денежные средства в размере 5 900 рублей. Реализуя умысел на хищение чужого имущества, В., осознавая, что его действия никем не замечены и носят тайный характер, используя мобильный телефон, с помощью услуги «Мобильный банк» осуществил операцию по переводу денежных средств в размере 5 900 рублей, принадлежащих Ш., на расчетный счет своей банковской карты [8].

Следует лишь дополнительно отметить, что подобная практика носит массовый характер. По-

лагаем, что единственно приемлемым выходом из сложившейся ситуации является исключение анализируемого особо квалифицирующего признака из уголовно-правовой нормы об ответственности за кражу.

Данным законом также скорректированы название и диспозиция ст. 159.3 УК РФ путем указания на «электронные средства платежа». Понятие таких средств раскрывается в ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». В целом указанная категория является более универсальной и охватывает не только платежные карты, но и иные современные средства безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий (ApplePay, SamsungPay и др.). Вместе с тем заслуживает внимания то обстоятельство, что, изменив диспозицию ст. 159.3 УК РФ, законодатель по каким-то причинам исключил оговорку о том, что соответствующие действия должны быть сопряжены с обманом уполномоченного работника кредитной или иной организации. Если согласиться с тем, что такой способ уже не является обязательным, то данный состав преступления станет абсолютно неотличимым от кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В связи с этим полагаем, что толкование данного преступления по-прежнему должно основываться на разъяснениях, сформулированных в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которым признаки ст. 159.3 УК РФ имеют место только в случаях, когда хищение имущества осуществлялось путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности лицу карты (с учетом изменений — электронного средства платежа) на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им такой картой (с учетом изменений — электронным средством платежа).

Крайне дискуссионным и противоречащим теоретико-правовым основам дифференциации уголовной ответственности явилось решение законодателя о включении в ч. 3 ст. 159.6 УК РФ особо квали-

фицирующего признака, связанного с совершением компьютерного мошенничества в отношении электронных денежных средств и средств, которые находятся на банковском счете потерпевшего. С учетом специфического способа мошенничества в сфере компьютерной информации, как правило, не предполагает возможности его осуществления в отношении обычных (бумажных) денежных средств (исключением, пожалуй, может выступать противоправное вмешательство в работу программного обеспечения банкомата и последующее изъятие имеющихся денег). Это наглядно подтверждается и материалами довольно многочисленной судебной практики, где анализируемое преступление так или иначе всегда посягает на безналичные или электронные деньги. Таким образом, изменив редакцию ст. 159.6 УК РФ, законодатель практически аннулировал действие ее первой и второй части.

Более перспективным направлением, на наш взгляд, является установление повышенной ответственности за совершение мошенничества в сфере компьютерной информации «с неправомерным сокрытием либо изменением идентификаторов оконечного оборудования пользователя информационно-коммуникационной сети (в том числе сети Интернет)».

Как справедливо отмечает В.Х. Каримов, системы шифрования и сокрытия данных пользователей Интернета активно используется преступным миром, вследствие чего у заинтересованных структур, в том числе правоохранительных, возникают сложности в расшифровке сведений и установлении лиц, их использующих [9, с. 52].

Предпринимаемые законодателем меры по защите цифровой экономики от киберпреступлений, к сожалению, не затронули современную редакцию уголовно-правовой нормы об ответственности за вымогательство (ст. 163 УК РФ), которая до настоящего времени не позволяет должным образом оценить требования о передаче денежных средств или иного имущества под угрозой совершения действий, связанных с блокированием, уничтожением или повреждением компьютерной информации.

Вместе с тем, в современных условиях такие деяния получают все большее распространение. Так, в качестве примеров можно привести атаки

на информационную инфраструктуру ряда государств, в том числе России, вирусов-шифровальщиков «WannaCry» и «Petya». В общей сложности только от «WannaCry» пострадало более 500 тысяч компьютеров, принадлежащих частным лицам, коммерческим организациям и правительственным учреждениям, в более чем 150 странах мира [10]. Как известно, условием возобновления доступа к заблокированной компьютерной информации выступала выплата потерпевшим определенной суммы денежных средств.

В правоприменительной практике такие случаи квалифицируются исключительно по статьям о преступлениях в сфере компьютерной информации (ст. 272, 273 УК РФ). Однако, такая юридическая оценка является объективно неполной, поскольку охватывает только деяния, связанные с использованием вредоносного программного обеспечения и неправомерным доступом к компьютерной информации. Последующее же требование о передаче владельцем информационного актива денежных средств или иного имущества остается без надлежащей уголовно-правовой оценки. На это обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание в отечественной доктрине уголовного права [11, с. 637—640].

Представляется, что данный пробел должен быть устранен посредством дополнения диспозиции ст. 163 УК РФ указанием на «угрозу совершения действий, связанных с блокированием, уничтожением или повреждением компьютерной информации».

Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» предполагает категорирование всех объектов прежде всего в зависимости от социальной, политической и экономической значимости. К сожалению, действующая редакция ст. 274.1 УК РФ не учитывает данное деление, что представляется существенным упущением не только с точки зрения игнорирования критериев дифференциации уголовной ответственности, но и что, пожалуй, более значимо, — анализируемая уголовно-правовая норма не позволяет должным образом оценить различия в объеме и значимости социальных последствий криминальных посягательств на объекты критической инфраструк-

туры. Вместе с тем, вполне очевидно, что совершение компьютерной атаки на IT-инфраструктуру банка из первой тройки и кредитно-финансовой организации из третьей сотни рейтинга представляет собой отнюдь не одно и то же. Возможности учета опасности указанного деяния только лишь посредством дифференциации уголовного наказания, как представляется, явно недостаточны. Полагаем, что в этой части уголовно-правовая норма об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации также требует соответствующей корректировки.

Указанное позволяет сделать общий вывод об отсутствии какой-либо выверенной стратегии (концепции) уголовно-правовой политики в данной сфере. При этом нельзя не признать, что это во многом объясняется тем обстоятельством, что влияние развития информационно-коммуникационных технологий на современную трансформацию уголовного права является слабо изученным и осмысленным в отечественной доктрине.

Актуальным вопросом отечественной уголовно-правовой политики является также то, что цифровая экономика потребует противодействия посягательствам на принципиально новые объекты — так называемое «виртуальное имущество». Как известно, виртуальное пространство стремительно коммерциализируется и впитывает в себя все большие денежные потоки. За реальные деньги пользователи информационных услуг приобретают игровые деньги, криптовалюту, а равно иные объекты информационного характера, не имеющие физического (овеществленного) выражения. Так, одной из первых громких покупок в среде онлайн игр было приобретение в декабре 2004 года виртуального острова на планете Калипсо за 26 500 долларов США. Позднее, этот рекорд был побит покупкой космической станции на одном из астероидов, вращающихся возле планеты за 100 000 долларов США [12].

В современных условиях в сети Интернет присутствуют также специальные сервисы (торговые площадки) по продаже виртуальных объектов, используемых игроками в многопользовательских онлайн-играх. Следует отметить, что правовая природа подобного рода объектов до настоящего времени

четко в науке не определена. Юристы спорят о том, могут ли такие объекты как электронные книги, библиотеки itunes, аккаунт в социальной сети или многопользовательской игре переходить в порядке наследования, а равно возможно ли возложить на подобное цифровое имущество обременение или использовать его в порядке исполнительного производства [13, с. 104—110].

Следует отметить, что в США вопрос о правовом статусе виртуальных объектов и даже их наследовании уже практически решен положительно. Так, с 1 января 2015 года в штате Делавэр вступил в силу нормативный акт (An act to amend Title 12 of the Delaware Code relating to fiduciary access to digital assets and digital accounts), позволяющий получать виртуальную собственность по наследству. Также на его основе в 2015 году был разработан унифицированный акт (Fiduciary access to digital assets act), рекомендуемый для принятия во всех штатах страны [14].

В связи с этим непростым является вопрос о возможности признания виртуальных объектов предметом хищения по российскому уголовному законодательству. «Виртуальное имущество» в основе своей представляет собой всего лишь компьютерный код. Вместе с тем, в отличие от иных компьютерных данных, выражающих идеи, мысли и т.п., такой код направлен преимущественно на имитацию объектов реального (физического) мира (зданий, транспортных средств, предметов быта и т.д.). Хотя такие объекты и существуют лишь на экране компьютера, они могут приобретаться и отчуждаться и обладают явно выраженной потребительской ценностью.

Сохранение нейтралитета уголовного права относительно оценки посягательств на виртуальные объекты едва ли является приемлемым подходом. Приобретение реальных и виртуальных денег, накопление овеществленного и интернет-имущества имеет одну общую черту — затрачиваемое на это реальное время человека, его труд и во многих случаях реальные финансовые ресурсы. В связи с этим можно сделать вывод, что такие объекты не должны и не могут быть исключены из-под уголовно-правовой охраны только потому, что обладают несколько иной природой, выражены в другой форме и выглядят, попросту говоря, незнакомыми. Как справедли-

во отмечает М.А. Кулезин, дальнейшее абстрагирование от решения указанной проблемы в условиях столь молниеносно развивающихся информационных технологий и Интернета не является эффективным для бизнеса в целом и отдельных граждан в частности [15, с. 53].

Разумеется, в решении этого вопроса доктрина уголовного права в значительной степени зависит от развития науки цивилистической, которая, как представляется, должна выделить такие объекты в качестве особой категории объектов гражданских прав с использованием отдельных элементов правового режима вещей, как это сделано, например, в отношении бездокументарных ценных бумаг. В качестве общего вывода следует отметить, что правовые проблемы, связанные с «виртуальной собственностью», со временем будут лишь актуализироваться. Стремительно развивающаяся игровая индустрия, капитализация которой уже давно сопоставима с привычной медиа-индустрией, содержит большой методологический потенциал для юриспруденции, что и является залогом последующего интереса к этой теме, в том числе в аспекте науки уголовного права.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».
2. Российские компании потеряли не менее 116 млрд. рублей от кибератак в 2017 году // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nafi.ru/analytics/rossiyskie-kompanii-poteryali-ne-menee-116-mlrd-rublej-ot-kiberatak-v-2017-godu/> (дата обращения: 30.06.2018 г.).
3. The Global Risks Report 2016: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mmc.com/content/dam/mmc-web/Global-Risk-Center/Files/world-economic-forum-global-risk-report-2016.pdf> (дата обращения: 17.06.2018 г.).
4. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
5. Чупрова А.Ю. Уголовно-правовые механизмы регулирования отношений в сфере элек-

тронной коммерции: дис. ... д-ра юрид.наук. М., 2015.

6. *Иванов И.С., Рязанцева С.В.* Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств // *Российский следователь*. 2018. № 8.

7. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=159733&rnd=4C4C85B84AD6F5C60364116A6485AEF6#006814073483298333> (дата обращения: 05.07.2018 г.).

8. Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 11 января 2018 года по делу № 1-108/2018.

9. *Каримов В.Х.* Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием систем анонимизации пользователей в сети Интернет // *Российский следователь*. 2018. № 6.

10. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3297338> (дата обращения: 20 марта 2018 г.).

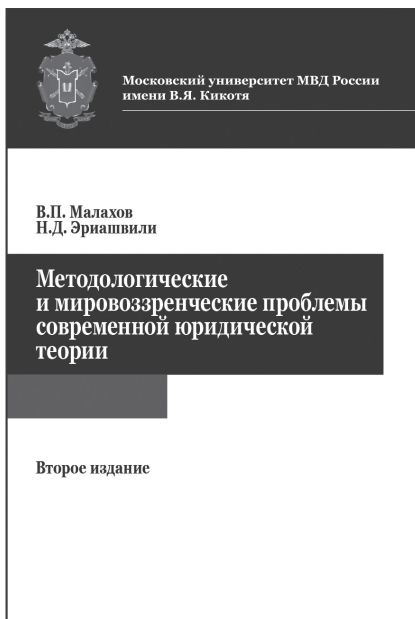
11. *Тиранен В.А.* Проблема уголовной ответственности за криптовирусные атаки // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции*. М., 2018.

12. Онлайн-аукцион — продажа космической станции // URL: <http://eve-online.info/forum/viewtopic.php?id=518> (дата обращения: 15.02.2018 г.).

13. *Лисаченко А.В.* Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // *Российский юридический журнал*. 2014. № 2.

14. Uniform Law Commission // URL: [http://www.uniformlaws.org/Act.aspx?title=Fiduciary%20Access%20to%20Digital%20Assets%20Act,%20Revised%20\(2015\)](http://www.uniformlaws.org/Act.aspx?title=Fiduciary%20Access%20to%20Digital%20Assets%20Act,%20Revised%20(2015)) (дата обращения: 15.03.2018 г.).

15. *Кулезин М.А.* Реальные проблемы виртуальных объектов // *Евразийская адвокатура*. 2015. № 5 (18).

Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. 2-е изд. Монография. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. 2018 г. 431 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Продемонстрирована неразрывность методологических и мировоззренческих проблем, расширено понятие методологии; теория государства и права получила ряд специфических интерпретаций, выделено одно из наиболее перспективных направлений в развитии общеправовой теории, выработана матрица постановки методологических и мировоззренческих проблем юридической теории на основе органичного сочетания возможностей общеправовой теории и философии права. Рассмотрена проблема типов права, решение которой призвано быть мировоззренческой и методологической основой отраслевых наук.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического профиля, а также всех интересующихся философскими и прикладными проблемами правовой жизни общества и личности.

УДК 343
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10035

© А.А. Оганов, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Андрей Айрапетович Оганов,
старший оперуполномоченный по особо важным делам ГУУР МВД России, полковник полиции,
кандидат юридических наук
(123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1, издательство «Юнити-Дана»)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема интернет-преступности в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Процессы глобализации информационных технологий представляют неограниченные возможности для оказания воздействия на несовершеннолетних. Таковыми являются появление и развития новой формы преступности — киберпреступности в сфере высоких технологий, когда компьютеры и компьютерные сети выступают в качестве объекта преступных посягательств, а также средством или способом совершения преступления в отношении детей и подростков. Предотвращение киберпреступлений в отношении несовершеннолетних в киберпространстве относится к наиболее актуальным проблемам правоохранительной деятельности. В настоящий период отечественная система предупреждения киберпреступлений в отношении детей и подростков находится в стадии становления, так как старая система, действовавшая ранее, оказалась устаревшей и не рациональной.

Ключевые слова: киберпреступность, киберпространство, несовершеннолетние, кибер-следы, кибер-данные, кибер-разыскные мероприятия, кибер-технические мероприятия, характеристика, выявление, раскрытие, педофилия, детская порнография, международное сотрудничество, транснациональность.

OPERATIONAL-SEARCH CHARACTERISTIC OF CYBERCRIMES AGAINST MINORS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Andrey A. Oganov,
Senior Detective Officer for Particularly Important Cases of the GUUR of the Ministry of the Interior of Russia, police colonel,
Candidate of Law
(123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1, Unity-Dana publishing house)

Abstract. This article is devoted to the problem of Internet crime against minors using information and telecommunication networks. The globalization of information technology presents unlimited opportunities to influence minors. These are the emergence and development of a new form of crime — cybercrime in the high-tech sphere, where computers and computer networks are the object of criminal attacks, as well as a means or means of committing a crime against children and adolescents. Prevention of cybercrime against minors in cyberspace is one of the most pressing problems of law enforcement. At present, the domestic system of prevention of cybercrime against children and adolescents is in the process of formation, as the old system, which operated earlier, was outdated and not rational.

Keywords: cybercrime, cyberspace, minors, cyber footprints, cyber data, cyber-investigation activities, the cyber-technical measures, characteristics, identification, disclosure, pedophilia, child pornography, international cooperation, transnationality.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Оганов А.А. Оперативно-разыскная характеристика киберпреступлений в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):169-73.

Концептуальный подход к современной преступности в отношении несовершеннолетних в сети Интернет дает основание рассмотреть понятие оперативно-разыскной характеристики, имеющей принципиально важное значение для правильного конструирования уголовно-правовых мер и разработки организационно-тактических приемов и способов борьбы с киберпреступностью данного вида.

С позиции теории оперативно-разыскной деятельности в качестве базовых элементов для разработки оперативно-разыскных и кибер-разыскных методик по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в интернет-пространстве, выступают «особенности оперативно-разыскной характеристики отдельных видов преступлений». В научной литературе по-разному рассматривается структура

и содержание оперативно-разыскной характеристики.

Анализ точек зрения ученых на содержание оперативно-разыскной характеристики преступлений в кибер-среде показывает, что в целом они придерживаются мнения, что в качестве основных элементов оперативно-разыскной характеристики следует считать уголовно-правовую, криминалистическую, криминологическую и в нашем случае — другие характеристики преступлений, например, телекоммуникационную, информационную, кибер-техническую и кибер-розыскную.

Таким образом, с учетом специфики многих преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, начиная от субъекта совершения преступления (граждане других стран) до объекта преступных посягательств, следует исходить, прежде всего, из определения групп элементов, отражающих закономерности совершения либо подготовки к совершению киберпреступлений в отношении подростков в глобальной сети.

При этом, определяя содержание оперативно-разыскной, информационной, телекоммуникационной, кибер-технической и кибер-разыскной характеристик, необходимо помимо общепринятых элементов (уголовно-правовая, криминалистическая и криминологическая характеристики) выделять «факультативные составляющие оперативно-разыскной телекоммуникационной, информационной и кибер-разыскной характеристик» в качестве поисковых признаков.

Факультативные признаки (элементы), входящие в содержание данных характеристик киберпреступлений в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, можно условно разделить на два типа: внутренние, касающиеся формирования личности кибер-преступников, и внешние, оказывающие влияние на поведение кибер-преступников.

К внутренним признакам, имеющим непосредственное отношение к формированию личности кибер-преступника, следует отнести:

- мотивацию преступной деятельности в сети Интернет;
- положение в обществе, определяющее роль выполняемого при совершении киберпреступлений (либо организатор, либо исполнитель, либо пособник и т.д.);

- закрытость внутренней структуры сайтов, доменов, контентов и т.д.;
- наличие психологической зависимости к глобальной сети, т.е. зависимость поведения от нетрадиционных форм общения в Сети;
- трудовая специализация либо ее отсутствие;
- степень адаптации новых условий в нанотехнологиях киберпространства с подростками; криминализованная направленность поведения в информационном пространстве сети Интернет и др.

К внешним признакам, оказывающим негативное влияние на поведение кибер-преступников в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, можно отнести: постоянную зависимость от организованных преступных групп, находящихся в разных странах мира, выражающуюся в форме устойчивого совместного общения и показа запрещенного контента в отношении подростков; занятие противоправной развратной деятельностью в отношении детей; финансирование преступной деятельности из-за рубежа для развития порно-индустрии в отношении подростков; влияние транснациональных организованных организаций, с целью взаимобмена сексуальной продукцией в сети Интернет и офлайн и др.

Следовательно, оперативно-разыскную характеристику киберпреступности в отношении несовершеннолетних в сети Интернет следует рассматривать как совокупность уголовно-правовых, криминалистических, криминологических, информационных, телекоммуникационных, кибер-разыскных, кибер-виктимологических и киберологических признаков, совершенных киберпреступниками в информационном пространстве в отношении детей и подростков, а также факультативных признаков, касающихся формирования личности преступника-кибер-насильника и влияющие на его поведение, имеющих значение для более эффективного использования оперативно-разыскных и кибер-разыскных возможностей в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии киберпреступлений в отношении несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационной сети.

Кибер-разыскные мероприятия в отношении несовершеннолетних — это выявление и получение компьютерной информации из сети Интернет с использованием специальных навыков, знаний и

методов понимания информационно-телекоммуникационного пространства, как особого инструментария информационного поиска криминализованной информации в отношении детей и подростков, а также лиц, посягающих на их жизнедеятельность, для проведения дальнейшего анализа и использования полученных криминализованных интернет-сведений в оперативных целях и уголовном судопроизводстве.

Так, изучение уголовных дел, возбужденных по фактам совершения киберпреступлений в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, показало, что киберпреступления, могут носить многоэпизодный характер и подпадать под признаки продолжаемого, неоднократного преступления или совокупности преступлений, чем в значительной степени осложняется юридическая оценка содеянного (ст. 132—135, 110, 150, 272—274, 274.1 УК РФ). Основные признаки продолжаемого преступления выражаются в неоднократных тождественных действиях, которые имеют общую цель развратных действий в отношении несовершеннолетних в Интернет-сети и охватываются единым умыслом виновного.

Таким образом, в зависимости от особенностей развратного мотива и его устойчивости, длительность и интенсивность преступной деятельности в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, являются доминирующими уголовно-правовыми признаками преступности в отношении детей в виртуальной паутине, что представляет большую общественную опасность и требует от правоохранительных органов дополнительных усилий по ее выявлению, пресечению и раскрытию.

Важным уголовно-правовым признаком, характеризующим преступность в отношении несовершеннолетних в информационном пространстве, является групповая и рецидивная преступность.

Исследование этой проблемы в ряде крупных городов России показало, что в основном, преступления в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, квалифицируются по следующим статьям: изнасилование, ст. 131 УК РФ; насильственные действия сексуального характера, ст. 132 УК РФ; понуждение к действиям сексуального характера, ст. 133 УК РФ; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достиг-

шим шестнадцатилетнего возраста, ст. 134 УК РФ; развратные действия, ст. 135 УК РФ, а также — доведение до самоубийства, ст. 110 УК РФ.

Криминологическое исследование иностранной преступности констатирует, что масштаб преступлений в отношении несовершеннолетних в сети Интернет позволяет отнести их к многофункциональным кибер-преступникам, действующих как на территории России, так и за ее пределами.

Учитывая всевозрастающий профессионализм участников киберпреступлений в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, высокий уровень конспирации в информационном пространстве, можно сделать вывод, что кибер-преступники являются трудно-уязвимыми для оперативных подразделений правоохранительных органов и это «в совокупности обуславливает их высокую латентность».

Динамика преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в сети Интернет за последние 10 лет, постоянно менялась и обуславливается комплексом причин Интернет-воспитательного и информационно-технологического характера, например, таких как: неконтролируемая виртуальная паутина, высокая безработица, низкий уровень жизни населения, отсутствие должного контроля за подростками, серьезные просчеты правоохранительных органов и образовательных учреждений, а также государства в целом в совершенствовании методов противодействия преступлений в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, отсутствие четкого алгоритма действий при выявлении киберпреступности в отношении несовершеннолетних в глобальной сети, отсутствие контроля со стороны родителей над времяпровождением ребенка в Сети и др.

В противоправных деяниях в отношении несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационном пространстве активизировалась транснациональная и международная составляющая. Тем самым изменилась направленность деятельности криминальных иностранных структур, произошло «их внедрение в легальную Сеть, с образованием собственной ниши в мировой криминальной кибер-среде», расширение межрегиональных и международных связей за счет востребованности таких киберпреступлений, как секс-туризм, педофилия, сексуальная эксплуатация детей, кибер-запугивание, кибер-мошенничество, кибер-вымогательство и др.

Как уже указывалось выше, киберпреступность в отношении несовершеннолетних имеет трансграничный характер. Борьба же с преступностью в области международных компьютерных сетей усложняется для противоправной деятельности, как отдельным лицам, так и преступным группам, необходимо постоянное международное сотрудничество. Контролировать данный вид преступности в отношении подростков и бороться с ней на уровне отдельного государства практически невозможно, поэтому важную роль играют международные соглашения в соответствующей области.

Так, Конвенция [1] Совета Европы 2001 г. обязывает стороны установить уголовную ответственность за содействие либо подстрекательство, а также за попытку совершения деяний, предусмотренных ст. 2—10 (незаконный доступ; незаконный перехват; вмешательство в данные; вмешательство в систему; ненадлежащее использование устройств, подлог компьютерных данных, компьютерное мошенничество, преступления, связанные с детской порнографией и т.д.).

Для большинства преступлений, совершаемых в глобальных компьютерных сетях в отношении несовершеннолетних, характерны следующие особенности оперативно-розыскной характеристики:

- повышенная скрытность совершения преступления, обеспечиваемая спецификой сетевого информационного пространства (развитые механизмы анонимности, сложность инфраструктуры и т.п.) [2];
- трансграничный характер сетевых преступлений, при котором преступник, объект преступного посягательства, потерпевший могут находиться на территориях разных государств;
- особая подготовленность преступников, интеллектуальный характер преступной деятельности¹;

¹ В 2018 году, 55-летнего Георгия Томашевича приговорили к 10 годам колонии строго режима. Он растлевал шестерых приемных сыновей. Уголовное дело о насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетнего было возбуждено два года назад. С 2010-го одинокий предприниматель усыновил шестерых подопечных из разных регионов в возрасте от 8 до 15 лет. Мальчики были прописаны в Петербурге, но жили в коттедже в деревне Касимово. Там бизнесмен держал домашних животных, за ними и приглядывали дети. За провинности мальчиков якобы систематически избивали. Также, сыновья ходили по коттеджу голыми вместе с приемным отцом и спали с ним в одной кровати.

- нестандартность, сложность, многообразие и частое обновление способов совершения преступлений и применяемых специальных средств;
- возможность совершения преступления в автоматизированном режиме в нескольких местах одновременно;
- возможность объединять относительно слабые ресурсы многих отдельных компьютеров в мощное орудие совершения преступления;
- многоэпизодный характер преступных действий при множественности потерпевших;
- неосведомленность подростков о том, что они подверглись преступному воздействию;
- дистанционный характер преступных действий в условиях отсутствия физического контакта преступника и потерпевшего;
- невозможность предотвращения и пресечения преступлений данного вида традиционными средствами [3, с. 109—110].

Исходя из исследования можно выделить следующие группы криминогенных факторов, влияющих на оперативно-розыскную характеристику преступности в отношении подростков.

Первая группа — социальные и внутригосударственные факторы: бесконтрольность подростков, как результат, высокая криминализация сайтов и ресурсов в сети Интернет; отсутствие четкой информационно-телекоммуникационной политики и соответствующих норм в законодательстве России, «не позволяющих привлекать к уголовной ответственности участников, организаторов и пособников киберпреступлений в Сети».

Вторая группа — информационные факторы: расширение телекоммуникационных связей и проникновение на глобальную сеть в России различного рода трансграничной организованной преступности; развитие педофилии и растления несовершеннолетних в Сети; растущий спрос на детскую порно-индустрию в РФ, и появление большого количества фото и видео контентов из-за рубежа и др.).

Третья группа — социально-демографические факторы: затянувшиеся процессы социально-экономических преобразований и, как следствие, увеличивающаяся прослойка людей, живущих ниже черты бедности, способных к совершению ситуативных преступлений в интернет-пространстве.

стве; безработица; высокая рецидивность; падение нравственности; стремление любым способом получить сексуальное удовольствие; высокая концентрация информации в глобальной сети.

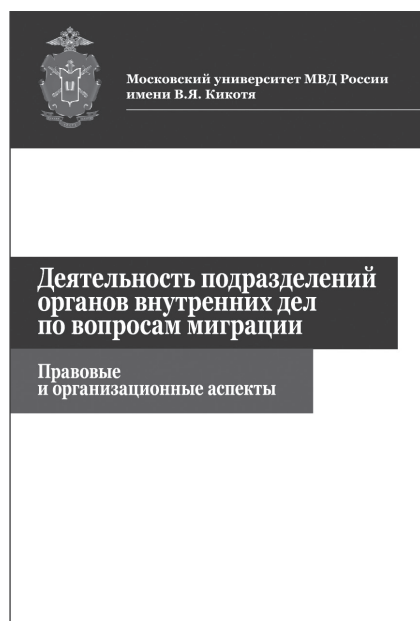
Четвертая группа факторов — это неэффективная правоохранительная деятельность: недостаточная квалификация сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел; отсутствие научных разработок и методик по использованию всего спектра агентурно-оперативной и кибер-разыскной работы в этом направлении; недостаточно эффективное взаимодействие как между работником и субъектами оперативно-разыскной деятельности, занимающимися проблемой борьбы с киберпреступностью в отношении несовершеннолетних, так и международного сотрудничества в сфере ОРД.

На киберпреступность в отношении детей серьезно влияют такие криминологические факторы, как активизация преступной деятельности транс-

национальных преступных групп; деятельность международных организаций; несогласованность международного сообщества в борьбе с транснациональной организованной преступностью в отношении несовершеннолетних в сети Интернет, вовлечение криминальных структур в глобальную сеть. Среди криминологических факторов, следует отметить мотивацию их нахождения в кибер-среде подростков.

Литература

1. Европейская Конвенция Совета Европы по киберпреступлениям (по компьютерным преступлениям). Будапешт. 23 ноября 2001 года.
2. *Бондаренко С.В.* Виртуальные сетевые сообщества девиантного поведения. URL: <http://www.cyberpolitics.ru/content/view/256/34/> (дата обращения: 31.10.2011).
3. *Осипенко А.Л.* Сетевая компьютерная преступность. Омск, 2009.

Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. Правовые и организационные аспекты. Учебное пособие. Прудников А.С., Харламов С.О. 2018 г. 215 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебное пособие подготовлено с учетом теоретических и научно-практических подходов к изучению организационных основ деятельности подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. В частности, в нем нашли отражение такие вопросы, как деятельность органов внутренних дел, формы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в сфере миграции, основные мероприятия международного сотрудничества МВД России в сфере миграции, а также задачи и функции подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции.

Для студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов, а также практических работников системы правоохранительных органов.

УДК 343
ББК 67
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10036

© Г.Ф. Ручкина, 2019

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

К ВОПРОСУ О РЕГИСТРАЦИИ СНЯТИЯ АРЕСТА С НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ПО ИСТЕЧЕНИИ СРОКА НАЛОЖЕНИЯ ОБРЕМЕНЕНИЯ СУДОМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Гульнара Флюровна Ручкина,
руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности,
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Москва, Ленинградский просп., д. 49)
E-mail: Gumer@bk.ru

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с практической реализацией и основаниями совершения регистрационных действий по прекращению обременения (ареста) с недвижимого имущества по истечении срока ареста, наложенного судом на недвижимое имущество по уголовному делу. Отмечается неоднозначность регулирования прекращения обременения в различных федеральных законах, влияющая на различную правовую позицию судебных органов по данному вопросу.

Ключевые слова: недвижимое имущество, ограничение права, арест имущества, регистрационные действия, гражданский иск, государственная регистрация.

THE ISSUE OF REGISTRATION OF THE WITHDRAWAL OF ARREST FROM REAL ESTATE UPON THE EXPIRATION OF THE TERM FOR IMPOSING AN OBLIGATION ON THE COURT OF GENERAL JURISDICTION

Gul'nara F. Ruchkina,
Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity,
Doctor of Law, Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation (125993, Moscow, Leningradsky Prosp., d. 49)

Abstract. Analyzes issues related to the practical implementation and the grounds for performing registration actions to cease encumbrance (arrest) from real estate after the expiration of the arrest imposed by the court on real estate in a criminal case. The ambiguity of regulation of the cessation of encumbrance in various federal laws, affecting the different legal position of the judiciary on this issue is noted.

Keywords: real estate, restriction of rights, arrest of property, registration actions, civil action, state registration.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Ручкина Г.Ф. К вопросу о регистрации снятия ареста с недвижимого имущества по истечении срока наложения обременения судом общей юрисдикции. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):174-8.

В соответствии со ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) в качестве обеспечительной меры при исполнении приговора в части гражданского иска предусмотрено наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

В судебной практике реализация данной нормы порождает вопрос об основаниях совершения регистрационных действий по прекращению обременения (ареста), наложенного на недвижимое имущество, по истечении срока ареста, установленного судом на недвижимое имущество по уголовному делу.

Данная правовая проблема связана с неоднозначностью регулирования прекращения обремене-

ния в различных федеральных законах, что и влияет на различную правовую позицию судебных органов по данному вопросу.

Согласно ч. 3 и ч. 9 ст. 115 УПК РФ при решении вопроса о наложении ареста на имущество суд должен указать срок, на который налагается арест на имущество.

Арест, наложенный на имущество, либо отдельные ограничения, которым подвергнуто арестованное имущество, отменяются на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении данной меры процессуального принуждения либо отдельных ограничений, которым подвергнуто арестованное имущество, отпадает необходимость, а также в случае истечения

установленного судом срока ареста, наложенного на имущество, или отказа в его продлении.

При рассмотрении заявлений по спорам, связанным с государственной регистрацией прекращения записи об аресте недвижимого имущества, который наложен судом при производстве по уголовному делу, возникает вопрос о наличии оснований для исключения из Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) записи об аресте по истечении установленного срока ареста в отсутствие судебного акта суда общей юрисдикции о снятии этого обременения.

В практике судов Московского округа сформировалось несколько подходов по данному вопросу.

Так, имеет место правовая позиция, которая основывается на следующих положениях. С истечением срока, на который был наложен арест на недвижимое имущество по уголовному делу, арест прекращается, если он не был продлен в установленном ч. 1 ст. 115 УПК РФ порядке, в связи с чем действия органов Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по отказу в снятии такого обременения признаются незаконными (постановления Арбитражного суда Московского округа от 19.03.2018 г. по делу № А40-79324/2017, от 24.05.2018 г. по делу № А41-66205/2017, от 18.07.2018 г. по делу № А41-69906/2017, постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2018 г. по делу № А41-24594/2018).

Ч. 3 ст. 115 УПК РФ предусмотрено, что при решении вопроса о наложении ареста на имущество суд должен указать срок, на который налагается арест на имущество.

Сроки, предусмотренные настоящим Кодексом, исчисляются часами, сутками, месяцами. Срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число последнего месяца, а если этот месяц не имеет соответствующего числа, то срок оканчивается в последние сутки этого месяца. Если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день (ч. 1, 2 ст. 128 УПК РФ).

Ч. 2 ст. 129 УПК РФ предусмотрено, что соответствующий срок может быть продлен лишь в случаях и порядке, которые установлены УПК РФ. По

общему правилу, процессуальные сроки для совершения процессуальных действий устанавливаются федеральными законами, а в случае, если процессуальные сроки не установлены, они назначаются судами.

С истечением процессуальных сроков исполнение процессуальных действий прекращается.

Таким образом, представляется, что судебный акт, на основании которого наложен арест по уголовному делу, является как основанием для наложения ареста, так и основанием для его снятия по истечении срока, на который был наложен арест.

Другая правовая позиция судов исходит из того, что при отсутствии судебного акта об отмене установленного судом в рамках уголовного дела ареста, оснований для внесения сведений в ЕГРН о прекращении такого обременения не имеется (постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.06.2018 г. по делу № А41-53993/2017).

Исходя из положений ч. 9 ст. 115 УПК РФ, арест имущества, наложенный судом при производстве по уголовному делу, подлежит снятию исключительно органом, применившим эту обеспечительную меру.

Согласно подп. 5 п. 2 ст. 14 Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон о регистрации) основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются вступившие в законную силу судебные акты.

Согласно ч. 13 ст. 32 Закона о регистрации суд или уполномоченный орган, наложившие арест на недвижимое имущество или установившие запрет на совершение определенных действий с недвижимым имуществом либо избравшие залог недвижимого имущества в качестве меры пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, направляют в орган регистрации прав в срок не более чем три рабочих дня заверенную копию акта о наложении ареста, о запрете совершать определенные действия с недвижимым имуществом или об избрании в качестве меры пресечения залога, а также заверенную копию акта о снятии ареста или запрета, о возврате залога залогодателю или об обращении залога в доход государства.

Таким образом, из совокупности положений Закона о регистрации и процессуального законодательства следует, что при осуществлении регистрационных действий регистрирующий орган не вправе самостоятельно определять судьбу ареста, наложенного на недвижимое имущество в рамках уголовного дела.

По нашему мнению, при решении данного вопроса необходимо исходить из следующего.

Согласно положениям УПК РФ, в целях обеспечения надлежащего исполнения приговора в части гражданского иска (ст. 44), взыскание штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, дознаватель, следователь или суд вправе применить к подозреваемому или обвиняемому такую меру процессуального принуждения как наложение ареста на имущество (ч. 1, ч. 3 ст. 115 УПК РФ).

При наложении ареста на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, необходимо учитывать требования ч. 3 ст. 115 УПК РФ, в соответствии с которыми в резолютивной части постановления об удовлетворении ходатайства судья должен установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом.

Такие ограничения могут выражаться, например, в запрете распоряжаться данным имуществом путем заключения договоров купли-продажи, аренды, дарения, залога и иных сделок, последствием которых является отчуждение или обременение данного имущества.

В резолютивной части постановления также указывается срок действия ареста на имущество, который определяется судьей с учетом установленного по уголовному делу срока предварительного расследования и времени, необходимого для передачи уголовного дела в суд, и впоследствии может быть продлен в порядке, предусмотренном ст. 115.1 УПК РФ (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)»).

Смысл наложения ареста на имущества состоит в ограничении для собственников или владельцев имущества права распоряжаться, а иногда и пользоваться арестованным имуществом для того, чтобы преступники не смогли скрыть свою собственность. При этом закон позволяет сохранять арест имущества даже в случаях, когда предварительное расследования по уголовному делу приостановлено (ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ). Кроме того, суд может и изъять имущество и передать его на хранение (ч. 2 ст. 115 УПК РФ).

Таким образом, наложение ареста на имущество — это, по сути, не следственное действие, а способ защиты и обеспечения имущественных интересов потерпевшего по уголовному делу, а также государства, вынужденного нести бремя расходов на уголовно-процессуальную деятельность.

Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был уточнен порядок наложения и снятия ареста с имущества. Согласно внесенным изменениям, налагая арест на имущество, суд должен не только обосновать свое решение, но и установить ограничения по владению, пользованию и распоряжению имуществом. В случае установления ограничений этих правомочий об этом необходимо будет предупреждать лиц, которым арестованное имущество передается на хранение.

Следует признать, что широкое толкование положений УПК РФ приводит к нарушениям прав собственников имущества. Между тем, законодатель четко определил в ч. 9 ст. 115 УПК РФ, что арест, наложенный на имущество, либо отдельные ограничения, которым подвергнуто арестованное имущество, отменяются на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении данной меры процессуального принуждения либо отдельных ограничений, которым подвергнуто арестованное имущество, отпадает необходимость, а также в случае истечения установленного судом срока ареста, наложенного на имущество, или отказа в его продлении.

Действительно, согласно ч. 13 ст. 32 Закона о регистрации суд или уполномоченный орган, наложившие арест на недвижимое имущество в качестве меры пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, направляют в орган регистрации прав в срок

не более чем три рабочих дня заверенную копию акта о снятии ареста. Необходимо обратить внимание, что в соответствии с законом основанием для совершения регистрационных действий регистратором является именно предоставление последнему заверенной в установленном порядке копии акта о снятии ареста.

Практика деятельности органов регистрации, основанная на законе, связывает действия регистратора с так называемыми «первичными источниками» — документами, которые могут выступать основаниями для совершения регистрационных действий. Следует отметить, что данный порядок установлен и для иных прав, подлежащих регистрации: ипотеки (залоге недвижимости), ренты, аренды и т.д.

Несомненно, что с формальной точки зрения, истечение срока, на который был наложен арест в качестве меры пресечения, свидетельствует о прекращении государственного принуждения.

Возникает закономерный вопрос? Как лицо, выполняющее регистрационные действия, узнает о прекращении действия ограничения права. Совершая регистрационное действие, регистратор внес в реестр информацию об ограничении, представленную в акте суда. По истечении установленного актом суда времени ограничения права у регистратора отсутствует информация о тех процессуальных действиях, которые могли быть совершены в отношении обремененного имущества, в частности, например, продлен срок обременения права. Именно с учетом возможных неправомерных действий регистратора и был разработан регламент совершения определенных действий.

Порядок совершения регистрационных действий основан на четком выполнении нормативных актов, регламентирующих деятельность органов Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, в частности на правилах ведения реестра прав.

В частности, п. 29 постановления Правительства РФ от 31.12.2015 г. № 1532 (ред. от 02.08.2018) «Об утверждении Правил предоставления документов, направляемых или предоставляемых в соответствии с ч. 1, 3—13, 15 ст. 32 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в федеральный орган исполнительной власти (его территориальные органы), уполномо-

ченный Правительством Российской Федерации на осуществление государственного кадастрового учета, государственной регистрации прав, ведение Единого государственного реестра недвижимости и предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости» раскрывает содержание п. 13 ст. 32 Закона о регистрации. В соответствии с п. 29 вышеназванного постановления в случае наложения судом или уполномоченным органом ареста на недвижимое имущество или установления запрета на совершение определенных действий с недвижимым имуществом либо избрания залога недвижимого имущества в качестве меры пресечения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации указанные суд или уполномоченный орган направляют в орган регистрации прав заверенную копию акта о наложении ареста, о запрете совершать определенные действия с недвижимым имуществом или об избрании в качестве меры пресечения залога, либо заверенную копию акта о снятии ареста или запрета, о возврате залога залогодателю или об обращении залога в доход государства, либо соответствующий акт, вынесенный в форме электронного документа, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью [1].

Следует также отметить, что в соответствии с п. 16 приказа Минэкономразвития России от 16.12.2015 г. № 943 (ред. от 25.08.2018) «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки» при снятии объекта недвижимости с государственного кадастрового учета, государственной регистрации прекращения права, ограничения права, обременения объекта недвижимого имущества, сделки в данных о прекращении (снятии с учета) указываются:

- кадастровый номер объекта недвижимого имущества;
- номер регистрации прекращения права, ограничения права, обременения объекта недвижимости, сделки (для реестра прав на недвижимость);
- сведения о документах-основаниях для снятия с государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прекращения права, ограничения права, обременения объекта недвижимого имущества, сделки в объеме сведений, предусмотренных п. 51 Порядка¹;
- номер записи о регистрации прекращаемого права, ограничения права, обременения объекта недвижимости (для реестра прав на недвижимость).

При государственной регистрации прекращения права, ограничения права, обременения объекта недвижимости, сделки по иным основаниям соответствующим записям реестра прав на недвижимость присваивается статус «погашенная» [2].

Таким образом, при рассмотрении заявлений по спорам, связанным с государственной регистрацией прекращения записи об аресте недвижимого иму-

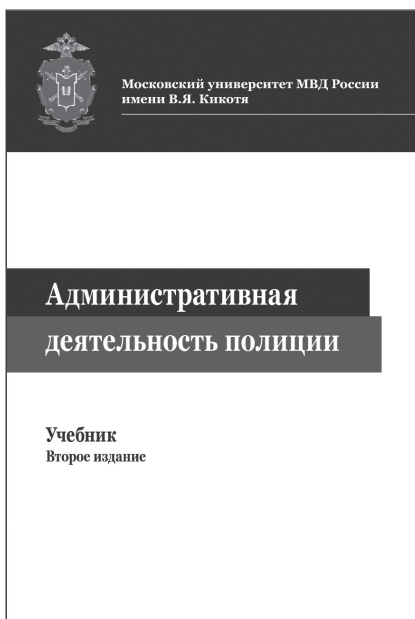
щества, который наложен судом при производстве по уголовному делу, основанием для исключения из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) записи об аресте по истечении установленного срока ареста является судебный акт суда общей юрисдикции о снятии этого обременения.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 31.12.2015 г. № 1532 (ред. от 02.08.2018) «Об утверждении Правил предоставления документов, направляемых или предоставляемых в соответствии с частями 1, 3—13, 15 ст. 32 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в федеральный орган исполнительной власти (его территориальные органы), уполномоченный Правительством Российской Федерации на осуществление государственного кадастрового учета, государственной регистрации прав, ведение Единого государственного реестра недвижимости и предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости» // СЗ РФ. 2016, № 2 (ч. I), ст. 405.

2. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.03.2016.

¹ В отношении документов-оснований указываются: основные сведения, позволяющие идентифицировать документ: наименование документа, его серия и номер (при наличии), дата выдачи (подписания), наименование органа (организации), выдавшего (выдавшей) документ.

Административная деятельность полиции. 2-е изд., перераб. и доп. Учебник. Зиборов О.В. и др. 2019 г. 688 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции». Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

УДК 341
ББК 67.9
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10037

© В.В. Богатырев, Р.А. Каламкарян, 2019

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ВО ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК РОССИИ

Валерий Викторович Богатырев,

заведующий кафедрой международного права и внешнеэкономической деятельности,
доктор юридических наук, профессор
Юридический институт имени М.М. Сперанского

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (600005, Владимир, ул. Студенческая, д. 8)
E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru;

Рубен Амаякович Каламкарян,

ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор
доктор юридических наук, профессор
Юридический институт имени М.М. Сперанского

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (600005, Владимир, ул. Студенческая, д. 8)
E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Аннотация. Представлена имплементация международного права во внутригосударственный правовой порядок России.

Ключевые слова: Россия, имплементация международного права, внутригосударственный правовой порядок.

THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE DOMESTIC LEGAL ORDER OF RUSSIA

Valeriy V. Bogatyrev,

Head of the Department of International Law and Foreign Economic Activity,
Doctor of Law, Professor

Law Institute named after M.M. Speransky
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (600005, Vladimir, ul. Studencheskaya, d. 8);

Ruben A. Kalamkaryan,

Leading Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Professor,
Doctor of Law, Professor

Law Institute named after M.M. Speransky
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (600005, Vladimir, ul. Studencheskaya, d. 8)

Abstract. Presents the the implementation of international law in the domestic legal order of Russia.

Keywords: Russia, implementation of international law, domestic law and order.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Богатырев В.В., Каламкарян Р.А. Имплементация международного права во внутригосударственный правовой порядок России. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):179-83.

Институт имплементации норм международного права в параметрах своего регулятивного воздействия носит целостный по форме и законченный по содержанию характер. По своей юридической значимости институт имплементации содействуют переводу (трансформации) норм одной системы права (международное право) в другую систему права (внутригосударственное право).

Российская Федерация как Великая держава, постоянный член Совета Безопасности ООН в рамках своего внешнеполитического курса по обеспечению международного правового порядка выполняет все свои

международные обязательства независимо от их источника возникновения исключительно на основе принципа добросовестности *bona fide*.

В порядке подтверждения в лице Президента России В.В. Путина (Декларация тысячелетия 2000 г. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) и Председателя Правительства России Д.А. Медведева (Декларация о пяти принципах внешней политики 2008 г.) заявленной приверженности России верховенству права Российская Федерация уже на законодательном уровне проводит весь комплекс надлежащих мер по реализации за-

ложенных в данных актах обязательств. Посредством института имплементации осуществляется процедура по переводу (трансформации) принятых Россией на международном уровне обязательств в сферу регулятивного воздействия внутригосударственного законодательства. Процедура упорядочена, точна и неукоснительно выполняется по закону и по факту. На законодательном уровне принимаются надлежащие юридические акты (законы), которые собственно и выполняют возложенную на них миссию по переводу (трансформации) договорных обязательств в параметры внутригосударственных актов.

В рамках признанного на конституционном уровне формата правового, демократического, социального государства в Российской Федерации установлен примат применения международного права. Пункт 4 ст. 15 Конституции России гласит: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». При этом, как справедливо отметил на этот счет профессор Е.Т. Усенко, нормы международного договора, становясь частью права Российской Федерации, сами по себе не изменяют и собственно не могут изменить или отменить нормы общего законодательства, а действуют как специальные нормы, предназначенные для регулирования правоотношений по факту заключенного международного договора. Конкретно, проблема урегулируется следующим образом. При обстоятельствах коллизии между правилами международного договора Российской Федерации и правилами закона Российской Федерации суд как орган правосудия применяет в порядке приоритета правила международного договора.

Часть 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации устанавливает, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Практика показывает, что именно договоры наиболее часто применяются судами общей юрисдикции [8, с. 61—72].

Дело в том, что международный договор есть результат согласования воли субъектов международного права, а конституции и другие внутренние нормативные акты, устанавливая порядок

взаимоотношений государственных органов и их компетенцию при заключении международных договоров, тем самым оказывают непосредственное воздействие и на процесс волеобразования и волеизъявления государств как субъектов международного права, на формирование их договорной воли. Нарушение установленного в конституции процесса волеобразования государства может привести к существенным порокам его договорной воли, при которых она не будет подлинной волей этого государства и его согласием на обязательность международного договора [12, с. 144].

Следует учитывать, что нарушение внутреннего права государства должно быть такого рода, чтобы его можно было квалифицировать как явное и касающееся нормы внутреннего права «особо важного значения». Такими нормами признаются прежде всего конституционные нормы, касающиеся компетенции различных государственных органов при заключении международных договоров.

Ясно, что суд Российской Федерации, намереваясь применить норму международного права, вправе оценивать ее действительность в соответствии с Российским законодательством. Здесь встает вопрос о том, нормы какого акта могут быть квалифицированы как «особо важные». Это, бесспорно, нормы Конституции России, федеральных конституционных законов и федеральных законов.

«Внешние» условия действительности договора касаются трех обстоятельств. *Первое из них* — это ошибка в договоре. (п. 1 ст. 48 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. — далее: Венская конвенция 1969 г.). *Второе обстоятельство* — это обман или подкуп. (ст. 49 Венской конвенции 1969 г.). *Третье обстоятельство* — это принуждение того лица, которое ставит свою подпись под договором в качестве представителя государства (ст. 51 Венской конвенции 1969 г.).

Положения договора становятся обязательными для его участников, и нарушение этих положений повлечет за собой определенные международно-правовые последствия только после вступления договора в силу. В соответствии с Венской конвенцией 1969 г. (ст. 24) договор вступает в силу в порядке и на дату, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвовавшими в переговорах государствами.

Договор прекращает свое действие в соответствии с условиями самого договора или иными нормами международного права. (ст. 54 Венской конвенции 1969 г.). В большинстве современных международных договоров указываются условия их возможного прекращения. Это может быть срок действия или дата прекращения договора; событие, наступление которого прекращает договор; право денонсировать договор.

Для правомерного совершения допускаемой договором денонсации необходимо соблюдение процедуры денонсации, устанавливаемой внутренним правом государства. Согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» денонсация международных договоров России осуществляется, как правило, органом, принявшим решение о согласии на обязательность договора для России (пп. 1 и 2 ст. 37). Если вопрос о денонсации рассматривается Государственной Думой, то решение о денонсации принимается в форме федерального закона, который подлежит в соответствии со ст. 106 Конституции РФ обязательному рассмотрению в Совете Федерации, после чего закон о денонсации направляется Президенту России для подписания и обнародования.

Поскольку процесс принятия государством международного обязательства иногда бывает длительным, частичное обязательство может возникнуть еще до окончательного оформления согласия государства с международным договором. Здесь возможны два случая. *Первый случай* — подписание Россией универсального многостороннего договора в период до вступления его в силу. Если такой договор отвечает двум условиям: 1) действителен по международному праву; 2) в нем обеспечено представительство государств всех основных правовых систем [7, с. 134]. *Второй случай* создается ст. 18 Венской конвенции 1969 г., в которой говорится, что государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно подписало договор под условием ратификации, до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или оно выразило согласие на обязательность для него договора — до вступления договора в силу.

Это значит, что если дача согласия государства на обязательность для него договора еще не завершена или вступление договора в силу откладывается, государство призвано соотносить свое поведение в параметрах юридического существа международного договора как оно представлено в формате его объекта и цели [5, с. 32—63].

Позитив права, как он предметно себя обозначает в параметрах конкретной юридической ситуации, установлен по обстоятельствам постановочной включенности принципа добросовестности в его качестве общепризнанного принципа современного международного права в режиме *jus cogens* и общего принципа права по смыслу п. 1 «с» ст. 38 Статута Международного суда.

Согласно Российскому праву, не вступивший в силу международный договор Российской Федерации может быть оценен Конституционным Судом РФ на предмет его соответствия Конституции России. Если договор признан не соответствующим Конституции, он не подлежит введению в действие и применению.

Позиционно, корпус полномочий Конституционного Суда РФ предметно представлен в ст. 125 Конституции РФ и показательно раскрыт в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 27 июля 1994 г. № 1-ФКЗ. Соответственно, в порядке осуществления своих полномочий согласно ст. 125 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации решает дела о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

В порядке заявленной приверженности государств-членов мирового сообщества (в том числе и России как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН) примату международного права в международной политике государства призваны переводить постулаты должного поведения на международном уровне (в форме заключен-

ных международных договоров) в постулаты должного поведения на внутригосударственном уровне (в форме законодательных актов). Именно в этом на концептуальном уровне состоит суть института имплементации норм международного права в науке и практике современной юриспруденции.

Общим требованием здесь является выполнение всеми государствами-членами ООН — всех предписаний должного поведения, установленных режимом верховенства права.

В концептуальном плане институт имплементации предметно ориентирован на перевод теоретических и практических требований в сферу внутригосударственного правового регулирования. И Россия в параметрах конституционного ее статуса в качестве правового, социального и демократического государства на основе принципа добросовестности осуществляет перевод принятых ею международных обязательств в сферу пространственного действия внутригосударственного права. Таким образом, международно-правовые постулаты должного поведения, предметно ориентированы в первоначальном варианте на регулирование межгосударственных отношений преобразуются в предписания внутригосударственного порядка. Российская Федерация, будучи привержена добросовестному выполнению взятых на себя международных обязательств, последовательно применяет в рамках повседневной жизни государства весь потенциал правоисполнительной и правообеспечительной практики, заложенный в деятельности законодательных и исполнительных органов страны. Знаковым элементом в плане подтверждения России как добросовестного участника международного правоисполнительного процесса являются положения п. 4 ст. 15 Конституции России, где записано, что «общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Зафиксированные здесь конституционные положения Основного закона России целиком и полностью вписываются в общепризнанные стандарты международно-правового взаимодействия государств-членов мирового сообщества.

Международное право и внутригосударственное право действительно, как правильно отмечают на этот счет профессор Г.В. Игнатенко и О.И. Ти-

унов [13, с. 28—36], могут иметь «совмещенный предмет регулирования», а само международное право может иметь действие непосредственно по отношению к фигурантам внутригосударственного права, а именно физическим лицам. Так, положения 4.1 ст. 17 Конституции России предписывают, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права».

Констатация возможности прямого и непосредственного действия норм международного права в параметрах Российского правового пространства имеет, как справедливо заключают на это счет авторитетные Российские юристы в лице А.Г. Лисицына-Светланова, А.С. Автономова, С.В. Черниченко, А.Н. Вылегжанина, Б.Л. Зимненко, А.Х. Абашидзе, О.И. Тиунова [1, с. 43—54; 2—4; 6; 10; 11], практический и теоретический аспект в плане содействия государственному строительству России.. В показательном плане за Россией подтверждается качество правового, социального, демократического государства-добросовестного участника системы международных правоотношений. С точки зрения теории, здесь вполне обоснованно звучит тезис, согласно которому международное и внутригосударственное право воспринимаются как составные части формирующегося «всемирного правового комплекса».

Взаимодействие международного и внутригосударственного права на нынешнем этапе развития мирового сообщества идет в режиме признания верховенства права как в параметрах межгосударственных отношений, так и сугубо во внутригосударственных рамках.

Россия по факту своей включенности в общемировой процесс развития как Великая держава, постоянный член Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, содействует соблюдению верховенства права по всем направлениям регулятивного воздействия международного и внутригосударственного права. Будучи связующим звеном в параметрах международного и внутригосударственного правопорядка России, институт имплементации как юридический инструмент действия обеспечивает поступательное развитие России как правового государства.

Литература

1. *Абашидзе А.Х.* Институциональные проблемы в универсальной правозащитной системе как фактор негативного влияния на эффективность работы системы договорных органов по правам человека / Sumusubisumus. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество, права человека: LIBERAMICORUM в честь профессора Людмилы Петровны Ануфриевой / отр.ред. Н.А. Соколова. М., 2016.
2. *Автономов А.С.* Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009.
3. *Вылегжанин А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М., 2004.
4. *Зимненко Б.Л.* Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006.
5. *Каламкарян Р.А.* Право международных договоров. Применение международных договоров во времени и пространстве. М., 2015.
6. *Лисицын-Светланов А.Г.* Роль права в модернизации экономики России. М., 2011.
7. *Лукашук И.И.* Международное право в судах государств. СПб., 1993.
8. *Марочкин С.Ю.* Применение судами России норм международного права // Российский ежегодник международного права. 2003.
9. *Тиунов О.И.* Конституционный Суд Российской Федерации и международное право / Российский ежегодник международного права. 1985. СПб., 1985.
10. *Тиунов О.И., Каширкина А.А. Морозов А.Н.* Выполнение международных договоров Российской Федерации. М., 2011.
11. *Черниченко С.В.* Контуры международного права. М., 2014.
12. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997.
13. Международное право. Учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2009.

Конституционное право России. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Лучин В.О., Б.С. Эбзеева, Е.Н. 2018 г. 671 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». (Серия «Dura lex, sed lex»).

Рассмотрены вопросы, традиционно относящиеся к предмету науки конституционного права: конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, система органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и др. Большое внимание уделено избирательной системе в России. Отражены законодательные нормы об объединении арбитражных судов с Верховным Судом РФ.

Для студентов юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), преподавателей, практических работников, а также для всех интересующихся проблемами отечественного конституционного права.

УДК 341
ББК 67.9
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10038

© С.Е. Смирных, 2019

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Сергей Евгеньевич Смирных,
ученый секретарь, кандидат юридических наук
Российская Ассоциация международного права (119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10)
E-mail: marya_babanova@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается значение субъективных прав детей в современном международном праве.

Ключевые слова: субъективные права детей, современное международное право.

SUBJECTIVE RIGHTS OF CHILDREN IN MODERN INTERNATIONAL LAW

Sergey E. Smirnykh,
General Secretary, Candidate of Law
Russian Association of International Law (119019, Moscow, ul. Znamenka, d. 10)

Abstract. The article is devoted to the subjective rights of children in modern international law.

Keywords: Subjective rights of children, modern international law.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Смирных С.Е. Субъективные права детей в современном международном праве. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):184-7.

Современный миропорядок в параметрах целостности (в смысле недопустимости нарушения права или злоупотребления правом, и завершенности в режиме отсутствия пробелов) системы международного права предметно упорядочивает режим прав детей в формате отдельного института международного права прав человека. Российская Федерация как активный субъект, позиционно заявившая о своей приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.), проводит последовательный курс на обеспечение выполнимости всего корпуса норм международного права, прав человека, в том числе, разумеется, и по линии прав детей.

Тем самым, Российское государство вносит существенный вклад в дело поддержания юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) детей как субъектов правоотношений. Позитив права здесь обозначен в параметрах всеобщности (по линии всех юридических фактов включенности детей в систему правоотношений) и всеобъемлемости (по направлению

применения всего корпуса предписаний права) правового регулирования статуса детей в их качестве признанных субъектов правоотношений.

В современном глобализирующемся мире вопросы прав детей приобретают все большее значение в связи с тем, что семейные правоотношения часто выходят за пределы национальных правовых рамок. В связи с этим необходимо уделить особое внимание применению положений международно-правовых документов, закрепляющих корпус пробелов в области прав детей [5, с. 281].

При этом необходимо иметь в виду, что XXI в., считается веком информационных технологий, которые являются одним из основных факторов, влияющих на развитие общества [2, с. 345].

Всемирная сеть Интернет широко используется для пропаганды различных экстремистских идей и движений, кибермошенничества, информационных блокад, компьютерного шпионажа и иных посягательств, представляющих повышенную опасность для общества. В процессе мониторинга российских и иностранных социальных сетей выявляются многочисленные текстовые и видеома-

териалы, оправдывающие и пропагандирующие деятельность террористических и экстремистских сообществ, призывающих к терроризму [12, с. 119—120].

Следует иметь в виду, что основные угрозы информационной безопасности детей связаны с использованием информационно-коммуникационных технологий. Подвергаясь негативным информационным воздействиям, дети могут быть вовлечены в пропаганду терроризма и быть привлечены к террористической деятельности [11, с. 174].

Пропаганда различных экстремистских идей и движений может привести к злоупотреблению правами детей и ухудшению их положения. При этом следует отметить, что роль международного права в зарубежной науке юриспруденции на концептуальном уровне понимается как роль полицейского. За ним — двери суда и тюрьмы [17, р. 1].

Необходимо иметь в виду, что дети являются особыми участниками отношений, что обусловлено рядом факторов. В частности, имеет значение возраст детей, их личностные характеристики, участие законных представителей детей в реализации их прав и интересов в целях восполнения их дееспособности [8, с. 3].

В правовой научной литературе отсутствует единство мнений в отношении определения субъективного права.

По утверждению Т. Марцеолля, право, *jus*, в так называемом субъективном своем смысле есть государством признанное и охраняемое правомочие лица на известный предмет, который в силу этого права подвержен в большей или меньшей мере правовому воздействию лица, обладающего этим правом [16, с. 101].

С точки зрения Г.Ф. Шершеневича, под правом в субъективном смысле понимается обусловленная объективным правом возможность осуществления интереса [14, с. 85].

По мнению О.С. Иоффе, содержание субъективного права сводится не только к обеспечению определенного поведения обязанных лиц и возможности совершения известных действий управомоченным, но и к интересу, удовлетворение которого обуславливается его осуществлением [7, с. 560].

С точки зрения М.М. Агаркова, право, принадлежащее субъекту (субъективное право), является

господством субъекта над чем-то, вне его находящимся [1, с. 23].

Как отмечает Д.М. Чечот, субъективное право дает своему обладателю возможность определенного дозволенного поведения, одновременно связывая обязанное лицо необходимостью должного поведения [13, с. 36].

По мнению В.А. Белова, юридически защищенная и обеспеченная возможность удовлетворения интереса активного субъекта правоотношения обыкновенно называется субъективным правом [4, с. 533].

С точки зрения Н.Н. Вопленко, субъективное право есть вид и мера возможного поведения участников правоотношений, гарантируемого системой действующего законодательства и правоохранительной деятельностью органов государства [6, с. 37].

А.Л. Анисимов отмечает, что субъективное право дает возможность лицу удовлетворять свои материальные и духовные запросы, т.е. пользоваться социальными благами [3, с. 23].

С точки зрения А.А. Малиновского, субъективное право представляет собой меру возможного поведения (меру свободы), предоставленную управомоченному лицу для удовлетворения его интересов [10, с. 222].

Представляется, что существенными признаками субъективных прав детей в международном праве являются: закрепление в международно-правовых документах; обеспечение соответствующими обязанностями органов международных организаций; закрепление в международных соглашениях механизмов реализации; наличие правовых ограничений поведения; Удовлетворение интересов и потребностей; возникновение с момента рождения; неотчуждаемость.

Содержание субъективных прав детей составляет совокупность правомочий. В связи с этим представляется целесообразным определить понятие «правомочие».

Как отмечает О.Г. Ломидзе, с одной стороны, совокупность отдельных правомочий не тождественна субъективному праву; а с другой — субъективное право проявляет себя через конкретные возможности, отдельные правомочия [9, с. 20].

По мнению В.А. Белова, юридически обеспеченные возможности, составляющие всякое субъективное право, называются правомочиями. При этом субъективное право представляет собой не простую сумму, набор, совокупность, правомочий, а их систему, т.е. единое целое, неразделимое на элементы. Всякое субъективное право складывается из двух правомочий — на собственные действия и на чужие действия [4, с. 539].

Следовательно, под правомочиями детей можно понимать юридически обеспеченные возможности, позволяющие удовлетворять их интересы. Правомочия детей и субъективные права детей соотносятся как часть и целое. Субъективные права детей предусматривают права на собственные действия и права на действия других участников международных отношений.

С позиции общей теории государства и права, субъективное право включает в себя возможность определенного поведения самих управомоченных лиц и требования соответствующего поведения (положительных действий) от других лиц. Ряд советских юристов в понятие субъективного права включали также притязание, т.е. возможность прибегнуть к принудительной силе государства для осуществления своего права [15, с. 521—524].

По мнению С.А. Комарова, структура субъективного права состоит из следующих возможностей: определенного поведения управомоченных лиц; требования соответствующего поведения от обязанных лиц; обращаться за защитой к компетентным государственным органам (прежде всего суды); пользоваться определенными социальными благами, ценностями.

Представляется, что субъективные права детей состоят из права детей на собственные действия и права детей на действия других участников международных отношений. Право детей на собственные действия предполагает возможность защиты детьми своих прав и право детей на ответственность государств.

Как отмечает В.А. Белов, системность субъективного права позволяет думать, что речь идет о различных субъективных правах, когда входящие в их состав возможности: имеют различное юридическое качество (одни — абсолютные,

другие относительные); принадлежат различным субъектам; имеют различные объекты; возникают, изменяются и прекращаются по различным основаниям.

Для того чтобы заключить, что перед нами — возможности, входящие в состав различных субъективных прав детей, достаточно установить, что выполняется хотя бы один из перечисленных признаков. Следует иметь в виду, что служение субъективных прав удовлетворению одних и тех же интересов управомоченных подтверждает предположение о том, что искомые возможности принадлежат одному и тому же субъективному праву [4, с. 541—542].

Следовательно, правомочия, входящие в состав субъективных прав детей в международном праве предполагают следующие характерные признаки: единое юридическое качество (правомочия должны относиться либо к абсолютным, либо к относительным субъективным правам детей); правомочия должны принадлежать одним и тем же детям; единство объектов правомочий, входящих в состав субъективных прав детей; возникновение, изменение и прекращение по единым основаниям; служение всех правомочий удовлетворению одних и тех же интересов детей.

Отсутствие хотя бы одного признака правомочий, входящих в состав субъективных прав детей в международном праве, позволяет сделать вывод о том, что правомочия принадлежат различным субъективным правам детей.

Например, правомочие детей требовать обеспечения защиты от всех форм дискриминации или наказаний и правомочие детей требовать осуществления права на сохранение индивидуальности детей, включая гражданство, имя и семейные связи относятся к различным субъективным правам, так как они возникают, изменяются и прекращаются по различным основаниям.

Следует отметить, что наиболее важным признаком, позволяющим определить, что правомочия составляют единое субъективное право, является именно цель, достижение, которой позволяет удовлетворить интересы детей.

Представляется, что на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что субъективные права детей в международном

праве представляют юридически обеспеченные возможности удовлетворения их интересов. При этом субъективные права детей в международном праве состоят из возможностей совершать собственные действия и возможности требовать от других участников международных отношений совершения предусмотренных правом действий или воздержания от совершения строго определенных действий.

Поступательное развитие современного миропорядка на основе верховенства права ставит в порядке востребованности необходимость соблюдения всего корпуса предписаний должного поведения государств по линии субъективных прав детей как они признаны современным международным правом. Международно-правовое позиционирование Российской Федерации здесь обозначено содействием обеспечению целостности системы международного права в параметрах всего субъектного состава государств-членов мирового сообщества. Выход России на позитив обязательства должного поведения на универсальном уровне четко установлен в формате позитива обязательства цели права по линии недопустимости нарушения права или злоупотребления правом. Внешнеполитический курс России предметно установлен в параметрах обеспеченности международной законности и правопорядка.

Литература

1. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
2. *Алиев З.Г.* Информационно-коммуникационные технологии и права человека // Российский ежегодник международного права. 2015. Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», Санкт-Петербург, 2016.
3. *Анисимов А.Л.* Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации. М., 2001.
4. *Белов А.В.* Гражданское право: Общая часть: Учебник. М., 2002.
5. *Волова Л.И.* Совершенствование правового регулирования семейных отношений с иностранным элементом в законодательстве Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. 2017. Социально-Коммерческая фирма «Россия-Нева». Санкт-Петербург, 2017.
6. *Вопленко Н.Н.* Субъективное право и юридическая обязанность как содержание правового отношения // Защита субъективных прав: история и современные проблемы: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Волгоград, 2004.
7. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2003.
8. *Летова Н.В.* Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013.
9. *Ломидзе О.Г.* Правонаделение в гражданском законодательстве России. СПб., 2003.
10. *Малиновский А.А.* Назначение субъективного права // Правоведение. 2006. № 4.
11. *Полякова Т.А., Жарова А.К.* Научный семинар «Проблемы информационного права и информационной безопасности» // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 1. М., 2017.
12. *Савенкова Д.Д.* Правовое обеспечение информационной безопасности Российской Федерации и развитие института ответственности за правонарушения в информационной сфере // Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. М.: ИГП РАН — Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018.
13. *Чечот Д.М.* Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2005.
14. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. М., 1914.
15. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / Под ред. В.Е. Гулиева. М., 1973.
16. Учебник римского гражданского права Теодора Марцеолля. М., 1867.
17. *Wesley L. Gould.* An Introduction to International Law. Harper & Brothers Publishers. New York. 1957.

УДК 342.9
ББК 67.401
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10039

© А.В. Константинов, М.В. Дульнев, 2019

Научная специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, КОЛЛИЗИИ И СПОСОБЫ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Алексей Владимирович Константинов,

доцент кафедры административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: alexk_pochta@mail.ru;

Максим Викторович Дульнев,

преподаватель кафедры административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: 7827844@mail.ru

Аннотация. Анализируется современное правовое регулирование механизмов осуществления государственного управления образовательной деятельностью. Проведено доктринальное исследование ряда терминов, используемых в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Выявлены коллизии в терминологическом аппарате Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Содержание, вкладываемое законодателем в понятие «государственная регламентация» не соответствует общепринятому понятию «государственная регламентация». Прослеживаются изменения правового регулирования независимой оценки качества образования. Сформулирован вывод о необоснованности и отсутствии необходимости замены формулировки «независимая оценка качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность» на «независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность». Указанные изменения повлекли необоснованное сужение объекта независимой оценки качества образования. Предложены способы устранения выявленных коллизий.

Ключевые слова: образовательная деятельность, образовательные организации, государственное управление образовательной деятельностью, лицензирование, аккредитация, контроль, независимая оценка качества образовательной деятельности.

STATE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL ACTIVITIES: CONTEMPORARY LEGAL REGULATION, CONFLICTS AND THEIR SOLUTION

Aleksey V. Konstantinov,

Associate Professor of the Department of Administrative Affairs of the Department of Internal Affairs, Candidate of Law
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Maksim V. Dulnev,

Lecturer, Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs, Candidate of Law
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The modern legal regulation of the mechanisms of state management of educational activities is analyzed. A doctrinal study of a number of terms used in the Federal law «On education in the Russian Federation». Conflicts in the terminology of the Federal law «On education in the Russian Federation» are revealed. The content invested by the legislator in the concept of «state regulation» does not correspond to the generally accepted concept of «state regulation». Changes in the legal regulation of the independent assessment of the quality of education are traced. The conclusion about the groundlessness and the absence of the need to replace the wording «independent assessment of the quality of educational activities of organizations engaged in educational activities» with «independent assessment of the quality of the conditions of educational activities of organizations engaged in educational activities». These changes resulted in unjustified narrowing of the object of independent assessment of the quality of education. The ways of elimination of the revealed collisions are offered.

Keywords: educational activities, educational organizations, state management of educational activities, licensing, accreditation, control, independent assessment of the quality of educational activities.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Константинов А.В., Дульнев М.В. Государственное управление образовательной деятельностью: современное правовое регулирование, коллизии и способы их устранения. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):188-92.

К числу наиболее важных и социально значимых направлений проводимых в Российской Федерации реформ относятся преобразования в сфере образования в целом, и в области государственного управления системой образования в частности. Го-

сударственное управление системой образования должно обеспечить эффективный инструментарий, направленный на решение приоритетных социальных задач, поставленных перед государственным управлением.

При изучении отечественной научной литературы, посвященной сфере образования обращает на себя внимание факт неверного использования понятийного аппарата — зачастую исследователями в тождественных смыслах используются понятия «управление» и «регулирование», либо допускается смешение объема данных понятий. Так, например, А.А. Мамедов в работе «Государственное регулирование в сфере высшего образования» [2] фактически исследует управление в сфере высшего образования. Представляется, что приведенные термины имеют принципиально разное значение, поэтому необходимо определить значение понятий «управление» и «регулирование» в целях настоящего исследования.

И.А. Кох отмечает, что содержание понятия «управление» шире, чем содержание понятия «регулирование». Регулирование является этапом, структурным элементом или функцией управления. Изложенное подтверждается концепцией базовых этапов управленческого цикла, который включает в себя: планирование, организацию, стимулирование, контроль, регулирование [1].

Осуществление регулирования не подразумевает фундаментальных преобразований, внесения принципиальных изменений. Процесс регулирования реализуется в рамках правил, ранее установленных и не подлежащих модификации в процессе регулирования. Управление же формирует правила и стандарты, подлежащие применению на всех этапах управленческого цикла. В рамках управления предполагается принятие решений, а сам процесс регулирования может меняться с учетом текущих условий. Регулирование, традиционно понимаемое как поддержание определенных параметров в заданных пределах, целесообразно отнести к виду управления.

Таким образом, под государственным управлением системой образования в широком смысле следует понимать «целенаправленное организующее-регулирующее воздействие, субъектом которого является государство, осуществляющее через деятельность органов государственной власти и их должностных лиц управленческую деятельность в установленном правовом порядке» [3, с. 74], а объектом — система образования.

В узком смысле государственное управление системой образования представляет собой «ис-

полнительную и распорядительную деятельность органов исполнительной власти, осуществляемую на основании и во исполнение законов, для выполнения возложенных на них задач и функций» [4, с. 21].

Именно к контексте узкой трактовки государственного управления системой образования в главе 12 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [7] раскрываются конкретные инструменты управления в сфере образования, к числу которых на законодательном уровне отнесены:

- государственная регламентация (ст. 90);
- лицензирование (ст. 91);
- аккредитация — государственная (ст. 92) и общественная (ст. 96);
- контроль (надзор) (ст. 93);
- педагогическая экспертиза (ст. 94);
- независимая оценка качества образования (ст. 95), включающая в себя независимую оценку качества подготовки обучающихся (ст. 95.1) и независимую оценку качества образовательной деятельности (ст. 95.2).

В свою очередь, не все из перечисленных инструментов управления сферой образования относятся к государственным. К числу последних можно отнести регламентацию сферы образования, лицензирование, государственную аккредитацию, государственный контроль (надзор), независимую оценку качества образования.

Следовательно, в рамках настоящего исследования необходимо изучить правовое регулирование государственной регламентации сферы образования, лицензирования, государственной аккредитации, государственного контроля (надзора), независимой оценки качества образования.

При углубленном изучении перечисленного инструментария понятийный аппарат ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — ФЗ Об образовании) представляется далеким от идеала. Так, «государственная регламентация», согласно положениям ст. 90 ФЗ Об образовании представляет собой не нормативно-правовое регулирование сферы образования (что было бы логичным, учитывая, что в научной среде под регламентацией принято понимать «1) совокупность правил, определяющих порядок деятельности государственного органа, уч-

реждения, организации; 2) Порядок ведения заседаний, конференций, съездов» [8], а совокупность методов (инструментов) государственного управления сферой образования — лицензирования, государственной аккредитации, государственного контроля (надзора). Именно такой вывод следует из буквального толкования положений ст. 90 рассматриваемого федерального закона. Однако, с точки зрения юридической техники, такое определение государственной регламентации (любой деятельности или сферы) нельзя назвать точным, полным и непротиворечивым.

Во-первых, государственная регламентация, представляет собой «процесс формирования государством в лице его властных органов требований к определенной деятельности в целях совершенствования эффективности и качества ее осуществления» [5, с. 276—277].

Во-вторых, в любой интерпретации государственная регламентация образовательной деятельности не может быть ограничена на институтами лицензирования, государственной аккредитации, государственного контроля (надзора), ни нормативно-правовым регулированием таких институтов, поскольку сфера образования, безусловно, шире совокупности перечисленных элементов.

Таким образом, налицо наличие коллизии в терминологическом аппарате ФЗ Об образовании. Содержание, вкладываемое законодателем в понятие «государственная регламентация» не соответствует общепринятому понятию «государственная регламентация». Для устранения выявленной коллизии необходимо внести изменения в положения ст. 90 ФЗ Об образовании и заменить термин «государственная регламентация образовательной деятельности» дефиницией «государственная регламентация разрешительной, аккредитационной и контрольной деятельности в сфере образования».

Независимая оценка качества образования, как гласят положения ст. 95 ФЗ Об образовании, имеет своей целью «получение сведений об образовательной деятельности, о качестве подготовки обучающихся и реализации образовательных программ» (п. 1 ст. 95 ФЗ Об образовании).

Несмотря на то, что независимая оценка качества образования не осуществляется государственными органами власти, результаты такой оценки

направляются во властные органы федерального и регионального уровней, реализующие государственное управление в сфере образования и органы местного самоуправления и должны быть не только рассмотрены соответствующими органами власти в срок не позднее одного месяца с момента поступления, но и учтены такими органами при разработке мер, направленных на совершенствование образовательной деятельности и оценке деятельности руководителей организаций, осуществляющих образовательную деятельность (ч. 5 ст. 95 ФЗ Об образовании); показатели, характеризующие критерии независимой оценки, устанавливаются федеральным органом исполнительной власти (п. 5 ст. 95.2 ФЗ Об образовании), сбор и обобщение информации о качестве условий осуществления образовательной деятельности организациями осуществляется на основании государственных и муниципальных контрактов (п. 8 ст. 95.2 ФЗ Об образовании), что позволяет отнести независимую оценку качества образования к числу инструментов государственного управления образовательной деятельностью.

Системно независимая оценка качества образования включает в себя независимую оценку качества подготовки обучающихся и независимую оценку качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность. Независимая оценка качества образования, — институт, правовое регулирование которого претерпело существенные изменения в течение последнего года. В ФЗ были внесены изменения, в соответствии с которыми ранее используемая формулировка «независимая оценка качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность» была заменена на «независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность» [9]. Несмотря на то, что указанные изменения фактически терминологически сузили сферу применения независимой оценки (вместо качества образовательной деятельности теперь оценивается качество условий осуществления образовательной деятельности), их (указанных изменений) обоснование отсутствует и в пояснительной записке к соответствующему проекту федерального закона [10], и в финансово-

экономическом обосновании к нему [11]. Также следует обратить внимание на тот факт, что при явном изменении объекта независимой оценки, цели такой оценки, закрепленные положениями п. 1 ст. 95.2 ФЗ Об образовании, содержательно остались неизменными. Изменения были формальными и коснулись наименования вида независимой оценки и замены глагола «проводится» на «осуществляется». Логический объем цели независимой оценки был сохранен — предоставление участникам отношений в сфере образования информации об уровне организации работы по реализации образовательных программ на основе общедоступной информации.

Также следует обратить внимание на то, что п. 29 ст. 2 ФЗ Об образовании содержит определение понятия «качество образования», и изменения законодательства, повлекшие замену формулировки «независимая оценка качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность» на «независимую оценку качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность», не затронули понятийного аппарата рассматриваемого нормативно-правового акта.

Резюмируя изложенное, следует признать необоснованными и неоправданными внесенные изменения. Объект независимой оценки, указанный в первоначальной редакции ФЗ Об образовании представляется более логичным и органически вписанным в действующее законодательство.

Проведенное исследование продемонстрировало наличие проблем в правовом регулировании государственного управления образовательной деятельностью.

Во-первых, выявлена коллизия в терминологическом аппарате ФЗ Об образовании в части дефиниции «государственная регламентация образовательной деятельности». Содержание, вкладываемое законодателем в понятие «государственная регламентация» не соответствует общепринятому понятию «государственная регламентация».

Во-вторых, представляются необоснованными и неоправданными внесенные изменения в части замены формулировки «независимая оценка качества образовательной деятельности организаций, осу-

ществляющих образовательную деятельность» на «независимую оценку качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность». Объект независимой оценки, указанный в первоначальной редакции ФЗ Об образовании представляется более логичным и органично вписанным в действующее законодательство.

В целях решения выявленных проблем представляется необходимым внести следующие изменения в ФЗ «Об образовании».

Для устранения выявленной коллизии в части дефиниции «государственная регламентация образовательной деятельности» необходимо внести изменения в положения ст. 90 ФЗ Об образовании (и иные положения данного нормативно-правового акта) и заменить термин «государственная регламентация образовательной деятельности» дефиницией «государственная регламентация разрешительной, аккредитационной и контрольной деятельности в сфере образования».

Следует внести изменения в ст. 95 и 95.2 ФЗ Об образовании, заменив формулировку «независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность» на «независимая оценка качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность».

Литература

1. Кох И.А. Управление и регулирование в социальной организации / И.А. Кох [текст] // Вопросы политологии и социологии. УИУ РАНХиГС, 2014. Режим доступа: <http://politsocio.uapa.ru/ru/issue/2013/02/11/> (дата обращения 11.11.2018).
2. Мамедов А.А. Государственное регулирование в сфере высшего образования / А.А. Мамедов [текст] // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 2.
3. Образовательное законодательство России. Новая веха развития: монография / Л.В. Андриченко, В.Л. Баранков, Б.А. Булаевский и др.; под ред. Н.В. Путило, Н.С. Волковой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015.

4. *Попова Н.Ф.* К вопросу о государственном управлении финансами / Н.Ф. Попова [текст] // Современный юрист. 2014. № 1.

5. *Фролов Б.М.* Государственная регламентация образовательной деятельности: понятие, признаки, пути совершенствования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 8.

6. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3-х т. / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.: ИЗ-иСП, ИНФРА-М, 2015. Т. 1: Общие положения о юридических лицах.

7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об образовании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

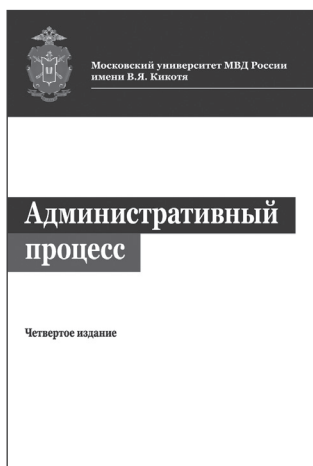
8. Большой энциклопедический словарь [Текст] / gufo.me. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bes> (дата обращения 12.11.2018).

9. Федеральный закон от 05.12.2017 № 392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 50 (Часть III). Ст. 7563.

10. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 231361-7 «О внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования и социального обслуживания и признании утратившей силу статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» [Электронный ресурс] Сайт Московской Федерации Профсоюзов. Режим доступа: http://mtuf.ru/files/novosti/news_files/fnpr/exprnote.pdf (дата обращения 12.11.2018).

11. Финансово-экономическое обоснование к проекту федерального закона № 231361-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования и социального обслуживания и признании утратившей силу статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» [Электронный ресурс] Сайт Московской Федерации Профсоюзов. Режим доступа: http://mtuf.ru/files/novosti/news_files/fnpr/ficecosub.pdf (дата обращения 10.11.2018).

Административный процесс. 4-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Волкова В.В. и др. 2019 г. 200 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Административный процесс представлен как сложный и комплексный административно-правовой институт. Проанализированы задачи, основные принципы, участники административного процесса. Уделено внимание юрисдикционной и управленческой концепциям административного процесса. Рассмотрена структура административного процесса, виды производств.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, а также студентов, обучающихся по специальности Государственное и муниципальное управление.

УДК 342.9

ББК 67.401

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10040

© Ю.Н. Сосновская, Э.В. Маркина, 2019

Научная специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАНСПОРТЕ

Юлия Николаевна Сосновская,
доцент кафедры административной деятельности ОВД,
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: lisenok1214@yandex.ru;
Элеонора Викторовна Маркина,
доцент кафедры административного права,
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

Аннотация. Законодатель, принимая новые нормативные правовые акты, порой упускает некоторые аспекты, что приводит к возникновению разногласий или противоречий в законе, регулирующем смежные общественные отношения. Проблемные вопросы в правовом регулировании деятельности органов внутренних дел на транспорте — предмет исследования данной статьи.

Ключевые слова: правовые акты, регулирование, органы внутренних дел на транспорте, отношения, общественная безопасность.

PROBLEM ISSUES IN THE LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN TRANSPORT

Yuliya N. Sosnovskaya
Associate Professor of the Department of Administrative Affairs of the Department of Internal Affairs,
Candidate of Law, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);
Eleonora V. Markina,
Associate Professor of the Department of Administrative Law,
Candidate of Law, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The legislator, accepting new regulatory legal acts, sometimes misses some aspects and there is a disagreement or contradiction in the law regulating adjacent public relations. Considered problematic issues in the legal regulation of the activities of internal affairs bodies in transport.

Keywords: legal acts, regulation, internal affairs bodies in transport, relations, public safety.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В. Проблемные вопросы в правовом регулировании деятельности органов внутренних дел на транспорте. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):193-6.

В условиях современной жизни общества постоянно появляются новые институты, возникают общественные отношения, которые требуют создания новой правовой основы для регулирования этих отношений. Законодатель, принимая новые нормативные правовые акты, порой упускает некоторые аспекты и возникают разногласия или противоречия в законе, регулирующем смежные общественные отношения. Еще с середины XX в. тема юридических коллизий пробудила научный интерес; тогда

же появилось и несколько подходов к пониманию термина «коллизия».

В советский период один из первых ученых административистов Н.Г. Александров раскрыл понятие «коллизии юридических норм». По его мнению, «коллизией юридических норм» считается ситуация, когда по решению одного и того же вопроса, орган, решающий соответствующие дела, встречается с наличием нескольких норм, расходящихся по содержанию.

Пробел в нормативно-правовом регулировании — это отсутствие норм закона и норм подзаконных актов.

Следует отметить, что в советском праве термин «пробел в праве», как правило, не употреблялся. Говорилось об отсутствии нормы, регуливающей данные или сходные с ними отношения. Связано это с тем, что советское право считалось совершенным и превосходящим всякое другое не только по своей сущности, но и по своей эффективности, адекватности объективной реальности. В связи с этим считалось, что всякие проблемы, связанные с отсутствием определенных норм, быстро устраняются советскими законодателями.

Отличительная черта пробела в праве в том, что те фактические обстоятельства, в отношении которых отсутствует конкретное нормативное предписание, в общем и целом правом урегулированы: законодатель выразил здесь свою волю через урегулирование аналогичных обстоятельств, через общие нормы права, общие и отраслевые правовые принципы. Таким образом, пробелы представляют собой своего рода «пропуски» в правовом пространстве, в ткани юридических норм, которые нежелательны и в принципе должны быть исключены из общего правила адекватного правового регулирования социальной сферы.

Коллизии и пробелы в различных нормативных актах, кодексах являются актуальной проблемой юриспруденции. Безусловно, сфера органов внутренних дел на транспорте не является исключением.

Органы внутренних дел на транспорте — это организационно-самостоятельная система органов внутренних дел, созданная для обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью на железнодорожном, воздушном, речном и морском каботажном транспорте. Условно ее называют «транспортной полицией», но включает это понятие, как полицейские, так и не полицейские подразделения.

Основными структурными подразделениями МВД России по обеспечению безопасности на транспорте являются линейные отделы МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте. Регулирует деятельность этих подразделений Приказ МВД России от 15.06.2011 № 636 «Об утверждении Типового положения о линейном

отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте», в соответствии с которым, основной задачей территориальных органов МВД России на транспорте является обеспечение общественного порядка и общественной безопасности.

При всей схожести органов внутренних дел на транспорте и территориальных органов внутренних дел, их организация и осуществление функций имеют определенные отличия.

Во-первых, деятельность органов внутренних дел на транспорте реализуется в рамках одной отрасли на четко определенных объектах.

Во-вторых, осуществление этих функций протекает в условиях постоянно действующих на объектах транспорта производственных факторов. Это круглосуточная работа вокзалов, аэропортов, непрерывные потоки пассажиров, концентрация товарно-материальных ценностей и другие факторы, которые, проявляясь в самых разнообразных сочетаниях, неожиданно изменяют оперативную обстановку, направленность и интенсивность действий подразделений органов внутренних дел на транспорте.

В-третьих, отсутствие в ряде случаев возможности получить вовремя необходимую помощь, совет предопределяют в работе этих органов широкое применение типовых вариантов действий и управленческих решений.

Поэтому действия сотрудников полиции в подобных ситуациях должны быть доведены до автоматизма, естественно они должны опираться только на нормативные правовые акты, созданные для реализации отношений в сфере органов внутренних дел на транспорте.

В условиях современной жизни общества постоянно появляются новые институты, возникают общественные отношения, которые требуют создание новых законов, для регулирования этих отношений.

Законодатель, принимая новые законы, порой упускает некоторые аспекты, в результате чего возникают разногласия и противоречия в законе, регулирующем смежные общественные отношения.

В целом, под правовым регулированием деятельности органов внутренних дел следует понимать целенаправленное юридическое воздействие

на общественные отношения, являющееся формой актуализации правоохранительной деятельности органов внутренних дел и осуществляемое с целью обеспечения законности в тех проявлениях общественной жизни, которые составляют сферу приложения их правоохранительных возможностей.

Отличительная черта деятельности ОВД на транспорте состоит в том, что она регулируется не одной, а многими правовыми нормами, которые относятся к разным отраслям права — административного, уголовно-процессуального и т.д.

Однако на органы внутренних дел на транспорте распространяются лишь некоторые правовые нормы каждой из отраслей права, а именно те, которые регулируют сферу охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта.

Для объективной оценки эффективности действующего законодательства, был проведен комплексный анализ, в результате которого было установлено, что к основным факторам, характеризующим состояние правового регулирования деятельности органов внутренних дел на транспорте, следует отнести: наличие необходимой правовой базы, недвусмысленность формулировок используемых правовых норм, их коллизионность, эффективность влияния на работу органов внутренних дел на транспорте.

Сотруднику органов внутренних дел на транспорте приходится пользоваться нормативно-правовыми актами разных уровней и направленности, которых на данный момент насчитывается около 72, т.к. законодатель не вводит термин «органы внутренних дел на транспорте» ни в Конституцию, ни в Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

Однако гарантии, содержащиеся в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ имеют значения для эффективной работы данных подразделений. Так, например, в соответствии с п. 3 ст. 46 ФЗ «О полиции» «сотрудник полиции при выполнении служебных обязанностей по обеспечению безопасности граждан и охране общественного порядка на железнодорожном, водном или воздушном транспорте имеет право проезда в поездах, на речных, морских и воздушных судах в пределах об-

служиваемого им объекта (участка) без приобретения проездных документов только при выполнении указанных обязанностей». Несмотря на установленные требования Закона, ни в нем самом, ни в других нормативных правовых актах содержание понятия «служебные обязанности по обеспечению безопасности граждан и охране общественного порядка» не раскрывается, тем самым законодатель дает возможность произвольного толкования.

Нельзя обойти вниманием отдельные противоречия и пробелы Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, имеющих значение для четкого определения компетенции органов внутренних дел на транспорте в области административной юрисдикции. Так, непонятно то, что в главе 11 «Административные правонарушения на транспорте» параллельно действуют две статьи — ст. 11.3.1 «Нарушение требований авиационной безопасности» и ст. 11.15.1 «Неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности», предусматривающие ответственность за одинаковые правонарушения. Речь идет о том, что среди требований, за нарушение которых наступает административная ответственность по ст. 11.15.1, есть и требования по обеспечению транспортной безопасности, учитывающие уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств воздушного транспорта, утвержденные приказом Минтранса России от 8 февраля 2011 г. № 40.

Однако право рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 11.15.1, предоставлено только органам, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере транспорта. Таким образом, подразделения органов внутренних дел на транспорте фактически не могут влиять на соблюдение предприятиями транспорта требований транспортной безопасности, в том числе порядка обеспечения антитеррористической защищенности объектов, находящихся в оперативном обслуживании органов внутренних дел.

Динамика развития отношений в транспортном комплексе в целом и в правоохранительной деятельности в частности обусловила появление новых, не урегулированных нормативными правовыми актами, форм, методов, направлений и аспек-

тов взаимодействия. В частности, за пределами ведомственного правового регулирования все еще остаются многие вопросы организации взаимодействия между территориальными и транспортными органами внутренних дел по профилактике правонарушений, а также иными субъектами, обеспечивающими транспортную безопасность — органами прокуратуры, суда и юстиции. Обязанность по обеспечению сохранности грузов на объектах железнодорожного транспорта на органы внутренних дел на транспорте ни одним нормативным правовым актом непосредственно не возложена, однако, реализация большинства функций органов внутренних дел на транспорте связана с осуществлением ими оперативно-служебной деятельности. Борьба с преступлениями и иными правонарушениями в сфере функционирования объектов железнодорожной инфраструктуры, а также оперативно-профилактическая работа по борьбе с хищениями перевозимых грузов и другими правонарушениями напрямую связаны с выявлением, пресечением, раскрытием и профилактикой противоправных деяний, связанных с хищением либо уничтожением имущества соб-

ственников, находящегося на территориях оперативного обслуживания ОВД на транспорте.

Проведя анализ нормативной правовой базы, регулирующей деятельность ОВД на транспорте, можно сделать вывод о том, что она является далеко не совершенной.

Как справедливо отмечает Ю.В. Степаненко, «органы внутренних дел на транспорте как обособленная институтированная подсистема обладает весьма усеченным правовым статусом, элементы которого рассредоточены по нормативным правовым актам разного уровня и направленности. Устранение юридических коллизий и пробелов — одно из направлений повышения эффективности правового регулирования деятельности органов внутренних дел на транспорте. Совершенствование правового регулирования деятельности органов внутренних дел на транспорте должно происходить на основе мониторинга и комплексной проверки нормативной правовой основы деятельности ОВД на транспорте, что позволит более эффективно решать задачи охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах транспорта».

Административное право России. 7-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В.Я. Кикотя, Н.В. Румянцева. 2019 г. 744 с. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. (Серия «Dura lex, sed lex»).

В учебнике предложено оригинальное видение предмета административного права, механизма административно-правового регулирования общественных отношений, во многом отличающееся от стереотипов, сложившихся в административно-правовой науке в течение многих десятилетий. Особое внимание уделено таким малоизученным вопросам административного права, как особенности административно-правового статуса организаций (в том числе государственных учреждений, должностных лиц), основы правоохранительной службы, административно-правовые действия, методы осуществления административной деятельности, основы теории административно-публичного обеспечения безопасности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений юридического профиля.

УДК 338

ББК 65

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10041

© А.Ф. Барикаева, 2019

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ В АПК РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Айгуль Фаргатовна Барикаева,
адъюнкт

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

Аннотация. Продовольственная безопасность на сегодняшний день является одной из первостепенных задач в системе национальной безопасности. Подробно рассматриваются вызовы и угрозы продовольственной безопасности и необходимые меры по их предотвращению в нынешних условиях. Предполагается, что одной из таких мер должно стать формирование политики клиентоориентированности в АПК России, обеспечивающей поддержку потребительского спроса населения.

Ключевые слова: внутренние и внешние угрозы, риски, продовольственная политика, сельскохозяйственные ресурсы, продовольственная безопасность, политика клиентоориентированности.

FORMATION OF THE CUSTOMER FOCUS POLICY IN THE AGROINDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA AS A FOOD SECURITY PROVIDING TOOL

Aigul F. Barikaeva,
adjunct

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. Food security, today, is one of the primary tasks in the system of national security. This article discusses in detail the challenges and threats to food security and the necessary measures to prevent them in the current environment. The author believes that one of these measures should be the formation of a customer focus policy in the agro-industrial complex of Russia, which provides support to consumer demand.

Keywords: internal and external threats, risks, food policy, agricultural resources, food security, customer-oriented policy.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Барикаева А.Ф. О формировании политики клиентоориентированности в АПК России как инструменте обеспечения продовольственной безопасности. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):197-201.

В современных условиях проблема продовольственной безопасности России приобретает особую важность и обусловлено это, прежде всего, следующими причинами:

Во-первых, на сегодняшний день продовольственная безопасность является одной из центральных проблем в системе национальной безопасности. В связи с политикой западных стран на ужесточение санкций приоритетными направлениями политики государства становятся: развитие внутреннего рынка продовольствия, поддержка и защита отечественных товаропроизводителей, опора на собственные сельскохозяйственные ресурсы, сокращение потерь сельскохозяйственных продуктов, более полное использование существующих в сельском хозяйстве резервов и др.

Во-вторых, в связи с тем, что Доктрина продовольственной безопасности, утвержденная в 2010 г.

и действующая до 2020 г. морально устарела. Фактически мы достигли намеченных базовых критериев оценки состояния продовольственной безопасности, а именно по удельному весу отечественного продовольствия в общем объеме ресурсов внутреннего рынка (см.: рис. 1). Так, по данным Минсельхоза, в 2017 г. плановые значения достигнуты или превышены по всем продуктам, кроме молочных (82,4% вместо 90%,) и соли (63,6 вместо 85%) [1]. Кроме того, в 2017 г. по основным продуктам были достигнуты или превышены рекомендованные Минздравом нормы среднедушевого потребления.

В-третьих, сложившееся состояние российской экономики требует поиска новых форм и методов повышения эффективности организационно-экономического механизма продовольственной безопасности России, необходимых для стабилизации и последующего развития собственного производства

сельхозпродукции и перехода к экспортной модели развития. В последнее время решению этой проблемы уделяется все большее внимание на государственном уровне. В частности, президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал, что переход к экспортной модели развития — еще одно подтверждение того, что в отечественном АПК происходят качественные сдвиги, что наше сельское хозяйство вышло на новый уровень устойчивости и становится менее уязвимым к перепадам рыночной конъюнктуры, а внутреннее потребление продовольствия все меньше зависит от импорта [2].

Продовольственная безопасность — это наличие необходимых ресурсов и гарантий государства по обеспечению граждан необходимыми продуктами питания в соответствии со всеми стандартами качества и отсутствию любой возможной иностранной зависимости.

В процессе исследования возникающих периодически в мире ситуаций, когда в одной части стран созрел кризис перепроизводства продуктов питания, в большинстве других странах был голод, становившийся причиной смерти огромного количества населения, появился термин продоволь-

ственная безопасность. Такое понятие как «Food security», можно перевести как продовольственная безопасность, впервые его использовали в Риме, где в 1974 г. ООН проводила Всемирную конференцию по проблемам продовольствия [3].

Большинство исследователи к общим задачам обеспечения продовольственной безопасности, которые прямо нельзя связать с внутренними и/или внешними рисками, относят:

- снижение отрицательных воздействий благодаря постоянной готовности системы обеспечения населения продуктами питания, подготовка запаса пищевых продуктов для населения;
- распределение производства сырья и продовольствия, нужного для поддержки продовольственной независимости страны;
- безопасность продуктов питания [4].

В начале 2010 года Российская Федерация приняла Доктрину продовольственной безопасности, где ясно отмечено, что гарантом ее (продовольственной безопасности) достижения является стабильное внутреннее производство и наличие запасов. В этой связи возможность обеспечивать население страны продуктами питания на случай частичного или

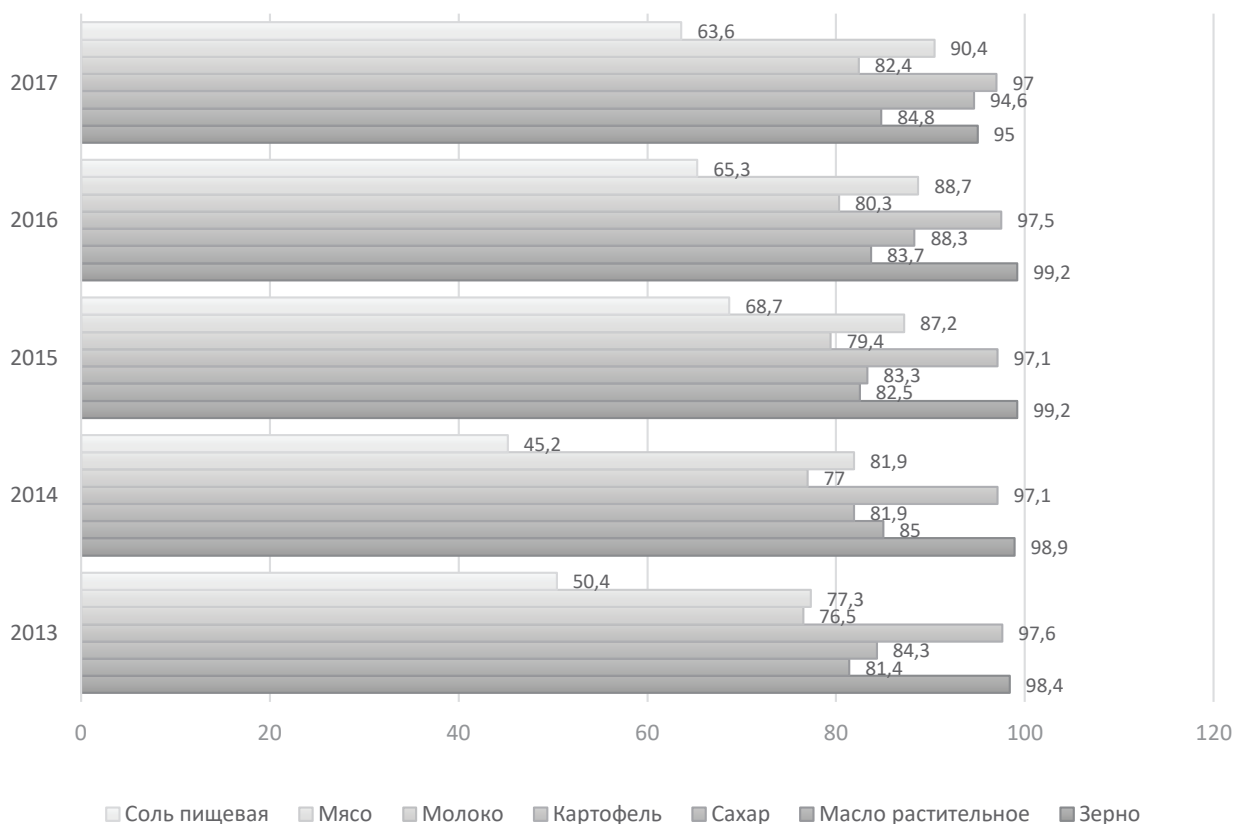

Рис. 1. Удельный вес сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия отечественного продовольствия в общем ресурсе внутреннего рынка за период 2013—2017 гг.

полного отсутствия заграничных поставок следует называть продовольственной независимостью государства. Для нас «с 8% возможной для обрабатывания земли и четвертью всех (25%) запасов пресной воды на земле, у России есть потенциал, позволяющий ей обеспечить половину населения земного шара продовольствием» [5].

Проблема продовольственной безопасности, имеет не столько физическую, как социально-экономическую почву. У граждан всех возрастов, находящихся в любом положении, должна быть возможность по приобретению, произведенных и/или находящихся в данной стране (регионе) необходимых продуктов. Отсюда, используемому в производстве продуктов питания сырью необходимо соответствовать установленным стандартам и нормам качества, не содержать вредных, наносящих здоровью человека вредных веществ. Поэтому из-за роста числа заболеваний, связанных с некачественными продуктами растет интерес к безопасности питания. Продукты питания имеют свойство быстро портиться, а неконтролируемое их производство, снабжение их различными консервантами, наносит вред здоровью как отдельного человека, так и его будущих поколений. Сегодня все это можно наблюдать на практике. В России разрешены многие красители, консерванты и прочие добавки, запрещенные на Западе и даже в странах третьего мира.

Автор полагает, что в настоящее время в России существуют ряд внутренних угроз продовольственной безопасности, к которым можно причислить следующие:

- низкие реальные доходы большей части граждан и высокая степень кредитных средств;
- рост расслоения в обществе;
- уменьшение числа малых хозяйств, смещение производства в сторону отдельных холдингов и крупных предприятий;
- реформирование структуры пользования и требований к качеству продовольственного сырья;
- слабая конгруэнтность предприятий в сельском хозяйстве и пищевой промышленности;
- слабое развитие отраслей, способных обеспечивать сельское хозяйство необходимыми ресурсами или услугами;
- открытый рынок и превосходство на нем зарубежной продукции;

- значительные участки земли переходят под контроль зарубежных инвесторов. Отметим, что крупные пакеты акций (от 75% до 99%) половины крупнейших сельскохозяйственных организаций в Российской Федерации находятся в собственности у иностранцев [6].

К ключевым внешним угрозам продовольственной безопасности России сегодня можно причислить:

- применение экономических санкций со стороны западных стран и общее состояние государственных экономических связей;
- нестабильность мировой экономической конъюнктуры;
- низкая конкурентоспособность российской продукции;
- нестабильность курса рубля;
- удорожание цен и сырья по продуктам питания;
- торговые санкции на продовольственные товары и их торговлю на агропродовольственном рынке мира.

Автор полагает, что на ликвидацию внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности сегодня в России следует направить активные меры по совместной работе государства и бизнеса по контролю за ценами на продовольствие, а также контроль за импортом продовольствия основных стратегических видов. Важнейшее же условие для соблюдения продовольственной безопасности в стране — это возможность самообеспечения, со способностью удовлетворения необходимых потребностей в питании благодаря отечественному производству. Россия независима по всем главным ресурсам от энергетических до сырьевых. Наша страна владеет гораздо большими запасами в отличии от других стран.

Катастрофическому снижению продовольствия подверглась страна из-за событий конца XX века. Снизилось употребление в пищу почти, что в два раза отдельных продуктов как мяса и рыбы, а также продуктов, сделанных на их основе. Сегодня суточный рацион россиянина составляет примерно 2600 ккал. Общая доля расходов на питание среди россиян стабильно составляет примерно 30—35% от всех расходов, а у 5% граждан превышает 65% (те же самые расходы в других странах не превышают 15—17%) [7].

В последнее время по основным секторам экономики нашей страны, способным конкурировать

с иностранными государствами на международной арене, был нанесен ощутимый санкционный удар. Прежде всего — по атомной, газовой, нефтяной и оборонной промышленностям, ограничен доступ России к новейшим технологиям и их разработке, а также финансовым рынкам. Не стоит удивляться, что страна в такой ситуации вводит ответные меры со своей стороны.

В списке санкционных товаров и услуг есть такие продукты, как мясо крупного рогатого скота и свиней в любом виде (свежее, замороженное или охлажденное); домашняя птица будь то мясо и пищевые субпродукты; соленое, копченое, сушеное мясо; рыба или ракообразные и все остальные беспозвоночные, а также и продукция на основе молока.

Следует заметить, что по данным Минсельхоза России, уровень зерна в стране составляет 134,8% (при норме в 95%); уровень картофеля — 103,7% (при минимуме в 95%). Но при всем при этом возможность обеспечить самих себя молочной продукцией в России оставляет желать лучшего (до нормального уровня не хватает около 10%). Самый надежный гарант продовольственной безопасности для будущего нашей страны и наших граждан — ориентироваться на собственные силы, и использование всего бездействующего потенциала внутри нашей страны и прежде всего десятки млн га заброшенных и неосвоенных земельных угодий по всей стране [8].

Самый надежный гарант продовольственной безопасности для будущего нашей страны и наших граждан — ориентироваться на собственные силы, и использование всего бездействующего потенциала внутри нашей страны и прежде всего десятки миллионов гектаров заброшенных и неосвоенных земельных угодий. Политика государства в рамках формируемой концепции продовольственной безопасности должна быть направлена на развитие рынка продовольствия внутри страны, протекционизм отечественных производителей, основываться на своих сельскохозяйственных ресурсах, сокращение потерь среди сельскохозяйственной продукции, полноценное пользование существующими в сельском хозяйстве резервами.

В настоящее время на национальном уровне к инструментам обеспечения в продовольственной безопасности можно отнести:

- использование региональной и государственной поддержки национального производителя агропродукции по всем уровням;
- построение производственных мощностей и технопарков для производства необходимых объемов продовольствия;
- построение инфраструктуры для содержания и перевозки продовольствия к местам потребления;
- воплощение универсальных агропромышленных моделей, позволяющих производить больше продовольствия;
- внедрение новых технологий и методик по производству сельскохозяйственной продукции;
- создание условий для перехода к инновационной модели обеспечения продовольственной безопасности [9].

По мнению автора, одним из базовых инструментов обеспечения продовольственной безопасности должна стать стимулируемая государством политика клиентоориентированности в АПК России, обеспечивающая поддержку потребительского спроса населения страны.

Политика клиентоориентированности в агропромышленном комплексе должна быть ориентирована на создание условий для удовлетворения потребностей граждан Российской Федерации, а также повышения конкурентоспособности отечественного АПК. Основной целью такой политики является определение потребностей граждан и их эффективное и своевременное удовлетворение.

В качестве гаранта развития системы клиентоориентированности можно выделить следующие государственные меры:

- содействие максимально-возможному удовлетворению текущих потребностей граждан Российской Федерации в продовольствии;
- обеспечение готовности государства к удовлетворению растущих потребностей граждан независимо от условий, внешних и внутренних факторов;
- постоянно наращивание объемов производства в АПК.

В этой связи к задачам системы клиентоориентированности можно отнести:

- повышение эффективности деятельности государства в области АПК, конкурентоспособности и доходности;

- увеличение объемов реализации продовольствия, а также выход на новые сегменты рынка за счет укрепления АПК, предоставления расширенного спектра продовольствия на основе единых параметров качества;
- сокращение издержек за счет оптимизации технологических и бизнес-процессов всех сегментов АПК на основе их совершенствования, выявления непроизводительных потерь и использования наилучшей отраслевой практики;
- снижение потерь от ненадлежащего качества производимой продукции АПК за счет разработки и применения инструментов контроля качества и уровня удовлетворенности граждан;
- оптимизация количества предоставляемой продукции для максимального соответствия запросам и индивидуальным потребностям клиентов;
- поддержание положительного внутреннего и внешнего имиджа предприятий АПК;
- формирование базы знаний на основе изучения, накопления и систематизации опыта наилучшей практики производств АПК, а также в целях системного совершенствования деятельности и повышения качества предприятий АПК;
- комплексное развитие кадрового потенциала в АПК, в том числе на основе совершенствования системы ключевых показателей деятельности и мотивации персонала.

Таким образом, наиважнейшей задачей для нашего государства в сфере обеспечения продовольственной безопасности в недалеком будущем должно стать исправление проблем в сфере продовольственной безопасности нынешней России, так как политика по обеспечению продовольствием является очень важной составляющей основной деятельности государства.

Но нужно понимать, что обеспечение продовольственной безопасности возможно только на основе построения эффективного организационно-экономического механизма управления продовольственной безопасностью, опирающегося не только на политику импортозамещения и господдержки производителей аграрного сектора экономики, а на системную государственную политику клиентоориентированности, способную обеспечивать растущие потребности населения страны и отвечать на

возможные внешние и внутренние угрозы и вызовы продовольственной безопасности.

Литература

1. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2017 году государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы, утвержденный постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 // <http://mcsx.ru/> (дата обращения: 12.11.2018).
2. О мерах по реализации потенциала агропромышленного комплекса страны. Материалы Совещания под председательством В.В. Путина в г. Минеральные Воды от 9.10.2018 г. // <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 17.11.2018).
3. О продовольственной безопасности России: доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С.Ю. Глазьева // <http://www.dynacon.ru/> (дата обращения: 1.11.2018).
4. *Воронин Б.А.* Проблемы обеспечения продовольственной безопасности российского государства в условиях ВТО // <http://www.bmpravo.ru/> (дата обращения: 8.11.2018).
5. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120) / СПС «Гарант».
6. *Сергеева И.А.* Угрозы продовольственной безопасности России / И.А. Сергеева, А.Ю. Сергеев // *Продовольственная политика и безопасность*. 2014. Том 1. № 1.
7. Доклад Росстата Социально-экономическое положение России» за январь—август 2018 г. // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ (дата обращения: 2.12.2018).
8. О ходе и результатах реализации в 2017 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы» от 30 марта 2018 / Справка Минсельхоз // <http://mcsx.ru/> (дата обращения: 2.12.2018).
9. *Уланова О.И.* О продовольственной безопасности в Российской Федерации / О.И. Уланова // *Научное обеспечение развития АПК России: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. Пенза: РИО ПГСХА, 2012.*

УДК 338
ББК 65
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10042

© Ю.В. Быковская, 2019

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Юлия Викторовна Быковская,

профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета,
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора
экономической безопасности Института экономики РАН

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: zima7327@yandex.ru

Аннотация. Систематизированы проблемы организации и проведения финансового контроля в России, в числе которых: отсутствие единой системы, единой концепции, закона о финансовом контроле; перегруженность системы органов финансового контроля, дублирование и несоординированность их действий; отсутствие адекватных мер к организациям-нарушителям законодательства при ведении ими финансово-хозяйственной деятельности; неразвитость взаимодействия органов государственной власти по вопросам финансового контроля; отсутствие единых критериев и показателей оценки эффективности финансового контроля; низкая эффективность системы подготовки кадров для органов финансового контроля; отсутствие административной и дисциплинарной ответственности за принятие необоснованных и неправомерных решений контрольными органами. Сделан вывод, что совершенствованию финансового контроля должно уделяться повышенное внимание. Даны предложения по решению накопившихся проблем.

Ключевые слова: финансовый контроль, система финансового контроля, концепция финансового контроля, закон о финансовом контроле

PROBLEMS OF FINANCIAL CONTROL IN MODERN RUSSIA AND SOLUTIONS

Yuliya V. Bykovskaya,

Professor of the Department of Economics and Accounting,

Doctor of Economic Sciences,

Sector Lead Researcher Economic Security Institute of Economics RAS

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The article systematizes the problems of organizing and conducting financial control in Russia. This is the absence of a unified system, unified concept, law on financial control; overload of the system of bodies of financial control, duplication and lack of coordination of their actions; the lack of adequate measures for organizations violating the law in the conduct of their financial and economic activities; underdevelopment of the interaction of public authorities on financial control issues; lack of uniform criteria and indicators for evaluating the effectiveness of financial control; low effectiveness of the training system for financial control bodies; lack of administrative and disciplinary responsibility for making unreasonable and illegal decisions by control authorities. The conclusion is drawn that enhanced attention should be paid to the improvement of financial control. Proposals are given to solve the accumulated problems.

Keywords: financial control, financial control system, concept of financial control, law on financial control.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Быковская Ю.В. Проблемы финансового контроля в современной России и пути их решения. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):202-9.

На фоне современного состояния государственных финансов в Российской Федерации все ярче проявляется проблема в организации и осуществлении контроля за их получением, распределением и использованием. Ее решение становится в ряд наиболее важных стратегических задач реформирования системы управления государственными средствами, без которого невозможно дальнейшее нормальное устойчивое развитие нашего государства. Более того, ни одна из имеющихся социально-

экономических проблем не будет решена до тех пор, пока не будет наведен должный порядок в финансовой сфере, пока системе финансового контроля не будет придана надлежащая надежность, и она не станет стабильной и устойчивой.

Если оценивать преобразования в части финансового контроля, и, прежде всего, изменения, внесенные в законодательство за последние пять-шесть лет, то можно сказать, что, несмотря на ряд имеющихся недостатков, предпринятые меры были наце-

лены на повышение прозрачности и увеличения эффективности финансового контроля в нашей стране. Проведенные реформы дали положительные результаты. Однако нельзя не признать тот факт, что, по-прежнему, системе финансового контроля присуща невысокая эффективность, а сохраняющиеся системные проблемы, требуют кардинальных решений и изменений. Несмотря на предпринимаемые усилия, вопрос выстраивания целостной и эффективно работающей системы финансового контроля и ее дальнейшего развития до сих пор не перестает быть актуальным.

Имеющиеся проблемы финансового контроля определяются как внутренними, так и внешними факторами. В числе внутренних факторов можно выделить такие, как стиль работы руководителей всех уровней и ветвей власти, степень их профессионализма и компетентности; недостаточно полное определение и документальное закрепление процедур, правил и порядка проведения финансового контроля; отсутствие четко работающей системы информационного обеспечения и др. К внешним факторам относятся уровень развития экономики и законодательной базы, финансово-кредитная и налоговая политика государства, соблюдение контролирующими и подконтрольными органами действующего законодательства и ряд других факторов.

Анализ показывает, что наиболее острые проблемы, имеющие место при осуществлении финансового контроля в современных условиях, на первоочередное решение которых должны быть направлены усилия руководства нашей страны и органов государственной власти, заключаются в следующем.

1. На сегодняшний день отсутствует целостная, адекватная современным условиям и уровню социально-экономического развития Российской Федерации, система финансового контроля. Компоненты этой системы законодательно не закреплены, хотя в научных исследованиях ни один год данному вопросу уделяется повышенное внимание. Причем в научной литературе встречается большое количество разнообразных элементов системы финансового контроля и их комбинаций.

Так, например, В.В. Бурцев считает, что систему финансового составляют следующие «основные элементы:

- 1) теоретическая база (определения понятий, принципы, цели, задачи, виды государственного финансового контроля, требования и т.д.);
- 2) нормативная база, методическое обеспечение;
- 3) организационные структуры (включая их звенья — статус и порядок взаимосвязей последних);
- 4) научно-исследовательская и учебная базы, кадровое обеспечение;
- 5) финансовое обеспечение и материально-техническое (в том числе финансовые ресурсы, соответствующие условиям работы, помещения, техника и т.д.);
- 6) информационно-коммуникативная инфраструктура (система коммуникаций, информационное обеспечение)» [1, с. 44].

Н.П. Ефимовой предложена несколько иная система финансового контроля, обязательными элементами которой, по мнению автора, являются: «предмет контроля; принципы контроля; субъект контроля; объект контроля; процесс контроля; метод (методики) контроля; техника и технология контроля; сбор и обработка исходных данных для проведения контроля; результат контроля и затраты на его осуществление; субъект, принимающий решение по результатам контроля, но это может быть и субъект контроля, и принятие решения по результатам контроля» [2, с. 95].

Существует еще одна точка зрения, обозначенная С.И. Лушиной, В.А. Слеповой, согласно которой система финансового контроля должна включать в себя следующие компоненты:

- I компонент → правовая база (законодательные и иные нормативные правовые акты);
- II компонент → органы, на которые возложено проведение финансового контроля;
- III компонент → методы осуществления финансового контроля [3, с. 30].

Наиболее полно и точно система финансового контроля представлена В.В. Бурцевым. Вместе с этим полагаем, что научно-исследовательская и учебная базы, кадровое обеспечение, а также финансовое и материально-техническое обеспечение, учитывая их важнейшее значение для организации и проведения финансового контроля, его дальнейшего развития, должны быть выделены в качестве само-

стоятельных структурных элементов. Более того, в представленную систему необходимо включить дополнительные элементы, такие как управленческое обеспечение, экономическое обеспечение, контроля за деятельностью субъектов контроля. Кроме этого, помимо набора элементов важным является определение их иерархии, связей и зависимостей.

В результате, полагаем, что система финансового контроля должна иметь структуру, представленную на Рис. 1.

Данная система с учетом набора и взаимосвязей входящих в нее структурных элементов может быть использована при решении ряда задач, касающихся совершенствования и развития финансового контроля в Российской Федерации.

2. В России отсутствует не только система финансового контроля, но и научно обоснованная концепция финансового контроля, как совокупность общепринятых взглядов на его цель, задачи, формы, методы организации и осуществления, а также как программный документ, отражающий долгосрочную перспективу и приоритетные направления развития финансового контроля в Российской Федерации.

Разработка Концепции финансового контроля на долгосрочную перспективу в качестве программного документа следует рассматривать, прежде всего, как важнейший фактор достижения стабильности в экономике и экономического роста, действие которого проявляется через объективный контроль

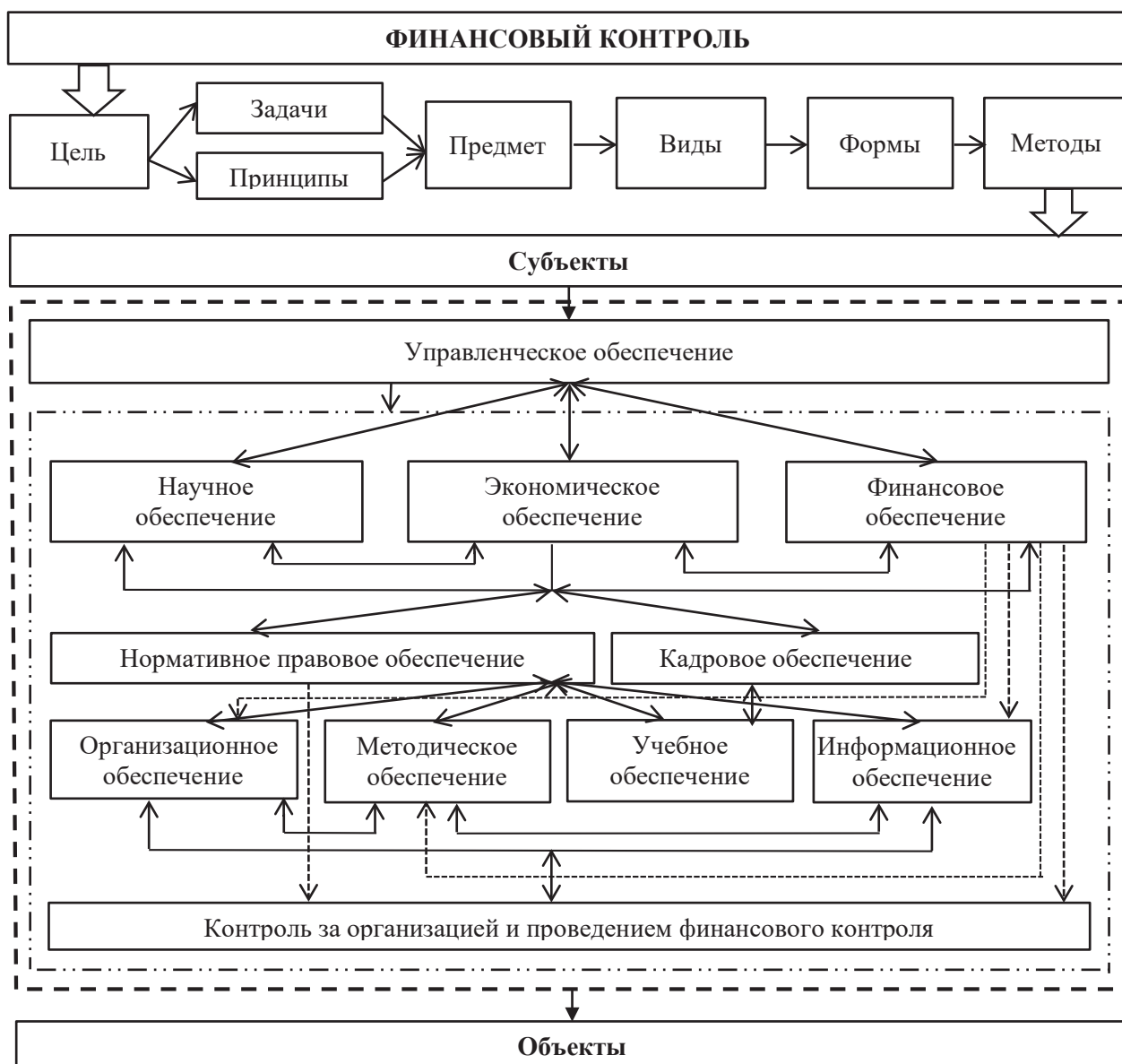

Рис. 1. Система финансового контроля

финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов, базирующийся на неуклонном соблюдении норм действующего законодательства. В существовании концепции финансового контроля заинтересовано и общество в целом, и государство, все законопослушные экономические субъекты и граждане страны, поскольку такая концепция позволит эффективно защитить финансовые интересы общества, государства, частных собственников и потенциальных инвесторов. Ее использование на практике в качестве нормативной правовой основы сделает бизнес в России цивилизованным, избавит его от криминализации, поможет привлечь для его развития средства частных инвесторов.

При разработке Концепции необходимо полагаться на отечественный и мировой опыт, а также учитывать существующие проблемы, приоритеты, потребности и направления социально-экономического развития Российской Федерации. Прежде всего, указанная концепция не должна противоречить Лимской декларации руководящих принципов контроля, принятой на IX Конгрессе Международной организации высших контрольных органов (INTOSAI).

Основными элементами Концепции развития финансового контроля в Российской Федерации на долгосрочную перспективу должны стать:

- положения о необходимости финансового контроля;
- его цели, задачи, принципы;
- основные направления проведения;
- значение и последствия реализации Концепции развития финансового контроля на долгосрочную перспективу для экономики страны.

Примерная структура Концепции может быть следующей.

Раздел I. Общие положения.

Раздел II. Цель, задачи и принципы финансового контроля.

Раздел III. Проблемы и современное состояние финансового контроля в Российской Федерации.

Раздел IV. Приоритеты, основные направления развития финансового контроля, его значение для социально-экономического развития Российской Федерации.

Раздел V. Критерии и показатели оценки эффективности финансового контроля в Российской Федерации.

Раздел VI. Заключительные положения.

3. В современной России отсутствует полноценная и отлаженно действующая нормативная правовая база, касающаяся финансового контроля, которая позволяет четко регулировать процесс его организации и осуществления. До настоящего времени вопрос о разработке и принятии нормативного правового документа, регламентирующего вопросы организации и проведения финансового контроля в Российской Федерации, остается открытым.

Принципиально значение имеет строгое установление и нормативное закрепление понятия, цели и задач финансового контроля, в том числе, государственного финансового контроля, внутреннего и внешнего финансового контроля.

Так, например, в Конституции Российской Федерации лишь затронут вопрос о финансовом контроле и контрольных органах.

Другой пример. В статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации «Понятия и термины, применяемые в настоящем кодексе» не представлена трактовка термина «государственный (муниципальный) финансовый контроль», в то время как данному виду контроля посвящен Раздел IX «Государственный (муниципальный) финансовый контроль». Кроме того, в Бюджетном кодексе отсутствует полный перечень органов, наделенных полномочиями проведения государственного (муниципального) финансового контроля, а также нет разъяснений в отношении того, какие из органов государственной власти уполномочены проводить внутренний государственный (муниципальный) финансовый контроль, а какие — внешний. При этом нет четкого единого законодательно закрепленного понимания о том, что внутренний финансовый контроль включает в себя как внутриведомственный финансовый контроль, так и внутрихозяйственный финансовый контроль, который проводится экономическими субъектами внутри организации.

На федеральном, региональном и местном уровнях действует множество нормативных правовых актов, которые в той или иной степени затрагивают или регулируют вопросы финансового контроля. Однако они разрабатывались и принимались в разное время и не связаны единой концептуальной линией. Более того, в большинство из этих актов

неоднократно вносились изменения и дополнения. Некоторые из них дублируют друг друга. Другие — содержат противоречия. Сложившаяся ситуация не только усложняет работу с такими документами из-за их громозкости и наличия отсылочных ссылок на другие нормативные правовые источники, но и создает ситуацию путаницы и неопределенности, когда положения одного нормативного правового акта идут вразрез отдельным положениям другого.

Отсутствие единой нормативной правовой, организационной и методической базы финансового контроля не только сдерживает его развитие, но и снижает возможности для экономического роста в стране. Создание единой нормативной правовой основы, регулирующей деятельность контрольно-надзорных органов, способно привести к серьезным структурным и функциональным изменениям в системе финансового контроля и существенно повысить эффективность контрольно-надзорных мероприятий. Принятие закона выведет систему финансового контроля в Российской Федерации на новый виток развития и позволит сделать эту систему адекватной потребностям современного Российского государства, приоритетам государственной политики, требованиям общества.

В новом законе о финансовом контроле должны быть отражены следующие положения.

В Разделе I «Общие положения» следует определить цель и задачи законодательства о финансовом контроле, привести перечень основных понятий и терминов, касающихся финансового контроля, обозначить значение, цели, задачи финансового контроля. Также следует разграничить понятия «контроль» и «надзор».

В Разделе II «Принципы финансового контроля» следует предусмотреть следующие принципы финансового контроля: принцип цели, целостности, структурированности, историзма, законности, независимости, объективности, компетентности, гласности, системности соответствия, плановости, непрерывности, эффективности, всеобщности, научности, ответственности.

В Разделе III «Нормативное правовое регулирование финансового контроля» должна быть представлена система нормативных правовых актов, регламентирующих проведение всех видов финансового контроля в Российской Федерации.

В Разделе IV «Классификация видов, форм, методов финансового контроля» следует разграничить и привести перечень видов, форм и методов финансового контроля.

В Разделе V «Субъекты финансового контроля» следует определить перечень субъектов финансового контроля, их структуру, иерархию и подчиненность, сферы деятельности и полномочия, порядок создания, реорганизации, ликвидации, условия и формы взаимодействия. Также необходимо определить орган, на который будут возложены обязанности высшего контрольного органа, определить его полномочия, права и обязанности. Более того, здесь следует определить органы, которые будут осуществлять контроль за деятельностью субъектов финансового контроля, полномочия, правила, порядок, условия, периодичность и сроки осуществления ими контрольной деятельности. Кроме этого, необходимо обозначить ответственность субъектов финансового контроля за нарушение действующего законодательства по результатам проверки их контрольной деятельности. В данном разделе необходимо рассмотреть возможность и порядок взаимодействия органов финансового контроля с правоохранительными органами.

В Разделе VI «Объекты финансового контроля» необходимо определить перечень объектов финансового контроля, их полномочия, права и обязанности.

В Разделе VII «Стандартизация финансового контроля» необходимо привести перечень стандартов финансового контроля, их цели, задачи, порядок введения в действие, структуру и т.д. Для реализации этой цели изначально необходимо разработать единую кодифицированную систему стандартов финансового контроля. Применение данных стандартов позволит установить единые нормы и правила его осуществления.

В Разделе VIII «Информационные системы финансового контроля» необходимо определить технологии передачи данных между органами финансового контроля, коммуникации, техническое обеспечение финансового контроля, разработать единые базы данных, электронный документооборот, систему защиты информации. Использование новых информационных технологий должно стать фактором повышения эффективности финансового

контроля. Также следует определить порядок информационного обмена данными между органами финансового контроля и правоохранительными органами.

В Разделе IX «Правовой статус и социальные гарантии работников органов финансового контроля» следует определить социально-правовой статус работников контрольных органов, вопросы оплаты и стимулирования труда и других социальных гарантий, в том числе, медицинского обеспечения, выплат в связи с работой в органах финансового контроля, и увольнением из органов финансового контроля, страхования жизни и здоровья, жилищного и пенсионного обеспечения. Также следует законодательно закрепить вопросы профессиональной защиты данной профессиональной категории работников.

В Разделе X «Эффективность финансового контроля» следует разработать и законодательно закрепить систему критериев и показателей оценки эффективности финансового контроля, с помощью которых должно быть полно, объективно, достоверно и однозначно оценена работа органов финансового контроля, в том числе необходимо определить общие критерии и показатели эффективности финансового контроля и специфические критерии и показатели, характерные для финансового контроля той или иной сферы деятельности. Кроме этого, в федеральном законе необходимо предусмотреть вопросы, касающиеся осуществления независимой экспертизы деятельности органов финансового контроля.

В Разделе XI «Кадровое обеспечение» необходимо определить систему подбора, подготовки и переподготовки профессиональных кадров для органов финансового контроля, повышение их квалификации, в том числе, определить учебные заведения, в которых будет осуществляться подготовка специалистов, форма обучения, источники и порядок финансового обеспечения на эти цели. Также следует привести общие квалификационные требования к специалисту, осуществляющему финансовый контроль, и определить необходимость разработки должностных регламентов.

4. В современной России действует довольно большое количество органов финансового контроля, имеющих различные цели, задачи, функции,

сферу деятельности, полномочия, подчиненность и ответственность. Эти органы зачастую работают не согласованно и разобщенно, слабо взаимодействуя друг с другом. Сегодня не является исключением дублирование отдельных функций разных субъектов финансового контроля, имеющих разную ведомственную принадлежность и разный уровень подчинения (например, региональный и муниципальный уровни). Государством постоянно ведется работа в этом направлении, дублирующие функции исключаются, контрольные органы переподчиняются, ликвидируются, реорганизуются. Например, в 2013 и 2016 гг. были упразднены Федеральная служба по финансовым рынкам и Федеральная служба финансово-бюджетного надзора, соответственно. Функции Федеральной службы по финансовым рынкам (за исключением дублирующих) были переданы Банку России. Функции Федеральной службы финансово-бюджетного надзора по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, по внешнему контролю качества работы аудиторских организаций переданы Федеральному Казначейству, функции по валютному контролю — Федеральной таможенной службе и Федеральной налоговой службе.

Тем не менее, на сегодняшний день в России отсутствует скоординированность в действиях органов финансового контроля. Такая ситуация очередной раз подтверждает отсутствие целостной системы финансового контроля и требует принятия взвешенных, продуманных и просчитанных управленческих решений со стороны руководства нашей страны в части упорядочения системы органов финансового контроля. Решение этой проблемы должно найти воплощение в законе о финансовом контроле.

5. Одна из основных проблем эффективного функционирования финансового контроля — отсутствие адекватных мер к нарушителям действующего законодательства при ведении ими финансово-хозяйственной деятельности. Ужесточение ответственности за допущенные нарушения способно повысить уровень финансовой дисциплины экономических субъектов. И в результате будет способствовать снижению количества злоупотреблений и экономических преступлений. Эти меры должны быть не только сопоставимы реальным масштабам совершенных нарушений, но и являться неким

«стоп-фактором» для того, чтобы не совершать подобные нарушения в будущем.

6. В настоящее время слабо развит механизм взаимодействия органов финансового контроля между собой, органов внешнего и внутреннего финансового контроля, а также органов финансового контроля с правоохранительными органами, и информационный обмен данными по проводимым мероприятиям и их результатам. Они должны более тесно взаимодействовать при осуществлении своей работы при сохранении ответственности каждого органа за свой участок контроля. Также не налажено информационное взаимодействие органов финансового контроля с другими министерствами и ведомствами Российской Федерации. Этот вопрос должен быть освещен в федеральном законе «О финансовом контроле в Российской Федерации» и в дальнейшем регулироваться на уровне межведомственных соглашений и договоров о сотрудничестве. Ключевым аспектом решения этой проблемы должна стать разработка и введение в действие программного обеспечения для обмена данными между заинтересованными сторонами и оперативное наполнение баз данных необходимой информацией.

7. Важнейшее значение имеет разработка критериев и показателей оценки эффективности финансового контроля и деятельности контрольных органов, основанной на единообразном и общепризнанном подходе, что должно найти отражение в федеральном законе «О финансовом контроле в Российской Федерации». Разработанные количественные и качественные критерии и показатели эффективности финансового контроля должны играть двойную роль: с одной стороны, свидетельствовать об уровне работы контрольного органа; с другой стороны, — выявлять и устранять возникающие в проверяемых организациях нарушения.

8. Одной из ключевых остается проблема подготовки кадров для контрольных органов. Необходимо разработка комплекса мер для регулярного повышения квалификации и профессионального уровня сотрудников контрольных органов, участия сотрудников контрольных органов в различных учебных и научно-практических мероприятиях. Это связано с:

- постоянным изменением действующей нормативной правовой базы;

- разнообразием совершаемых правонарушений и преступлений в сфере экономики, появлением новых схем совершения злоупотреблений;
- важностью активного применения на практике богатого зарубежного опыта и знаний о специфике деятельности проверяемых организаций, осуществляющих свою финансово-хозяйственную деятельность в различных секторах экономики;
- необходимостью использования при проведении контрольных мероприятий современных информационно-аналитических систем и технологий.

9. Актуальной проблемой при осуществлении финансового контроля является то, что иногда по результатам проведения контрольных мероприятий контрольными органами принимаются необоснованные и неправомерные решения и организациям, в отношении которых проводился финансовый контроль, приходится отстаивать свои права в судебном порядке. На сегодняшний день судебная практика в этом направлении, когда суд принимает сторону проверяемой организации, обширна.

Процедура отстаивания правомерности своих действий занимает у организаций много времени и финансовых ресурсов. И, даже если, организация выигрывает судебный процесс, то в этом случае в отношении органов, проводивших финансовый контроль адекватных мер дисциплинарной или административной ответственности действующим законодательством не предусмотрено. Следовательно, складывается ситуация возможности повторного и многократного вынесения неправомерного решения со стороны контролирующих органов без привлечения их к ответственности.

В этой связи, в целях недопущения подобных ситуаций важным является введение административной и дисциплинарной ответственности за принятие неправомерных решений сотрудниками контрольных органов и контрольными органами в целом с наложением штрафа. Более того, было бы целесообразно результаты судебных решений, вынесенных в пользу проверяемого объекта, размещать на официальных сайтах контрольных органов в открытом доступе. В отношении сотрудников, являвшихся ответственными за принятие неправомерных решений, предлагается вве-

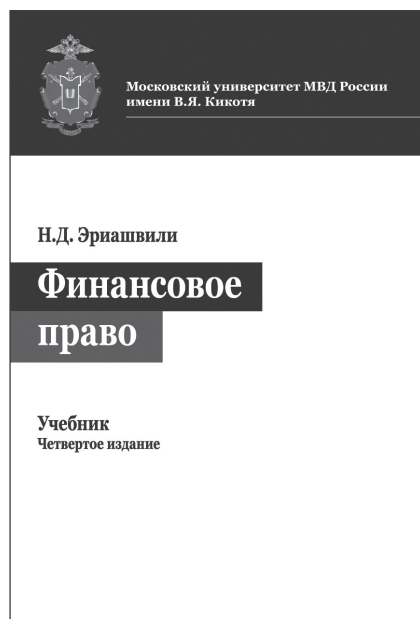
сти запрет на участие в проведении контрольных мероприятий в течение определенного периода времени.

Таким образом, подводя итоги важно сказать о том, что к настоящему времени имеется ряд системных проблем в области организации и проведения финансового контроля в России. К таким проблемам следует отнести отсутствие единой системы и единой концепции финансового контроля, закона о финансовом контроле; перегруженность системы российских органов финансового контроля, дублирование их функций и несоординированность действий; отсутствие адекватных мер к организациям-нарушителям действующего законодательства при ведении ими финансово-хозяйственной деятельности; неразвитость механизма взаимодействия органов государственной власти по вопросам проведения финансового контроля; отсутствие единых критериев и показателей оценки эффективности финансового контроля; низкая эффективность системы подготовки кадров для

органов финансового контроля; отсутствие адекватной административной и дисциплинарной ответственности за принятие необоснованных и неправомерных решений контрольными органами по результатам проведения контрольных мероприятий. В связи с этим дальнейшему развитию этого инструмента социально-экономической политики Российской Федерации должно уделяться повышенное внимание со стороны всех заинтересованных сторон.

Литература

1. *Бурцев В.В.* Государственный финансовый контроль: методология и организация. М.: Маркетинг, 2009.
2. *Ефимова Н.П.* Государственный финансовый контроль в реализации федеральных целевых социальных программ. М.: Медицина, 2000.
3. Государственные и муниципальные финансы / Под. ред. С.И. Лушина, В.А. Слепова. М.: Экономика, 2006.

Финансовое право. 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. Эриашвили Н.Д. 663 с. 2019 г. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассматривается финансовое право в аспекте наиболее актуальных вопросов правового регулирования важнейших институтов этой отрасли права в современный период развития экономики. Учтены изменения и дополнения, внесенные в законодательство России по состоянию на 1 сентября 2016 г.

Основное внимание уделяется правовым основам и принципам финансовой деятельности, правовому регулированию бюджетных отношений и налогообложения. Анализируются правовые основы государственного и муниципального кредита, правовое регулирование банковской деятельности, а также правовые основы денежного обращения.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также практических работников органов государственной власти и местного самоуправления, финансовых и кредитных учреждений и предпринимателей.

УДК 338

ББК 65

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10043

© З.П. Гасиева, В.А. Кайтмазов, 2019

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РСО-АЛАНИЯ)

Зарина Петровна Гасиева,

старший научный сотрудник, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Налоги. Бухгалтерский учет»

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Владикавказский филиал
(362002, Владикавказ, ул. Молодежная, д. 7);

Владимир Артурович Кайтмазов,

магистрант 2 курса направления подготовки «Налоги. Бухгалтерский учет. Налоговый консалтинг»
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Владикавказский филиал
(362002, Владикавказ, ул. Молодежная, д. 7)

E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Рассмотрено налоговое администрирование в РФ и РСО-Алания, его проблемы и пути совершенствования. Тема актуальна, так как во всем мире налоговая система — это самый главный способ мобилизации финансовых средств для решения политических, экономических и социальных задач государства. В настоящее время, вследствие обострившихся проблем развития национальной экономики, возникает потребность в совершенствовании налоговой системы России.

Исследованы некоторые проблемы кризисного состояния системы налогообложения, а также пути преодоления данных проблем. Сделан анализ поступлений налоговых доходов РСО-Алания, прослежена динамика и структура проведения выездных и камеральных налоговых проверок.

Ключевые слова: налоговое администрирование, проблемы налогообложения, ФНС России, совершенствование налогообложения.

SOME ASPECTS OF DEVELOPMENT TAX ADMINISTRATION (FOR EXAMPLE, RNO-ALANIA)

Zarina P. Gasieva,

Senior Researcher, Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor of the Department «Taxes. Accounting»

Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz branch
(362002, Vladikavkaz, ul. Molodezhnaya, d. 7);

Vladimir A. Kaytmazov,

Undergraduate 2 course training courses «Taxes. Accounting. Tax Consulting»

Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz branch
(362002, Vladikavkaz, ul. Molodezhnaya, d. 7)

Abstract. The article discusses tax administration in the Russian Federation and the North Ossetia-Alania, its problems and ways to improve tax administration. The topic is relevant, since the tax system throughout the world is the most important way to mobilize financial resources for solving the political, economic and social tasks of the state. At the present time, due to the aggravated problems of the development of the national economy, there is a need to improve the tax system of Russia.

Some problems of the crisis state of the tax system, as well as ways to overcome these problems are also considered. The analysis of tax revenues of the Republic of North Ossetia-Alania, as well as the dynamics and structure of the field and office tax audits, was made.

Keywords: tax administration, problems of taxation, the Federal Tax Service of Russia, improvement of taxation.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Гасиева З.П., Кайтмазов В.А. Некоторые аспекты развития налогового администрирования (на примере РСО-Алания). Вестник экономической безопасности. 2019;(1):210-4.

Несомненно, в Российской Федерации проблемы совершенствования налогового администрирования всегда были и будут особо актуальными. Система налогового администрирования, действу-

ющая в настоящее время имеет достаточно большое количество недостатков, которые определяют ее низкую эффективность и высокую конфликтность (при том, что в большинстве случаев выигрывают споры налогоплательщики).

Учитывая сложившуюся ситуацию, можно выделить следующие проблемы налогового администрирования:

- противоречия, пробелы и несоответствия в существующем налоговом законодательстве;
- оптимизация рабочей нагрузки на работников ФНС.

Сейчас в РФ сформировалась такая ситуация, что не все понимают как платить налоги, какие должны быть вычеты и самое главное, кто должен их взимать, какая служба занимается такими делами. Налоговое законодательство постоянно изменяется, его механизм довольно сложный. Об этом указывает и мировой опыт [4, с. 352].

Вся проблема заключается в том, что законодательство в сфере налогообложения очень часто меняется. Существует мнение, что налоговая реформа близится к завершению. Вряд ли с этим можно согласиться. Во-первых, налоговое законодательство по-прежнему претерпевает серьезные изменения (НК РФ является одним из самых часто меняющихся кодексов). Несовершенство, нестабильность, неясность налогового законодательства вовсе не сопутствуют эффективному проведению налоговой реформы. Необходимо признать, что по мере принятия Налогового кодекса Российской Федерации все больше убеждаешься в запутанности его отдельных положений. Необходимо четко определить нормативную базу, тогда и налогоплательщик будет знать свои права и обязанности, и налоговые органы не станут требовать «большего», чем это предусмотрено в законодательстве.

На сегодняшний день развитие налоговых отношений в Российской Федерации определяется основными направлениями повышения качества налогового администрирования, в том числе: взаимосвязь собираемости налогов с эффективностью налогового администрирования; разработка новой системы оценки результатов деятельности налоговых органов, включающая в себя перечень критериев эффективности их работы; создание

эффективной системы налогообложения, которое заключается в обеспечении максимального поступления налогов и сборов при минимальных издержках взимания и налогового контроля; развития новых налоговых контрольных технологий и другие.

Все рекомендованные тенденции характеризуют основные цели повышения уровня экономической эффективности налогов, доступности для понимания налогового законодательства налогоплательщиками.

Дополнительное назначение получают исследование и оценка поступлений налогов и сборов при осуществлении налогового планирования, согласованного с вопросами обеспечения доходной части бюджетов различных уровней.

Согласно данным ФНС РФ, налоговая служба в 2017 году обеспечила рекордные за последние 5 лет темпы роста налоговых поступлений в бюджет страны — более 17,3 трлн рублей, что на 2,9 трлн рублей больше, чем в 2016 году. Драйверами роста стали налог на прибыль +18,8% (плюс 3,3 трлн руб.) и НДС +15,5% (прирост на 3,1 трлн руб.). Эти цифры однозначно говорят о развитии налогового контроля [1].

Рассматривая начисление и поступление налоговых доходов в бюджет РСО-Алания также можно наблюдать положительную динамику. Так, в 2017 году поступило налоговых доходов по сравнению с 2015 годом на 59,2% больше (табл. 1).

Одной из основных задач для налоговых органов в 2017 году было обеспечение эффективного администрирования страховых взносов. По итогам года во внебюджетные фонды поступило 5,8 трлн рублей, что на 9,1% больше 2016 года (плюс 483 млрд руб.). При этом передача обязанности администрирования страховых взносов от органов ПФР к налоговым органам, обернулась для многих компаний и предпринимателей неприятным сюрпризом. Для многих это привело к списанию суммы с расчетных счетов, блокировке счета за неуплату страховых взносов.

28 февраля 2018 года Глава ФНС Михаил Мишустин на заседании расширенной коллегии ФНС России заявил, что именно синергетический эффект от внедрения современных цифровых технологий в

Таблица 1

Начисление и поступление налоговых доходов (налогов, сборов и иных обязательных платежей) в бюджетную систему по РСО-Алания, 2015—2017 гг. [1]

№	Показатели	Годы			Отклонение 2017 г. от 2015 г.	
		2015	2016	2017	+/-	%
1	Начислено налоговых доходов (налогов, сборов и иных обязательных платежей) к уплате, тыс. руб.	11 031 173	15 720 456	18 225 370	7 194 197	165,2
2	Поступило налоговых доходов (налогов, сборов и иных обязательных платежей) в доходы консолидированного бюджета РСО-Алания, тыс. руб.	11 067 683	14 984 414	17 618 849	6 551 166	159,2
3	Отношение суммы поступивших налоговых доходов к начисленным, %	100,3	95,3	96,7	*	*

Источник: составлено автором по данным официальной статистики Управления ФНС России по РСО-Алания на основе отчета 1-НМ

Таблица 2

Динамика и структура проведенных выездных и камеральных налоговых проверок налоговыми органами РСО-Алания

№	Показатели	Годы						2017 г. в % к 2015 г.
		2015		2016		2017		
		штук	%	штук	%	штук	%	
1	Проведено камеральных проверок	79 732	99,9	93 610	99,9	136 305	99,9	170,9
2	Проведено выездных проверок	87	0,1	54	0,1	30	0,1	34,5
3	Всего проведено камеральных и выездных проверок	79 819	100	93 664	100	136 335	100	170,8

Источник: составлено автором по данным официальной статистики Управления ФНС России по РСО-Алания на основе отчета 2-НК

налоговое администрирование позволил добиться таких рекордных результатов.

Создаваемая фискальным органом цифровая технологическая платформа, общие интегрированные информационные ресурсы с таможенным органом, банками, ЗАГС, Росфинмониторингом позволяют ФНС изменить методы налогового контроля: непрерывно работать с гигантским массивом данных и совершенствовать налоговый контроль в целом.

Внедрение в работу инновационных технологий позволило концептуально поменять парадигму контрольной работы.

Положительный для налогового органа эффект от внедрения новых технологий, изменения налогового

законодательства, поддержки правоохранительных и судебных органов, как говорится, на лицо. В отчетах о результатах работы налоговых органов за 2017 год, опубликованных на официальном сайте ФНС много любопытных цифр, с которыми следует ознакомиться.

Так, 98% выездных проверок в 2017 году в России закончились выявлением нарушений.

На 40% выросла эффективность выездной проверки в России по сравнению с 2016 годом.

Рассмотрим динамику и структуру проведенных выездных и камеральных налоговых проверок РСО-Алания (табл. 2).

Анализ показателей таблицы 2 выявил, что около 99,9% в общем количестве проведенных налогово-

Таблица 3

**Результативность проведенных выездных и камеральных налоговых проверок
налоговыми органами РСО-Алания, 2015—2017 гг. [1]**

№	Показатели	Годы			2017г в % к 2015 г.
		2015	2016	2017	
1	Проведено камеральных проверок, всего штук	79 732	93 610	136 305	170,9
2	Количество камеральных проверок выявивших нарушения, штук	8 365	9 954	19 065	227,9
3	Результативность камеральных налоговых проверок, %	10,5	10,6	14,0	*
4	Проведено выездных проверок, всего штук	87	54	30	34,5
5	Количество выездных проверок выявивших нарушения, штук	87	54	30	34,5
6	Результативность выездных налоговых проверок, %	100	100	100	*

Источник: составлено автором по данным официальной статистики Управления ФНС России по РСО-Алания на основе отчета 2-НК

вых проверок приходится за последние три года на камеральные налоговые проверки. Если за исследуемый период количество проведенных камеральных проверок увеличилось на 70,9%, то количество выездных проверок сократилось на 65,5%, что связано с тенденцией последних лет в налоговом администрировании, направленной на снижение количества выездных налоговых проверок с целью всеобъемлющего охвата налогоплательщиков камеральным анализом.

Основным показателем эффективности организации налогового контроля является результативность проведения налоговых проверок (табл. 3).

Анализ показателей таблицы 3 показал, что результативность выездных налоговых проверок за анализируемый период составляет 100%, в то время как результативность камеральных проверок составляет около 12%. При сравнении результативности налоговых проверок, выявлено, что выездные налоговые проверки являются более эффективными.

Развитие налоговой системы, планируемые изменения в налоговом администрировании невоз-

можны без дальнейшего совершенствования всей налоговой системы, а именно:

1. Обеспечение законности, обоснованности и мотивированности решений, принимаемых налоговыми органами при реализации своих полномочий.
2. Совершенствование электронного взаимодействия и удаленного доступа, максимальный переход на ТКС.
3. Совершенствование работы налоговых органов по регистрации контрольно-кассовой техники и контролю за ее применением.
4. Совершенствование налогового администрирования, улучшение условий ведения предпринимательской деятельности.
5. Повышение эффективности контроля за использованием специальных марок.
6. Повышение эффективности налогового контроля.
7. Выявление сокрытой налоговой базы и недостоверной информации при расчете налогов, обеспечение полноты налоговых поступлений в бюджетную систему Российской Федерации.

8. Совершенствование администрирования крупнейших налогоплательщиков в целях повышения качества налогового контроля.

9. Повышение эффективности государственного контроля (надзора).

10. Повышение эффективности контрольной работы налоговых органов по соблюдению законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

11. Повышение эффективности обмена налоговой информацией.

12. Совершенствование форм статистической налоговой отчетности в целях получения информации о начислении, поступлении, суммах задолженности, налоговой базе по налогам, сборам, страховым взносам и прочих сведений, необходимых для реализации функций и задач, возложенных на ФНС России.

13. Совершенствование правил налогообложения контролируемых иностранных компаний.

14. Повышение профессионального уровня работников налоговых органов.

15. Создание системы прослеживаемости импортных товаров на территории Российской Федерации.

16. Повышение эффективности взыскания и урегулирования задолженности.

17. Повышение эффективности взаимодействия с правоохранительными органами и предотвращение уклонения от уплаты налогов путем сокрытия налогоплательщиком имущества.

18. Повышение эффективности взаимодействия, законности в сфере несостоятельности (банкротства), поступлений в бюджет.

19. Обеспечение надлежащего учета задолженности должников по денежным обязательствам перед Российской Федерацией.

20. Улучшение информационного взаимодействия и координации действий Минфина России и ФНС России по обеспечению возврата задолженности по денежным обязательствам перед Российской Федерацией.

21. Расширение функционала и повышение качества обслуживания налогоплательщиков в части устного информирования по телефону.

22. Применение международного опыта для совершенствования налогового администрирования.

Все эти цели и задачи должны быть сформулированы в рамках Государственной налоговой док-

трины России, а методы и средства их решения — в Общей концепции налоговой политики и основных направлениях развития налоговой системы России. В этих документах можно будет не только обозначить и закрепить основные направления развития налоговой службы, затрагивающие процесс модернизации и совершенствования ее структуры, но и сформировать условия обеспечивающие наиболее полное и эффективное выполнение возложенных на нее действующим законодательством задач с учетом тенденции развития налогово-бюджетной системы и национальной экономики в целом.

Переориентация функции налоговой системы с фискальной на стимулирующую позволит без ущерба для экономики в полной мере использовать налоговые рычаги государственного регулирования, создавая предпосылки для экономического роста и притока инвестиции в производственную сферу, что, в свою очередь, позволит создать надежный фундамент для обеспечения стабильных поступлений в казну государства.

Литература

1. <https://www.nalog.ru/rn15/>
2. Гасиева З.П., Анаева И.Р. Федеральные налоги и сборы РФ // Актуальные направления и перспективы развития национальной экономики Сборник научных трудов по материалам Международной конференции. 2018.
3. Тускаева М.Р., Вазагова К.З. Возможность использования опыта зарубежных стран в реформировании российской налоговой системы // Актуальные направления и перспективы развития национальной экономики Сборник научных трудов по материалам Международной конференции. 2018.
4. Туаева Н.В., Таучелова М.И., Льянов З.М., Гасиева З.П. Проблемы формирования доходов региональных бюджетов // В сборнике: Перспективы развития апк в современных условиях Материалы 7-й Международной научно-практической конференции. 2017.
5. Тускаева М.Р., Рубаева А.Е. Методы управления налоговым механизмом // В сборнике: Актуальные направления и перспективы развития национальной экономики Сборник научных трудов по материалам Международной конференции. 2018.

УДК 338

ББК 65

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10044

© Л.В. Каширская, А.А. Ситнов, К.О. Шамашева, 2019

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Людмила Васильевна Каширская,

заведующая кафедрой «Национальная безопасность»,

доктор экономических наук, профессор

Астраханский государственный университет (414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20а)

E-mail: kashirskaya76@mail.ru;

Алексей Александрович Ситнов,

профессор департамента учета, анализа и аудита,

доктор экономических наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Москва, Ленинградский просп., д. 49)

E-mail: ASitnov@fa.ru;

Кристина Олеговна Шамашева,

магистрант кафедры Государственного муниципального управления, учета и аудита

Астраханский государственный университет (414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20а)

E-mail: shamasheva1703@mail.ru

Аннотация. Раскрыта особая актуальность деятельности высших учебных заведений в формировании современной системы внутреннего контроля и системы управления рисками, возникающими в ходе деятельности ВУЗов. Авторы предложили свою точку зрения и пути развития методологии и инструментов создания системы внутреннего контроля и управления рисками высших учебных заведений. В результате проведенного исследования авторы обозначили свои предложения практической реализации указанной проблематики.

Ключевые слова: внутренний контроль, система внутреннего контроля, управление рисками, регламенты системы внутреннего контроля, учетная политика, интеллектуальные ресурсы.

ORGANIZATION OF INTERNAL CONTROL AND RISK MANAGEMENT SYSTEM IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Lyudmila V. Kashirskaya,

Head of the National Security Department,

Doctor of Economics, Professor

Astrakhan State University (414056, Astrakhan, ul. Tatischeva, d. 20a);

Aleksey A. Sitnov,

Professor of Accounting, Analysis and Audit,

Doctor of Economic Sciences

Financial University under the Government of the Russian Federation (125993, Moscow, Leningradsky prosp., d. 49);

Kristina O. Shamasheva,

Master student of the Department of State Municipal Administration, Accounting and Audit

Astrakhan State University (414056, Astrakhan, ul. Tatischeva, d. 20a)

Abstract. The article reveals the special relevance in the activities of higher educational institutions of the formation of a modern system of internal control and risk management system arising in the course of their activities. The authors offered their point of view and ways to develop the methodology and tools for creating a system of internal control and risk management of higher education institutions. As a result of the study, the authors identified their proposals for the practical implementation of this problem.

Keywords: internal control, internal control system, risk management, the regulations of the internal control system, accounting policy, intellectual resources.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Каширская Л.В., Ситнов А.А., Шамашева К.О. Организация системы внутреннего контроля и управления рисками в высших учебных заведениях. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):215-26.

Системные преобразования в высшей профессиональной подготовке предполагают структурные изменения в системе образования, выход образовательной системы Российской Федерации на уро-

вень мировых стандартов, развитие инновационных направлений подготовки, повышение доли научных разработок и исследований, осуществляемых высшими учебными заведениями, а также борьбу с не-

эффективными ВУЗами. Указанные преобразования уже коснулись как изменений правового положения ВУЗов, так и финансирования их деятельности.

В новых условиях высшим учебным заведениям необходимо решать целый ряд взаимосвязанных задач:

- выполнять все условия государственного задания;
- обеспечивать сохранность и эффективность использования государственного имущества, закрепленного на праве оперативного управления;
- предоставлять качественные образовательные услуги по ценам, регулируемым учредителем;
- отвечать по своим обязательствам и принимать самостоятельные управленческие решения, способствующие укреплению позиций на рынке образовательных услуг и улучшению материально-технической базы.

Возникшие изменения, связанные с переходом современного общественного развития к информационному обществу, влекут за собой необходимость реформирования системы учета и контроля в образовательных учреждениях высшего образования. Проблема их дальнейшего развития стала как никогда актуальной.

Внутренний контроль деятельности ВУЗов — это значимый и необходимый компонент комплексного и системного управления учебным заведением, а определение его элементов, в свою очередь, представляет собой одну из важнейших и трудных задач, стоящих перед руководителями и сотрудниками [2, с. 19—28].

Для любого экономического субъекта роль системы внутреннего контроля также велика, как и роль учета и управления. Эффективная деятельность высшего учебного заведения совершенно невозможна без правильно организованной системы внутреннего контроля, которая не только обнаруживает ошибки или злоупотребления, но и рассматривает целесообразность совершаемых им бизнес-операций [3].

В свою очередь, система бухгалтерского учета является, с одной стороны, составной частью контрольной среды, а с другой — информационным элементом системы внутреннего контроля.

Плановые и внеплановые инвентаризации, проверка правильности отражения бизнес-операций и

их учета, обеспечение сохранности активов и бухгалтерских записей, относятся к средствам контроля. Но в то же время перечисленные элементы входят и в систему бухгалтерского учета, поскольку представляют собой прямые обязанности бухгалтерии. Отсюда прослеживается тесная взаимосвязь между системами внутреннего контроля и бухгалтерского учета.

Соблюдение методологии бухгалтерского учета позволяет сформировать достоверную бухгалтерскую информацию для заинтересованных в ней пользователей. Критерий полноты требует отражения в финансовой отчетности всех активов, пассивов и результатов хозяйственного оборота, которые должны быть в ней отражены.

В свою очередь достоверность управленческой отчетности может быть обеспечена в том случае, если используемая непосредственно для ее составления информация будет соответствовать правилам, установленным законодательными и иными нормативно-правовыми актами по бухгалтерскому учету. Полнота управленческой отчетности обеспечивается информацией о наличии и использовании материальных, трудовых, и финансовых ресурсов, о капитале и обязательствах, доходах и расходах, о результатах деятельности образовательного учреждения, о влиянии различного рода внешних и внутренних факторов на полученные результаты, необходимые для обоснования эффективных управленческих решений.

В то же время без системного подхода и единых правил к формированию регистров налогового учета нельзя осуществить эффективный контроль над полнотой и достоверностью налоговых расчетов, следовательно, осуществить контроль над правильным исчислением налоговой базы по налогу прибыль. Для того чтобы сформировать полную и достоверную информацию, следует организовать слаженную систему требований к формированию налоговых регистров и системный подход к формированию образовательного для ВУЗа перечня регистров налогового учета. Установленные требования в системе внутреннего контроля должны обеспечивать образовательное учреждение существенными, а не тривиальными показателями.

Следует учитывать, что в любую систему внутреннего контроля в современных условиях вхо-

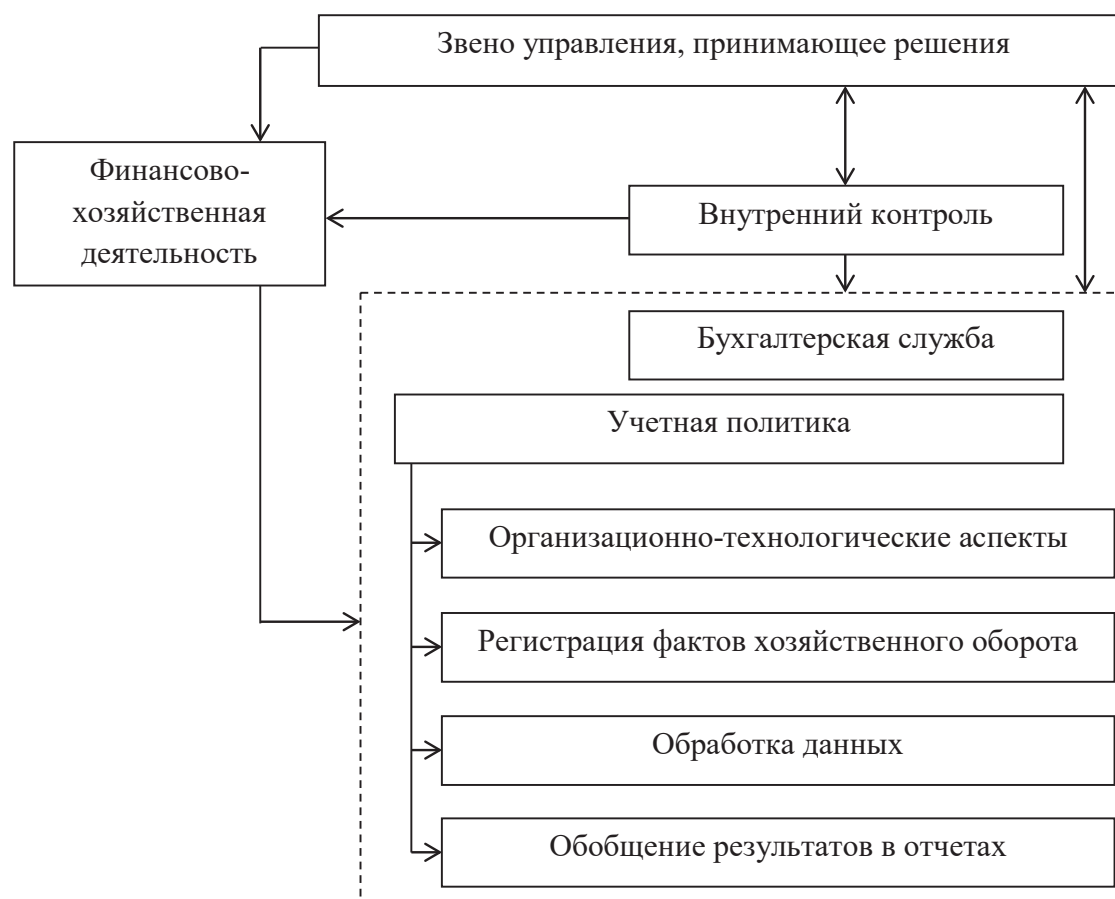

Рис. 1. Модель состояния внутреннего контроля в системе принятия решений

дит обнаружение и управление рисками хозяйственной деятельности образовательного учреждения. Информация о рисках полезна для полного представления сведений о финансовом положении и финансовых результатах высшего учебного заведения.

Что касается учетной политики и внутреннего контроля, то между ними прослеживается как прямая, так и обратная связь. Внутренний контроль способствует совершенствованию способов отражения фактов хозяйственной деятельности и их экономическую целесообразность при формировании указанной учетной политики.

Регламенты системы внутреннего контроля, в свою очередь, разрабатывается в рамках учетной политики образовательного учреждения, которая может послужить механизмом устранения угроз возникновения несостоятельности (банкротства). Это относится, прежде всего, к образовательным учреждениям со сложной организационной структурой. Под сложной организационной структурой в данном контексте следует понимать наличие боль-

шого количества филиалов в различных частях Российской Федерации.

Внутренний контроль в высшем учебном заведении должен осуществляться непрерывно. Контроль над финансово-хозяйственной деятельностью, при взаимодействии с учетной политикой, должен проводиться своевременно и в полном объеме, что позволит управлять рисками, тем самым снижая их влияние на эту деятельность. Порядок контроля над бизнес-операциями ВУЗа, в свою очередь, должен утверждаться одновременно с учетной политикой согласно п. 4 ПБУ 1/2008. Исходя из этого, при формировании системы внутреннего контроля в высшем учебном заведении, необходимо обращать внимание на потребности учреждения, запросы пользователей бухгалтерской информации, отраслевые или ведомственные инструкции, сложившуюся практику и пр.

Основные приложения к учетной политике, продемонстрированные на рис. 1, входят в систему внутреннего нормативного регулирования и носят обязательный характер для любого экономического

Рис. 2. Функции управления

субъекта. Учетная политика — элемент регулирования бухгалтерского и налогового учета, который соединяет все аспекты учетной политики в единую структуру и придает документам официальный статус.

Сущность управления, в свою очередь, выражается в его 4 функциях: планирование, организация, мотивация и контроль (рис. 2).

Суть контроля как функции управления заключается в том, что он создает основу для корректировки деятельности высшего учебного заведения, поскольку главная задача внутреннего контроля заключается в определении причин возникновения ошибок и путей выхода из сложившейся ситуации. Иными словами — проведение профилактики возможных нарушений. В данном контексте функцию контроля следует трактовать как вид управленческой деятельности, с помощью которого высшее учебное заведение осуществляет свою деятельность в нужном (правильном) русле.

Обычно выделяют три аспекта осуществления контроля:

- установление регламентов (технологии, нормативов, критериев и пр.);
- сравнение фактических и плановых показателей;
- коррекция отклонений от плановых показателей.

Кроме того, на практике в данном контексте различают три вида контроля:

- Предварительный — используется в отношении человеческих, материальных и финансовых ресурсов. В области человеческих ресурсов контроль достигается путем анализа профессиональных знаний и навыков, которые необходимы

для выполнения конкретных задач учреждения, в области материальных ресурсов — контроль качества материалов, и, наконец, в области финансовых ресурсов — контроль за бюджетом.

- Текущий — проводится в процессе хозяйственной деятельности, позволяет исключить отклонения от намеченных планов, инструкций и нормативно-правовых актов. Объектом текущего контроля, как правило, являются сотрудники.
- Заключительный — проводится по результатам хозяйственного цикла. Целью заключительного контроля является предотвращение появления ошибок в будущем [3].

В основу создания систем внутреннего контроля ВУЗа должны быть положены следующие критерии:

- эффективность — под данным критерием подразумевается успешность, полезность самого контроля;
- выполнение задач — контроль должен определить соответствие или отклонения в системе управления, способствовать устранению выявленных отклонений и выработке эффективных мер для дальнейшего развития;
- определение границ — контроль должен проводиться в определенных установленных «рамках»;
- своевременность — необходимо своевременно определять и устранять возникшие отклонения;
- гибкость — приспособление к современным условиям;
- соответствие виду деятельности — неподходящий механизм контроля может маскировать, а не выявлять информацию.

Рис. 3. Технология контроля

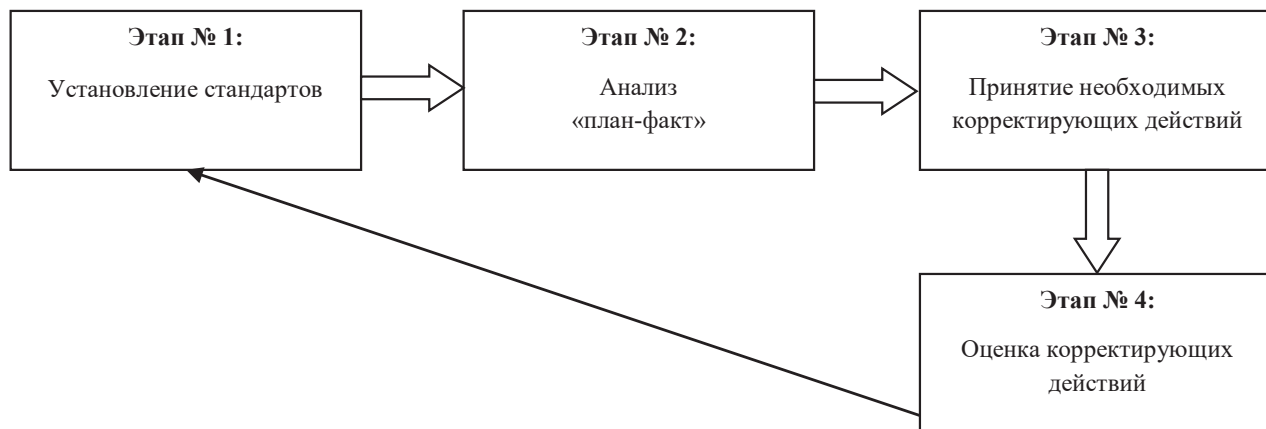

Рис. 4. Процедура контроля

В управляющей системе обычно существует определенная «технология контроля», представленная на рис. 3. Однако стоит признать тот факт, что какая бы технология контроля ни применялась субъектом, конечная цель состоит в выполнении различных планов и целей любого управления.

В свою очередь следует отметить, что при осуществлении процедуры контроля следует выделить 4 этапа (рис. 4).

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что внутренний контроль находится в тесной взаимосвязи как с учетной политикой высшего учеб-

ного заведения, так и с его управляющей системой. Функции контроля, в свою очередь, выполняются на всех этапах деятельности учреждения, всеми участниками образовательного процесса: от студентов до, непосредственно, ректора.

В то же время к проблемам, которые вынуждают российские высшие учебные заведения совершенствовать качество образования (в том числе посредством реализации современных механизмов контроля), как правило, относятся:

1. Растущие требования абитуриентов. За последние годы потребители образовательных ус-

луг стали более требовательны к качеству образовательного процесса. При этом особое внимание уделяется престижу учебного заведения, его месту на рынке образовательных услуг. Нельзя обойти стороной и материальную составляющую, однако стоит учитывать и то, что между престижем конкретного высшего учебного заведения и стоимостью обучения в нем прослеживается прямая зависимость.

2. Растущая конкуренция на рынке образовательных услуг. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается более 1100 высших учебных заведений, каждое из которых использует определенные методы для борьбы с конкуренцией, и особое место здесь занимает маркетинг, ставший неотъемлемым элементом стратегии развития ВУЗов.

3. Растущие требования работодателей. Вслед за набирающим обороты научно-техническим прогрессом из года в год значительно возрастают требования к профессионализму рабочих кадров. Следовательно, высшие учебные заведения должны учитывать все уместные факторы для подготовки выпускников с соответствующим багажом перманентно меняющихся в условиях информационного общества знаний [3].

Указанные проблемы можно устранить путем совершенствования технологий и программ обучения, улучшения профессиональных навыков сотрудников, обновления учебных материалов [3].

Кроме того, необходимо отметить, что с одной стороны, государственное образовательное учреждение представляет собой бюджетную организацию, с другой — во многих российских ВУЗах важным источником дохода являются внебюджетные средства (по некоторым данным их доля приближается к 50%).

Как было отмечено ранее, образовательным учреждениям приходится осуществлять свою деятельность в условиях чистой конкурентной среды. Многие учреждения являются не только учебными, но и научными центрами, которые ведут научную деятельность фундаментального и прикладного характера. Из этого следует, что руководство ВУЗа должно иметь в своем распоряжении оперативную и достоверную информацию, которая могла бы использоваться в стратегическом планировании, т.е.

необходимо внедрение такой системы сбора и анализа и оценки информации, которая позволила бы принимать экономически обоснованные управленческие решения и эффективно управлять как ВУЗом в целом, так и его структурными подразделениями. Все это возможно благодаря внедрению отвечающей современным требованиям информационного общества эффективной системы внутреннего контроля.

Необходимость в организации современной эффективной системы внутреннего контроля в высшем учебном заведении обусловлена рядом причин:

- неопределенность, сложность и динамичность среды, в которой учреждение осуществляет свою деятельность. Контроль уменьшает неопределенность, характерную для изменчивой внешней среды экономического субъекта.
- кризисные ситуации. Контроль предупреждает о возникновении кризисных ситуаций, что служит одной из важнейших причин необходимости его осуществления, поскольку каждый экономический субъект (включая образовательные учреждения) должен вовремя фиксировать ошибки и исправлять их до того, как они мешают достижению намеченных целей.
- поддержание успеха путем сопоставления фактических результатов, плановых показателей и оценки темпа продвижения учреждения к намеченным целям. Тем самым руководство получает возможность определить направления деятельности, которые бы наиболее эффективно способствовали достижению целей учебного заведения.

Именно хорошо налаженная система внутреннего контроля позволяет исключить вероятность возникновения ошибок бухгалтерского и налогового учета, проследить за правильным ходом текущей работы, а «жесткая» система внутреннего контроля, в свою очередь, поможет снизить до минимума вероятность принятия не адекватных сложившимся условиям решений, невыгодных для учебного заведения.

На основании опыта ряда высших учебных заведений можно отметить, что внедрение системы внутреннего контроля в управляющую систему образовательного учреждения способствует:

- четкому позиционированию на рынке образовательных услуг, видению вектора и перспектив развития;
- повышению эффективности деятельности учебного заведения на основе стратегического планирования;
- мобилизации внутренних интеллектуальных и материально-технических ресурсов;
- созданию механизмов привлечения внешних ресурсов (как финансовых, так и гуманитарных) для развития системы высшего образования посредством создания привлекательного имиджа ВУЗа и благоприятного инвестиционного климата для бизнес-структур.

Следует учитывать, что надлежащим образом организованная в ВУЗе система внутреннего контроля позволяет поддерживать на должном уровне профессиональную компетентность работников, обеспечивает добросовестное выполнение работниками возложенных на них функций. Кроме того, система внутреннего контроля посредством различных механизмов способствует улучшению качества предоставляемых образовательным учреждением услуг, тем самым повышая его рейтинг на рассматриваемом рынке.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что для высшего учебного заведения организация системы внутреннего контроля сопровождается рядом проблем (связанных как с недостатком рекомендаций на законодательном уровне, с выбором оптимального способа организации системы внутреннего контроля, так и с эффективной оценкой указанной системы), необходимость организации внутреннего контроля в условиях развития информационного общества служит своего рода «залогом успеха» образовательного учреждения.

Современная система внутреннего контроля образовательного учреждения представляет собой довольно сложный и много процессный комплекс, уровень сложности которого во многом определяется масштабом деятельности учреждения, а также его организационной структурой. Руководству образовательного учреждения, в свою очередь, необходимо с должным вниманием отнестись к данной проблеме, т.к. именно эффективно и непрерывно действующая система внутреннего контроля позво-

ляет организовать работу учреждения наилучшим образом.

В связи с этим организацию внутреннего контроля образовательного учреждения целесообразно осуществлять на основании риск-ориентированного подхода, который позволяет оценить защищенность ВУЗа, выявить возможные риски, а также создать план мероприятий по сведению их к допустимому минимуму [1, с. 31—41].

В результате применения указанного подхода руководство учреждения и его сотрудники сосредотачивают свои усилия на построении внутреннего контроля главным образом в тех сферах деятельности, в которых выявлен наиболее высокий уровень рисков.

Критериями эффективности системы внутреннего контроля, в данном случае будет являться соблюдение ряда основополагающих принципов:

- принцип ответственности — каждый субъект контроля несет ответственность за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей;
- принцип своевременного оповещения об отклонениях — необходимо своевременно и в полном объеме сообщать информацию об обнаруженных отклонениях лицам, непосредственно принимающим решения по устранению указанных отклонений, т.к. в противном случае риски значительно возрастают;
- принцип распределения обязанностей — выполняемые функции должны быть распределены между работниками так, чтобы надлежащим образом выполнялись требования к формированию контрольной среды;
- принцип добросовестности, честности и профессиональной компетентности субъектов внутреннего контроля. Принцип профессиональной компетентности состоит в проявлении высокого уровня знаний в рассматриваемой сфере и предполагает обязательное пополнение багажа знаний посредством участия в курсах повышения квалификации, различных семинарах и тренингах, а также самообразования. Субъекту внутреннего контроля необходимо быть в курсе последних изменений в законодательстве, изучать опыт и новые методы контроля;
- принцип сбалансированности — выполнение субъектом контрольных функций должно быть

закреплено соответствующими организационными (приказ, распоряжение) и техническими (программы, счетные и измерительные устройства) средствами для их исполнения;

- принцип интеграции — все элементы управления (будь то планирование, нормирование или учет) взаимосвязаны между собой. Система внутреннего контроля, как было сказано ранее, представляет собой часть управляющей системы и должна посредством методов контроля выполнять функции корреляции ее деятельности;
- принцип соответствия контролирующей и контролируемой систем — степень сложности системы внутреннего контроля образовательного учреждения должна соответствовать степени сложности ее структуры. Следует учитывать, что у ряда ведущих ВУЗов России имеются филиалы по всей стране. Следовательно, необходимо координировать работу в рамках контроля с целью эффективной деятельности на всей территории Российской Федерации;
- принцип постоянства — эффективное непрерывное функционирование системы внутреннего контроля поможет вовремя предупредить руководство образовательного учреждения высшего образования о возможных существенных отклонениях от плановых заданий и норм, а также своевременно выявить их посредством проверок.
- принцип разрешения и одобрения — в образовательном учреждении высшего образования должно обеспечиваться документальное разрешение всех совершаемых бизнес-операций руководителями различных уровней в рамках их полномочий. Обязательным условием является наличие процедур санкционирования.

Для того, чтобы деятельность высшего учебного заведения осуществлялась надлежащим образом, согласно разработанной политике и стратегии, чтобы бизнес-операции были достоверными и отражались в учете исключительно на основании соответствующего разрешения, чтобы сохранялось и контролировалось имущество, а все виды учета осуществлялись строго на основании принятого нормативно-правового поля, следует придерживаться перечисленных выше принципов. Контроль, в свою очередь, необходимо осуществлять на основе чет-

кого взаимодействия всех подразделений и служб конкретного учреждения.

Кроме того, при изучении системы внутреннего контроля целесообразно провести анализ сильных и слабых сторон высшего учебного заведения, его возможностей и угроз, т.е. SWOT-анализ.

При этом сила — это то, в чем образовательное учреждение преуспело. Она может заключаться в навыках, опыте работы, ресурсах, достижениях (лучший университет, лучшие преподаватели, высокая доля трудоустроенных студентов, высокая доля выпускников с красным дипломом, использование новейших технологий и пр.).

В свою очередь слабость — это отсутствие чего-то значимого для функционирования образовательного учреждения или нечто, ставящее его деятельность в неблагоприятные условия. Слабая сторона в зависимости от того, насколько она важна в конкурентной борьбе, может сделать образовательное учреждение уязвимым, способствовать снижению его конкурентоспособности.

Слабые и сильные стороны ВУЗа, полученные в результате проведения SWOT-анализа, могут оказать помощь при разработке плана проведения внутреннего контроля, а также позволят выделить наиболее уязвимые места.

Таким образом, анализ показывает, что эффективное функционирование системы внутреннего контроля в высшем учебном заведении неразрывно связано с соблюдением ряда принципов, а SWOT-анализ, в свою очередь, широко используемый экономическими субъектами, полезен при разработке плана проведения конкретных контрольных мероприятий.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод относительно того, что высшее образование представляет собой достаточно специфическую область, для которой характерны особые риски. При этом подавляющий интерес вызывает деятельность высших учебных заведений в контексте качества образования, а именно — степень подготовки специалистов. Качество образования должно соответствовать установленным стандартам и нормам, включать в себя необходимые ресурсы: образовательные программы, интеллектуальный капитал, уровень абитуриентов, материально-техническое обеспечение, финансирование и пр. Кроме того, элементом оценки качества образования, исхо-

Таблица 1

Риски высшего учебного заведения

№	Название
1	Обеспечение должного уровня качества образовательных услуг
2	Несоответствие предлагаемого набора образовательных услуг требованиям рынка
3	Высокая цена образовательных услуг
4	Имидж образовательного учреждения на рынке
5	Снижение качества образования за счет развития сети филиалов или «слияния» ВУЗов
6	Структура управления образовательным учреждением
7	Недостаточное развитие материальной базы
8	Неэффективная кадровая политика (повышение квалификации преподавателей, программы обмена преподавателями, привлечение сторонних специалистов и др.)
9	Низкий уровень заработной платы сотрудников
10	Неэффективное использование внебюджетных средств для стимулирования профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого персонала

дя из анализа, служит качество результатов деятельности высшего учебного заведения (текущие и итоговые результаты обучения, участие в различного рода конкурсах, конкурентоспособность на рабочем рынке и т.п.).

В большинстве своем ведущие высшие учебные заведения используют собственную систему оценки рисков, при этом учреждения сталкиваются с рядом проблем. К таковым можно отнести:

- отсутствие стандартизированных методик и недостатки применяемых;
- отсутствие сравнительной базы экономических показателей;
- отсутствие специалистов по части управления рисками.

Риски, как уже отмечалось ранее, с которыми сталкиваются высшие учебные заведения, отличаются по месту и времени возникновения и в разной степени влияют на эффективность деятельности образовательного учреждения. Изменение одного вида риска нередко приводит к изменению и большинства остальных, именно по этой причине важно не только своевременно их обнаружить, но и оценить степень влияния на достижение главной цели образовательного учреждения — предоставление качественных образовательных услуг.

Основные риски, влияющие на качество подготовки выпускников, представлены в табл. 1.

Для всех заинтересованных сторон, как правило, наибольшая доля рисков приходится на риски, зависящие от качества подготовки работников университета. Следовательно, данный компонент качества наиболее важен, и ему следует уделять должное внимание.

Дополнив риски образовательного учреждения, влияющие на качество подготовки специалистов, можно разбить их по группам (табл. 2).

Стоит отметить, что большая доля приходится именно на недостаток теоретической и практической базы со стороны преподавателей высшего учебного заведения. В современном динамично развивающемся обществе необходимо уделять должное внимание происходящим изменениям. В особенности это касается таких сфер, как юриспруденция, бухгалтерский учет и аудит, налоги и налогообложение.

Кроме того, необходимо разработать единую базу учебных материалов для каждой дисциплины, поскольку нередко один и тот же предмет читается на протяжении 2 лет обучения, при этом происходит смена преподавателей, каждый из них разрабатывает собственную методику проведения занятий,

Таблица 2

Риски, влияющие на качество специалистов высшего учебного заведения

№	Название риска	Обоснование
1	Риски университета	<ul style="list-style-type: none">• недостаточное финансирование;• недостаток квалифицированных кадров;• недостаточное информационное обеспечение научно-образовательного процесса;• несовершенство материально-технической базы;• несоответствие учебно-методического обеспечения современным требованиям;• низкий уровень подготовки абитуриентов;• отказ организаций от сотрудничества с учреждением, отсутствие программ практической подготовки;• слияние вузов;• низкое качество образовательных услуг;• недостаточное качество подготовки;• недостаточный уровень трудоустройства выпускников;• несоответствие результатов выделенным средствам
2	Риски личности	<ul style="list-style-type: none">• нехватка теоретической базы;• недостаток практического опыта;• недостаточный уровень квалификации;• корыстные цели (взяточничество)

в результате чего студентам тяжело освоить дисциплину в целом. Тем самым теряется ценность образовательного процесса.

Еще одной причиной снижения качества предоставляемых услуг служит слияние высших учебных заведений в рамках реформы по созданию Федеральных университетов. С одной стороны, объединение высших учебных заведений позволяет решить проблему разумной оплаты работы преподавателей без их перегрузки, с другой — довольно часто уровень преподавателей присоединенного учреждения находится не на столь высоком уровне, что приводит к недовольству со стороны студентов и снижению качества образования в целом по ВУЗу. Для того, чтобы данная реформа принесла положительные результаты, необходимы существенные временные затраты. Кроме того, необходимо разработать определенные требования к квалификации преподавателей в каждом учебном заведении с целью отбора лучших специалистов при слиянии двух и более ВУЗов.

Следует учесть, что в качестве показателей степени риска можно использовать коэффициенты риска, показывающие вероятность неблагоприятных исходов при достижении цели определенного уровня одной из заинтересованных сторон.

В основу управления рисками учреждения должны быть положены подходы, позволяющие осуществлять их прогнозирование, количественное

измерение, финансирование мероприятий, направленных на предупреждение возникновения рисков, создание резервов для ликвидации последствий наступления рисков, четкое описание процедур и механизмов управления рисками. Решение данных вопросов возможно путем использования следующих стратегий управления риском в деятельности ВУЗа:

- уклонение от риска;
- снижение риска;
- овладение риском;
- локализация риска;
- передача риска.

Выбор стратегии управления рисками определяется общей стратегией развития ВУЗа, а базой ее разработки и реализации служит научно-педагогический и экономический потенциал учреждения.

При реализации стратегий управления рисками в высших учебных заведениях необходимо применять такие методы риск-менеджмента как:

- диссипация (распределение) риска, которая предполагает использование механизма диверсификации: источников финансирования учреждения, образовательных программ, образовательных технологий, географическую диверсификацию деятельности;
- передача риска, заключающаяся в возможности передачи риска третьему лицу (строительные контракты, договора аренды, обслуживания, аутсорсинга и т.д.);

- компенсация риска, исключая появление причин и нейтрализацию факторов риска путем применения таких инструментов как стратегическое планирование, прогнозирование социально-экономической среды учреждения, активный целенаправленный маркетинг, создание системы финансовых резервов.

Таким образом, нестабильность уровня спроса и предложения, постоянно развивающаяся конкуренция, высокие темпы развития техники и технологий, а также многие другие факторы, характерные для текущего состояния экономики и развития информационного общества, создают условия возникновения риска в деятельности высшего учебного заведения. Поэтому непременной частью управления качеством образовательного процесса выступает необходимость внедрения и использования системы управления рисками в образовательной деятельности.

Как уже отмечалось ранее для эффективного управления высшим учебным заведением использование традиционных финансово-хозяйственных показателей на современном этапе развития теряет свою актуальность.

Любому ВУЗу следует проводить оценку эффективности своей деятельности так, чтобы она была связана со стратегией и миссией университета, обеспечивала улучшение результатов в будущем, учитывая при этом возможные угрозы посредством анализа текущей деятельности и активности предыдущих лет. Инструментом для реализации стратегии и перманентной оценки ее эффективности может служить сбалансированная система показателей.

При этом главной проблемой на современном этапе развития является отсутствие на территории Российской Федерации закона о финансовом контроле, содержащего сведения о структуре, объектах и субъектах указанного контроля. Ко всему прочему, отсутствует законодательное определение сущности, процедур и методики внутреннего контроля в системе бюджетных учреждений, к которым главным образом относятся и учреждения высшего образования.

Деятельность системы внутреннего контроля, как уже отмечалось ранее, должна быть строго регламентирована внутренними документами и осуществляться представителями специального под-

разделения с целью оказания помощи руководителю в управлении учреждением. Особенно важна роль внутреннего контроля при наличии филиалов, что характерно для ведущих ВУЗов страны. Проблема, связанная со сложной организационной структурой, а именно — наличием большого числа филиалов по всей стране, может быть частично решена посредством внедрения автоматизированных систем управления филиалами.

Следующая проблема заключается в слабой организации внутреннего контроля, отсутствии надлежащего административного надзора и подотчетности. Причин этому может быть множество: как недостаток специалистов с соответствующим уровнем профессиональной компетентности, так и халатное отношение руководства к организации системы внутреннего контроля. Зачастую в высших учебных заведениях отсутствуют планы проведения мероприятий внутреннего контроля, либо не уделяется должное внимание выявленным нарушениям, т.е. служба внутреннего контроля носит формальный характер. Если выявленным нарушениям не уделяется должное внимание, причины их появления не устраняются, следовательно, с течением времени последствия могут носить глобальный характер.

Таким образом, основным моментом организационного этапа построения системы внутреннего контроля является разработка организационно-распорядительных документов по его осуществлению. В частности, Положения о внутреннем контроле, приказов о проведении внутреннего контроля, планов мероприятий внутреннего контроля и пр. Перечисленные документы должны носить обязательный к исполнению характер. Более того, следует разработать некий «шаблон» в качестве руководства организацией системы внутреннего контроля в высших учебных заведениях, а также предусмотреть раздел об отражении результатов проверки.

Внутренний контроль деятельности высшего учебного заведения должен носить системный характер, т.е. проводиться на всех уровнях организационной структуры. Опираясь на международный опыт, в частности на концепцию COSO, следует использовать иерархическую модель, согласно которой организационная структура высшего учебного заведения будет разделена на уровни контроля.

При этом контрольная среда распространяется на иерархию в целом, начиная от ректора, заканчивая факультетами и департаментами, информационная связь и взаимодействие осуществляется между всеми структурными единицами, а оценка рисков производится проректорами и руководителями функциональных служб. Мониторингу следует уделять особое внимание — он проводится по отчетной информации, исходящей от подразделений высшего учебного заведения, работниками университета (управленческим персоналом).

На основании успешного функционирования модели COSO в ряде зарубежных стран, можно сказать, что данная модель универсальна и служит ориентиром при формировании системы внутреннего контроля ВУЗа.

Говоря о независимости контролеров, следует иметь в виду создание такой структурной подчиненности, при которой руководство учреждения не будет оказывать непосредственное давление на работников внутреннего контроля. Для решения этой проблемы необходимо спланировать порядок работы службы внутреннего контроля так, чтобы она представляла собой определенную последовательность работы контролеров: составление плана контрольных мероприятий, непосредственное проведение проверок, составление заключения по итогам проверки, принятие управленческих решений по ликвидации выявленных нарушений и представление отчета о результатах ректору университета.

Подбор кадров также играет особую роль для повышения эффективности системы внутреннего контроля, поскольку именно работники представляют собой важную часть указанной системы. Следовательно, работники должны обладать высоким уровнем профессиональной компетентности, действовать честно и добросовестно, иначе эффективность любой системы внутреннего контроля будет сведена на нет.

Кроме того, стоит выделить проблему автоматизации работы службы внутреннего контроля, которая носит скорее системный характер. Информационные системы, которые используются в целях автоматизации бухгалтерского, налогового и управленческого учета довольно часто носят дублирующий характер, однако разработка единой базы, способной заменить все вышеперечисленные, на

сегодняшний день довольно трудно выполнимая задача, требующая внушительных затрат, и далеко не все ВУЗы могут себе позволить ее решить.

Подводя итоги, становится очевидно, что внутренний контроль в высших учебных заведениях — один из главных критериев эффективной работы всего учреждения, однако организация данного процесса на сегодняшний день весьма затруднительна. Именно поэтому государству следует внимательно отнестись к указанной проблеме, разработав единые требования по осуществлению СВК в государственных учреждениях, в том числе учреждениях высшего образования, в которых подробно будут прописаны условия, сроки проведения, исполнители, а также меры наказания.

Что касается самих высших учебных заведений, то необходимо отметить следующее: методика проведения внутреннего контроля высших учебных заведений должна четко следовать регламенту проведения внутреннего контроля, отвечать поставленным целям по нахождению недочетов и слабых мест в образовательном процессе для дальнейшего исправления и совершенствования всех инструментов обучения. Решать данные проблемы высшим учебным заведениям России необходимо посредством внедрения современных информационных и коммуникационных технологий, совершенствования профессиональных навыков сотрудников и профессорско-преподавательского состава.

Литература

1. *Ефимова О.Е., Каширская Л.В., Ситнов А.А.* Организация системы внутреннего контроля и управления рисками дебиторской задолженности в газоснабжающих организациях / О.Е. Ефимова, Л.В. Каширская, А.А. Ситнов // *Аудитор.* № 6, 2018.
2. *Вяткина Е.О., Ситнов А.А.* Концепция внутреннего аудита состояния системы дистанционного образования в высших учебных заведениях / Е.О. Вяткина, А.А. Ситнов // *Аудиторские ведомости.* № 5, 2016.
3. *Вяткина Е.О., Ситнов А.А.* Организация внутреннего контроля в системе дистанционного образования высших учебных заведений: монография / Е.О. Вяткина, А.А. Ситнов. М.: РУСАЙНС, 2017.

УДК 338
ББК 65
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10045

© Н.Ю. Кузнецова, 2019

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

РОЛЬ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Наталья Юрьевна Кузнецова,

заместитель главного бухгалтера УМВД России по г. Вологде,
адъюнкт

Краснодарский университет МВД России (350005, Краснодар, ул. Ярославская, д. 128)
E-mail: nata.cozhurova@yandex.ru

Аннотация. Современная социально ориентированная экономика должна быть сбалансированной по всем трем уровням (макро, микро и мезо), учитывать взаимосвязи хозяйствующих субъектов и их влияние друг на друга. В настоящее время мезоуровень экономики или, как многие экономисты считают его региональным уровнем экономики, начинает служить связующим звеном между макро и микроуровнем экономики, обеспечивает реализуемость экономической политики бизнес-субъектами, согласовывая с ними соответствующие цели и задачи экономического развития. Мезоуровень в настоящее время становится популярной темой научной дискуссии российской экономической теории и практики.

Ключевые слова: инновационный потенциал; мезоуровень; макроэкономика; микроэкономика; экономика; бизнес; государственно — частное предпринимательство.

THE ROLE OF INNOVATIVE POTENTIAL IN THE REGIONAL ECONOMY OF RUSSIA

Natalia Yu. Kuznetsova,

deputy Chief Accountant of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Vologda,
adjunct

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (350005, Krasnodar, ul. Yaroslavskaya, d. 128)

Abstract. The modern socially oriented economy should be balanced in all three levels (macro, micro and mezo), take into account the interrelationships of economic entities and their influence on each other. At present, the meso level of the economy begins to be a link between the macro and microlevel of the economy, ensures the feasibility of economic policy by business entities, agreeing with them relevant goals and objectives of economic development. Meso level is now becoming a popular topic of scientific discussion of Russian economic theory and practice.

Keywords: innovation potential; meso level; macroeconomics; microeconomics; economy; business; public — private entrepreneurship.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Кузнецова Н.Ю. Роль инновационного потенциала в региональной экономике России. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):227-30.

Сложившийся в России ресурсоориентированный тип национальной экономики признан и ведущими научными школами, и Правительством РФ как не обеспечивающий перспектив для развития России. Принятая в 2000—2008 гг. стратегия «догоняющего развития» оказалась неэффективной по оценкам ведущих экономистов. Существующий значительный потенциал не только природных, но и интеллектуальных ресурсов для повышения уровня ВВП на душу населения РФ не позволяет мириться с ролью второстепенного игрока глобальных социально-экономических процессов. Поэтому на повестке дня научной дискуссии стоит вопрос о «новой модели экономического роста Российской Федерации», основанной на «экономике предло-

жения», в которой высокий уровень конкуренции создает реальный спрос на инновации и стимулирует трансформационные и инфраструктурные изменения, обеспечивающие инновационный характер экономики. «В кризисной экономике, где ситуация усугубляется санкционным давлением и геополитическими рисками, предстоящий период до 2020 года будет характеризоваться структурной перестройкой российского хозяйства, связанной с изменением баланса между ее экономическими центрами, возрастанием роли региональных экономических союзов» [1, с. 25]. Дальнейшее развитие мировой экономики будет определяться соотношением сил между сложившейся тенденцией поступательной глобализации мировой экономики и тенденциями регионали-

зации как реакции на рост напряженности между мировыми центрами силы и накопление диспропорций в мировой торговле и финансовой системе.

Применительно к социально-экономической сфере значение инновационного развития проявляется в процессе функционально-структурных изменений по приобретению новых и усилению имеющихся свойств, необходимых для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности на основе эффективного взаимодействия с окружающей средой, сбалансированности внешних и внутренних детерминант.

Современная экономическая практика в России свидетельствует, что порождение новаций происходит относительно независимо от требований рыночных субъектов. Это объясняет тот факт, что как это было и в СССР, так и во многом наблюдается в современных условиях, до коммерциализации этих новаций дело доходит очень редко. Именно антропоцентрический (а не технократический) подход в управлении, где в центре внимания стоит человеческий капитал, обуславливает, по мнению многих ученых, стратегический успех инновационного развития экономики РФ. С одной стороны, это предполагает создание благоприятных условий для развития способностей каждого человека, улучшение условий жизни российских граждан и качества социальной среды, с другой — повышение конкурентоспособности человеческого капитала и обеспечивающих его социальных секторов экономики.

Как считают многие российские ученые, современная социально ориентированная экономика должна быть сбалансированной по всем трем уровням (макро, микро и мезо), учитывать взаимосвязи хозяйствующих субъектов и их влияние друг на друга. В настоящее время мезоуровень экономики начинает являться связующим звеном между макро и микроуровнем экономики, обеспечивает реализуемость экономической политики бизнес-субъектами, согласовывая с ними соответствующие цели и задачи экономического развития. Мезоуровень в настоящее время становится популярной темой научной дискуссии российской экономической теории и практики.

В частности, Г.Б. Клейнер отмечает, что в развитии экономики страны существенную роль играют не только сами предприятия, но и пространство между ними и над ними. Это связывает микроэкономический уровень с макроэкономическим. По убеждению Клейнера Г.Б., именно разрушением мезоэкономики, в первую очередь, обусловлена деградация экономики России. «Действительно, отечественная мезоэкономика и прикладная наука были разрушены вследствие гибели отраслевой структуры, с помощью которой распространялись научно-технические и организационно-экономические новации. Основная проблема нынешней отечественной экономики, препятствующая ее развитию — ее раздробленность и неконкурентоспособность, поскольку государственную поддержку получают только добывающие и оборонные отрасли» [2, с. 258].

Таблица

Сравнение понятия мезоэкономики

Понятие	Отличие
МЕЗОЭКОНОМИКА — раздел экономической науки, занимающий среднее положение между макроэкономикой и микроэкономикой. К мезоэкономике относят экономику отраслей, масштабных видов производственной деятельности, экономику регионов	Территориально- технологический аспект. Признак масштабности хозяйственной деятельности
МЕЗОЭКОНОМИКА — научная дисциплина, изучающая экономические процессы на уровне отраслей народного хозяйства и крупных объединений	
МЕЗОЭКОНОМИКА — наука об экономическом поведении или о том, что находится между, например, между микро- и макроэкономикой, экономикой и политикой, социологией, психологией.	Поведенческий аспект. Интегрирование экономики с политикой, социологией и психологией
МЕЗОЭКОНОМИКА — раздел теоретической экономической науки, связанный с изучением поведения, содержания и сущности промежуточных, стоящих между микро и макроэкономикой систем национального хозяйства, имеющих важное самостоятельное значение.	Как самостоятельная экономическая система, занимающая промежуточное положение между макро и микроэкономикой
В МЕЗОЭКОНОМИКЕ предметом внимания являются совокупности предприятий и организаций, которое в одно и то же время проявляют себя и как группы объектов, и как групповой объект	Рассматривается группа предприятий как система

Для выявления понятия мезоэкономики необходимо обратиться к сравнительной характеристике данного термина, данной различными авторами (табл.).

Именно мезоэкономика различных отраслей промышленности и сервиса обеспечивает структурные связи на разных уровнях, поддерживая устойчивое развитие экономики в целом. По мнению Яковлевой Н.В., мезоэкономика — это именно тот уровень, где происходит селекция новшеств и определяется, станут ли эти новшества настоящими инновациями, способствующими экономическому развитию.

Любая система обладает четырьмя свойствами: целостность и членимость, связи, организация и интегративные качества. Исходя из этого, можно заключить, что мезоэкономическая система — это совокупность самостоятельных экономических субъектов, интегрированных определенными территориальными или технологическими связями с установлением партнерских отношений для получения синергетического эффекта.

Мезоэкономические системы — это интегрированные хозяйственные организации с развитой территориальной сетью различных коммуникаций и обслуживающих организаций. Мезоэкономическая система включает не только предприятия, но и окружающее пространство, что позволяет связывать микроэкономику с макроэкономикой. Это целостная сбалансированная система в форме технопарков, особых экономических зон, кластеров, сетевых структур, саморегулируемых организаций, связанных устойчивыми организационно — экономическими отношениями. Исходя из названия неотъемлемое свойство — системность с наличием разнообразных связей между участниками мезоэкономической системы (МЭС) и возникающим в результате этого синергетическим эффектом. Участники МЭС и их взаимосвязи представляют собой систему, так как это не случайно сложившаяся совокупность, а специально подобранная по принципу взаимодополнения для решения общих проблем и достижения одних целей. Таким образом, региональная экономика может быть только основной средой для мезоэкономической системы, но стать полностью мезоэкономической системой не может. Вместе с тем, масштаб исследуемых систем раз-

личен, а пространство между макро и микроэкономикой может быть заполнено множеством интегрированных подсистем (кластеры, сети, СРО и др.), вместе составляющих единую мезоэкономическую систему региона. Содержательный аспект взаимосвязи инновационного потенциала и мезоэкономики целесообразно рассматривать на примере отношений представителей бизнеса (равноправных предприятий, конкурирующих за потребителя), науки, власти и общества [3, с. 369].

Мезоэкономический уровень приобретает все большее значение для активизации инновационных процессов, предоставления целевой поддержки инновационным компаниям и научным учреждениям, решающих проблемы экономики и управления. Данное обстоятельство объясняется, с одной стороны, природой инновационных процессов, имеющих локализованный характер, с другой — необходимостью учета дифференциации российских регионов, использования положительного влияния специализации.

Исходя из особенностей исследуемой экономической системы, инновационное развитие мезоэкономических систем представляет собой организационно-экономический процесс сбалансированных функционально-структурных непрерывных позитивных качественных изменений по применению и увеличению инновационного потенциала, результат которого заключается в организации современного производства, основанного на использовании интеллектуального труда и ресурсов, создающих высокую добавленную стоимость и совокупность выгод для потребителя, обеспечивающих тем самым конкурентоспособность экономических субъектов.

Данное понятие позволяет выделить три его составляющих элемента: «инновационное развитие», которое включает в себя инновационный потенциал, инновационный процесс и инновационный рост в виде добавленной стоимости и конкурентоспособность как цель или желаемый результат инновационного развития.

В настоящее время вопросам формирования и использования инновационного потенциала в научной литературе уделяется достаточно много внимания, однако существующие подходы носят фрагментарный и даже противоречивый характер. Например, в отдельных случаях инновационный

потенциал отождествляется только с научно-техническим, связанным с формированием информационной базы о патентах на изобретения и разработки. В других случаях инновационный потенциал отождествляется с необходимой совокупностью факторов и условий для осуществления инновационного процесса. Эти подходы к понятию инновационного потенциала значительно упрощают действительность, а также сужают сферу применения этой сложной категории.

Другие ученые рассматривают инновационный потенциал с точки зрения возможностей различных отраслей народного хозяйства производить наукоемкую продукцию, конкурентоспособную на мировом рынке. В данном случае во внимание берется лишь отдельный уровень, народное хозяйство, при этом не затрагиваются интересы конкретного региона или хозяйствующего субъекта, которые весьма отличаются друг от друга по своим инновационным возможностям. Кроме того, в данном аспекте из поля зрения выпадают инновации в системе управления, а также в сфере оказания услуг для производства и конечного потребителя.

В приведенных выше подходах к понятию инновационного потенциала раскрывается только часть сущностных характеристик данной дефиниции. Более комплексный научный взгляд представлен исследованиях Жица Г.И., который под инновационным потенциалом понимает количество экономических ресурсов, которые в каждый конкретный момент общество может использовать для своего развития. Все ресурсы ученый распределил по трем направлениям в соответствии с которыми формируются определенные потенциалы: научно — технический, образовательный и инвестиционный, в совокупности, образующие инновационный потенциал мезоэкономики. Динамичный характер категории «инновационный потенциал» можно определить, как способность системы к трансформации фактического порядка вещей в новое состояние с целью удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей (субъекта — новатора, потребителей, рынка, стейкхолдеров и т.п.). Таким образом, инновационный потенциал — это сущностная характеристика способности экономической системы к качественному изменению, улучшению, прогрессу, эволюции.

Таким образом, мезоэкономическая среда определяет потенциал инновационного развития и относится к обеспечивающей подсистеме управления. Процессы мезоэкономики связаны с аналогичной составляющей инновационного развития и управляющей подсистемой. Проекты как целевая подсистема управления отражает рост инновационного развития в количественном и качественном измерениях.

Кроме этого, именно уровень мезоэкономики является наиболее благоприятным для образования и развития экономических институтов. Проблема, заключается в том, что создание таких экономических институтов должно быть совместным делом субъектов макроэкономики (органов государственной власти) и микроэкономики (хозяйствующих субъектов). Иначе будет нарушен баланс интересов, а разновекторное их направление не будет способствовать поступательному и стабильному развитию экономики мезоуровня. Кроме того, сами экономические институты как субъекты регулирования поведения на рынке в соответствии со сложившимися общественными нормами и правилами, не должны оставаться «застывшими», а соответственно меняться в зависимости от курса социально-экономического развития. Поэтому экономические институты могут стать «приводным ремнем» для инновационного развития мезоэкономической системы, но выполнять еще роль интеграторов и координаторов поведения хозяйствующих субъектов, согласовывая их мотивы друг с другом, а также с общественными и государственными интересами.

Литература

1. *Амосова В.В.* Экономическая теория / В.В. Амосова, Г.А. Маховникова, Г.М. Гукасян. М.: СПб: Питер, 2017.
2. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. М.: ГУ ВШЭ; Издание 4-е, стер., 2014.
3. *Малыгин А.А.* Нормативы капитальных вложений. Справочное пособие / А.А. Малыгин, Н.М. Ларюшина. М.: Экономика. М., 2012.
4. Хейне Экономический образ мышления / Хейне, Пол. М.: Дело; Издание 2-е, стер., 2011.
5. *Вершигора Е.Е.* Менеджмент / Е.Е. Вершигора. М.: ИНФРА-М, 2017.

УДК 338
ББК 65
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10046

© Я.В. Пухов, 2019

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТОРГОВО-ПОСРЕДНИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ярослав Вячеславович Пухов,

оперуполномоченный 1 оперативно-разыскной части «Л»

УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве (109029, Москва, ул. Средняя Калитниковская, д. 31)

E-mail: dj91@list.ru

Рецензент: А.М. Еропкин, кандидат экономических наук, профессор

Аннотация. Рассматривается развитие торгово-посреднических операций на современном этапе. Исследуются ключевые элементы осуществления торгово-посреднических операций на данном этапе развития международных экономических отношений, с учетом того, что международная коммерческая практика основана на заключении внешнеторговых сделок. Подтверждением международного характера сделки является условие о расположении коммерческих предприятий контрагентов в разных государствах. Для раскрытия темы статьи были кратко изучены отдельные особенности торгово-посреднической деятельности на мировых рынках в современных условиях, а также проанализированы информационные потоки и инфраструктура основных товарных каналов.

Ключевые слова: торгово-посреднические операции, купля-продажа, внешнеторговые сделки, производитель-экспортер, международные экономические отношения, торговый посредник, международный контракт.

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF TRADE AND INTERMEDIARY OPERATIONS AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Yaroslav V. Pukhov,

operational officer 1 ORCH «L»

Department of Internal Affairs of the Central Administrative Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow (109029, Moscow, ul. Srednyia Kalitnikovskaya, d. 31)

Abstract. In this article, the development of trade and intermediary operations at the present stage is considered. At the same time, the key elements of trade and intermediary operations at this stage of development of international economic relations are examined, taking into account the fact that international commercial practice is based on concluding foreign trade transactions. Confirmation of the international nature of the transaction is the condition for the location of counterparty's commercial enterprises in different states. To disclose the topic of the article, the specific features of trade and intermediary activity in world markets under modern conditions were briefly studied, and information flows and the infrastructure of the main commodity channels were analyzed.

Keywords: trade and intermediary operations, purchase and sale, foreign trade transactions, producer-exporter, international economic relations, trade intermediary, international contract.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Пухов Я.В. Некоторые аспекты осуществления торгово-посреднических операций на современном этапе развития международных экономических отношений. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):231-5.

На современном этапе развития национальной экономики в условиях уже сложившихся экономических связей и конкурентной среды становится актуальным не только общее совершенствование существующих технологий организации посреднической деятельности, но и внедрение новых для экономики методик продвижения товара.

Особенно велика роль посреднического звена при организации сбыта на мировом рынке потре-

бительских товаров, где посреднические структуры выполняют ключевую роль в доставке товаров к конечному потребителю. Без таких структур не может быть достигнута ключевая цель современного маркетинга.

Роль торговых посредников выполняют государственные организации и торговые компании различных государств, осуществляющие операции по закупкам и экспорту товара. Современные виды

торгово-посреднических фирм — это торговые, коммиссионные, агентские, брокерские фирмы, а также факторы.

Как показывают многие зарубежные исследования, число фирм-посредников в мировой торговле постоянно увеличивается. Это связано с возрастающим спросом потребителей на товары и услуги и обновлением и пополнением ассортимента последних, расширением и углублением процессов международного разделения труда.

Торгово-посреднические фирмы и организации, действующие за рубежом, активно совершенствуют свою деятельность за счет использования новых методов и технологий, уже успешно применяемых в промышленности. Это позволяет оптимизировать их операции, способствует снижению цен и улучшению обслуживания клиентов. В настоящее время многие из них оснащены инновационными системами учета товаров, работающих в режиме реального времени, автоматизированными системами оформления счетов и заказов.

В настоящее время под торгово-посредническими понимаются операции, связанные с куплей-продажей товаров, выполняемые по поручению производителя (экспортера) независимым от него торговым посредником на основе заключаемого между ними соглашения или отдельного поручения.

Торговое посредничество в экономическом смысле — довольно широкое понятие. Оно включает значительный круг услуг. В частности, по подысканию иностранного контрагента, подготовке и совершению сделки, кредитованию сторон и предоставлению гарантий оплаты товара покупателем.

В современных условиях значительно расширяются функции, выполняемые торговыми посредниками, что связано с изменением структуры торгово-посреднического звена. Расширилось предоставление различных видов услуг в комплексе: операций по организации сбыта — поиску контрагентов, заключению сделок от имени продавца, предоставлению гарантий оплаты товара покупателем, проведению рекламных кампаний и исследованию рынков, транспортно-экспедиторских операций; операций по страхованию грузов.

Расширение функций торгово-посреднических фирм осуществляется также путем внедрения их

в производственную сферу, т.е. создания дочерних предприятий, в том числе и за границей, следствием этого становятся качественные сдвиги в торгово-посредническом звене, которые характеризуются сосредоточением подавляющей части торгово-посреднических операций в руках небольшого числа крупнейших торговых компаний, которые осуществляют весь комплекс операций:

- куплю-продажу за свой счет;
- финансирование операций (имеют финансовые компании, связи с банками);
- страхование (имеют свои страховые компании);
- транспортировку (имеют свой флот);
- техническое обслуживание (имеют склады запасных частей);
- производство и обработку (имеют предприятия не только по переработке, но и в других отраслях);
- заграничные операции (имеют филиалы за границей);
- подчинение дилерских фирм, которые ориентируются на продажу конкретных товаров [2, с. 225].

На долю торговых посредников приходится от половины до двух третей товаров, участвующих в международном товарообороте. Торговые посредники сравнительно широко используются во внешней торговле США, Великобритании, Нидерландов, Скандинавских стран, Японии. В Швеции, Дании, например, через них осуществляется около 50% внешнеторгового оборота.

Использование торговых посредников создает для зарубежных фирм определенные преимущества, что и обуславливает их важную роль в международной торговой практике.

Главное преимущество использования торговых посредников состоит в том, что фирма-экспортер не вкладывает каких-либо значительных средств в организацию сбытовой сети на территории страны импортера. Другое преимущество торгово-посреднических фирм заключается в освобождении экспортера от многих процедур, связанных с реализацией товара (доставка в страну импортера, сортировка и упаковка, подбор по ассортименту, приспособление к требованиям местного рынка).

Важным преимуществом является также использование капитала торгово-посреднических

фирм для финансирования сделок как на основе краткосрочного, так и среднесрочного кредитования. Здесь большое значение имеют устойчивые деловые связи торгово-посреднических фирм с банками, транспортно-экспедиторскими и страховыми компаниями.

В зависимости от характера взаимоотношений между производителем-экспортером и торговым посредником, а также от функций, выполняемых торговым посредником, можно выделить несколько видов торгово-посреднических операций: операции по перепродаже, комиссионные, агентские и брокерские.

Операции по перепродаже — это операции, которые осуществляются торговым посредником от своего имени и за свой счет. Это означает, что торговый посредник сам выступает стороной договора как с экспортером (имеется в виду экспортер-производитель), так и с конечным покупателем, и становится собственником товара после его оплаты.

Различают два вида операций по перепродаже. К первому виду относятся операции, в которых торговый посредник по отношению к экспортеру выступает как покупатель, приобретающий товары на основе договора купли-продажи. Он становится собственником товаров и может реализовать их по своему усмотрению на любом рынке и по любой цене [1, с. 73].

Терминология, применяемая к такого рода посредникам, довольно разнообразна. Чаще всего их называют купцами (merchant) в Англии, США; Handler — в Германии; handled — в Швеции. Торговцев сахаром за свой счет на Нью-Йоркской бирже называют операторами (operator), торговцев какао на Лондонской бирже — дилерами (dealer), торговцев цветными металлами — принципалами (principal).

Ко второму виду относятся операции, в которых экспортер предоставляет торговому посреднику, именуемому торговцем по договору, право продажи своих товаров на определенной территории в течение согласованного срока на основе договора о предоставлении права на продажу. Этот договор устанавливает только общие условия, регулирующие взаимоотношения сторон по реализации товаров на определенной территории. Для его исполнения стороны заключают самостоятельные контракты

купли-продажи, в которых устанавливаются количество и качество поставляемого товара, цена, условия поставки, способ платежа и форма расчета, сроки платежа, условия гарантии качества, порядок предоставления рекламаций.

Эффективность осуществления внешнеэкономической деятельности зависит от правильного составления внешнеторговых контрактов, определения цен, условий поставок, расчета таможенных платежей, знания основ международных расчетов и международных транспортных перевозок.

Акцентируя особое внимание на договоре купли-продажи, следует отметить что, по международному праву под международным контрактом понимается сделка между двумя или несколькими сторонами, находящимися в разных странах, на поставку установленного количества товарных единиц и/или оказание услуг в соответствии с согласованными сторонами условиями.

Правовой базой для заключения и реализации договоров купли-продажи товаров на мировом рынке является Венская конвенция «О договорах международной купли-продажи», принятая в 1980 году и вступившая в силу в 1988 г., (СССР присоединился к Венской конвенции в 1990 г.). В международной торговле обычно применяются типовые контракты.

Типовой контракт — это примерный договор или ряд унифицированных условий, изложенных в письменной форме, сформулированных заранее с учетом торговой практики или обычаев, принятых Договаривающимися Сторонами после того, как они были согласованы с требованиями конкретной сделки.

При этом типовой контракт представляет собой образец (проект) договора и служит основой переговоров о заключении внешнеторговой сделки. Он может изменяться и дополняться сторонами. Условия соответствующего типового контракта становятся обязательными для сторон только тогда, когда они воспроизведены в заключенном сторонами договоре или в нем содержится прямая отсылка к таким условиям.

Типовой контракт может использоваться двумя способами:

- путем безоговорочного принятия одной из Договаривающихся Сторон условий окончатель-

ной формы типового договора, предложенной другой стороной, которая не изменяется, за исключением незначительных деталей;

- путем применения типового контракта как образца, который может быть изменен в соответствии с условиями конкретной сделки [5, с. 107].

Типовые контракты разрабатываются заинтересованными международными организациями, биржами, торговыми палатами.

Наиболее распространены типовые контракты (общие условия) купли-продажи, разработанные в рамках Европейской экономической комиссии ООН. Они составлены применительно к основным внешнеторговым товарам (оборудованию, зерновым, потребительским товарам длительного пользования и др.), а также для договоров на поставку и монтаж оборудования. Существует более 30 вариантов типовых контрактов.

Сделки купли-продажи между торговцем по договору и покупателем заключаются в соответствии с условиями договора о предоставлении права на продажу между экспортером и торговцем по договору.

В различных видах международных контрактов, особенно в международных контрактах купли-продажи, особое место принадлежит базисным условиям поставки.

Базисными условия поставки называются, во-первых, потому, что являются базой (основой), определяющей содержание внешнеторговой цены в зависимости от распределения транспортных расходов по доставке товара между Продавцом и Покупателем (поскольку расходы Продавца входят в цену товара), и, во-вторых, потому, что регулируют ряд наиболее важных, принципиальных, базовых вопросов, связанных с организацией доставки товара до места назначения.

Во всем мире принято определять базисные условия по терминам «Инкотермс», выработанным Международной торговой палатой.

Необходимость в появлении такого документа была вызвана неоднозначным толкованием торговых терминов в разных странах, что приводило к разногласиям и спорам, которые приходилось разрешать через суды. Поэтому Международная торговая палата на основе обобщения торговой практики в разных странах унифицировала эти термины и

издала в 1936 году международные правила толкования торговых терминов под названием «Инкотермс-1936». В настоящее время он действует в редакции 2010 года — «Инкотермс-2010».

Торговца по договору называют в разных странах по-разному. Например, в США и Англии его именуют дистрибьютор (distributor), в Германии — торговец по договору (Vertragshandler), или торговец за свой счет (Eigenhandler), в Бельгии и Греции — концессионер (concessinaire).

Посредничество торговца по договору состоит в содействии продвижению товара от экспортера к конечному потребителю на определенной территории, при необходимости оно включает организацию технического обслуживания проданных товаров, обеспечение покупателей запасными частями и др. При этом торговец должен соблюдать интересы экспортера и при продаже придерживаться определенных установленных договором условий.

В обязанности торговца по договору, находящегося в стране производителя, может входить получение заказов от иностранных покупателей и размещение их у производителя от своего имени и за свой счет (он сам выступает как покупатель по заказу иностранного контрагента). Если это предусмотрено специальным соглашением, в обязанности торговца по договору, находящегося в стране-импортере, могут входить организация склада и поставка товаров конечному потребителю со склада, а также осуществление рекламы, демонстрация образцов товаров на складе и др.

Торговец по договору выступает в этих операциях постоянным звеном в организации сбыта экспортером. Поэтому он обязан постоянно соблюдать интересы экспортера и действовать в пределах полномочий согласно договору о предоставлении права на продажу.

Влияние посреднических компаний по странам и товарным потокам разное. В большей степени оно просматривается в Японии, Южной Корее и иных подобных странах. Так, в Японии 8 тыс. торговых компаний контролируют 67% импорта и 60% экспорта. В Южной Корее три известных торговых дома — «Самсунг», «Хендэ» — обслуживают 40% внешней торговли страны. В США, Франции и других странах многие крупные компании осуществля-

ют продажу своей продукции на мировых рынках через посредников. В то же время в США большинство малых фирм предпочитают осуществлять экспорт самостоятельно.

Анализ международного опыта торгово-посреднической деятельности и ее правового регулирования позволяет сделать вывод о том, что посредники играют важную роль в торговом обороте, а их грамотное использование позволяет экономить средства, время и повышает эффективность внешнеэкономической деятельности.

Опыт использования зарубежных торговых посредников весьма актуален для отечественных коммерческих структур не только при экспорте ими товаров на внешние рынки. Нарботанные длительной зарубежной практикой нормы, правила и схемы взаимодействия в этой области могут быть использованы отечественными импортерами, осуществляющими сбыт иностранных товаров.

Сбыт характеризует реальное перемещение товарных и материальных ценностей, сдачу их потребителю и оформление товарно-денежных отношений, связанных с вопросами реализации купли-продажи продукции.

Сбыт продукции осуществляется в основном по прямым договорам поставок, заключенным непосредственно с потребителями. Для оформления договоров привлекаются юридические службы предприятий, обеспечивающие правовую достоверность документов, регулирующих взаимоотношения поставщиков и потребителей. Товародвижение — процесс не менее сложный, чем производство. Это объясняется множеством факторов, влияющих на реализацию, как внутрипроизводственных, так и внепроизводственных.

К внутрипроизводственным факторам относятся: производственно-технологические возможности предприятия; условия для расширения ассортимента продукции и периодического его обновления; рационализация структуры сбытовых органов; квалификация работников сбытовых служб; уровень организации сбытовой деятельности; ценовая политика и др. Эти и подобные факторы относятся к числу управляемых, степень и направленность их влияния зависят от самого предприятия.

К непроизводственным факторам относятся: состояние и развитие потребительского рынка,

степень его насыщения; требования и запросы потребителей; наличие и деятельность конкурентов; внешние экономические условия и т.д. Названные факторы на процесс реализации продукции оказывают внешнее влияние и потому относятся к числу неуправляемых или малоуправляемых. Для детального изучения этих факторов, их воздействия на производственно-сбытовую деятельность в организационной структуре управления предусматриваются маркетинговые службы [3, с. 145].

Таким образом, в настоящей статье были рассмотрены некоторые аспекты развития торгово-посреднических операций на современном этапе и было выявлено, что особенно велика роль посреднического звена при сбыте на мировом рынке потребительских товаров, где посреднические структуры выполняют ключевую роль в доставке товаров к конечному потребителю. Как показывают многие зарубежные исследования, число фирм-посредников в мировой торговле постоянно растет. Это связано с увеличивающимся спросом потребителей на товары и услуги, обновлением и пополнением ассортимента последних, расширением и углублением международного разделения труда. Также удалось выявить, что влияние посреднических компаний по странам и товарным потокам разное. Были проведены аналогии изучаемого явления, как с теоретической, так и практической точки зрения.

Литература

1. *Котлер Ф., Келлер К.Ф.* Маркетинг менеджмент. СПб.: «Питер», 2017.
2. *Панкратов Ф.Г., Солдатова Н.Ф.* Коммерческая деятельность. М.: «Дашков и Ко», 2017.
3. *Стровский Л.Е.* Внешнеэкономическая деятельность предприятия. М.: «Юнити-Дана», 2016.
4. *Иванов М.Ю., Иванова М.Б.* Внешнеэкономическая деятельность. М.: «Риор», 2018.
5. *Смитиенко Б.М.* Внешнеэкономическая деятельность. М.: «Академия», 2011.
6. *Покровская В.В.* Внешнеэкономическая деятельность. В 2-х ч. Ч. 1. М.: «Юрайт», 2018.
7. *Прокушев Е.Ф.* Внешнеэкономическая деятельность. М.: «Юрайт», 2018.

УДК 338

ББК 65

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10047

© Н.Д. Эриашвили, А.И. Григорьев, 2019

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ — НЕ ПРИГОВОР ДЛЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

Нодари Дарчоевич Эриашвили,

профессор, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: office@unity-dana.ru;

Александр Иванович Григорьев,

доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления, кандидат юридических наук, доцент
Владимирский юридический институт ФСИН России (600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е)

E-mail: altr1960@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы правового положения налогоплательщиков — взаимозависимых лиц на современном этапе. В целях аргументации своей позиции, авторы использовали разъяснения финансовых и налоговых органов, а также судебную практику.

Ключевые слова: необоснованная налоговая выгода, налоги, взаимозависимые лица, ценообразование, налогоплательщики.

INTERDEPENDENCE — IS NOT A SENTENCE FOR THE TAXPAYER

Nodari D. Eriashvili,

Professor, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Law,
Laureate of the RF Government Prize in the field of science and technology

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Aleksandr I. Grigor'ev,

Associate Professor of the Department of public law disciplines of faculty of law and administration, Candidate of Law, Associate Professor
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (600020, Vladimir, ul. Bolshaya Nizhegorodskaya, d. 67E)

Abstract. This work is a consideration of the problems of the legal status of taxpayers — interdependent persons at the present stage. In order to argue their position, the authors used explanations of financial and tax authorities, as well as judicial practice.

Keywords: unjustified tax benefit, taxes, interdependent persons, pricing, taxpayers.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Эриашвили Н.Д., Григорьев А.И. Взаимозависимость — не приговор для налогоплательщика. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):236-8.

Одним из потенциальных рисков, связанных с деятельностью налогоплательщика, является взаимозависимость лиц в сделках. С принятием разд. V.1 и гл. 14.1 НК РФ у налоговых органов появились вполне законные основания более тщательно контролировать сделки, заключаемые между взаимозависимыми лицами, а также порядок ценообразования между ними. Новый раздел — это новое слово в российском налоговом законодательстве. Он не просто расширил толкование ст. 20 и ст. 40 НК РФ; он установил взаимоотношения, связанные с трансфертным ценообразованием. Ст. 105.1 НК РФ довольно сильно расширила, по сравнению со ст. 20 НК РФ, основания для установления взаимо-

зависимости. Если в прежней редакции было всего три основания, то в нынешнем виде — их одиннадцать. Как известно, взаимозависимость вытекает из гражданского и налогового законодательства. Это могут быть материнские и дочерние компании, а также зависимость, установленная налоговыми органами.

В данной статье мы остановимся на рассмотрении налоговой зависимости. Налоговые органы могут устанавливать зависимость лиц по таким признакам, как тождественность сайта в Интернете, фактических адресов (массовый характер регистрации), контактных телефонов, производственных баз и др. Классическим примером зависимости являются

ся общие учредители, генеральный директор, а в некоторых случаях — и главный инженер (совпадение в двух организациях не только директора, но и главного инженера) [1].

Кроме того, как показывает судебная практика [2], налоговые органы, чтобы доказать аффилированность и взаимозависимость налогоплательщика с другими лицами используют не только ресурсы ФНС России, но и запрашивая информацию из других государственных органов. Например, из органов ЗАГСа — о лицах, не состоящих в браке, но имеющих общих детей, из органов ГИБДД — о фактах ДТП с автомобилями, в отношении которых применен налоговый вычет по НДС, и кто управлял в момент совершения аварии.

В свое время контролирующий орган в своем письме от 19.12.2016 № СА-4-7/24347@ отметил, что у фискальных органов достаточно возможностей, чтобы доказать в суде недобросовестное поведение взаимозависимых лиц.

В определении ВС РФ от 16.09.2016 № 305-КГ16-6003 суд резюмировал, что термин «иная зависимость», установленный ст. 105.1 НК РФ намного шире чем установленный ст. 45 НК РФ. Так, п. 2 ст. 45 НК РФ зависимость в тех исключительных случаях, когда действия налогоплательщика и других лиц носят согласованный (зависимый друг от друга) характер и приводят к невозможности исполнения обязанности по уплате налогов налогоплательщиком. Таким образом, об «иной зависимости» для взыскания недоимки по ст. 45 НК РФ можно говорить и при отсутствии взаимозависимости, предусмотренной ст. 105.1 НК РФ. Необходимо учитывать, что налоговые органы могли предъявлять претензии зависимому лицу, а не непосредственно налогоплательщику.

Заслуживает интереса определение ВС РФ № 305-КГ16-6003 от 16.09.2016 (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016)). В своей мотивировочной части, ссылаясь на п. 1 и п. 7 ст. 105.1 НК РФ судом была установлена взаимозависимость компаний «Интеркрос Оптима» и «Интерос», «исходя из внутренних убеждений» и по совокупности косвенных обстоятельств. В частности, одним из доводов налогового органа, кстати принятого судом. Явился анализ содержания, открытого интернет — форума, участ-

ники которого делились сведениями о «плохих» работодателях.

Контролирующие органы могут в ходе мероприятий налогового контроля, устанавливать зависимость лиц довольно оригинальным образом [3]. Налоговая задолженность была взыскана с организации, согласно агентского договора, выполнявшего для налогоплательщика функции агента по агентскому договору, и направивший по указанию принципала выручку его кредитору. В определении ВС РФ от 26.01.2017 № 303-КГ16-19317 рассмотрен спор, когда к банку — кредитору налогоплательщика были применены положения ст. 45 НК РФ, изъявшего у последнего по соглашению об отступном автосалон и передавшему его в последующем в аренду лицу, признанного взаимозависимым с банком.

Хотелось бы обратить внимание, что признак зависимости одним и тем же физическим лицам не может служить основанием его недобросовестности [4]. Считаю нужным остановиться на порядке определения цен по сделкам между взаимозависимыми лицами. В данном случае у налогоплательщика есть большое искушение создать условия по изменению цен по сделкам между зависимыми лицами, в отличие от аналогичных сделок между иными лицами. Цель довольно проста — минимизация налогообложения, особенно по НДС и налогу на прибыль. Исходя из этого, законодатель, довольно подробно регламентировал эту ситуацию в налоговом законодательстве.

При рассмотрении вопроса, связанного с ценообразованием между взаимозависимыми лицами, необходимо определиться с терминами. В налоговом законодательстве (ст. 105.6 НК РФ) установлены источники информации, которые следует использовать при сопоставлении условий сделок между лицами, не являющимися взаимозависимыми.

Под трансфертной ценой принято понимать цену, устанавливаемую в хозяйственных операциях между участниками одной группы компаний. Трансфертное ценообразование используют налогоплательщики, как одну из возможностей минимизации налогов; поэтому со стороны налоговых органов, естественно, возникает повышенное внимание к этой категории налогоплательщиков, осо-

бенно если происходит отклонение как в сторону повышения, так и в сторону повышения от рыночных цен по идентичным товарам (п. 3 ст. 40 НК РФ). Однако, в абз. 2 п. 3 ст. 105.3 НК РФ законодатель разрешил налогоплательщику самостоятельно устанавливать цену отличную от рыночной. Кстати, это согласуется с правовой позицией, выраженной в определении КС РФ от 04.06.2007 № 320-О-П и № 366-О-П, согласно которой суд пришел к выводу, что налоговое законодательство не регулирует порядок и условия ведения финансово — хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов. На наш взгляд, требует рассмотрения определение ВС РФ от 29.03.2018 № 303-КГ17-19327 по делу № А04-9989/2016.

Суть дела такова. ИП реализовывал товар взаимозависимой с ним организации по заниженной цене. Обращаем внимание, что отклонение от цен, по которым отгружался товар другим покупателям (не взаимозависимым с ним) составил от 11% до 52% (!). По результатам налоговой проверки, налоговые органы пришли к выводу, ИП необоснованно получена налоговая прибыль и, на основании этого, были доначислены НДС и НДС/Л. Расчет налогов контролеры произвели исходя из уровня дохода, который был получен индивидуальным предпринимателем в случае реализации товаров на обычных (рыночных) условиях. Судебные инстанции трех уровней поддержали фискальный орган, сославшись на разъяснения Минфина России [5]. Финансовый орган признал, что налоговый орган в целях определения фактической цены вправе применять расчетные методы, установленные ст. 105.7 НК РФ (глава 14.3 НК РФ).

Высшая судебная инстанция с выводами судов не согласилась. Она пришла к выводу, что для определения налоговой базы исходя из рыночных цен взаимозависимых лиц, возможно только по контролируемым сделкам (п. 4 ст. 105.3 НК РФ). Кроме этого, предметом налоговых проверок не может быть контроль цен в контролируемых сделках. Таким образом, в случаях, не предусмотренных разд. VI НК РФ налоговые органы не вправе оспаривать цену товаров, указанную сторонами сделки. Кроме этого, суд обратил внимание на правовую позицию, изложенную в п. 3 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с примени-

ем отдельных положений разд. VI, утвержденных Президиумом ВС РФ от 16 февраля 2017 года. Лишь многократное отклонение цены от рыночного уровня может учитываться в качестве одного из признаков необоснованной налоговой выгоды в совокупности и взаимосвязи с иными обстоятельствами, указывающими на несоответствие между оформлением сделки и содержанием финансово — хозяйственной операции (п. 3 ст. 105.8 НК РФ). В приведенном случае отклонение от 11 до 52% многократным не является. Кроме того, сделки с взаимозависимым лицом и иными лицами не были сопоставлены по такому критерию, как количество реализованных товаров. Отгрузка товаров иным лицам была во много раз меньше, следовательно, реализация товаров таким контрагентам по относительно большой цене имеет разумное экономическое обоснование. Кстати, ВС РФ и ранее поддерживал эту позицию [6]. Резюмируя сказанному, можно посоветовать налогоплательщикам, что одного лишь отклонения цены в заключенной сделке от рыночного уровня, совершенно недостаточно для вывода о получении ими необоснованной налоговой выгоды В определенных случаях, у налогоплательщика есть большие шансы отстоять свою позицию в суде.

Литература

1. Определение ВС РФ от 14.09.2015 № 306-КГ15-10508.
2. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 04.10.2016 № А03-22792/2015.
3. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2016 по делу № А67-5451/2015.
4. Постановления ФАС Уральского округа от 31.07.2015 по делу №А76-3351/2013, от 28.05.2015 по делу №А76-3222/2013, от 27.05.2015 по делу №А76-3179/2013, от 27.05.2015 по делу № А76-3338/2013.
5. Письма Минфина России от 26.10.2012 № 03-01-18/8-149, от 18.10.2012 № 03-01-18/8-145.
6. Определение ВС РФ от 01.12.2016 № 308-КГ16-10862, Обзор правовых позиций Конституционного суда РФ и Верховного суда за второе полугодие 2016 года.

УДК 338

ББК 65

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10048

© А.А. Яковлев, 2019

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВ ОПТИМИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андрей Алексеевич Яковлев,

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

Научно-исследовательский институт образования и науки (123056, Москва, ул. Большая Грузинская, д. 32, стр. 3)

E-mail: andrew0880@rambler.ru

Рецензент: Н.Д. Эриашвили, доктор экономических наук, профессор

Аннотация. Рассматриваются отдельные направления стратегического взаимодействия России с государствами — членами Европейского Союза. Описываются варианты построения модели российско-европейских отношений в перспективе. Выделяются основные области совпадающих интересов РФ и Европы, в которых продвижение общих режимов наиболее продуктивно. Приводятся некоторые условия формирования общего Европейского экономического пространства. Отдельно характеризуется система Евразийского партнерства, так как многие евразийские проекты в настоящее время переходят в стадию практической реализации.

Ключевые слова: демократичные общеевропейские режимы; сырьевой характер экономики; экономические санкции; политика «селективного вовлечения»; общее Европейское экономическое пространство; зона свободной торговли.

POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS OF PERSPECTIVES OF OPTIMIZATION OF EUROPEAN DIRECTION OF STRATEGY OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrey A. Yakovlev,

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, Senior Research Officer

Scientific-research institute of education and science (123056, Moscow, ul. Bolshaya Gruzinskaya, d. 32, str. 3)

Abstract. Separate directions of strategic collaboration between Russia and the states — members of the European Union are considered. Some variants of construction of the model of Russian-European relations in perspective are described. General spheres of coincided interests of the Russia and Europe (in which advancement of common regimes is very productive) are marked. Some conditions of formation of common European economic area are brought. A system of Euro-Asian partnership (because some Euro-Asian projects nowadays are going into the stage of practical realization) is characterized separately.

Keywords: democratic All-European regimes; raw material character of an economy; economic sanctions; policy of «selective engagement»; common European economic area; free trade zone.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Яковлев А.А. Политико-экономические аспекты перспектив оптимизации европейского направления стратегии развития Российской Федерации. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):239-42.

В течение нескольких лет система взаимоотношений между Российской Федерацией и ее западными партнерами отличается видимой нестабильностью. С одной стороны, была заметна довольно ощутимая активность, особенно в недавнем периоде, относительно перспектив урегулирования сирийского вопроса, существенно увеличилось количество контактов по линии Восток-Запад в аспектах преодоления беспокоящего все мировое сообщество сирийского кризиса. С другой стороны, Европейский Союз так и не пошел на изменение своей общей (принципиальной) позиции относительно нашего государства как такового (за исключением отдельных попыток, систематически предпринимаемых такими странами, как Италия, Венгрия). При этом

и украинский кризис явно обозначил определенный рубеж в отношениях между Россией и Европой в целом. Таким образом, указанные государства фактически подошли к новому этапу российско-европейских отношений, когда оба контрагента обязаны будут «освободиться» от оптимальных прогнозов, характерных для сравнительно недавнего прошлого, отбросить сторонние, второстепенные факторы и начать объективно планировать некие возможности взаимодействия (сотрудничества) в дальнейшем.

Следует попытаться определить, какая новая (или обновленная) модель российско-европейских отношений выходит на первый план вместо предыдущей. К сожалению, ответ на вопрос подобного характера до настоящего момента остается открытым, однако о не-

которых индикаторах складывающейся реальности можно сказать уже сейчас. Итак, целесообразно признать, что контакты между нашим государством и ЕС придется налаживать в условиях сформировавшегося устойчивого взаимного недоверия — как государственных лидеров, так политических элит и обществ в целом. При этом сотрудничество должно быть *de facto* нацелено не на построение новых не поддающихся управлению структур (как, например, довольно утопичная конструкция Большой Европы), а на продвижение сравнительно гибких и относительно демократичных общеевропейских режимов по отдельным направлениям. Следует отделить три оптимальных области совпадающих интересов России и ЕС, в которых дальнейшее развитие указанных общих режимов могло бы стать наиболее продуктивным.

Во-первых, это существенное количество проблем, связанных с вопросами безопасности. В настоящее время как Российская Федерация, так и Запад фактически начали новую «гонку вооружений», причем главной ее ареной становится именно географическая Европа. Так, совсем не трудно, например, было предположить, что после размещения элементов американской ПРО в Польше в Калининградской области должны были бы появиться отечественные ракетные комплексы «Искандер», что, как мы видим, и произошло. И указанный пример далеко не единичен. События сегодня эволюционируют в русле «ракетного» кризиса в Европе, характерного для середины 1980-х гг. Однако в тот период, как минимум, были сформированы стабильные коммуникационные каналы, а также построены довольно грамотно элементы механизмов диалога. В настоящий момент подобного нет, в связи с чем очень многие считают, что сложившаяся ситуация опасней, чем кризис конца XX в. Поэтому изначальной задачей является предотвращение эскалации военной напряженности, переход к диалогу по блоку вопросов безопасности, существенное расширение контактов между силовыми ведомствами в целом, взаимный обмен информацией о концептуальных аспектах в сфере обороны, сравнительная характеристика военных доктрин. В то же время нельзя «отбрасывать» относительно новые угрозы безопасности, в равной степени ощутимые как для сегодняшней России, так и для Европы (включая международную террористическую деятельность,

политический экстремизм, киберпреступность). Адекватным ответом на каждый из перечисленных вызовов следует считать соответствующий международный режим с участием как нашего государства, так и его (западных) партнеров.

Вторая широкая область совпадающих интересов России и Европы — вопросы развития. Причем не только экономического развития, но и социального, культурного, гуманитарного. Современный быстро меняющийся мир предъявляет новые требования всем странам и регионам мира, и угроза оказаться отесненным на обочину глобального развития объективно сближает Восток и Запад нашего общего континента. Конечно, приоритеты социально-экономического развития у России и Европы совпадают далеко не во всем. Странам ЕС угрожает продолжение уже хронической стагнации, новые валютно-финансовые потрясения, неспособность реформировать социальную сферу, технологическое отставание от Северной Америки и Восточной Азии. Для России наиболее явными угрозами являются сохранение сырьевого характера экономики, слабость малого и среднего бизнеса, сохраняющаяся коррупция и общая низкая эффективность государственного управления. Но в рамках этих не во всем совпадающих приоритетов вполне уместно обсуждать общие режимы в конкретных сферах. Например, в содействии снятию барьеров и бюрократических препятствий экономическому сотрудничеству. В стандартизации и объединении транспортно-логистической инфраструктуры на Западе и Востоке Европы. В сохранении и расширении общеевропейского пространства в сфере образования, науки и инноваций. Разумеется, этот список может включать в себя и прекращение «войны санкций» между Европейским союзом и Россией [5, с. 131—132].

Далее, третья по счету сфера общих (непротиворечащих) интересов России и Евросоюза — ложные проблемы глобального управления. Принимая во внимание совокупность разногласий, взаимных претензий и общее (явное) недоверие, объединительным элементом здесь следует считать попытку стремления не допустить дестабилизации мирового политического диалога в целом, усиления антирегулятивных тенденций в международной системе, учитывая, что в Европе территориально расположены три страны, являющиеся постоянными членами

Совета Безопасности ООН, а общеевропейские механизмы безопасности (и сотрудничества) в последние периоды рассматривались в качестве модели (базы) для иных регионов (континентов). В этом направлении в качестве отправной точки можно было бы считать создание определенных международных режимов, охватывающих общее европейское (и евразийское) пространство, распространяющихся впоследствии и на другие сегменты мирового сообщества. Оптимум в управлении миграционными потоками и сбалансированное решение проблемы, связанной с категорией беженцев, целесообразно считать явной сферой приложения взаимных усилий. Также сейчас наиболее остро стоит вопрос начала российско-европейского диалога по целому комплексу довольно принципиальных аспектов действующего международного (публичного) права, к тому же (с точки зрения истории) именно в Европе был заложен фундамент используемой сегодня в мире международно-правовой системы.

В настоящее время эксперты акцентируют свое внимание на проблематике экономических санкций (контрсанкций), наносящих ощутимый ущерб как РФ, так и ее западным партнерам. Конечно же, данная проблема должна быть решена в обозримом будущем, однако санкции, скорее всего, есть не самая существенная угроза, с которой следует считаться в обязательном порядке. Еще страшней появившийся сравнительно недавно и нарастающий антагонизм между РФ и Европой, постепенное усиление устойчивых предельно негативных представлений, корректировка общеевропейского сознания (что все же частично пытаются сгладить определенные действия, как, например, проведение Чемпионата мира по футболу в России, культурное взаимодействие по линии музеев между нашим государством и отдельными странами — участницами ЕС). Но альтернативной формы российско-европейскому сотрудничеству не существует, в связи с чем следует в рамках предполагаемого диалога сформировать действующий на постоянной основе переговорный механизм для рассмотрения всех обозримых векторов в отношениях и выработки системы «дорожных карт» по ключевым для РФ и Евросоюза направлениям (как, например, «дорожная карта» по общему экономическому пространству 2005 г., предполагающая создание условий для устойчивого экономического роста). Сгруппированные в настоящее

время четыре общих «пространства» взаимодействия России и ЕС, по которым были подготовлены соответствующие «дорожные карты», фактически оказались очень обширными (всеобъемлющими). Следовательно, сегодня, вероятнее всего, речь должна идти о выявлении конкретных (неабстрактных) сфер общих (взаимных) интересов, формирования нормативной правовой базы, механизмов двустороннего сотрудничества в определенных областях. Думается, что указанное не входит в противоречие с Глобальной стратегией ЕС (в рамках проводимой «политики селективного вовлечения»). Хотя в обозримом будущем и нет надежды на заключение нового комплексного Соглашения между РФ и ЕС (по аналогии Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.), но отказываться от взаимодействия на более длительную перспективу, конечно же, не следует. Более того, целесообразно максимально подвести европейских партнеров к неизбежности перспективы совместной деятельности в рамках формирующегося в настоящее время Евразийского партнерства (пространства), так как некоторые евразийские проекты уже сегодня подходят к стадии их практической реализации.

Без сомнения, формирование ЕАЭС вносит весьма ощутимые корректировки в вопросы сотрудничества России с Евросоюзом. Так, необходимо налаживание институционального (институционного) взаимодействия между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и Европейской комиссией. По состоянию на данный момент, в ЕС отсутствует консенсус о необходимости многостороннего характера отношений с ЕЭК, хотя и отдельные государства — участники ЕАЭС (как, например, Казахстан) отдают предпочтение развитию прямых (двусторонних) отношений с государствами — членами ЕС. Тем не менее, общее Европейское экономическое пространство (ОЕЭП) есть одна из стратегических перспектив отношений нашего государства с западными партнерами, и в качестве базового звена в построении ОЕЭП (с точки зрения РФ) должна явиться не система гармонизации регулятивных механизмов, а концепция взаимовыгодного обмена ее энергетических ресурсов на продукцию высоких технологий, поставляемую из ЕС.

Нельзя отрицать, что процессы именно евразийской интеграции (и сотрудничества) нарастают потенциал довольно ощутимыми темпами. Это и функционирование Евразийского экономического союза в

целом, и Шанхайская организация сотрудничества, и масштабный проект по созданию Нового шелкового пути. Сегодня довольно актуально говорить о том, что вместо Большой Европы (т.е. от Лиссабона до Владивостока) будет создана Большая Евразия (фактически — от Шанхая до Минска). И несмотря на то, что очертания этой Большой Евразии все еще относительно нечеткие и во многих отношениях расплывчатые, уже сейчас нельзя не ощущать объективность и долговременность характера процессов становления этого нового транснационального экономического (и политического) образования. Евроатлантика и Евразия начинают активно проявлять себя как две новые точки глобального притяжения (в рамках сформированных в мире интеграционных полюсов), а отношения между ними превращаются в главный стержень мировой политики, ориентированной на будущее. При этом именно Москва должна инвестировать существенный политико-экономический капитал в развитие механизмов ЕАЭС, ШОС и иных многосторонних конструкций Большой Евразии.

С учетом описанных перспектив с точки зрения России, целесообразно сказать и о европейской позиции по рассматриваемым направлениям.

В Европейском союзе сегодня также нет определенности относительно целей будущих отношений с Россией. Разброс мнений в странах ЕС крайне широк — от идеи формирования зоны свободной торговли от Лиссабона до Владивостока (не предусмотренной в явной форме в концепции ОЕЭП, но предлагавшейся Россией в развитие идеи ОЕЭП) до крайне скептического отношения к целесообразности взаимозависимости. Тем более — интеграции с Россией. Отказавшись от прежнего формирования отношений стратегического партнерства с Россией, страны Евросоюза пока не сформулировали новую стратегию. Согласованные весной 2016 г. пять принципов политики ЕС в отношении России не позволяют судить, какие совместные цели могут поставить Москва и Брюссель на обозримую перспективу помимо эпизодического сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес... Причины того, что отраслевые диалоги не стали действенным инструментом гармонизации регулятивных систем России и ЕС, очевидно, надо искать... в постепенном ослабевании политического импульса, нацеливавшего их на взаимную конвергенцию. По мере того, как

все больше размывалось и отходило на второй план согласованное в начале 2000-х гг. общее понимание целей и ориентиров формирования ОЕЭП, работа отраслевых диалогов на этом направлении становилась все менее востребованной. Состоявшиеся в 2009 г. последние неофициальные консультации по вопросам формирования общего экономического пространства России и ЕС закончились безрезультатно, и с тех пор этот импульс постепенно утратил свое практическое значение [4, с. 11, 13].

Но, так или иначе, однако любой процесс, фактически направленный на оптимизацию сотрудничества и в долгосрочной перспективе нацеленный на создание нового европейского порядка, невозможен без хотя бы временного урегулирования украинского кризиса и ситуации вокруг него, а также снятия экономических санкций. Только комплексное решение обеих проблем создаст возможность осуществления ряда совместных действий. Ключевой задачей в среднесрочной перспективе должно стать достижение некоего приемлемого уровня относительно сбалансированного взаимодействия в условиях, характерных для *modus vivendi*. Только после этого и можно будет составить более точное представление о том, когда и как все же следует пытаться решать такой стратегический вопрос, как построение принципиально нового европейского порядка.

Литература

1. Внешнеэкономическая политика: Учеб. пособие / Э.П. Бабин, Т.М. Исаченко. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006.
2. Европейское международное право: Учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова, П.В. Саваськов. М.: Междунар. отношения, 2009.
3. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2011.
4. Загорский А.В. Модернизация механизмов сотрудничества России и ЕС. Доклад № 27/2016 [А.В. Загорский, В. Цельнер]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016.
5. Иванов И.С. Европейский вектор внешней политики современной России. М.: НП РСМД, 2017.
6. Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. Учебное пособие. М.: Междунар. отношения, 2003.

УДК 378

ББК 74

DOI 10.24411/2414-3995-2019-10049

© В.Л. Дементьев, Д.А. Платонов, В.Ю. Капитонов, 2019

Научная специальность 13.00.04 — теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры

ВОСПИТАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СИЛОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Владимир Львович Дементьев,

профессор кафедры физической подготовки УНКСП, доктор педагогических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12);

Дмитрий Анатольевич Платонов,

начальник кафедры физической подготовки УНКСП
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12);

Владислав Юрьевич Капитонов,

преподаватель кафедры физической подготовки УНКСП
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)

E-mail: fizpo-mosumvd@yadex.ru

Аннотация. Работа посвящена построению, выявлению средств и методов проведения физической подготовки в образовательных организациях МВД России с акцентом на воспитание у курсантов специальных силовых способностей.

Ключевые слова: моделирование, правоохранительная деятельность, организация, средства, методы, физическая подготовка.

EDUCATION OF SPECIAL POWER ABILITIES OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MIA OF RUSSIA

Vladimir L. Dement'ev,

Professor, Department of Physical Training UNKSP, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Dmitriy A. Platonov,

Head of the Department of Physical Training UNKSP
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Vladislav Yu. Kapitonov,

Lecturer, Department of Physical Training UNKSP
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12);

Abstract. The work is devoted to construction, to identify means and methods of conducting physical training in educational institutions of the MIA of Russia with a focus on educating the students special strength abilities.

Keywords: modeling, law enforcement, organization, tools, methods, physical training.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Дементьев В.Л., Платонов Д.А., Капитонов В.Ю. Воспитание специальных силовых способностей у курсантов образовательных организаций МВД России. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):243-6.

Введение. Основным направлением работы образовательных организаций МВД России является осуществление профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Успешность данной работы во многом зависит от четкого и правильного выделения видов деятельности, которые будут осуществлять выпускники данных образовательных организаций после своего обучения. Это определяется тем, что «виды деятельности определяют предметную направленность обучения как на уровне вуза (учебный план), так и на уровне кафедры специализации (учебная программа), и на-

ходят свое отражение в содержании государственного образовательного стандарта» [4, с. 18].

Согласно Федеральному закону «О полиции» [1], деятельность сотрудников ОВД должна быть направлена на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

В настоящее время деятельность сотрудников ОВД в соответствии с активизацией таких вызовов, как международный терроризм, наркомания, усиление миграционных процессов, социально-экономи-

ческая напряженность в обществе, в полной мере связана с обеспечением сохранения жизни и здоровья граждан, а также с обеспечением собственной безопасности. В этой связи многократно возрастает значимость такого вида профессиональной деятельности как применение физической силы, который должен быть обеспечен определенным уровнем развития специальных физических качеств (в первую очередь силы) [6], уровнем владения боевыми приемами борьбы [9] и сформированной психической готовностью к их применению в условиях правоохранительной деятельности [8].

Цель исследования — определение организации, средств и методов проведения физической подготовки в образовательных организациях МВД России с акцентом на воспитание у курсантов специальных силовых способностей.

Методы исследования — анализ научно-методической литературы, интервьюирование, педагогическое наблюдение за обучением курсантов в Московском университете МВД России.

Результаты исследования. Проведенный анализ специальной литературы позволяет утверждать, что потребность в применении физической силы в профессиональной деятельности сотрудника ОВД возникает из-за наличия определенных противодействующих и сбивающих факторов в обеспечении правопорядка, основным из которых является активное и пассивное сопротивление правонарушителя. Причем наличие высокого уровня развития специальных силовых способностей является обязательным условием эффективного применения боевых приемов борьбы (БПБ) против противоборства правонарушителя. У специалистов [9] не вызывает сомнений тот факт, что успешное освоение БПБ напрямую зависит от организации максимально возможного сопротивления партнера (ассистента) на учебно-тренировочных занятиях. В то же время, проведенное педагогическое наблюдение за овладением БПБ и интервьюирование преподавателей и курсантов Московского университета МВД России показало практически полное отсутствие у респондентов мотивированности к совершенствованию БПБ в условиях, приближенных к полному противоборству с ассистентом (аналогичных соревновательным). Данное положение, на наш взгляд, связано с достаточно большой вероятностью получения травмы и необходимостью обеспечения травмобезопасности курсан-

тов на занятиях по физической подготовке [5]. В этой связи многократно увеличивается роль и значение специальной физической подготовки (СФП).

В спортивных и боевых единоборствах главной целью СФП является обеспечение необходимого уровня силовой и функциональной подготовленности бойца для совершенствования технико-тактического мастерства и максимальной подготовленности к состязаниям. Исходя из этого, основные задачи СФП заключаются: 1) в организации такой тренировочной работы бойца, которая бы позволяла превзойти характерные для состязательной деятельности показатели силовой и функциональной подготовленности; 2) в обеспечении поступательного развития специальной физической подготовленности бойца [2].

Начало проведения СФП, как правило, связывают с освоением будущей профессиональной деятельности, с развитием необходимых силовых способностей и с дальнейшим укреплением здоровья. При осуществлении СФП физическое качество сила чаще всего выступает системообразующим фактором для комплексного развития других физических качеств [7]. На наш взгляд, данное положение полностью соответствует организации и проведению физической подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России.

Таким образом, развитие силовых способностей курсантов в процессе их обучения в образовательных организациях МВД России нужно считать приоритетным направлением в СФП, совмещая их формирование с параллельным и последовательным развитием других физических способностей. Это объясняется тем, что осуществление только силовой подготовки может, например, привести к «огрублению» мышц, уменьшению их гибкости и появлению скованности в движениях, а в последующем повлечь за собой резкое уменьшение взрывной силы, скоростно-силовых и скоростных качеств.

Рассмотрим и выделим основные средства и методы проведения физической подготовки в образовательных организациях МВД России с акцентом на воспитание у курсантов специальных силовых способностей.

В настоящее время ключевым средством при проведении физической подготовки для воспитания и последующего развития специальных силовых способностей у курсантов и сотрудников ОВД яв-

ляются упражнения с отягощениями и с ассистентом. Необходимо отметить, что использование данных упражнений представляет собой регулярную и спланированную программу процедур, выполняя которые, занимающиеся применяют такие вспомогательные средства как: штанга, гантели, самые различные эспандеры и тренажеры, а также собственный вес и вес ассистента.

В случае достаточно хорошей силовой подготовки курсантов, т.е. при правильном отборе абитуриентов, развивать силовые способности возможно следующими двумя основными способами: 1) развивать их без явного увеличения мышечной массы; 2) развивать их с ростом мышечной массы. В первом случае увеличение силовых способностей сопряжено с совершенствованием условно-рефлекторных взаимосвязей и межмышечной координации, а во втором — с интенсификацией обменных процессов в мышцах. Реализация первого способа основана на применении упражнений с отягощениями, близкими к индивидуальному максимуму (90—100%), с небольшим числом (1—3) повторений в одном подходе и значительными промежутками отдыха между подходами. Использование второго способа подразумевает, что применяемые упражнения обязаны активизировать довольно большое, но не максимальное мышечное напряжение (60—70%). Длительность единичного упражнения должна быть настолько малой, чтобы его энергетическое обеспечение осуществлялось за счет анаэробных механизмов, но при этом до такой степени продолжительной, чтобы обменные процессы успевали активизироваться.

В спортивной тренировке борцов используется и третий способ, который базируется на комбинации двух предыдущих. При этом методика силовой подготовки борцов подразумевает осуществление двух стадий. На первой стадии происходит формирование абсолютной (максимальной) силы и мышечной массы на основе использования ключевых упражнений атлетизма и методов максимальных и повторно-серийных усилий, применяя приседания со штангой, жим штанги лежа, становую тягу и т.п. Вторая стадия нацелена на проработку отдельных групп мышц в зависимости от силовой подготовленности, морфологических особенностей и с учетом отстающих или слабо развитых групп мышц. На второй стадии применяются методы непредельных усилий с норми-

рованным количеством повторений, метод динамических усилий, «ударный» метод. Данная методика, по мнению специалистов [3], увеличивает характеристики специальной силовой подготовленности борцов и положительно влияет на эффективность и результативность технико-тактических действий.

В целом высоко оценивая использование вышеприведенных средств и методов специальной силовой подготовки в многолетнем процессе подготовки единоборцев, как впрочем, и курсантов в образовательных организациях МВД России, нельзя не согласиться с Е.М. Чумаковым, что «основным методом совершенствования способности борца рационально использовать силу являются схватки» [10, с. 9]. Другими словами, в изучаемом аспекте наиболее направленным методом развития и совершенствования специальных силовых способностей курсантов и сотрудников ОВД требуется признать метод моделируемых схваток, т.е. определенным образом организованное противоборство с ассистентом в моделируемых характерных ситуациях профессиональной деятельности сотрудника полиции при применении БПБ. В данных схватках (как в одиночку, так и в составе наряда) возможно максимальное приближение к реальному активному противоборству с правонарушителем, а также обеспечение практически полного соответствия преодолению его пассивного сопротивления. В моделируемых схватках и специальных игровых заданиях в полной мере можно использовать определенным образом организованное сопротивление ассистента. При этом выполняемые и осваиваемые в них движения тренируют и воздействуют именно на те мышцы, которые обеспечивают успешность и эффективность применения БПБ против действий правонарушителя. Таким образом, у курсантов образовательных организаций МВД России непосредственно формируются специальные силовые способности и оттачиваются умения и навыки выполнения БПБ на сопротивляющемся ассистенте, осуществляется освоение специальных действий (передвижений, подачи команд и т.п.) в типичных ситуациях профессиональной деятельности сотрудника ОВД.

Заключение. При осуществлении специальной силовой подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России нужно четко понимать, что базовая задача данного процесса заключается в создании условий для целенаправленного развития

у них специфических силовых способностей, необходимых для освоения и эффективного использования двигательных действий, являющихся основой успешного применения физической силы в последующей профессиональной деятельности.

При решении базовой задачи необходимо помнить, что специальная силовая подготовка курсантов должна осуществляться с помощью широкого спектра средств и методов и быть нацелена на развитие целостной структуры силовых способностей (собственно силовых, скоростно-силовых, силовой ловкости и силовой выносливости). Но при этом в зависимости от видов (специфики) профессиональной деятельности тех или иных сотрудников полиции должен реализовываться акцент в развитии силовых способностей.

Специфика тренировок, направленных на развитие специальных силовых способностей, должна заключаться в применении таких силовых упражнений, в которых занимающийся сам должен ощущать и понимать тождественность мышечных напряжений после данных упражнений и после выполнения определенных профессиональных действий (например, фрагмента или части БПБ). Развитие специальных силовых способностей на основе использования таких упражнений предоставляет возможность улучшать технику выполнения профессиональных действий, т.к. при осуществлении упражнений развиваются определенные усилия, которые условно-рефлекторным путем формируют динамический стереотип и позволяют добиться большей результативности в работе мышц при проведении БПБ. Подбор силовых упражнений должен осуществляться с учетом следующих основных положений: 1) выбирать упражнения, близкие по направленности и амплитуде к профессиональным действиям; 2) использовать упражнения, в которых прилагаются наибольшие усилия в критический (нужный) момент для эффективного выполнения профессионального действия (например, расслабляющего удара, рывка, толчка и т.п.); 3) применять упражнения с тождественными профессиональным действиям динамическими параметрами воспроизводимых усилий при их выполнении.

Наиболее специализированным (направленным) методом воспитания специальных силовых способностей у курсантов образовательных организаций МВД России является метод моделирования схваток и ис-

пользования специальных игровых заданий, в которых моделируются характерные ситуации профессиональной деятельности сотрудников ОВД, требующие применения физической силы (в том числе и БПБ).

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»: [Фед. Закон : принят Гос. Думой 28 января 2011 г.]. М.: Проспект, 2011.
2. *Верхошанский Ю.В.* Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю.В. Верхошанский. М.: Физкультура и спорт, 1988.
3. Греко-римская борьба: учеб. для СДЮШОР, спорт. фак. пед. ин-в. техникумов физ. культуры и училищ Олимпийского резерва / под общ. ред. Ю.А. Шулика. Ростов н/Д: «Феникс», 2004.
4. *Дементьев В.Л.* Методология научного исследования в сфере высшего физкультурного образования / В.Л. Дементьев // Вестник учебных заведений физической культуры. 2006. № 2.
5. *Дементьев В.Л.* Травматизм и его профилактика на занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России / В.Л. Дементьев, Д.А. Платонов // Экстремальная деятельность человека. 2014. № 4.
6. Капитонов В.Ю. Выявление режимов работы мышц в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / В.Ю. Капитонов, Е.В. Кукало // Матер. XVI Междунар. науч.-практ. конф.: «Интеграция науки и практики в единоборствах», посвящ. памяти проф. Е.М. Чумакова. М.: РГУФКСМиТ, 2017.
7. Курьсь В.Н. Основы силовой подготовки юношей / В.Н. Курьсь. М.: Советский спорт, 2004.
8. *Платонов Д.А.* Развитие волевых качеств в учебно-воспитательном процессе подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России / Д.А. Платонов, В.Л. Дементьев // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4.
9. *Пужаев В.В.* Содержательные аспекты освоения тактики выполнения боевых приемов борьбы / В.В. Пужаев, Ю.В. Чехранов, В.Л. Дементьев // Матер. Всерос. науч.-практ. конф.: «Боевые искусства и спортивные единоборства: наука, практика, воспитание». М.: РГУФКСМиТ, 2016.
10. *Чумаков Е.М.* Физическая подготовка борца / Е.М. Чумаков. М.: РГАФК, 1996.

УДК 378
ББК 74
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10050

© А.А. Зайцев, 2019

Научная специальность 13.00.04 — теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ КАК КОМПОНЕНТ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Александр Анатольевич Зайцев,
профессор кафедры физической подготовки УНКСП,
профессор Московской государственной академии физической культуры,
доктор биологических наук, кандидат педагогических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: zalex.65@inbox.ru

Аннотация. Проведена оценка применения методов соматодиагностики и кластерного анализа в учебном процессе по физической подготовке курсантов женского пола второго года обучения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Предпринята попытка определить корректность замены одного метода другим. Установлено, что возможность замены кластерного анализа на соматодиагностику является вполне реальной и, в достаточной степени, оправданной при проведении массовых обследований в условиях учебного процесса по физической подготовке курсантов образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова: образовательные организации МВД России, курсанты женского пола, курсанты-женщины, учебный процесс, физическая подготовка, диагностические методы, статистические методы, соматодиагностика, кластерный анализ, кластеры, сома, соматодиагностический подход, схема соматотипирования, уровни варьирования, длина тела, масса тела, тип телосложения, условные единицы, вариант соматического развития, индекс зрелости, итеративный дивизивный метод группировки k-средних, евклидово расстояние, стандартные единицы.

DIAGNOSTIC AND STATISTICAL METHODS AS A COMPONENT OF THE TRAINING PROCESS ON PHYSICAL TRAINING OF COURSES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MIA OF RUSSIA SYSTEM

Alexander A. Zaitsev,
Professor of the Department of Physical Training of the UEPSP,
Professor of the Moscow State Academy of Physical Culture,
Doctor of Biological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The application of somatodiagnostic methods and cluster analysis in the educational process for physical training of female cadets of the second year of training of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikot' was carried out. An attempt was made to determine the correctness of replacing one method with another. It has been established that the possibility of replacing cluster analysis with somatodiagnostics is quite real and, to a sufficient extent, justified in carrying out mass examinations in the conditions of the educational process for physical training of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, female cadets, female cadets, educational process, physical training, diagnostic methods, statistical methods, somatodiagnostics, cluster analysis, clusters, soma, somatodiagnostic approach, somatotyping scheme, levels of variation, body length, mass body, body type, conditional units, somatic development option, maturity index, iterative divisive k-means grouping method, Euclidean distance, standard units.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Зайцев А.А. Диагностические и статистические методы как компонент учебного процесса по физической подготовке курсантов образовательных организаций системы МВД России. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):247-50.

Если возникает потребность определить внутреннюю структуру данных с множеством переменных, для их статистической обработки применяется кластерный анализ. Это метод классификационного анализа, позволяющий идентифицировать группы индивидов и переменные, которые являются наибо-

лее значимыми для достижения результатов в определенной сфере деятельности, например, в спорте, учебном процессе.

Для классификации объектов некоторые специалисты [1; 3; 11], работающие в сфере прикладной статистики использовали кластерный анализ, объединяющий в себе различные процедуры. Результатом такой работы является разделение исходной совокупности объектов на кластеры, т.е. формирование групп или классов схожих между собой объектов.

Распределение объектов по кластерам может осуществляться как с использованием матрицы совокупности корреляций между интересующими параметрами, так и с помощью априорного выделения педагогом набора параметров в качестве равноценных для решения конкретной задачи.

В тех случаях, когда стоит задача анализа реальных объектов, которые фактически всегда являются многомерными, т.е. имеют множество ключевых параметров, кластерный анализ является наиболее подходящим методом как объективный и математически точный. Однако, отрицательной стороной данного метода является необходимость проведения сложных расчетов, которые требуют существенных временных затрат. Именно этот фактор является решающим, чтобы воздержаться от рекомендации его применения в практической работе педагогов и тренеров.

В физическом воспитании [2; 6, с. 4—15; 7, с. 69—74], игровых видах спорта [3; 4; 8—10; 12], начиная с 80-х годов XX века и до настоящего времени, широкое распространение получил соматодиагностический подход, основу которого составляет схема соматодиагностики [6, с. 4—15], позволяющая оценить степень роста организма индивида.

В основе схемы соматической диагностики лежит рассмотрение определенных уровней варьирования (габаритный, компонентный, пропорционный). Габаритное варьирование основано выявлении непрерывного ряда изменений размеров сомы (тела) от нано- до мегалосомии. Определены основные и переходные типы телосложения, оценка которых осуществлялась по номограммам. Единицы измерения — условные (усл. ед.).

Длина и масса тела индивида позволяла оценить габариты его телосложения (габаритный уровень

варьирования). Именно по данному уровню определялись непрерывные изменения, в соответствии с разработанной шкалой (минимальный размер тела — наносомный — максимальный — мегалосомный). Условные единицы определяли тип телосложения: менее 0.200 усл. ед. — наносомный тип, 0.200—0.432 усл. ед. — микросомный тип, 0.433—0.568 усл. ед. — мезосомный тип, 0.569—0.800 усл. ед. — макросомный тип, 0.801—1.000 усл. ед. — мегалосомный тип.

Уменьшение/увеличение значений (условные единицы) было свойственно лицам переходных типов телосложения, которые могли перемещаться в находящиеся рядом соматические типы (пределы треугольника соматотипирования). Величина условных единиц, определяющих «чистые» соматические типы, позволяла лицам, к ним отнесенным по сумме баллов, перемещаться в треугольнике соматотипирования только в пределах конкретного типа телосложения.

Понятие «вариант соматического развития» (ВСР) не является синонимом понятию «биологический возраст». Биологический возраст устанавливает зрелось индивида непосредственно на момент его обследования, тогда как вариант соматического развития характеризует скорость его (индивида) созревания, определяя генетическую программу (ее развертывание) созревания обследуемого. Оценка варианта соматического развития осуществляется через интенсивность роста величин, которые генетически детерминированы. Интенсивность роста позволяет выявить на сколько (в процентном отношении от среднего показателя) изменилась величина показателя, рассматриваемого на определенном «отрезке» онтогенеза. Выделены три варианта соматического развития («укороченный», «обычный», «растянутый»). Метрическая оценка варианта соматического развития (ВСР) возможна при определении «индекса зрелости» (при наличии первого и повторного измерений), по величине которого оценивали вариант соматического развития индивида.

Для того, чтобы определить соотношение методов соматотипирования и кластерного анализа, насколько корректной будет замена одного метода другим, применялся итеративный дивизивный метод группировки k-средних — разновидность кластерного анализа, работающая непосредственно с

объектами, а не с матрицей сходства [1]. В методе k-средних объект относился к тому классу, расстояние до которого минимально. Расстояние при этом понимается как евклидово, когда объекты выступают в качестве точки евклидова пространства. В тех случаях, когда объект описывается двумя параметрами, он изображался точкой на плоскости, а расстояние между объектами — это расстояние между точками, вычисленное по теореме Пифагора. Расстояния по каждой координате возводились в квадрат, затем суммировались и из полученной суммы извлекался квадратный корень.

Стандартизация исходных данных осуществлялась в начале кластеризации, то есть из значений переменной вычиталось среднее арифметическое значение и разность делилась на корень квадратный из дисперсии. Полученные в результате стандартизации переменные имели нулевое среднее и единичную дисперсию.

Алгоритм «работы» метода k-средних:

- исходные данные разбивают на кластеры, с последующим вычислением их центров тяжести (шаг 1);
- точки перемещаются: каждая точка попадает в наиболее близкий (по отношению к ней) кластер (шаг 2);
- посредством вычислительных операций, определяются центры тяжести новых кластеров (шаг 3);
- второй и третий шаги повторяются до нахождения стабильной конфигурации, то есть до изменения кластеров (шаг 4). Полученная конфигурация (итоговая) является искомой.

Решение задач, направленных на применение комплексов упражнений в учебном процессе студенческой молодежи и тренировочном процессе спортсменов, возможно при использовании схемы соматодиагностики и кластерного анализа. Проведена статистическая обработка количественных показателей соматотипирования и кластеризации с их последующим анализом, полученных при массовых измерениях курсантов-женщин второго года обучения, представляющих Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Установлена неравномерность распределения курсантов женского пола по типам телосложения при использовании методики трехуровневой сома-

тодиагностики. Выявлены статистически достоверно значимые различия у представителей крайних соматических типов (микросоматический- макросоматический типы) по длине тела и его массе.

Кластеризация по аналогичным переменным позволила установить статистически достоверные различия между кластерами. Выявленное евклидово расстояние между первым и вторым кластерами составило 1.89 стандартных единиц (ст. ед.), между вторым и третьим кластерами евклидово расстояние было ниже — 1.72 ст. ед. Максимальное евклидово расстояние отмечено между первым и третьим кластерами — 2.81 ст. ед.

Распределение курсантов-женщин по кластерам (учитывая их тип телосложения) не позволяет утверждать о статистически достоверном преимуществе какого-то кластера: 32.86% (первый кластер), 33.29% (второй кластер), 33.85% — (третий кластер), что указывает на неравномерность изменчивости показателей телосложения в период роста и развития организма индивида.

Оценка варианта соматического развития по результатам кластерного анализа показателей длины тела, массы тела, обхвата плеча «верхнего», обхвата бедра «верхнего», длины верхней конечности, длины нижней конечности, длины туловища, обхвата плеча, обхвата таза позволила выявить неравномерность распределения курсантов-женщин второго года обучения. К «укороченному» варианту соматического развития (ВСР «А») относилось 34.4% обучающихся. Несколько меньше принадлежало к «обычному» варианту соматического развития (ВСР «В») и «растянутому» варианту соматического развития (ВСР «С») — 33.1% и 32.5% соответственно.

Неравномерность, не позволяющая выявить признаки закономерности (первый кластер — 33.9%, второй кластер — 38.7%, третий кластер — 27.4%) установлена в ходе распределения курсантов женского пола по кластерам при использовании итеративного дивизивного метода группировки k-средних.

Динамика показателей евклидова расстояния между кластерами по рассматриваемым выше переменным (длина тела, масса тела, обхват плеча «верхнего», обхват бедра «верхнего», длина верхней конечности, длина нижней конечности, длина туловища, обхват плеча, обхват таза) носила не-

равномерный характер. Минимальное евклидово расстояние выявлено между первым и вторым кластерами — 2.74 ст. ед. Несколько выше (3.92 ст. ед.) отмечено евклидово расстояние между вторым и третьим кластерами. Расстояние между первым и третьим кластерами установлено как максимальное — 4.11 ст. ед.

В результате кластеризации определена неравномерность распределения курсантов женского пола второго года обучения по типам телосложения и скорости индивидуального развития. Статистически достоверно значимые различия выявлены как при проведении кластерного анализа так и соматодиагностики.

Сравнение полученных результатов измерений позволило установить, что, в среднем, 56.7% курсантов женского пола формировали сходные группы при соматодиагностике и кластерном анализе, тогда как 64.2% курсантов-женщин образовывали подобные группы как при кластеризации, так и при оценке варианта соматического развития. Возможно, имевшее место сходство было бы выше, если бы при соматотипировании не выделялись переходные типы телосложения — микромезосомный тип, мезомакросомный тип (в среднем, 32.4%) — возникающие вследствие гетерохронности процессов роста и развития организма индивида.

Проведенный анализ позволяет заключить, что возможность замены кластерного анализа на соматодиагностику является вполне реальной и, в достаточной степени, оправданной, так как метод трехуровневого типирования (по сравнению с кластерным анализом) менее трудоемкий и относительно простой в применении, особенно при проведении массовых обследований в условиях учебного процесса по физической подготовке курсантов женского пола образовательных организаций МВД России.

Литература

1. *Боровиков В.П., Боровиков И.П.* STATISTICA — Статистический анализ и обработка данных в среде Windows: учебное пособие. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1998.
2. *Бубненкова О.М.* Нетрадиционный педагогический подход к физическому воспитанию дево-

чек 5—10 лет с ожирением: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2007.

3. *Губернский А.Н.* Дифференцированный подход к подготовке футболистов 7—9 лет различных типов телосложения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013.

4. *Даев В.Е.* Оптимизация спортивного отбора и ориентации футболистов по игровым амплуа на этапе углубленной специализации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Малаховка, 2007.

5. *Дерябин В.Е.* О влиянии межгрупповой неоднородности материала на величину коэффициента корреляции некоторых антропометрических признаков // Вопросы антропологии. М.: МГУ, 1978.

6. *Дорохов Р.Н., Петрухин В.Г.* Методика соматотипирования детей и подростков: сборник научных трудов «Медико-педагогические аспекты подготовки юных спортсменов». Смоленск: СГИФК, 1989.

7. *Дорохов Р.Н.* Ориентиры формирования подхода к совершенствованию физических качеств детей и подростков: сборник научных трудов «Новые методы исследования в физической культуре и детско-юношеском спорте». Смоленск: ИКА, 1999.

8. *Зайцев А.А.* Динамика физической и технической подготовленности юных футболисток 11—12 лет различных соматических типов и вариантов развития: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Московский областной государственный институт физической культуры. Малаховка, 1994.

9. *Зайцев А.А.* Индивидуальное развитие и физическая подготовленность спортивного резерва в женском футболе: учебное пособие для студентов, аспирантов, слушателей / М., 2002.

10. *Зайцев А.А.* Хронопотиморфизм и физическая подготовленность спортсменок в инновационных командно-игровых видах: монография / Смоленск, 2004.

11. *Ким Дж., Мюллер Ч.* Факторный, дискриминантный и кластерный анализ: учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 1989.

12. *Сабитов Р.Х.* Физическое состояние и технико-тактическая подготовленность футболистов учебно-тренировочных групп различного индивидуального развития: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Малаховка, 2010.

УДК 378
ББК 74
DOI 10.24411/2414-3995-2019-10051

© С.С. Жевлакович, 2019

Научная специальность 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПО ПРОГРАММАМ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ,
ВПЕРВЫЕ ПРИНЯТЫХ НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Сергей Степанович Жевлакович,

профессор кафедры педагогики, кандидат социологических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. В дискуссионном порядке проводится критический анализ предлагаемой к внедрению в образовательных организациях МВД России новой модели планирования и реализации профессионального обучения по программам профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональное обучение, профессиональная подготовка, квалификационные требования, квалификация, компетенция, планируемые результаты обучения, структура содержания программы профессиональной подготовки.

**TO THE QUESTION OF THE IMPROVEMENT OF THE PROFESSIONAL
TRAINING PROGRAMS OF PROFESSIONAL TRAINING OF EMPLOYEES,
FIRST ADOPTED ON SERVICE IN BODIES OF INTERNAL AFFAIRS**

Sergey S. Zhevlakovich,

professor of department of pedagogics, candidate of sociological sciences, associate professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The article provides a critical analysis of the proposed for implementation in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia of a new model of planning and implementation of professional training programs for the first time employed in the internal affairs bodies.

Keywords: professional education, professional training, qualification requirements, qualification, competence, planned learning outcomes, structure of the content of the professional training program.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Жевлакович С.С. К вопросу о совершенствовании профессионального обучения по программам профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел. Вестник экономической безопасности. 2019;(1):251-6.

В последнее время обострилась дискуссия о путях совершенствования профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел по программам профессиональной подготовки.

Еще недавно сотрудники, впервые принятые на службу в органы внутренних дел для замещения должностей рядового состава и младшего начальствующего состава, проходили профессиональное обучение на основе унифицированной комплексной программы профессиональной подготовки, исходный вариант которой был разработан в 2013 году автором по поручению ДГСК МВД России. Содержание профессионально-специализированной части программы было ориентировано на многопрофильную комплексную подготовку всех обучающихся с учетом специфики деятельности строевых подраз-

делений полиции (подразделения патрульно-постовой службы, охраны, конвоирования и временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и др.).

Программы профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел для замещения должностей среднего, старшего и высшего начальствующих составов, дифференцировались в зависимости от имеющегося у кандидатов на обучение уровня образования: а) высшее профильное (юридическое) образование; б) среднее профессиональное образование и высшее непрофильное образование. Для каждого уровня коллективом, состоящим из представителей педагогического состава вузов МВД России, под руководством автора в 2013 году по поручению ДГСК

МВД России был разработан комплекс программ профессиональной подготовки. Каждая программа предназначалась для профессионального обучения сотрудников нескольких служб (функциональных подразделений) органов внутренних дел, относительно близких по содержанию профессионально-служебной деятельности.

В целях оптимизации организации профессионального обучения во всех программах, предназначенных для профессионального обучения лиц, замещающих должности среднего, старшего и высшего начальствующих составов, были выделены две части:

- общепрофессиональный цикл — унифицированная для всех категорий обучающихся общеведомственная (общеполцейская) специальная профессиональная подготовка;
- профессионально-специализированный цикл — профильная целевая подготовка в соответствии с замещаемой обучающимися должностью.

Аналогичные циклы составляли структуру также и программы профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел для замещения должностей рядового состава и младшего начальствующего состава.

Однако, практика показала, что кадровым службам территориальных органов внутренних дел сложно, а зачастую и невозможно в установленные нормативные сроки (не позже трех месяцев после поступления на должность стажера) укомплектовать и обеспечить направление на профессиональное обучение такого количества принятых на службу сотрудников, которое достаточно для формирования учебных групп, полноценных, с точки зрения соблюдения нормативов по допустимой численности обучающихся, и дифференцированных по должностям и имеющемуся у сотрудников образованию. Особенно это касается должностных категорий сотрудников, впервые принятых на службу для замещения должностей среднего и старшего начальствующих составов, в силу относительной малочисленности данных категорий.

Данная проблема связана, прежде всего, с неупорядоченностью по срокам процесса поступления граждан на службу. Срок стажировки и индивидуального обучения по месту службы (не более трех месяцев), предшествующие направлению сотрудни-

ка на профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки, у каждого стажера заканчивается в разное время, поскольку и начинаются они у каждого принимаемого на службу в разные сроки. А направить на профессиональное обучение вновь принятых сотрудников можно только в сроки, установленные соответствующими планами-графиками, которые составляются в год, предшествующий году обучения, когда большинство сотрудников еще не поступили в органы внутренних дел даже в качестве стажеров.

В качестве варианта решения данной проблемы предлагается новая модель планирования и реализации профессионального обучения по программам профессиональной подготовки, предусматривающая перевод профессиональной подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, на обучение по максимально унифицированным программам. В то же время предлагаемая модель таких программ вряд ли может быть оценена в качестве приемлемой¹. Рассмотрим факторы, позволяющие сделать такой вывод.

1. Целью реализации рассматриваемой модели программ профессиональной подготовки определяется приобретение обучающимися единой квалификации «Полицейский». Однако эта новация вносит только терминологическую путаницу. Полицейский — это не квалификация, а должность, установленная федеральным законодательством. Эту должность замещают только сотрудники строевых подразделений органов внутренних дел из числа рядового состава. Остальные категории сотрудников, подлежащих профессиональному обучению, замещают иные должности. Кроме того, немалая часть обучающихся вообще не относится к полиции — сотрудники подразделений предварительного следствия, подразделений, отнесенных к внутренней службе.

Единая квалификация предполагает единое, унифицированное содержание обучения. Однако, цель профессионального обучения (профессиональной подготовки) сотрудников органов внутренних дел, установленная федеральным законодатель-

¹ Другой вариант решения данной проблемы ранее был предложен автором: Жевлакович С.С. К вопросу о совершенствовании порядка комплектования вузов МВД России и центров профессиональной подготовки территориальных органов внутренних дел переменным составом. Психология и педагогика служебной деятельности. 2018, № 2. С. 100—105 и др. публикации.

ством, иная — приобретение основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенции, необходимых для выполнения служебных обязанностей, лицами, уже принятыми на должность, но не имеющими необходимой профильной подготовки². Содержание профессионального обучения должно формироваться в соответствии с квалификационными требованиями к конкретным должностным категориям, устанавливаемыми МВД России. А они дифференцированы в зависимости от специфики замещаемой обучающимися должности. Однако анализируемая модель не предусматривает наличия в структуре программы соответствующих дифференцированных квалификационных требований. Вместо них приводится универсальный, усредненный перечень знаний, умений и навыков, не ориентированный на специфику содержания профессионально-служебной деятельности конкретных должностных категорий.

Абсолютное большинство лиц, принимаемых ежегодно на службу в органы внутренних дел, не имеют профильной подготовки, необходимой для выполнения конкретных служебных обязанностей по замещаемой должности. Выпускники образовательных организаций МВД России в 2017 году составили только 15,1% всех принятых в этом году на должности среднего, старшего и высшего начальствующих составов органов внутренних дел, в 2018 году — 16,8%³. Среди лиц, принимаемых ежегодно на службу в органы внутренних дел для замещения должностей рядового состава и младшего начальствующего состава, 100% не имеют профессиональной подготовки, необходимой для выполнения конкретных служебных обязанностей по замещаемой должности.

В связи с этим основное содержание программ профессиональной подготовки не может быть максимально унифицированным и усредненным, ограничиваясь общеведомственной специальной подготовкой. Содержание обучения должно согласовываться с содержанием служебной деятельности обучающихся

ся, готовить их к решению задач профессиональной деятельности по замещаемой должности.

2. В качестве планируемых результатов освоения программы анализируемая модель определяет формирование профессиональной компетенции — способность осуществлять защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, охрану общественного порядка, собственности, обеспечивать общественную безопасность, противодействовать преступности. Однако эта формулировка соответствует общей компетенции органов внутренних дел в целом. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что рассматриваемая модель программ профессиональной подготовки ориентирована на некое универсальное, усредненное содержание обучения, и планируемый результат обучения в целом не ориентирован на специфику профессионально-служебной деятельности обучающегося в соответствии с замещаемой должностью.

В то же время, как уже отмечалось, исходя из цели профессиональной подготовки, установленной Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», планируемые результаты освоения программы не могут ограничиваться общеведомственным компонентом содержания. Они должны, прежде всего, дифференцироваться в соответствии со спецификой профессионально-служебной деятельности обучающихся, связанной с особенностями замещаемых ими должностей. Более соответствующим требованиям федерального законодательства вариантом формулировки планируемых результатов освоения программы представляется следующий: формирование компетенции — способность осуществлять профессионально-служебную деятельность по замещаемой (конкретной) должности.

3. Структура рассматриваемой модели программ профессиональной подготовки предполагает наличие трех циклов: общепрофессионального, профессионального и профессионально-специализированного. Предусматривается, что в примерных программах профессиональной подготовки, утверждаемых ДГСК МВД России, должно определяться содержание только первых двух циклов.

Объем и содержание знаний и умений, которыми в соответствии с анализируемой моделью

² Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подп. б п. 1 ч. 1 ст. 76.

³ Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2018 год: Сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2019 год, с. 13.

профессиональной подготовки должен овладеть обучающийся в результате изучения первых двух циклов, а также перечень и содержание дисциплин, предлагаемых к реализации в рамках этих циклов, в целом копируют основные образовательные программы высшего образования, реализуемые вузами МВД России при подготовке специалистов юридического профиля. Реализовать их в том объеме и на том уровне, который определен в данной модели в программах отдельных дисциплин и в содержании фонда оценочных средств для проведения промежуточных аттестаций, очевидно невозможно, учитывая тот объем учебного времени, который предусмотрен данной моделью — 20 недель.

Содержание общепрофессионального и профессионального циклов — универсальное для всех категорий сотрудников, замещающих должности не только среднего, старшего и высшего начальствующих составов, но и рядового и младшего начальствующего составов. Очевидно, что оно в значительной степени избыточно для уровня рядового и младшего начальствующего составов и не востребовано в практической деятельности обучающихся. Кроме того, представляется абсолютно недопустимым унифицировать юридическую подготовку сотрудников, замещающих должности рядового состава и младшего начальствующего состава подразделений патрульно-постовой службы, охранно-конвойных подразделений, подразделений, не связанных с охраной общественного порядка, с одной стороны, и юридическую подготовку подразделений оперативно-разыскной деятельности, а тем более подразделений предварительного следствия и дознания, с другой стороны, как это предлагается разработчиками анализируемой модели. В то же время, непонятно, о каких сотрудниках, замещающих должности рядового состава и младшего начальствующего состава подразделений предварительного следствия и дознания, в данной модели идет речь.

Перечень и содержание дисциплин общепрофессионального и профессионального циклов, как уже отмечалось, ориентированы на структуру образовательных программ высшего образования и не соответствуют уровню профессионального обучения. А между тем, на реализацию этих двух циклов рассматриваемой моделью отводится 79% учебного времени. Очевидно, что это неоправданно и нерационально за-

вышенный объем, не оставляющий достаточного времени на реализацию профессионально-специализированного цикла и, следовательно, на подготовку обучающихся к выполнению служебных обязанностей с учетом специфики замещаемых ими должностей.

В то же время, избыточное содержание, определенное для дисциплин общепрофессионального и профессионального циклов и повторяющееся содержание аналогичных дисциплин в объеме образовательных программ высшего образования, при том учебном времени, которое выделяется на их изучение, можно преподавать только в виде поверхностного обзора на уровне ознакомления («галопом по европам»). Таким образом, большая часть учебного времени, предусмотренного рассматриваемой моделью программы профессиональной подготовки, будет использоваться нерационально и неэффективно, в ущерб качеству подготовки обучающихся к выполнению конкретных служебных обязанностей по должности.

Кроме того, такой подход не ориентирует преподавателей вузов (сотрудники около 60% территориальных органов проходят профессиональную подготовку в вузах⁴) профилировать содержание занятий и используемые педагогические технологии с учетом специфики уровня профессиональной подготовки и содержания служебной деятельности различных категорий обучающихся.

4. Перечень навыков, установленный анализируемой моделью программ профессиональной подготовки, ограничен только навыками применения боевых приемов борьбы и выполнения упражнений по огневой подготовке, а также навыками дикторской речи и базовой жестовой речи. О навыках, необходимых для выполнения задач профессиональной деятельности по замещаемой должности, в предлагаемой модели не упоминается.

Однако, обучение в рамках физической подготовки не должно ограничиваться формированием умений применения боевых приемов борьбы. Это не самоцель, поскольку осуществляется подготовка не спортсменов, а сотрудников правоохранительных органов. На завершающем этапе обучения должна решаться задача формирования навыков професси-

⁴ Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2018 год: Сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2019 год, с. 62.

ональной деятельности, в данном случае: формирование навыков применения физической силы в целях силового пресечения правонарушений, задержания и сопровождения правонарушителей. Аналогично, на завершающем этапе обучения по огневой подготовке должна решаться задача формирования навыков применения табельного оружия, а не умений выполнения упражнений по огневой подготовке, которые должны быть сформированы на предшествующем этапе обучения.

Опыт осуществления подготовки сотрудников органов внутренних дел позволяет обоснованно сомневаться в реальной возможности успешного формирования навыков дактильной речи и базовой жестовой речи. С учетом ограниченного объема времени, отводимого на профессиональную подготовку в целом, объем учебного времени, выделяемый на реализацию этого частного компонента профессиональной подготовки, абсолютно недостаточен, и это время будет потрачено впустую. Представляется, что реально сформировать в этой специфической сфере даже не навыки, а умения, да и то на элементарном уровне, возможно только в рамках целевых курсов.

5. Перечень дисциплин общепрофессионального и профессионального циклов анализируемой модели программ профессиональной подготовки и их содержание практически копируют образовательные программы высшего юридического образования. Однако это несопоставимые уровни.

Профессиональное обучение не предусматривает изменения уровня образования, поэтому содержание дисциплин профессиональной подготовки разрабатывается на иных принципах. Учитывая минимальные ресурсы учебного времени, содержание дисциплин профессиональной подготовки должно быть максимально утилитарным, ориентированным сугубо на специфику содержания профессионально-служебной деятельности обучающегося. Например, вместо большинства дисциплин общепрофессионального цикла рассматриваемой модели профессиональной подготовки, ориентированных на изучение отдельных отраслей права, для сотрудников, замещающих должности рядового и младшего начальствующего составов строевых подразделений органов внутренних дел, вполне достаточна одна комплексная дисциплина — Основы правовой подготовки.

Для уровня профессиональной подготовки необходимо изучение, прежде всего, Федерального закона «О полиции» и Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», знание которых составляет основу нормативной правовой подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел.

Не предназначена профессиональная подготовка и для получения сотрудниками, замещающими должности среднего, старшего и высшего начальствующих составов органов внутренних дел, юридического образования. Поэтому для них приоритетно изучение не всего комплекса основных отраслей права, как это предусматривает анализируемая модель профессиональной подготовки, а только основ тех отраслей, которые составляют предметную область профессионально-служебной деятельности подразделений, в которых обучающиеся замещают должности.

Объем и уровень правовой подготовки, необходимой для успешной профессионально-служебной деятельности различных категорий сотрудников органов внутренних дел, существенно отличаются, равно как и объем, и уровень подготовки в области криминалистики. Поэтому эти дисциплины нецелесообразно включать в общепрофессиональный цикл, их место в профессионально-специализированном цикле.

6. Нельзя согласиться и с принципом распределения бюджета учебного времени, который предлагается анализируемой моделью профессиональной подготовки:

- 79% времени аудиторных занятий — на изучение общепрофессионального и профессионального циклов, содержание которых унифицировано и не ориентировано на конкретные служебные обязанности обучающихся по должности, при этом значительная часть его для большинства категорий — избыточное. В то же время, как уже отмечалось, перечень и содержание дисциплин этих циклов копируют, в значительной степени, основную образовательную программу высшего юридического образования, реализуемую в течение нескольких лет. Поэтому 4/5-ых бюджета таких программ профессиональной подготовки будет использовано впустую, не по

назначению и без каких-либо ощутимых результатов в части подготовки обучающихся к профессионально-служебной деятельности по замещаемой должности;

- только 21% — на профессионально-специализированный цикл, обеспечивающий реализацию главной функции профессиональной подготовки — целевую профильную подготовку к выполнению должностных обязанностей. Очевидно, что подобный объем учебного времени не позволяет сформировать у обучающихся не только навыки выполнения служебных обязанностей, но и даже элементарные умения. Особенно это касается профессиональной подготовки сотрудников, замещающих должности среднего, старшего и высшего начальствующих составов основных служб органов внутренних дел.

Как уже отмечалось, федеральное законодательство определяет функцию профессионального обучения — не повышение уровня образования, а подготовка к выполнению должностных обязанностей.

7. Профессионально-специализированный цикл в предлагаемой модели программ профессиональной подготовки ограничивается только одной вариативной дисциплиной «Актуальные вопросы деятельности ... (профильного подразделения)». Такое название уместно не для профессионального обучения, а для повышения квалификации. В соответствии с анализируемой моделью профессионального обучения примерная программа, утверждаемая ДГСК МВД России, не должна определять содержание данных дисциплин. Эта функция возлагается на образовательные организации. Содержание профессионально-специализированного цикла вузы и центры профессиональной подготовки должны разрабатывать самостоятельно, исходя из региональных особенностей и складывающейся оперативной обстановки.

Такой подход к определению содержания деятельности сотрудников органов внутренних дел по должности недопустим, учитывая централизованную структуру МВД России. Эта функция относится не к региональной, а к ведомственной компетенции. Содержание деятельности сотрудников конкретных подразделений органов внутренних дел (функции, задачи, полномочия, права, обязанности и т.д.) унифицировано, и должно определяться соответствующими ведомственными квалификацион-

ными требованиями, которые, как уже отмечалось, также отсутствуют в данной модели. Эту функцию нельзя передавать на откуп образовательным организациям и территориальным органам внутренних дел, разрушая единое образовательное пространство.

8. Примерный календарный график, предлагаемый рассматриваемой моделью, не учитывает логики изучения содержания программы профессиональной подготовки и прохождения дисциплин. Дисциплины специализации не могут и не должны изучаться с первого дня обучения, пока не изучены базовые дисциплины общепрофессионального цикла.

9. Рекомендованная предлагаемой моделью литература, за редким исключением, предназначена для обучающихся по образовательным программам высшего образования и не может реально использоваться в системе профессионального обучения.

10. Реализация предлагаемой модели профессиональной подготовки для профессионального обучения курсантов ведомственных вузов в рамках 1 и 2 курсов обучения невозможна без неприемлемого разрушения структуры образовательной программы высшего образования и требуемой логики прохождения учебных дисциплин. Для реализации данной модели потребуются сконцентрировать практически всю юридическую и специальную профессиональную подготовку в рамках первых двух курсов и реализовывать все дисциплины параллельно, что ведет к катастрофическому падению качества обучения и при прохождении образовательными организациями аккредитации образовательных программ будет признано недопустимым.

Таким образом, предлагаемая модель планирования и реализации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, впервые принятых на службу, во всех ее структурных компонентах не соответствует требованиям Федерального закона «О полиции» и Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» к организации и содержанию профессионального обучения по программам профессиональной подготовки и не обеспечивает реализацию главной функции, установленной для программ такого рода — подготовка сотрудников к выполнению профессионально-служебных обязанностей по должности.